

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

БОГОЯВЛЕНСКАЯ Юлия Валерьевна

**ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО
КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ
ВО ФРАНЦУЗСКИХ И РУССКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А. П. ЧУДИНОВ

Екатеринбург
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИИ, НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	21
1.1. Парцелляция как объект научного исследования в зарубежной и отечественной лингвистике.....	21
1.1.1. Этапы и направления исследования парцелляции в зарубежной лингвистике.....	23
1.1.2. Этапы и направления исследования парцелляции в отечественной лингвистике.....	51
1.1.2.1. Исторический обзор исследований парцелляции.....	54
1.1.2.2. Дефиниции парцелляции. Круг смежных явлений. Критерии идентификации.....	61
1.2. Проблемные области теории парцелляции и методологии ее исследования на современном этапе развития лингвистики.....	79
Выводы по главе 1.....	87
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ.....	92
2.1. Лингвокогнитология и лингвосемиотика: точки пересечения. Когнитивно-семиотические подходы к изучению языковых единиц. Теории аттенциальности: распределение внимания как когнитивная проблема.....	92
2.2. Исходный понятийно-терминологический инструментарий когнитивно-семиотического исследования парцелляции.....	106
Выводы по главе 2.....	144
ГЛАВА 3. КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ.....	146
3.1. Корпусная лингвистика как направление современной лингвистики и ее понятийно-терминологический инструментарий.....	148
3.2. Проблемы использования современных корпусов в сопоставительных исследованиях.....	161
3.3. Сопоставительный объектно-ориентированный корпус в исследовании парцелляции.....	165
3.4. Концепция корпуса. Проблемы репрезентативности, сбалансированности, сопоставимости и обозримости корпусов и их решение. Методика верификации достоверности полученных при индексировании корпуса результатов.....	167
3.5. Методика сопоставительно-параметрического анализа с использованием программы Linguistica.....	181
Выводы по главе 3.....	184
ГЛАВА 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ.....	187
4.1. Когнитивно-семиотическая природа парцеллятного знака.....	187
4.1.1. Когнитивно-семиотическая трактовка парцеллятного знака.....	187
4.1.2. Парцеллятная «упаковка»: помехоустойчивость при передаче сообщения, его восприятию и интерпретации.....	197
4.1.3. Парцеллографема и парцеллятная сетка.....	206
4.1.3.1. Единая парцеллятная сетка (ЕПС).....	207

4.1.3.2. Комбинированная парцеллятная сетка (КПС).....	214
4.2. Синтактика и семантика: сопоставительно-параметрический анализ парцеллем.....	226
4.2.1. Конструктивные свойства парцеллемы во французском и русском языках.....	227
4.2.1.1. Локализация парцеллята по отношению к основе: ретроспективные и проспективные парцелляты.....	229
4.2.1.2. Типы парцеллятов по протяженности.....	235
4.2.1.3. Типы парцеллятов по степени удаленности.....	240
4.2.1.4. Количественный признак при определении типа парцеллемы.....	245
4.2.1.5. Семантика парцеллятных отношений.....	249
4.2.2. Модели парцеллем.....	271
4.2.2.1. Принципы парцелляции: линейный, параллельный и комбинированный.....	271
4.2.2.2. Инвариантная модель.....	275
4.2.2.3. Модели однопарцеллятных конструкций.....	277
4.2.2.4. Модели парцеллем с двумя парцеллятами.....	279
4.2.2.5. Модели полипарцеллятных конструкций.....	282
Выводы по главе 4.....	294
ГЛАВА 5. ДИСКУРСИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	304
5.1. Парцелляция в сильных позициях текста.....	308
5.1.1. Заголовочная парцелляция.....	309
5.1.2. Парцелляция в лиде.....	317
5.1.3. Позиция в концовке статьи.....	321
5.2. Интротекстовые позиции парцеллемы.....	325
5.3. Парцеллятная конвергентная зона.....	333
5.3.1. Конвергентный потенциал парцелляции.....	334
5.3.2. Конвергенция парцелляция и метафоры.....	346
5.3.3. Конвергенция парцелляции и фигур интертекста.....	351
Выводы по главе 5.....	357
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	363
ЛИТЕРАТУРА.....	375
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение 1. Реферат и описание программы Linguistica.....	472
Приложение 2. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ.....	488
Приложение 3. Результаты статистического обсчета французского корпуса.....	489
Приложение 4. Результаты статистического обсчета русского корпуса.....	493
Приложение 5. Статья «Большая Родина-матери. Женщина, чей образ знает вся страна, доживает свой век в одиночестве».....	497
Приложение 6. Статья «Курс рубля - в Марианскую впадину. Что дальше?».....	500

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному когнитивно-семиотическому корпусному исследованию парцелляции.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами.

Современной лингвистикой накоплен значительный объем знаний о парцелляции, но ее рассмотрение и интерпретация осуществляется преимущественно через призму традиционной лингвистики. Систематизация научного опыта позволяет выделить основные подходы к ее исследованию: *синтаксический* (Ю.В. Ванников, Е.А. Иванчикова, А.П. Сквородников, Н.С. Валгина, В.Г. Гак, Б.Ю. Норман, Г.Н. Акимова, О.В. Александрова, А.А. Добрычева, В. Combettes, A. Gautier, A. Kuymcuyan, V. Bosredon, I. Tamba-Mecz, V. Delorme, F. Lefeuvre), *риторико-стилистический* (А.П. Сквородников, Г.А. Копнина, Т.Г. Хазагеров, M. Noailly, E. Navu, C. Emmott, D. Boliger, C. Frett), *прагматический* (Л.С. Суровенкова, Н.К. Молощ, З.Я. Омаева, А.З. Хаймурзина, Н.Л. Шубина, V. Combettes, F. Sicurel). Фрагментарно описаны особенности и дискурсивные функции парцелляции (Н.Н. Гурьева, А.Э. Цумарев, E. Navu, A. Kuymcuyan), ее восприятие (Р.О. Зелепукин, V. Bosredon, I. Tamba-Mecz), когнитивные особенности (M. Fayol, A. Sanford) и диахроническая динамика (Е.В. Литвиненко, V. Combettes). Показательно, что при исследовании парцелляции специалисты обращались, как правило, к материалам художественного дискурса, тогда как более естественной сферой бытования парцелляции, на наш взгляд, является массмедийный дискурс, представляющий собой такую сферу человеческой деятельности, в которой язык в наибольшей степени реализует свои потенции функционирующей целостности и в которой он может быть наиболее результативно изучен именно в таком качестве.

Несмотря на устойчивый интерес, который удерживается в зарубежной и отечественной лингвистике более 70 лет, многие вопросы, связанные с

сущностью парцелляции, ее природой, механизмами построения и функционирования в дискурсе, ее национальными особенностями еще не получили должного освещения.

Актуальность создания новой концепции парцелляции детерминирована тремя факторами. Первый из них – это становление когнитивно-дискурсивной парадигмы, предлагающей качественно новое понимание объекта лингвистики: «Лингвистика как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый ею объект - язык - но не только «в самом себе и для себя», а для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором он обитает. Это и создает предпосылки для изучения языка по его роли и для познания (когнитивное направление в исследовании языка), и для коммуникации и осуществления речевой деятельности и для обеспечения нормальной жизнедеятельности всего общества в целом» [Кубрякова 1995: 224-225]. Предлагаемый когнитивно-семиотический ракурс исследования относится к актуальным направлениям когнитивно-дискурсивной парадигмы, позволяет исследовать проблемы парцелляции с опорой на данные экспериментальной и когнитивной психологии.

Второй важный фактор, определяющий актуальность новой концепции, – развитие компьютерных технологий и корпусной лингвистики, которые позволяют многократно увеличить объем эмпирического материала, качество и скорость его обработки, а также обеспечить достоверность получаемых количественных результатов, представляющих основу для последующих интерпретаций и выявления качественных характеристик изучаемых объектов. Компьютерные технологии и корпусная методология позволяют извлекать исследуемые объекты из естественной среды без потери доступа к контексту, что дает возможность всестороннего и объективного их изучения.

Третий фактор, определяющий актуальность исследования, – это необходимость дифференциации, с одной стороны, закономерностей парцелляции, проявляющихся в различных языках, а с другой – национальных особенностей парцелляции, характерных преимущественно

для отдельных языков. Показательно, что абсолютное большинство исследований парцелляции выполнено на материале какого-то одного языка. Вопрос о межъязыковых соответствиях и национальных особенностях в сфере парцелляции до настоящего времени не был предметом специального монографического исследования и лишь частично затрагивался в отдельных публикациях (Э.А. Зоидзе, О.П. Каркошко, Ю.В. Богоявленская).

Объектом настоящего исследования являются конструктивные, семантические и когнитивно-дискурсивные свойства парцелляции в современных французских и российских газетных текстах.

Предметом исследования – общие закономерности и национальные особенности парцелляции как когнитивно-семиотического феномена и средства для регулирования распределения аттенциального фокуса в современных французских и российских печатных СМИ.

Гипотеза исследования. Выявление сущности парцелляции возможно при ее рассмотрении как когнитивно-семиотического феномена. Парцелляция воплощается в парцеллеме - языковом сентенциональном знаке, используемом для конструирования субъектом образа референтной ситуации; знаке, который субъект считает оптимальным с позиции способности к передаче салиентности тех или иных аспектов объекта / ситуации. Данный способ конструирования предполагает осмысленное и контролируемое субъектом смещение аттенциального фокуса на информацию, размещенную в одном из конститuentов парцеллемы – парцелляте. Материальное воплощение парцеллемы конструируется с помощью парцеллографемы, невербального графического знака, создающего специфический графический «рельеф» и регулирующего локализацию аттенциального фокуса. Парцеллятное конструирование сообщения обусловлено субъективными, социальными, прагматическими факторами и спецификой языка.

Целью настоящей диссертации является выявление сходств, различий и специфики конструктивного устройства, семантических и когнитивно-

дискурсивных свойств парцелляции на материале французско-русского сопоставительного объектно-ориентированного корпуса.

Сформулированная цель диктует постановку и решение следующих **задач**:

- выявить и описать основные этапы и направления развития теории парцелляции в зарубежной и российской лингвистике, выделить актуальные и не решенные на современном этапе развития науки проблемы теории парцелляции;

- разработать методологическую базу исследования парцелляции, опирающуюся на интеграцию трех подходов: когнитивно-дискурсивного, корпусного и сопоставительного;

- систематизировать и при необходимости уточнить понятийно-терминологический аппарат исследования;

- теоретически обосновать когнитивно-семиотическую концепцию парцелляции;

- разработать концепцию сопоставительного объектно-ориентированного корпусного исследования;

- сформировать сопоставительный французско-русский корпус для эмпирической верификации разработанной концепции;

- разработать и апробировать методику верификации достоверности полученных при индексации корпуса результатов;

- инвентаризировать разновидности французских и русских парцеллем, разработать их типологию и выполнить экстра- и лингвистическое индексирование корпуса при помощи специально разработанной компьютерной программы Linguistica по параметрам, позволяющим «измерить» и сопоставить синтактику, семантику, прагматику парцеллем, выявляя их значимые сходства, различия и специфику.

Материалом для исследования послужил корпус французских и русских статей из наиболее популярных газет, относящихся к уважаемой и массовой прессе: Le Monde, La Tribune, Le Figaro,

L'Humanité, Libération за 1996-2015 гг., Российская газета, Аргументы и факты, Коммерсантъ, Московский комсомолец за период 1992-2015 гг. Французский корпус (275 882 словоупотребления) включает 296 текстов, содержащих 1114 парцеллем. Русский корпус (217 557 словоупотреблений) включает 335 текстов, содержащих 1455 парцеллем.

Методологической основой исследования является интеграция когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и корпусного подходов в языкознании. Методология исследования сложилась под влиянием *теорий парцелляции в романистике, германистике и русистике* (Ю.В. Ванников, А.П. Сквородников, Е.А. Иванчикова, Б.Ю. Норман, В.Г. Гак, Е.Г. Сидорова, Н.С. Валгина, Г.Я. Солганик, Е.А. Реферовская, Е.А. Вильчицкая, Е.В. Литвиненко, Л.С. Суровенкова, Р.О. Зелепукин, А.Э. Цумарев, Ж.А. Винтман, А.З. Хаймурзина, М.О. Ступкина, Б. Турсунов, Л.А. Рачковская, А.А. Добрычева, Я.Н. Пинегина, М. Cohen, G. Dubois, A. Dauzat, V. Combettes, A. Kuyumcuyan, M. Noailly, A. Gautier, V. Bosredon, I. Tamba-Mecz, E. Navu, F. Lefeuvre, C. Emmott, A.J. Sanford, C.G. Frett, H.C. Lodge, P. Roberts и т.д.). Представленная работа опирается на положения таких отраслей языкознания как *лингвокогнитология* (О.К. Ирисханова, Н.Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А.В. Кравченко, А. А. Кибрик, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, Т.А. van Dijk, L. Talmy, R. Langacker, B. Warwick, и др.), *лингвосемиотика* (А.А. Худяков, Н.Б. Мечковская, В.Т. Садченко, Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, N. Catach, S. Tournier, S. Rétyillon-Boucheron, I. Fonagy и др.), *сопоставительная лингвистика* (В.Г. Гак, В.Д. Аракин, В.Н. Ярцева, А. Гудавичюс, Г.М. Алимжанова, З.Д. Попова, В. Скаличка, Э. Косериу, В. Матезиус, К. Джеймс, У.К. Юсупов, И.Н. Кузнецова, А.П. Евдошенко и др.). Значительную роль играют исследования в области *аттенциальности в когнитивной психологии и лингвистике* (О.К. Ирисханова, Р.Л. Солсо, Ю. Щербатых, L. Talmy, R. Langacker, B. Warwick, R.E. MacLaury, G. Taylor, P. Lemaire, A. Triesman, M.W. Matlin, O. Houdé, G. Fauconnier) и работы, выполненные в

русле *когнитивно-семиотического (семиологического) подхода* (А.С. Самигуллина, А.А. Худяков, С.Н. Сыроваткин, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, И.В. Рогозина). Важное место в данной методологической системе занимают достижения отечественной и зарубежной *корпусной лингвистики* (А. Н. Баранов, В.А. Плунгян, А.А. Кибрик, В.В. Рыков, В.И. Беликов, Р.Г. Пиотровский, А. Kilgariff, В. Cartoni, L. Deléger, В. Habert, L. Goeuriot, G. Leech, J. Sinclair и др.).

В процессе работы использовались следующие **методы**: сопоставительный, семиотический, корпусный, таксономический методы, метод интроспекции, когнитивно-дискурсивного, стилистического и контекстуального анализа, лингвистического эксперимента. Также в работе использовались разработанные нами методика верификации достоверности полученных при индексации корпуса данных и методика сопоставительно-параметрического анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в *обосновании* интеграции когнитивно-дискурсивного, корпусного и сопоставительного подходов. В работе *систематизирован, уточнен и дополнен* понятийно-терминологический аппарат сопоставительного корпусного изучения парцелляции; *предложена* новая трактовка понятий «парцелляция» и «парцеллят»; в метаязык исследования *введены* понятия «парцеллема», «парцеллографема», «парцеллятная сетка», «парцеллятный знак», «парцеллятная конвергентная зона», «(сопоставительный) объектно-ориентированный корпус» и т.д.

Для решения поставленных задач *разработана* концепция и *создан* сопоставительный объектно-ориентированный корпус, *выделены* критерии его формирования, в том числе сопоставительный и критерий обозримости текста, не предъявляемый ранее к созданию корпусов. Теоретически *обоснована, разработана, тестирована и зарегистрирована* компьютерная программа Linguistica (свидетельство о государственной регистрации №2014660349 в Роспатенте от 06.10.2014). Применение указанной

компьютерной программы позволяет *создавать* лингвистические корпуса, *индексировать* их по выстроенным исследователем параметрическим деревьям, *получать* статистические отчеты и конкордансы, а также *устанавливать* статистически достоверные корреляции между экстра- и лингвистическими особенностями текстов и объектов, использовать эвристические приемы, способные привести к обнаружению тех или иных зависимостей, свойств объекта и т.д., сокращая при этом до минимума темпоральные затраты исследователя.

С целью оценки репрезентативности корпуса и, следовательно, достоверности полученных данных *разработана* и *апробирована* методика верификации достоверности результатов, позволяющая отслеживать текущие статистические изменения в сопоставительном исследовательском корпусе и являющаяся средством, позволяющим регулировать объем эмпирического материала. *Разработана* методика сопоставительно-параметрического анализа, представляющая собой алгоритмизированное выполнение следующих этапов: эвристического, технического, аналитического, коррекционного, интерпретационного.

Теоретико-методологические результаты настоящего исследования могут быть экстраполированы на изучение парцелляции в других дискурсах и языках, а также востребованы в сопоставительно-корпусных исследованиях любых других лингвистических объектов.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования его материалов в преподавании курсов по сопоставительному и типологическому языкознанию, общему языкознанию, когнитивной лингвистике, лингвосомиотике, анализу дискурса, медиалингвистике, стилистике, а также в практике преподавания французского и русского языков, интерпретации текста. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке учебных и методических пособий для студентов и аспирантов филологических специальностей.

Разработанная компьютерная программа может применяться для сопоставительных исследований других лингвистических объектов, а также оказаться полезной в решении прикладных проблем: при проведении лингвокриминологических экспертиз, установлении авторства текста и т.д. Предложенная методика верификации достоверности результатов может быть применима к любому индексированному корпусу.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

1. В диссертации впервые *выделены* ведущие научные направления и исследовательские подходы, формирующие современную теорию парцелляции в отечественной и зарубежной лингвистике.

2. В диссертации применен *многоаспектный подход*, соответствующий формирующемуся в настоящее время конструктивному направлению, стремящемуся к синтезу и интеграции парадигм научного знания; разработанная концепция парцелляции представляет собой интеграцию лингвокогнитивного, лингвосемиотического, сопоставительного, корпусного подходов и опирается на результаты экспериментальной и когнитивной психологии.

3. В диссертации парцелляция впервые *рассматривается* как когнитивно-семиотический феномен; одно из оптимальных средств регулирования аттенциального фокусирования на салиентных аспектах описываемой сцены.

4. В работе *предлагаются* критерии идентификации парцеллемы: графический, синтаксический и контекстуальный, позволяющие выявлять исследуемые единицы в дискурсе и отличать их от смежных явлений.

5. Впервые *определен* статус финальной синграфемы, используемой для операции парцелляции – парцеллографемы, рассматриваемой как экзогенный фактор (внешний стимул), управляющий распределением внимания реципиента посредством смещения аттенциального фокуса на парцеллят.

6. Разработанная типология парцеллянтной сетки (ПС), позволила *выделить* два типа, свойственных французским и русским парцеллемам:

единая ПС, характеризующаяся бесконфликтным использованием парцеллографем и финальных синграфем, и комбинированная ПС, включающей разные знаки.

7. В диссертации *исследовано* конструктивное устройство парцеллемы и произведена инвентаризация типов парцеллятов по их локализации, удаленности от основы, протяженности, семантики парцеллятных отношений; выявлена инвариантная модель парцеллемы и ее варианты, свойственные французскому и русскому газетному дискурсу.

8. Исследование парцелляции на уровне дискурса дало основание для *выделения* парцеллем различной локализации: в заголовке, лиде, концовке и т.д., а также интротекстовых парцеллем: начальнoабзацных, внутриабзацных, финальноабзацных, межабзацных, полноабзацных и т.д.; *определена* их функциональная нагрузка. *Установлено*, что указанные типы обладают определенными структурными, семантическими, прагматическими особенностями; на них распространяется ряд социодискурсивных и иных ограничений, диктуемых спецификой национальных грамматической и пунктуационных систем.

9. Применение компьютерной программы и индексирование выделенных параметров в корпусе позволило *выявить* значимые сходства и различия конструктивных, семантических и когнитивно-дискурсивных свойств французских и русских парцеллем по всем выделенным параметрам, а также *установить* их национальную специфику.

Обоснованность и достоверность результатов проведенного диссертационного исследования обеспечиваются репрезентативностью эмпирического текстового материала, опорой на достижения экспериментальной и когнитивной психологии, а также последовательной методологической организацией исследования, его ориентацией на количественные и экспериментальные методы, применением современных методов и методик анализа, привлечением новейших компьютерных технологий.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разработанная когнитивно-семиотическая концепция парцелляции сформирована на пересечении двух научных направлений: когнитивной лингвистики и лингвосомиотики. Сопоставительный аспект исследования способствует выявлению природы парцелляции и тех ее свойств, которые были бы «затемнены» при ее исследовании в рамках одного языка. Применение методов корпусной лингвистики позволяет эмпирически верифицировать разработанную концепцию. Гармоничная интеграция методов и эвристик данных направлений позволяют развить тезис о совместимости и эффективном альянсе когнитивно-дискурсивного, сопоставительного и корпусного подходов в языкознании, обеспечивающих получение принципиально новых результатов.

2. Парцелляция трактуется двояко: 1) как результат когнитивно-семиотической деятельности, свидетельствующий о том, как продуцент речи конструирует в сознании и, соответственно, в языке описываемую сцену, какие ее составляющие и свойства являются для него салиентными и какой он хочет представить эту сцену адресату; это осознанный и контролируемый продуцентом отбор и размещение в аттенциальном фокусе какого-либо свойства объекта / ситуации, представляющегося продуценту значимым, важным *hic et nunc*; 2) как специальная визуально-графическая операция, назначение которой заключается в расчленении единой структуры на трехчастную парцеллему, включающую основу, парцеллографему и парцеллят.

3. Парцелляция управляет читательским вниманием путем направления «аттенционального луча» на парцеллят, стимулирует усиленную когнитивную обработку и, как следствие, лучшее запоминание парцеллята. Данный эффект становится возможным за счет амбивалентной, деструктивно-конструктивной природы парцелляции, строящейся на конфликте между зрительным восприятием парцеллятной аранжировки, создающим иллюзию завершенности предложения, и реальной целостностью

парцеллятного выражения, синтаксическими и семантическими связями, существующими между основой и парцеллятом.

4. Парцеллема представляет собой сентенциональный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. В парцеллеме происходят следующие операции управления аттенциональным фокусом: перераспределение фокуса внимания, его корректировка или расщепление на множественные фокусы.

5. Парцеллографема представляет собой средство вторичного семиозиса; знак, языковое значение которого можно сформулировать как «наиболее важное, новое в текущем выражении» (стабильное значение семантики знака). Переменной частью семантики знака являются приращенные смыслы, которые знак приобретает в дискурсе и эффективность «считывания» которых зависит от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенций, ценностных установок и т.д. Применение парцеллографемы обусловлено когнитивной установкой продуцента на взаимопонимание с реципиентом, способным распознать и расшифровать данный код, на активацию в его сознании определенного знания, что вызывает в случае корректного понимания аттрактивный эффект и способствует функциональной эффективности парцеллемы.

6. Инвентарь парцеллографем включает ряд финальных синграфем: точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие, которые вкупе с постпарцеллятными знаками образуют различные типы парцеллятной сетки, определенным образом «программирующую» восприятие парцеллемы. Пунктуационное оформление парцеллем в точности следует общим тенденциям в использовании финальных синграфем во французских и русских печатных СМИ.

7. Обеспечивая перераспределение аттенционального фокуса, парцеллятное выражение способствует повышению помехоустойчивости

вербального кода, создает определенный иммунитет к искажениям при кодировании и декодировании информации.

8. Формирование сопоставительного объектно-ориентированного корпуса должно опираться на критерии репрезентативности, сбалансированности, сопоставимости и обозримости текстов. Регулирование объема корпуса может производиться посредством применения методики верификации достоверности полученных при индексировании корпуса результатов.

9. Сопоставление синтаксических и семантических особенностей французских и русских парцеллем, их количественных характеристик и особенностей распределения в них фокуса внимания свидетельствует преимущественно о межъязыковых сходствах и более редких расхождениях и специфических чертах, свойственных только одному языку. Наибольшее количество сходств обнаруживается в синтаксическом измерении; количество различий, специфических черт возрастает и становится более ощутимым в семантическом измерении. Русский корпус отличается от французского несколько большим разнообразием типов и моделей парцеллем. Частотность их использования выше в русском корпусе в 1,5 раза.

10. Прагматическое измерение парцеллемы в дискурсивном формате ориентировано на сопоставление локализации и функциональной нагрузки парцеллем в различных дискурсивных позициях (сильных и интротекстовых). Общими функциями парцелляции в дискурсе являются: очерчивание границ фокусной зоны, что несет информацию об иерархизации информации как в конкретном предложении, так и, в зависимости от позиции, в дискурсе; создание ракурса реконструирования адресантом медиасобытия, его интерпретации; кодирование информации об интенциях, установках адресанта, его эмоциях и отношении к описываемому событию; активизация фоновых знаний и представлений адресата, стимуляция построения инференций, которые будут подтверждены или опровергнуты

при чтении текста. Частные функции определяются локализацией парцеллемы, ее конструктивными и семантическими особенностями. В области локализации французские и русские парцеллемы демонстрируют как сходства, так и яркие различия и специфику, например, отсутствие заголовочной, сквозной и разноабзацной парцелляции во французском корпусе, парцелляции через подзаголовки – в русском корпусе.

11. Парцелляция проявляет способность к конвергенции с различными элокутивными средствами, усиливающими салиентность и аттрактивность парцеллятного сегмента. Парцелляция активно взаимодействует с повтором, антитезой, градацией, фигурами, построенными по принципу синтаксического параллелизма и т.д. Наиболее яркими «партнерами» парцелляции являются метафора, антономазия и фигуры интертекста, осложняющие когнитивно-семиотический план парцеллемы и являющиеся примером взаимодействия разноформатных (разноуровневых) средств аттенциального фокусирования: лексико-семантического, синтаксического и дискурсивного.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования изложены автором в докладах и выступлениях на 35 научных конференциях, в том числе 16 международных. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры романских языков и кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. По теме исследования опубликовано 80 научных работ, в том числе 1 монография и 21 статья в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов докторских диссертаций. Одна из статей опубликована в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики», включенном в Базу данных SCOPUS.

Структура диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы (868 публикаций, в том числе 300

публикаций на иностранных языках) и 6 приложений. Текст диссертации содержит 19 таблиц, 27 схем и 13 рисунков. Общий объем диссертации с приложениями составляет 502 страницы.

В первой главе рассматривается становление и развитие теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике. Очерчивается круг смежных явлений и разрабатываются критерии идентификации парцеллированной структуры. Выявляются проблемные зоны парцелляции на современном этапе лингвистических исследований, в частности, тот парадоксальный факт, что парцелляция изучалась преимущественно на уровне предложения. Отмечается, что вопросы, связанные с природой парцелляции, ее когнитивными особенностями, восприятием и интерпретацией не получили удовлетворительного ответа; до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования. Определяется междисциплинарный подход, который позволил бы решить обозначенные проблемы.

Во второй главе рассматриваются теоретико-методологические основания когнитивно-семиотического исследования парцелляции с опорой на достижения экспериментальной и когнитивной психологии; определяются исходный терминологический инструментарий исследования. Обсуждается вопрос о статусе пунктуационных знаков и непосредственно финальной синграфемы, используемой для парцелляции. Пунктуационные знаки определяются как невербальные синграфические языковые знаки, вступающие в отношения интеграции с вербальными знаками и активно участвующие в пространственной (графической) и смысловой (содержательной) организации текста. Языковое значение парцеллирующей синграфемы определяется как «наиболее важное, новое в текущем высказывании». Отмечается, что отвечая всем условиям семиотизации, парцеллографема характеризуются достаточно высокой семиотической стабильностью. Далее рассматриваются вопросы распределения внимания, освещенные в исследованиях когнитивных психологов и

лингвокогнитологов. Раскрываются понятия «конструирование», «точка обзора», «салиентность», «фигура и фон», «фокусирование» и «дефокусирование», значимых для настоящего исследования; изучаются критерии и средства фокусирования внимания в синтаксическом формате.

В третьей главе представлено теоретическое обоснование и потенциал корпусной методологии, в том числе терминологический инструментарий и проблемы использования современных корпусов в сопоставительных исследованиях. Вводится понятие и формулируется концепция сопоставительного объектно-ориентированного корпуса и критериев его формирования. Разрабатывается методика верификации достоверности полученных при индексации корпуса результатов и оценки репрезентативности корпуса, а также методика сопоставительно-параметрического анализа с применением специализированной компьютерной программы Linguistica.

В четвертой главе представлено сопоставительное исследование парцелляции в когнитивно-семиотическом освещении. Уточняется объем понятия «парцелляция», предлагается и обосновывается введение понятий «парцеллема», «парцеллографема», «парцеллятная пунктуационная сетка», «парцеллятная конфигурация» и т.д. Выводится инвариантная модель парцеллемы, включающая основу, парцеллографему, парцеллят(ы) и финальные синграфемы. Устанавливается, что ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором, в соответствие с его интенцией в результате компрессии «сворачиваются» и кодируются в парцеллографеме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Парцеллятная «упаковка» рассматривается как средство повышения помехоустойчивости. Далее выявляются составляющие парцеллятной сетки и их функциональная нагрузка. Производится инвентаризация парцеллятной графики, выделяются и сопоставляются типы парцеллятной сетки. Предлагается сопоставительная типология парцеллят в *синтаксическом* (с позиции их локализации, протяженности, удаленности

от основы, количеству парцеллятов) и *семантическом* (семантика парцеллятных отношений) *измерениях* с учетом специфики аттенциального фокусирования. Корпусная статистика позволяет определить более и менее частотные, а также редкие и окказиональные типы парцеллем по выделенным параметрам. Выявляются принципы парцеллятного членения: линейный, параллельный и комбинированный. На их основе выделяются и сопоставляются модели парцеллем и их варианты, свойственные французскому и русскому медиадискурсу. Сопоставительно-параметрический анализ приводит к выводу о существенных сходствах французских и русских парцеллем при их семантическом, и особенно синтаксическом, измерениях. Расхождения концентрируются на периферии парцелляции; специфические особенности, свойственные только одному из языков, не частотны.

В пятой главе проведен сопоставительный когнитивно-дискурсивный анализ французских и русских парцеллем (*прагматическое измерение*). Выявляются общие и частные дискурсивные функции парцеллятного знака. Проводится сопоставительный анализ локализации и роли парцелляции в дискурсе, опирающийся на корпусные данные. Парцелляция в различных дискурсивных позициях демонстрирует ряд особенностей и ограничений, связанных с грамматическими и социодискурсивными факторами, диктуемыми тем или иным языком. Опора на корпусную технологию позволяет зафиксировать сходства и несколько более значительные, чем в других измерениях, различия и специфику выявленных типов парцеллем. Следующий этап: анализ конвергентного потенциала парцелляции. Устанавливается перечень тропов и фигур, взаимодействующих с парцелляцией в дискурсе и усиливающих ее аттракционный эффект. Отдельные параграфы посвящены анализу конвергенции парцелляции и метафоры; парцелляции, антономазии и фигур интертекста.

В заключении делаются основные выводы по результатам проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения парцелляции.

Глава 1. ТРАДИЦИИ, НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В настоящей главе рассматривается теоретико-методологическая база исследования парцелляции, которая опирается на достижения различных направлений, в рамках которых разрабатывались теории парцелляции. Поставленная цель определяет композицию главы: прежде всего, описано становление теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике, выделяются ведущие аспекты исследования данного феномена в рамках современных научных школ и направлений. Далее освещены дискуссионные вопросы основных для теории парцелляции проблем, данный феномен отграничивается от смежных явлений: присоединения, номинативных предложений, обособления, эллипсиса; определяются критерии идентификации парцеллированной конструкции.

1.1. Парцелляция как объект научного исследования в зарубежной и отечественной лингвистике

Рассмотрение современных представлений о парцелляции логично начать с обращения к истокам формирования и эволюции теории парцелляции в зарубежной и отечественной лингвистике. Такой ретроспективный подход поможет лучше осмыслить особенности и вклад существующих научных школ в ее развитие.

Следует отметить, что эта эволюция имеет национально-специфический характер. Вопреки общей тенденции активного взаимодействия национальных школ, доступности научной информации и процессу интернационализации лингвистического знания [Сусов 2006], развитие теорий парцелляции во французской, британской, американской и российской лингвистике шло каждая своим путем, практически не

испытывая влияния со стороны друг друга. В научных исследованиях практически отсутствуют ссылки на работы ученых других стран, внимание зарубежных лингвистов сосредоточено на особенностях парцелляции, свойственных их родному языку.

Одна из серьезных проблем, по-видимому, ставшей препятствием для распространения научного знания о парцелляции, стала терминологическая разноголосица и отсутствие полного тождества в объеме и содержании понятий, используемых в тех или иных национальных лингвистических традициях. В российском научном обиходе установился термин «*парцелляция*» (крайне редко в этом значении встречается «присоединение» или другие терминологические наименования), в современных франкоязычных научных работах фигурируют термины *ajout après le point* (добавление после точки), *annexe* (приложение) или *addition* (добавление) / *construction en annexe* (добавочная конструкция) и другие, в англоязычных - *fragmentary sentence* (предложение, расчлененное на фрагменты) / *sentence fragmentation* (фрагментация предложения) / *sentence fragment* или *fragment of sentence* (фрагмент предложения).

Проблемы изолированного развития теорий феномена парцелляции и расхождения в используемой терминологии привели к тому, что научные дискуссии по проблемам парцелляции в зарубежной лингвистике не получили должного отражения в трудах российских исследователей, ее достижения не учитывались при построении концепций и подходов, разрабатываемых в отечественной лингвистике.

Этот факт обусловил необходимость подробного обзора исследований, предпринятых в рамках национальных лингвистик. Модификации теории парцелляции, обращение к различным дискурсивным источникам, типологии конструкций, активизация их использования в речи, разнообразные подходы – все это требует всестороннего осмысления истории и современного состояния названной теории для определения дальнейших перспектив исследования.

1.1.1. Этапы и направления исследования парцелляции в зарубежной лингвистике

Во франкоязычной науке можно выделить две волны научного интереса к парцелляции. Первые упоминания о парцелляции относятся к 40-овым годам XX в., активно она начала изучаться в 50-60 годы XX в.

В исследовании «История одного языка: французский» М. Коэн описывает зафиксированные им случаи расчленения сложных предложений и вынос за точку некоторых членов предложения: «Что действительно кажется новым, появилось примерно лет двадцать назад и все сильнее распространяется, так это независимость той части сложного предложения, которая при классическом подходе считается придаточным предложением... Еще один случай – это приобретенная самостоятельность фразового дополнения или наречия»¹ [Cohen 1973: 397]. М. Коэн отмечает недавнее происхождение этого приема [Cohen 1966: 234] и связывает это явление с изменениями в интонации, происходящими в современном французском языке: «В современной письменной речи, очень частотный как в газетах, так и литературе, и, видимо, являющийся следствием изменений, происходящих в интонации французского языка, этот прием все чаще применяется в сложных предложениях с подчинительными относительными и обстоятельственными» [Cohen 1969: 48]. Автор приводит следующие примеры:

C'est une calomnie indigne. Qui ne restera pas impunie.

Il s'est mis à employer des imparfaits du subjonctif à tort et à travers. Pour ne pas avoir l'air d'être un ignorant » [Cohen 1969: 48].

Французский лингвист подчеркивает, что эти структуры заслуживают широкого изучения, так как они представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, поскольку они затрагивают традиционное понятие логической организации фразы. Ученый

¹ Перевод здесь и далее наш (Ю.Б.)

ввел понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллирующий стиль» (*style parcellaire*), которые, однако, не закрепились в научном обиходе, уступив впоследствии место иной терминологии.

Ж. Антуан пишет о том, что французский язык, стремясь к простоте и непринужденности, ищет новые формы литературного изложения, в основе которых – систематическое введение элементов разговорной речи [Antoine 1962]. Одной из таких новых форм является то явление, под которым мы понимаем парцеллированную конструкцию. Ж. Дюбуа отмечает частотность употребления этой конструкции с попыткой социологического истолкования [Dubois 1961: 63-66].

Некоторые французские ученые, обращавшиеся к анализу парцелляции в 40-е – 60-е годы XX века, негативно оценивали ее применение в письменной речи, пренебрежительно рассматривали это явление как маргинальное и связывали со стилистическими эффектами. Р. Жоржен видит в парцелляции средство для максимального выделения деталей и дезартикуляции основной части, но осуждает их использование, называет факт дробления фразы «смешным, вычурным стилем» (*style poinilliste, rapillotant*), расценивая его как негативный стилистический процесс [Georgin 1956: 205-208]. А. Доза подчеркивает также, что помещение придаточного предложения после точки выглядит искусственно, и называет этот прием «пунктуационным трюком» (*trucage de ponctuation*). Как и М. Коэн, он относит его к особенностям авторского стиля [Dauzat 1943: 234; Cohen 1954: 95-96; 1943: 234; 1966: 228, 232-234]. Факт вынесения важных элементов в конец предложения связывалось французскими лингвистами с влиянием разговорной речи, где позиции слов гораздо подвижнее [Bar 1958].

Грамматика современного французского языка издательства Ларусс 1964 года осторожно замечает: «увеличение финальных знаков препинания, используемых современными писателями, ведет к стиранию формальных границ фразы» [Chevalier et al. 1964: 12].

В 1970-1990-е гг. интерес к парцелляции несколько спадает, появляются лишь отдельные работы, рассматривающие парцелляцию в рамках обособления (см. диссертацию С. Тюше, в которой он пишет о парцелляции как об «усиленном обособлении» (*détachement fort*) [Tuchais 1996]; статьи Б. Комбетта [Combettes 1992]). Лингвисты сходятся в том, что она репрезентирует «новый стиль» в литературе [Ballard 1995: 150; IIème Colloque franco-bulgare 1982].

После значительного временного перерыва новая волна научного интереса к данному феномену поднялась только в 2000-е годы. Парцелляция стала исследоваться то в контексте фрагментации текста, то как вид обособления, то как добавление, восходящее к риторической фигуре гипербатона², широко используемого в классической литературе [Noailly 2002; Grunig 1986; Grunig 1993; Grunig 2002; Havu 2011; Havu 2013; Gautier 2006; Gautier 2010a; Gautier 2010b; Combettes 2007a; Combettes 2007b; Combettes 2007c; Combettes 2011a; др.].

Преимущественно негативное отношение середины XX века сменилось острым интересом к парцелляции, ее пониманием как одного из ярких явлений современного синтаксиса. Внимание исследователей вызвали различные аспекты ее структуры, семантики и функционирования в тексте, что отразилось в десятках статей, коллективных монографиях и специализированных международных коллоквиумах, семинарах и конференциях, наиболее известными из которых являются:

1) «Фрагментированные сегменты во французском языке» (*Les séquences fragmentaires en français*), исследовательский семинар, Брюссель, 30-31 мая 2011);

2) «Лингвистики обособления» (*Les linguistiques du détachement*), международный коллоквиум, Нанси, 7-9 июня 2006);

² Гипербатон - стилистическая фигура, предназначенная для «добавления к фразе, которая кажется законченной, слова или группы слов для их выделения». При этом создается некоторая дистанция между словами, непосредственно сочетающимися по смыслу, нарушается нормальная синтаксическая последовательность слов [Ricalens-Pourchot 2011: 74-75].

3) «Фигура добавления: фраза, текст, письменная речь» (Figures d'ajout: phrase, texte, écriture), коллективная монография: Paris, Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002);

4) «Эллипсис и фрагмент» (Ellipse et fragment – Morceaux choisis), выпуск научного журнала: Bruxelles, Peter Lang, 2013);

5) «Гипербатон. На границах фразы» (L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase), конференция, организованная Высшей Национальной школой, 9-10 июня 2010, Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011).

На современном этапе развития теории для обозначения сегмента, вынесенного за точку, чаще всего используется термин «добавление после точки» - «*ajout après le point*» (в вариантах *ajout après un point* и *ajouts après point*), под которыми понимаются собственно парцелляты – «синтаксические конститuenty, зависящие от предыдущей фразы» [Курумсуян 2009: 318], «элементы, которые дополняют после точки высказывание, которое казалось законченным» [Combettes 2007a: 111].

Однако нельзя утверждать, что этот термин прочно устоялся в научном обиходе. Исследователи, находясь в активных поисках адекватных для описания терминов, вынуждены обращаться к «проблеме метаязыка» [Gautier 2006: 294]. Конкурентами «добавления после точки» выступают «*графически изолированный сегмент*» (*segment graphique isolé*), «*обособленная точкой конструкция*» (*construction détachée par un point*), «*графический блок*» (*block graphique*) [Bosredon, Tamba-Mecz 2003], «*обособленный сильной пунктуацией отрезок*» (*séquence détachée par une ponctuation forte*) [Havu 2013], «*прибавление*» (*addition*), «*приложение*» (*annexe*) [Neveu 2001; Gautier 2006; 2010a, 2010b], «*фрагментированный отрывок*» (*séquence fragmentaire*) [Курумсуян 2013] и т.д.

Рассуждая о значении терминов «добавление» и «обособление», Ф. Неве пишет: «Экспликативные понятия «прибавление» (*addition*) или «добавление» (*ajout*), с одной стороны, «обособление» (*détachement*), с другой, часто ассоциируемые в анализе, предполагают на самом деле

радикально различные намерения. Обособление, в строгом смысле слова, предполагает выход за пропозициональную рамку, т.е. внутреннюю, а значит и локальную точку наблюдения. Прибавление и добавление предполагают вход в эту рамку, и, следовательно, внешнюю и глобальную точку наблюдения» [Neveu 2003: 12]. Дескриптивный термин не удовлетворяет некоторых исследователей. В последних работах Б. Комбетт переходит от «добавления после точки» к терминологическому дублету «фрагмент после точки» (*fragment après le point*), лучше, на его взгляд, отражающий суть данного явления [Combettes 2012a, 2012b, 2013], А. Кьюмкьюян – к «фрагментированному отрезку» (*séquence fragmentaire*) [Куюмсуюян 2013] и т.д.

Номинация основной (базовой) части конструкции в работах либо отсутствует вовсе, либо используются разнообразные наименования, имеющие индивидуально-авторский «личностный»³ характер. Их применение ограничено порой одной научной работой: «сегмент-источник» (*segment source*) [Combettes, Куюмсуюян 2010], «принимающая фраза» (*phrase d'accueil*) и «исходная фраза» (*phrase de départ*) [Combettes 2007a], «фраза-источник» (*phrase source*) [Combettes 2013], «матричная структура» (*structure matrice*) [Combettes, Куюмсуюян 2010], «матричная база» (*base matrice*), «матричная фраза» (*phrase matrice*), «рамочная структура» (*structure cadre*) [Gautier 2006].

Термин «парцелляция», широко применяемый в российской научной литературе для обозначения самого феномена расчленения структуры предложения на составные части, не имеет эквивалента во франкоязычной лингвистике.

На наш взгляд, терминологический разнобой, связанный с обозначением одного и того же явления, косвенно свидетельствует о его недостаточной изученности. Данный феномен только недавно попал в центр внимания

³ О «личностных» терминосистемах, их формальном и семантико-понятийном своеобразии см. [Головин 1981: 8-9], об «идиолектах» ученых см. [Ахманова 1961: 115].

лингвистов, отказавшихся от более ранней терминологии. Процесс «складывания» данной терминосистемы безусловно свидетельствует о стремлении ученых постичь сущность и свойства исследуемого объекта, дать ему адекватное наименование.

В настоящее время наметилось два направления исследований «добавлений после точки». Первое связано с рассмотрением феномена «добавления» во всем разнообразии его проявления, т.е. в границах как простого, так и сложного предложения (работы Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, М. Ноайи, А. Готье и др.) или в целом феномена добавления. Второе – с изучением отдельных видов «добавления», как правило, беспредложных субстантивов или адъективов. В этом случае «добавление после точки» вписывается в более широкий контекст «безглагольной фразы (сегмента / высказывания)» или «фрагментированного сегмента (структуры)», которые выступают гиперонимами по отношению к «добавлению» или противопоставляются ему. Большое внимание в таких работах обращается на выявление границ между «добавлением» и другими видами безглагольной фразы.

Важным этапом в развитии теории «добавления после точки» стала коллективная монография 2002 г. «Фигуры добавления: фраза, текст, стиль» (*Figures d'ajout: phrase, texte, écriture*), объединившая разноаспектные исследования широко трактуемого феномена добавления: от выделенного точкой «добавления» до расширения структуры предложения за счет однородных «добавлений», связанных сочинительной связью. Главные редакторы и рецензент монографии пишут: «Добавление, будучи второстепенным по отношению к базе движением, является местом *рефлексивного раздвоения* фигуры говорящего» [Authier-Revuz, Lala 2002: 10], который «берет дистанцию, оценивает, уточняет, поправляет свою речь в соответствии с динамикой испытываемых чувств, более или менее контролируемых или контролирующих» [Bordas 2005: 161].

В первой части монографии мы бы отметили статью П.М. де Биези, А.Х. Пьерро и Ж. Неф «Добавление и генезис», в которой выделяются два типа добавлений: «графические» и «генетические». Во второй части «Пересечение точек зрения: прагматической, дискурсивной, процессуальной» значимыми работами стали статья Ф. Сиркюрель, которая, основываясь на трудах Ж. Женетта, определяет функцию добавления не только как «крепления» предложения, но и как «место нюанса», поправки, «места свободы прочтения» [Cicurel 2002: 63]. Текстуальность, которую оно открывает, заключается, как считает автор, в «способности играть с перспективой» [Cicurel 2002: 63]. Е. Орланди в статье «Точка - это все. Интердискурс, неполнота, текстуализация» работает с пунктуацией, рассматривает «добавление» как «след стратификации», как «дискурсивный уплотнитель» (вслед за Фуко и Пеше), «разбивающийся о текстовую линейность как напоминание о рубце на лоне текстуализации дискурса» [Orlandi 2002: 49]. Б.Н. Грюниг изучает «добавления» до и после базы, указывает на то, что процесс создания «добавления» и его интерпретация – два разных процесса, приводящие к разным результатам [Grunig 2002: 79-93].

Третья часть носит название «Добавление во фразе: вопросы грамматики». Добавление здесь рассматривается как «форма разрешения напряжения между линейностью и дискурсивной памятью» [Badiou-Monferran 2002: 95]. Автор исследует синтаксическую однородность и неоднородность сочиненных добавлений. Сочинение для нее - «диалектическая форма добавления, которая вызывает другое, чтобы его лучшим образом разместить в соответствии с общим топиком, в том же плане» [Badiou-Monferran 2002: 106]. «Связывать сочинительной связью, это не добавлять то же самое, это добавить что-то другое, либо добавить кого-то Другого» [Badiou-Monferran 2002: 109]. Добавление и проблематика приложения – тема статьи Ф. Неве. С. Бушрон-Петийон исследует добавление, графически и просодически выделенное скобками или тире. Одна из основополагающих публикаций, без цитирования которой не

обходится практически ни одно исследование «добавлений после точки» - работа М. Ноайи – «Добавление после точки всего лишь графический прием?», в которой автор представляет синтаксическую классификацию графически изолированных «добавлений», впервые формулирует критерий идентификации этой конструкции и исследует как стилистический ресурс. Автор приходит к выводу, что эти структуры часто сигнализируют об изменении точки зрения и напоминают поток сознания и внутреннего монолога [Noailly 2002].

Ключевыми работами, предопределившими дальнейшие научные изыскания в этой области, стали также многочисленные статьи Б. Комбетта, А. Кьюмкьюян, Б. Босредона, И. Тамба-Мекс, А. Готье и других лингвистов.

На современном этапе развития французской лингвистики можно выделить несколько взаимодополняющих, развивающихся подходов к исследованию данного феномена, рассматривающие его как объекты:

- синтаксиса;
- лингвистики текста;
- стилистики;
- идиостилистических исследований;
- лингвопоэтики;
- психолингвистики;
- прагматики;
- лингвосемиотики;
- лингвокогнитологии;
- исследований дискурса.

Синтаксические особенности «добавления после точки» достаточно хорошо исследованы и представлены в работах М. Ноайи, Б. Комбетт, А. Готье, Е. Авю, Ф. Лефевр и других лингвистов.

Б. Комбетт пишет, что морфосинтаксический анализ «добавления после точки» должен базироваться на характеристиках его форм и функций. Что

касается основной части конструкции, то она «не вызывает особого интереса с синтаксической точки зрения», т.к. это может быть предложение любого типа: повествовательное, восклицательное, вопросительное; определенно-личное и неопределенно-личное; с глаголом в пассивном залоге, с выделительной конструкцией и т.д. «Любая единица, расположенная после глагола, может использоваться в качестве добавления, даже вместе с другими компонентами, расположенными справа, в том числе абсолютные конструкции», - пишет Б. Комбетт [Combettes 2007a: 114]. С точки зрения синтаксиса в «добавлении» может быть представлена «вся гамма отношений зависимости» [Combettes 2007a: 121]. При этом автором отмечается, что предложные, беспредложные обстоятельства и обстоятельственные придаточные «в конечном счете эксплицируют автономность, которая подтверждается как в синтаксическом, так и в семантическом и прагматическом планах», поэтому они проявляют высокую способность к отчленению [Combettes 2007б: 124].

А. Готье в описании типов «добавочных конструкций» опирается на морфосинтаксический принцип. В конструкциях могут быть представлены «большинство синтагматических типов: номинативные синтагмы, адъективные, предложные, адвербиальные. Также часто встречаются придаточные различных видов» [Gautier 2010a: 7-8].

Как отмечает В. Дале, разрыв точкой возможен не только в позиции межядерных (*sites internucléaires*), но и внутриядерных (*sites intranucléaires*) синтагматических классов. Под внутриядерными понимаются минимальные единицы в синтаксико-семантическом плане, т.е. те, которые обычно рассматриваются как нерасчленяемые [Dahlet 2003: 133].

А. Готье предлагает синтаксическую классификацию добавочных конструкций по двум параметрам:

- разрыв супрасинтагматических отношений: подлежащим и сказуемым⁴, изоляция предложных и беспредложных обстоятельств и обстоятельственных придаточных;

- разрыв инфрасинтагматических отношений. Эта группа подразделяется на две подгруппы:

а) разрыв симметрических отношений, под которыми понимаются отношения между двумя элементами с бессоюзной или сочинительной связью одного иерархического уровня (однородные или неоднородные члены предложения, придаточные предложения);

б) разрыв асимметрических отношений, в результате которого за графическую рамку выводится компонент – носитель маркеров зависимости от главного слова, расположенного в этой рамке. Речь идет о дополнениях, обособленных определениях, выраженных как существительными с предлогом, так и прилагательными, относительных придаточных, обстоятельств, выраженных наречиями и существительными с предлогом, а также некоторых видах придаточных, зависимых от глагола типа: *Je sais que toute la journée je peux appeler Hélène, Jean-Marc, Damien, Catherine, Capucine, pour savoir. Si ça va* (Angot, 2002) (Цит. по [Gautier 2010a: 8-12])

«Добавление после точки» анализируется и с позиции синтаксической предикативности. Б. Делорм и Ф. Лефевр сосредотачивают свое внимание на неравномерных способностях выражения предикативности адъективными сегментами после точки. Выделяются сегменты с вторичной предикативностью (в этом случае их можно считать «добавлением после точки») и с автономной предикативностью (самостоятельные предложения) [Delorme, Lefeuvre 2004].

⁴ Автор добавляет, что подобные случаи крайне редки, встречаются исключительно в художественной литературе и выглядят как эксперименты. Рассматривать изолированные сказуемые как добавление можно, «если применять исключительно хронологическое видение дискурсивной линейности, ... в плане производимого дискурсивного эффекта речь идет не столько о добавлении полной структуры, сколько о стыке» подлежащего и сказуемого [Gautier 2010a: 8].

Иной подход предлагают Б. Босредон и И. Тамба-Мекс. Положив в основу своей классификации синтаксический принцип, лингвисты выделяют следующие группы графически изолированных сегментов:

1) Управляемые моносегментные структуры - эндоцентрические конструкции, включающие маркер внутрифразового (предлог) или межфразового (союз) управления. С синтактико-семантической точки зрения, данные структуры легко интегрируются в предыдущее предложение.

2) Моносегментные структуры, построенные по принципу обособленных запятой или двоеточием конструкций. Эти структуры включают «синтаксически периферийные компоненты» - «аппозитивные обособления» [Neveu 2000; Neveu 1998; Noailly 2000; Forsgren 2000], характеризующиеся относительной свободой расположения, вторичной предикативностью, синтаксической и референциальной зависимостью от существительного в основной части [Bosredon, Tamba 2003: 29].

Б. Босредон и И. Тамба-Мекс считают, что рассматриваемые сегменты «представляют собой некоторые «аномалии» по отношению к каноническим моделям фраз, которые предлагают грамматические или лингвистические теории» [Bosredon, Tamba 2003: 28]. Для М. Ноайи «аномалия» заключается в том, что вместо запятой стоит «синтаксически неоправданная» точка [Noailly 2002: 133]. Однако А. Кюйюмкюйан призывает воздержаться от их отнесения к «аномалиям», даже если они противоречат нормативным представлениям о пунктуации, т.к. «благодаря этим намеренным отклонениям узус, анархический либо незаконный, если можно так выразиться, но совершенно точно интенциональный, придает точке значительное разнообразие эффектов, которое контрастирует с бедностью школьных прескрипций» [Kuyumcuyan 2009a: 319].

В ряде случаев «добавление после точки» рассматривается как одно из явлений, свидетельствующих о деконденсации, т.е. ослаблении связей в предложении [Tuchais 1996; Combettes 2011], об изменениях в структуре

высказывания, ее реорганизации, свойственной многим современным языкам [Combettes 2011: 24-29].

Исследуя графически изолированные «добавления после точки», находящиеся в аппозитивных отношениях с именем существительным в основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюян, подразделяют их на три группы:

1) добавления – точные повторы (*ajouts en reprise fidèle*). Данная группа представляет собой развернутые лексические повторы, например: *On eût dit que le silence s'était fait à l'intérieur. Un silence lourd d'angoisse. (Le Port des brumes)*

2) добавления – неполные повторы (*ajouts en reprise infidèle*). Анализ референциальной семантики позволил авторам установить, что практически во всех случаях речь идет о переходе от гиперонима в основной части к гипониму в «добавлении», что позволяет рассмотреть этот тип как случай неполной анафоры (*anaphore infidèle*): *Les mêmes jeunes gens étaient là. Non seulement les reporters, mais les chroniqueurs. (La Danseuse du Gai-Moulin)*

3) добавления с пропозициональным содержанием (*ajouts à contenu propositionnel*) – немногочисленная группа, представленная с морфосинтаксической точки зрения инфинитивами и отглагольными формами, в т.ч. абсолютными причастными конструкциями: *Il y a des opérations très simples en apparence qui sont pratiquement impossibles. Par exemple rechercher l'homme qui s'était volatilisé soudain derrière la villa du maire! (Le Port des brumes)* [Combettes, Куюмкюян 2010а: 11-17].

В другой работе авторы отмечают также, что нельзя не исследовать коммуникативный аспект конструкции, ее тема-рематическую организацию. Именно в области распределение коммуникативного динамизма «наблюдаются наибольшие последствия от операции членения». Наиболее эксплицитна рематизация, как считают авторы, в «добавлениях» с предложными обстоятельствами, но значительно менее выражена в

«добавлениях», поддерживающими бессознательную связь с главным предложением [Combettes, Kuyumcuyan 2007: 111-134].

Несмотря на высокую ценность синтаксических исследований, сконцентрированных на структуре и семантике конструкций, очевидно, что вскрыть ее сущность и характер функционирования невозможно, оставаясь только на уровне микросинтаксиса, без обращения к более сложной единице, чем предложение – к тексту.

Точка, отделяющая «добавление» от основной части, является откликом на различные функциональные потребности, инвентарь которых находится в центре внимания целого ряда лингвистов [Catach 1980 ; 1987 ; 1994 ; 1998 ; Vedenina 1980 ; 1988 ; Dahlet 2003 ; Anis 2004 ; Favriaud 2010 ; 2011 ; Delofeu 2011 ; Lukeman 2006 ; Marnette 2008 ; Meschonnic 2000 ; Pétillon 2004; Seguin 2003; Jaffré 2014]. А. Кьюмкьюян пишет о том, что точка – маркер текстового уровня, изучение которого позволяет лучше понять механизмы построения текста, поэтому изучать «экстрафразистический перенос» (*rejet extraphrastique*) необходимо с позиций грамматики текста. Опираясь на корпус «добавлений после точки», представляющих собой дополнения различного типа (дополнения к глаголу, именам существительному, прилагательному и фразовые дополнения), «гетерогенные с морфосинтаксической точки зрения», лингвист исследует «текстуальный аспект феномена» (*aspect textuel du phénomène*), а именно «дискурсивное», «интерактивное» отношение»⁵ (*relation discursive, interactive*), подвергаемое разрыву. Автор выявляет три типа этого отношения:

- координация;
- повторная формулировка / иллюстрация;
- уступка / утверждение.

Исследователь отмечает массивное использование «добавления после точки» в текстах прессы, объясняя этот факт способностью «текстового

⁵ Автор определяет это «дискурсивное отношение» как «аргументативное в широком смысле, охватывающее в том числе и контр-аргументативные движения» [Кьюмкьюян 2009: 320].

построения точки зрения», проявлению субъективности, «последствия от которой в выполнении межличностной функции проявляются в терминах эмпатии» [Кууумсцуан 2009: 319-320].

Исследуя субстантивные сегменты, заключенные в точки, на материале текстов художественной литературы и публицистики, Е. Авио приходит к выводу, что их следует рассматривать как стратегию построения текста. Для их интерпретации, считает исследователь, необходимо обращаться к предыдущему контексту (т.е. «левой части»). Учет синтактико-семантических и прагматических особенностей сегментов, отобранных из газетных текстов, приводит лингвиста к построению следующей классификации:

- собственно «добавления», в узком смысле, проявляющие высокую степень синтаксической и семантической зависимости от «левого контекста». Эту группу наполняют «обязательные и периферийные дополнения⁶» и симметричные сегменты⁷.

- уточнение / объяснение, синтаксическая зависимость которых значительно ниже при сохранении семантической зависимости. В эту группу включены адъективные сегменты, которые при снятии точки требуют обособления запятой.

- группа сегментов, которые синтаксически не зависят от «левого контекста»: комментарий, описание и наррация, опора которых на контекст характеризуется как семантико-прагматическая.

При обращении к материалу художественной литературы автор констатирует большее разнообразие сегментов, на его взгляд, связанный с «многоголосием» литературного текста; их классификация выглядит сложнее. К «чистым добавлениям» примыкают «добавление»-комментарий (ajout-commentaire) и «добавление»-мостик (ajout-pivot). К уточнению / объяснению примыкает подгруппа со сложным названием уточнение-

⁶ Имеются в виду как дополнения, так и обстоятельства.

⁷ Здесь подразумеваются однородные и неоднородные члены предложения.

реприза-фокализация-мостик. Наполнение групп комментариев, описание и наррация остается прежним.

Е. Авио заключает, что вне зависимости от корпуса данные сегменты могут рассматриваться «как стратегии, структурирующие текст и, особенно, как вводящие в форме разрыва диалогический аспект (вмешательство журналиста или нарратора)» [Navy 2013: 67-79].

Обращаясь к анализу «добавлений после точки», имеющих «аргументативную антиориентацию», т.е. выражающих опровержение основной части, Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан выявляют большой потенциал конструкции в выполнении обозначенной функции в тексте [Combettes, Кюумсиуан 2010б: 28-30].

Несмотря на то, что французские лингвисты отмечают стилистическую маркированность «добавления» и определяют его как стилистическое средство, восходящее к фигуре гипербатона [Noailly 2002; Combettes, Кюумсиуан 2010; Combettes 2013; Gautier 2006 и др.], но исследований, направленных на выявление стилистического потенциала, практически нет. Одной из немногих работ, обращенных к стилистическому аспекту «добавления», является работа М. Ноайи, в которой лингвист пишет, что точка, отсоединяющая «добавление» играет «двусмысленную роль»: с одной стороны, изолирует элемент, с другой – присоединяет его в основной части, что создает прежде всего эффект обманутого ожидания, «игрой в кажущуюся завершенность» (*jeu de fausse clôture*). Автор отмечает, что гипербатон создается изменением порядка слов и запятой на письме, однако возможности «добавления» шире, поскольку отчленяться могут и такие элементы, которые невозможно было бы отделить только при помощи запятой. Построение речи при помощи «добавления» призвано показать паузы в размышлениях персонажей, естественный прерывистый ход движений мыслей, показать «полусознательную стадию» внутренней жизни. Эта «сюрпунктуация», пишет М. Ноайи, «родилась без сомнения вместе с необходимостью передать движение сознания. Но остроумно, что для того,

чтобы передать этот поток сознания, используется знак, предназначенный для разрыва – знак точки» [Noailly 2002: 144].

Что касается стилистических ограничений использования данного приема, лингвистами подчеркивается, что сферами его применения являются художественная литература и пресса. Писатели и поэты в неравной степени прибегают к «добавлению после точки». Е. Авю замечает, что в ее корпусе наибольшее количество «добавлений» зафиксировано в произведениях А. Гавальда, М. Дюрас, значительно меньше у Ж. Ешеноза и практически отсутствуют у А. Нотомб [Нави 2013: 79]. Б. Комбетт, Б. Босредон, И. Тамба-Мекс и многие другие исследователи обращаются к произведениям Ж. Сименона, богатым на «добавления». Исследователями признается, что «добавление после точки» – специфический элемент идиостиля писателя.

Б. Комбетт и А. Кьюмкьюян в статье «Интерпретативные смыслы безглагольной предикации в нарративном корпусе: субстантивные высказывания и художественная репрезентация дискурсивных и когнитивных процессов» обращаются к выявлению интерпретативных эффектов, создаваемых графически изолированными субстантивами (в т.ч. и отчлененными приложениями) в произведениях Ж. Сименона о комиссаре Мегрэ (1930-1972 гг.). Авторы объясняют свое обращение к этому материалу желанием доказать, что данный тип структур, к которым французские писатели «пристрастились» еще в довоенный период, является мощным ресурсом, хоть и подвергшимся сильнейшей критике со стороны «пуристов и адептов красивого стиля», но создающим «удовольствие от чтения текста» [Combettes, Kuyumcuyan 2010a: 2]. Выбранный подход позволяет авторам выделить экзистенциальные субстантивы в дескриптивном контексте и событийные субстантивы в нарративном контексте. Первые «служат **не для того**, чтобы создать рисунок на фреске в его мельчайших деталях в соответствии с бальзаковской нормой, а наоборот, высветить фрагмент, обрывки, цепочки более или менее однородных образов, которые представлены таким же случайным образом в дискурсе как это делают их

референты с точки зрения актантов диегезы⁸. Обстановка вырисовывается сцеплением различных планов, фокусов, а не панорамическим видом, который давал бы читателю впечатление, что он контролирует все элементы ситуации». Этими фрагментами Ж. Сименону «удается ярко изобразить атмосферу небольшим количеством слов, которые создают образ, и которым минималистичный синтаксис служит лишь экраном [...] этого достаточно, чтобы обстановка обрела смысл и ожила» [Combettes, Курумсуян 2010а: 7]. Отчлененные аппозитивы создают что-то вроде «дескриптивной паузы»⁹. Описание связано с некоторой неподвижностью, статичностью референтов. На это семантическое свойство, которым обладают безглагольные фрагменты, указывает и Ф. Лефевр [Lefeuve 1999: 123-124].

Основной функцией второй группы – событийных субстантивов в нарративном контексте – является «представлять информацию заднего плана», т.е. то, что видит и слышит Мегрэ, в «настолько краткой форме в дискурсе, насколько нечетко она отражается в субъективном восприятии персонажа». Такие «пассажи» создают оригинальный «эффект точки зрения, актуализирующийся именно в безглагольных фрагментах, и вызывает эмпатию читателя, который таким образом ставится в контакт с ощущением, испытываемым рассказчиком, и на место которого он себя ставит». У читателя «погруженного в диегезу этими заимствованными ощущениями, создается максимальная иллюзия близости и вовлеченности в происходящее» [Combettes, Курумсуян 2010а: 8].

Авторы считают, что помимо этих когнитивных процессов произвольного характера (ощущения и восприятие информации заднего плана), эти структуры в ряде случаев представляют собой рациональную сознательную деятельность говорящего, в тех случаях, когда эти безглагольные фрагменты создают представление о внутренней речи персонажа, цепочке его рассуждений.

⁸ Под диегезой понимается «пространственно-временная вселенная рассказа» [Genette 1972].

⁹ Терминология Ж. Женетта [Genette 1972].

Благодаря использованию безглагольных фрагментов, которые «играют на контрасте и эффекте обманутого ожидания», «рассказ дробится и преумножается бесчисленными гранями». «Трудно не вспомнить современную эстетику джаза, т.к. действительно создается впечатление перенесения в другой семиотический материал, имеющий похожее стремление к изобретению достаточно гибких форм с целью преуспеть в создании иллюзии движения самого сознания. Эта эстетическая инновация, являющаяся стилистическим средством, оформляется систематическим использованием в контексте произведения всех значений данной грамматической структуры» [Combettes, Курумсуян 2010а: 19-20].

Лингвопоэтическому анализу произведений П. Шаппиуса посвящает свою работу И. Шоль, которая исследует роль пунктуации, в т.ч. знака точки, отделяющей «добавление» от основной части. «Будучи фактом языка, но став стилистическим фактом, пунктуация призвана выстраивать дискурс, который прогрессирует посредством «добавлений после точки», уточнений и реприз, и который является хранилищем множества голосов, ткань которого заставляет варьировать ритмические и синтаксические отношения, оставляя в неопределенности завершенность и семантическую полноту» [Chol 2011: 139]

В статье С. Петийон «добавление после точки» трактуется как «инфрасинтагматическая конфигурация» (*configuration infrasyntagmatique*) фраз, в которых «точка не является знаком конца, и в которых, наоборот, фраза – синтаксически – продолжается за пределами точки». «Добавление после точки» выступает как «проявление субъективности» (*affectation de subjectivité*), т.е. средство, позволяющее по пунктуации судить о субъективном авторском отношении к сообщаемому. Автор видит в нем «добавления, появившиеся по желанию пишущего, играющего на демаркационной функции точки для того, чтобы выделить второстепенный сегмент» [Pétillon 2011: 30].

Анализ восприятия отчлененных компонентов представлен в работе Б. Босредона и И. Тамба-Мекс: «Вначале глаз читателя фиксирует графическое расчленение, маркированное точками и заглавной буквой. Что приводит его к изоляции сегмента, размещенного между двумя точками. Но, читая этот сегмент, читатель обнаруживает синтаксическую связь, которая бесспорно маркирует возможность интеграции сегмента в предложение, которое ему предшествует. Тогда читатель начинает осознавать, что есть некое несоответствие между графическими и синтаксическими границами предложения, которые обычно совпадают. Он признает в этом без труда расхождение двух систем организации фрагментической единицы. И, так как пунктуация является неавтономной системой сегментации, иерархически подчиненной лексико-синтаксической конфигурации, именно синтаксическое управление будет в первую очередь направлять интерпретацию этих графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Авторы подчеркивают, что «этот интерпретативный двухэтапный процесс, вызванный расхождением между лексико-синтаксическим и графическим расчленением, позволяет в полной мере осознать специфичность графически изолированных сегментов» [Bosredon, Tamba-Mecz 2003: 33].

Значимыми для нашей работы являются результаты диссертационного исследования А. Готье. Подходя к исследованию «добавления после точки» с семиотической точки зрения, ученый замечает, что в данном случае фиксируется конфликт¹⁰, в который входит пунктуация с синтаксисом и смыслом: графически самостоятельное «добавление» обнаруживает зависимость на других уровнях (синтаксическом, семантическом, прагматическом). Финальная точка рассматривается им как семиотический маркер завершенности, «как след действия, выполненного пишущим,

¹⁰ Как «конфликт» между графикой, синтаксисом и семантикой «добавление» расценивается и другими исследователями, см. М. Ноайи, 2002; А. Кьюмкьюян, 2009.

решившего, по разным причинам, поставить для себя и читателя веху в графической континуальности» [Gautier 2006: 269], в результате которого континуальность нарушается, уступая место дисконтинуальности¹¹, понимаемом автором в духе Ж.М. Марандена¹², и рассматриваемой им как феномен, угрожающий целостности графической фразы [Gautier 2006: 229; 293].

А. Готье пишет: «С функциональной точки зрения, фразовая граница ассоциативно маркирована чаще всего финальной точкой и заглавной буквой. Для пишущего эта фразовая граница является знаком завершения коммуникативной микропрограммы; для читателя она представляет собой сигнал, что читатель может (и даже должен) произвести некоторые операции по переработке информации для построения глобального смысла текста. Ясно, что это значение тесным образом связано с означаемым самой точки и подвержено варьированию» [Gautier 2010б: 3]. На изменения в системе пунктуации французского языка, переживающей серьезные изменения с XVIII в., указывают Ж.П. Сегин [Seguin 1993], Н. Каташ [Catach 1992], Б. Комбетт [Combette 2005] и многие другие лингвисты. «Письменная фраза больше не воспринимается как средство передачи устной фразы, но как вектор самостоятельной информации, которая обращается к мысли напрямую», для чего ей необходима адаптированная для этой задачи пунктуация. Актуальной для нас также является мысль о том, что точка в данной конструкции «должна разделять сообщения для глаза (и мысли) для того, чтобы облегчить когнитивную обработку письменного сообщения» [Gautier 2010б: 3-4].

М. Фейоль, в своей работе «От идей к тексту, когнитивная психология словесного произведения, устного и письменного» пишет, что сигнал конца фразы влечет уплотнение (compactage) сообщения, которое хранится в

¹¹ О разрыве «континуальности дискурсивного потока» в подобных случаях пишет и А. Кьюмкьюан [Кьюмкьюан 2009: 321].

¹² О синтагматической дисконтинуальности говорят в том случае, когда части синтагмы не реализуются в речевой цепи линейно из-за интерполяции элемента, принадлежащего другой синтагме [Marandin 1998].

оперативной памяти в форме, близкой к резюме темы и ремы, более упрощенной, нежели сохранение в виде «слово в слово»: «Все происходит как если бы за фразой субъекты представляли значимые единицы, соответствующие некоем «блокам», более или менее разграниченным поверхностными маркерами» [Fayol 1997: 131]. Точка является тем самым поверхностным маркером, который позволяет выделить значимый блок.

Выводы М. Фейоля созвучны выводам американских психологов и лингвокогнитологов, которые в результате экспериментов установили, что чтение слова, стоящего перед графической границей, т.е. точкой, сопровождается довольно длительной остановкой взгляда. Резюмировать интерпретацию этого результата можно следующим образом: остановка взгляда соответствует ментальной операции упаковки (wrap-up effect), которая состоит в сокращении потенциальной двусмысленности предложения, в осмыслении еще неразрешенных синтаксических зависимостей, в интерпретации интерфразовых отношений и, наконец, в интеграции фразы в дискурсивные представления, только после этого субъект приступает к чтению следующего предложения [Just, Carpenter 1980; Rayner, Kambe, Duffy 2000; Rayner, Sereno, Morris, Schmauder, Clifton 1989; Rayner, Warren, Juhasz, Liversedge 2004; Hirotsu, Frazier, Rayner 2006; Reichle, Warren, McConnell 2009].

В исследованиях ученых из Великобритании и США изучаемый нами феномен рассматривается в рамках понятия «фрагменты предложения» и определяется достаточно широко:

- «слова, выражения и клаузы, которые не могут быть классифицированы как синтаксически полные предложения, но тем не менее отделены графически как предложения» [Emmott, Sanford, Morrow 2006: 2];

- «выражение или клауза, которые отделены финальными знаками препинания и начинаются с заглавной буквы как предложение, но не составляют грамматически полное предложение» [Dictionary of the English Language 2011] и т.д.

В ряде случаев в рамках понятия «фрагментированное предложение» объединяются различные явления:

- частей предложения, вынесенных за точку, что сближает значение этого термина с термином «парцелляция», устоявшегося в российской лингвистике;
- неполного (эллиптического) предложения¹³;
- редко - любого обособленного, в т.ч. запятой, компонента.

В последнем случае выделяются следующие типы фрагментов: Prepositional phrase, Appositional phrase, Participial phrase, Gerund phrase, Infinitive phrase, Adverb clause, Adjective clause [Reynolds 1977: эл.изд.].

Чаще всего термин используется в первом или втором значении, однако нередко исследователи их объединяют и рассматривают данное явление в рамках еще более крупной проблемы - фрагментации текста.

Интерес к этому феномену начал проявляться в 60-е годы XX века. В центре внимания исследователей оказались структура «фрагментов» и их стилистические особенности [Roberts 1962; Frett 1968; Lodge&Frett 1968; Crystal&Davy 1969; Boliger 1972; Leech, Short 2007]. Ученые отмечают, что «фрагменты» широко и эффективно используются в различных газетно-публицистических жанрах, рекламе, литературе [Fludernik 1993: 235]. Данное явление упоминается в учебниках по английской грамматике [Quirk et al. 1985: 1446; Huddleston, Pullum 2002: 944–945, 1735], в учебниках, словарях и рекомендациях по практической стилистике [Allen 2002: 57; King 2004: 13-14 и т.д.].

В учебно-методической и дидактической литературе использование фрагментированного предложения часто получает отрицательную оценку, расценивается как пунктуационная ошибка, предлагаются пути решения этой

¹³ Ср.: «Мы встречаем фрагментированные предложения тогда, когда во них отсутствует либо подлежащее (чаще существительное), либо предикат». [<http://academicguides.waldenu.edu/writingcenter/grammar/runonsentences>] (дата обращения: 18.03.2015); «группа слов, которые вынесены за пределы предложения, но в них не хватает подлежащего или предиката» [<http://www.learnersdictionary.com/definition/sentence%20fragment>] (дата обращения: 18.03.2015).

проблемы у обучаемых [Quirk et al 1985; Greenbaum 1996]¹⁴. В статье «Свежий взгляд на фрагментированные сегменты», посвященной анализу использования фрагментов в ежегодной антологии «Лучшие американские эссе» (*The Best American Essays*), Е. Шустер, хоть и оправдывает их применение риторическими задачами, но призывает «остерегаться» в практике преподавания [Shuster 2006]. В ряде источников подчеркивается, что фрагменты не могут использоваться самостоятельно в нормативном английском языке¹⁵, что фрагменты нарушают норму современного английского языка и с ними нужно бороться. Например, в учебнике по пунктуации приводятся такие примеры с фрагментами и способы их исправления:

«Sentence with fragment: I always admired Gandhi. *The great Indian leader.*

Correction: I always admired Gandhi, *the great Indian leader.*

Alternative: I always admired Gandhi. *He was a great Indian leader.*

Example: He was lost in his own world. *Dreaming of daring deeds in distant lands.*

Correction: He was lost in his own world, *dreaming of daring deeds in distant lands.*

Example: We'll get lunch. *After we do our shopping.*

Correction: We'll get lunch *after we do our shopping.* [Halverson 2001: 15-16]

В работах Дж. Лича, М. Шорта и М. Стаббса приводятся количественные данные встречаемости этих и подобных стилистических приемов в определенных текстах или корпусах текстов. Эти исследования, в которых был осуществлен тексто-ориентированный подход, привели лингвистов к выводу о том, что нарушение автором пунктуационных норм

¹⁴ См. также, например, «фрагментированное предложение есть группа слов, которая отделена финальным пунктуационным знаком, но является грамматически неправильной» [<http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:nnmzIA-bxu8J:highered.mheducation.com/sites/dl/free/0072381329/47266/Fragments.ppt+&cd=38&hl=ru&ct=clnk&gl=fr>] (дата обращения: 21.02.2015).

¹⁵ См., например, [<http://dictionary.reference.com/browse/sentence-fragment>] (дата обращения: 01.03.2016).

может производить определенный эффект на читателей [Leech, Short 2007; Stubbs 2005].

Американские лингвисты Д. Блексли и Дж. Хугивин понимают под фрагментом «одиночный оборот» (an orphaned phrase), «фрагментированное выражение» (phrase fragment), например:

- фрагменты-приложения: To add a reddish cast to gold, medieval artists used dragon's blood. *A darkish red paint made from palm tree resin.*

- фрагменты-списки: For my birthday I want four kinds of cake. *Specifically, lemon, Germain chocolate, coconut with custard fillig, and Boston cream pie* [Blakesley, Hoogeveen 2011: 452-453].

Подразделяя фрагменты на 1) «зависимые части сложного предложения» (dependent clauses) и 2) «преднамеренно выделенный фрагмент» (deliberate fragment), авторы проводят четкую границу между отчленением частей сложного предложения и части простого предложения. В обоих случаях рекомендуется избегать использования фрагментов, но во втором отмечается, что это ограничение касается только официально-деловых текстов и школьных сочинений; в хорошей художественной литературе фрагменты – хоть и редкий, но эффективный прием: «Важно понимать, что *известные писатели используют фрагментированные предложения, редко, но эффективно, в различных контекстах*» [Blakesley, Hoogeveen 2011: 454].

Несмотря на неоднозначную оценку феномена, исследователи сходятся на том, что «фрагментация» является особым стилистическим (риторическим) приемом, способным усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений пунктуационно выделяемых фрагментов, имеет очевидные преимущества по сравнению с нейтральными, каноническими структурами.

В одной из наиболее любопытных работ, посвященных изучению эффектов, производимых фрагментированным предложением на читателя, авторы опираются на методы традиционной стилистики и техники экспериментальной и когнитивной психологии [Emmott, Sanford, Morrow

2006]. Эта интердисциплинарная методология была разработана в лаборатории Э. Сэнфорда (Университет Глазго, Великобритания), занимающейся экспериментами, связанными с изучением внимания реципиента, лингвистическими и нелингвистическими способами его привлечения или снижения (attention-capturing or attention-lowering) [Sanford 2002; Sanford, Sturt 2002; Sanford et al. 2002, 2006; Sturt et al. 2004; Emmott 2003, 2006; Emmott et al. 2006; Bohan, Sanford 2008; Sanford, Emmott 2012].

На первом этапе исследования проводится стилистический анализ конструкций. Авторы рассматривают фрагментацию как стилистическое средство, вводят понятие «кумулятивная фрагментация», под которой понимают совокупное использование фрагментации и других средств, потенциально выступающих как «средства, захватывающие внимание читателя» (attention grabbers). В более поздней работе авторы продолжают изучение стилистических свойств фрагментированных предложений и отмечают также, что «использование фрагментов осуществляется в ключевых моментах литературных текстов» [Emmott, Sanford 2012: 28].

Исследователями выделяется шесть типов фрагментации:

- 1) фрагментированные предложения с повтором и парафразом, которые особым образом подчеркивают информацию, содержащуюся во фрагменте;
- 2) фрагменты, выделяющие значимые детали, которые могли упоминаться в предыдущем контексте, но приобретающие здесь особую важность, или значимые уточнения, которые передают мыслительный процесс героев;
- 3) фрагментированные предложения – расколотые структуры, в которых «слова, которые, казалось бы, принадлежат концу предыдущего предложения, но встречаются как фрагменты, как если бы предыдущее предложению было расколото надвое», что производит особый драматический эффект [Emmott, Sanford, Morrow 2006: 12];
- 4) фрагменты, представляющие собой оценки и выводы;
- 5) фрагменты, усиливающие отрицание или корректирующие их;

б) фрагменты, управляющие топиком, т.е. выводящие в фокус внимания информацию, значимую для последующего развития эпизода.

На втором этапе авторы проводят психологический эксперимент, исследуя, как и насколько хорошо запоминаются читателями изучаемые фрагменты. Участникам эксперимента было предложено просмотреть на экранах компьютера файлы с тремя вариантами отрывков из текстов, содержащих: 1) стилистически нейтральное предложение, 2) фрагментированное предложение и 3) фрагментированное предложение, вынесенное в абзац (более подробно в [Emmott, Sanford, Morrow 2006: 17-23]. Наибольшему запоминанию и осмыслению со стороны читателей подверглись второй и третий варианты, причем максимальное внимание привлек второй вариант, что не оправдало ожиданий исследователей, которые прогнозировали преобладание третьего варианта. Авторы сделали вывод, что использование фрагментированных предложений действительно обеспечивает максимальное увеличение внимания читателей к их содержанию и в целом приводит к лучшей их запоминаемости. В понятие «фрагментированное предложение» (*sentence fragment*) авторы включают различные структуры, характеризующиеся неполнотой и краткостью: парцеллированные конструкции (пример 1), эллиптические предложения (пример 2), короткие предложения, вынесенные в отдельный абзац (*mini-paragraphs*) (пример 3), в ряде случаев представляющие собой абзацную парцелляцию (пример 4):

1) Money was just a score, that was all, the mark of your ingenuity. **And luck.** (Louise Dean [2004]. *Becoming Strangers*, p. 185)

2) Everything was automatic now – down the stairs to the cellar, the light switch, the deep freeze, the hand inside the cabinet taking hold of the first object it met. She lifted it out, and looked at it. It was wrapped in paper, so she took off the paper and looked at it again.

A leg of lamb.

All right then, they would have lamb for supper. (Roald Dahl [1979]. «Lamb to the slaughter», p. 25)

3) His last labored actions governed by a tropism. An orientation urging him toward death, decay and nonbeing. A dismal alchemy controlled him; culminating in the grave.

He ascended another step.

I'm going to make it, he realized. (Philip K. Dick [2001]. *Ubik*, p. 184)

4) There was clothing folded on a chair, a bag beneath it. As the doctor pulled out the bag, Rebus saw something. **A flat white cardboard box.**

A white cardboard pizza box. (Ian Rankin [2000]. *The Hanging Garden*, pp. 18–19) (Цит. по [Emmott, Sanford, Morrow 2006: 7, 12])

Результаты, полученные исследователями, подтверждаются и в работах Р. Мюллера [Müller 2013], Э. Стокдейл [Stockdale 2008] и обладают, безусловно, большой ценностью и для нашего исследования, являются экспериментальным подтверждением эффективности применения изучаемого феномена.

Исследования, посвященные функционированию фрагментированных предложений, выполнены на материале текстов художественной литературы. Самостоятельный анализ фрагментирования в газетных текстах, хоть и отмечается как важный и необходимый, как и в политических и рекламных текстах [Emmott, Sanford, Morrow 2006: 24], но на данный момент британскими и американскими исследователями не предпринимались.

За пределами исследовательского интереса британских и американских лингвистов остались грамматические, семантические, прагматические и дискурсивные особенности отчленяемых фрагментов. Нечеткие и обтекаемые дефиниции, используемые лингвистами, приводят к объединению под термином «фрагментация» разнородных синтаксических явлений. Следует признать, что, несмотря на очевидную актуальность и наличие целого ряда интересных работ, стилистические функции фрагментации изучены на данный момент также недостаточно и только на

материале текстов художественной литературы. Значительной ценностью обладают результаты исследования лингвистических средств, управляющих вниманием читателя, которые были получены в лаборатории когнитивной психологии А. Сенфорда.

Немецкие исследователи также обращались к исследованию парцелляции. Небольшой обзор их работ содержится в кандидатской диссертации Н.Н. Голиковой, которая подчеркивает слабую разработку вопроса, запутанность и отсутствие теоретически аргументированных концепций в немецком языке [Голикова, 1986: 13]. Такие ученые, как Г. Штарке, У. Хоберг, Х. Бекемюль, К. Боост, Л. Шпитцер и др. пользуются самыми разными терминами для названия парцеллированных конструкций: *вынос за рамку, изоляция, присоединение, расчленение, парцелляция, обособление* или *расширение*. Данное явление рассматривается как стилистически отмеченное, используемое писателями для достижения определенных эффектов [Голикова, 1986: 13-23].

Л.В. Фадеева также отмечает, что явление парцелляции до сих пор не нашло достаточно широкого освещения в трудах немецких лингвистов, хотя оно весьма широко распространено в современной немецкой художественной литературе и представляет собой одну из тенденций развития синтаксиса немецкого языка [Фадеева 2011: 249-250]. Парцелляция расценивается лингвистами как негативное явление современного синтаксиса, проявление ущербного «языка астматиков» (*Asthmadeutsch*) [Wonrich 1965: 81]. Авторы опасаются, что парцелляция может стать «сумасбродным модным увлечением» (*Modetorheit*) и усматривают в ней «угрозу немецкому предложению» [Kaden 1965: 225]. Х. Бринкман выдвигает теоретические положения, объясняющие механизм появления парцелляции и сферы ее применения [Brinkmann 1971]. В. Шнайдер настаивает на несознательном использовании авторами этого типа структур, полагая, что это происходит «под влиянием диалекта или разговорного языка» или же «с целью копирования французского порядка слов» [Schneider 1959: 384]. Отмечается,

что в парцеллировании отражается основная тенденция развития современного немецкого синтаксиса к разрыхлению синтаксической конструкции (*syntaktische Auflockerung*), что сближает литературный язык с разговорным, делая его эмоциональнее и проще [Степаненко 1979: 78].

1.1.2. Этапы и направления исследований парцелляции в отечественной лингвистике

Показательной чертой российской лингвистики является активный интерес к парцелляции в разных языках. Российскими исследователями было установлено, что парцелляция является межъязыковой универсалией и присуща языкам различных типов: как аналитическим, так и синтетическим.

Наибольшее количество исследований выполнено, безусловно, на материале **русского языка**: Ю.В. Ванников, 1965; Е.А. Иванчикова, 1968; А.П. Сквородников, 1981, 1982; Е.А. Вильчицкая, 1991; Мясищева Н.Н., 1993; А.Э. Цумарев, 2003, 2007; Я.Н. Пинегина, 2005; Р.О. Зелепукин, 2007; В.В. Савченка, 2008; Т.Л. Ваулина, 2008, 2009; Т.М. Веселовская, 2009; Н.О. Григорьева, 2010; Э.И. Сибгатова, 2010; О.В. Шушлебина, 2012; В.А. Сабурова, 2012; А.А. Добрычева, 2010, 2011, 2012, 2013; Н.Н. Гурьева, 2010, 2013, 2014; О.А. Астафьева 2014; А.Е. Абрамова, 2014; М.П. Болотская, 2014; Е.В. Харитоновна, 2013, 2014; Л.П. Водясова, 2014; Н.Ю. Ступичева, 2014, 2015; О.В. Марьина, 2009, 2010, 2011, 2015; Т.Ф. Глебская, 2015; О.В. Арзямова, 2015, Д.М. Дедковская, 2015.

Парцелляция активно изучается на материале

- романских и германских языков:

- *французского языка*: Ж.А. Винтман, 1973; Л.Н. Рыжикова, 1978; Л.С. Суровенкова, 1982; Л.Н. Калинина, 1985; Н.К. Молош, 1994; О.В. Юнгерова, 2010; А.М. Еливанова, 2013; Ф.С. Кудряшова, 2014; И.С. Волков, 2015; А.С. Хабочкина, 2015; Г.М. Власенко, 2015;

- *испанского, итальянского и португальского языков:* Е.В. Литвиненко, 1984; К.Э. Вяльях, 2015;

- *английского языка:* В.Ф. Мильк, 1958; М.Т. Гаибова, 1973; Ж.Е. Петрашевская, 1974; В.И. Стрельцов, 1974; Г.М. Астапова, 1975; В.В. Кузнецов, 1986; Н.К. Филонова, 1982, 1989; И.И. Степанова, 1993; И.В. Алексеенко, 2006; А.З. Хаймурзина, 2008; С.В. Быкасов, 2009; Л.В. Фадеева, 2009; Н.В. Иноземцева, 2011; М.А. Марышова, 2011; И.В. Усова, 2013; В.Ю. Белоусов, 2014; В.В. Пимшина, Н.В. Матвеева, 2014; О.Л. Петрова, 2015; Е.С. Петрова, А.С. Беседина, 2015; М.К. Апетян, 2015;

- *немецкого языка:* Р.П. Лисиченко, 1972, 1973; Н.Н. Голикова, 1986; Л.Ф. Рябкова, 1988; Ю.М. Малинович, 1990; Л.А. Рачковская, 2002; Е.В. Борисова, 2003; О.П. Каркошко, 2009, 2010, 2011; О.И. Таюпова, 2011; Е.Н. Рожкова, 2011; Л.В. Фадеева, 2011; В.М. Зинченко, 2014; Ю.А. Макарова, 2015; И.В. Головина, 2015;

- славянских языков:

- *болгарского языка:* М.О. Ступкина, 2007, 2008;
- *польского языка:* Ж.Р. Сладкевич, 2012;
- *украинского языка:* В.В. Жайворонок, 1970; М.П. Савцова, 1969; С.Н. Марич, 1988; У.Б. Галив, 2014; А.М. Писаренка, 2012;
- *белорусского языка:* Л.И. Бурак, 1979.

Исследования этого феномена строятся и на материале языков республик бывшего Советского Союза, а также с 2010-х годов опираются на данные языков, распространенных на территории Российской Федерации и относящихся к различным языковым семьям:

- тюркской ветви алтайской семьи:

- *узбекского языка:* Б. Турсунов, 1975, 1978, 1982, 1993; А.А. Гаффаров, 1997;
- *казахского языка:* А.Т. Акыжанова, 2014;
- *киргизского языка:* Т.Т. Токоев, 1995;

- *татарского языка*: Ф.С. Сафиуллина, 1974; Р.Ж. Саурбаев, 2011;
- *чувашского языка*: Т.Н. Гурьева, 2012;
- *якутского языка*: Н.А. Ефремова, А.А. Степанова, 2014; Н.М. Борисова, 2014;

- *башкирского языка*: Г.А. Басырова, 2010; А.Н. Рысаева, 2011; Ф.С. Кудряшова, 2014;

- абхазо-адыгейской семьи:

- *адыгейского языка*: М.Д. Кунова, 2011;

- уральской семьи:

- *удмуртского языка*: О.П. Никифорова, 2014.

Сопоставительный анализ особенностей парцелляции содержится в немногочисленных статьях и диссертациях, построенных на материале следующих пар языков:

- *русский и английский*: Э.А. Зоидзе, 2012; А.Е. Сарбасова, 2010;
- *русский и французский*: Ю.В. Богоявленская, 2002, 2003, 2013, 2014, 2015;
- *русский и немецкий*: О.П. Каркошко, 2009, 2011;
- *английский и татарский*: Р.Ж. Саурбаев, 2011;
- *русский и украинский*: Е.С. Зверева, 1998.

Э.А. Зоидзе в статье, посвященной сопоставительному исследованию парцелляции в русских и английских аналитических газетных текстах, отмечает, что плотность парцелляции в русских статьях несколько выше, чем в английских; по данным ученого, разница составляет 9%. А.Е. Сарбасова фиксирует многочисленные сходства в использовании парцелляции в английских и русских художественных текстах. Как отмечает исследователь, расхождения обнаруживаются главным образом в сфере морфологии отчлененного сегмента. Изучая парцелляцию как элемент структурно-семантического осложнения простого предложения в английском и татарском языках, Р.Ж. Саурбаев выявляет многочисленные сходства в ее применении в художественной литературе. В наших более ранних работах

сопоставлялись структурно-семантические особенности русских и французских парцелированных конструкций, построенных по моделям простого предложения.

Итак, в отечественной лингвистике были предприняты глубокие и разноаспектные исследования парцелляции. Это обусловило, с одной стороны, значительное развитие этой теории, постоянно обогащающейся данными, полученными на материале разноструктурных языков. С другой стороны, появление многих дискуссионных вопросов, так и не нашедших к данному моменту однозначного решения. Для осмысления достижений, проблемных вопросов и выявления еще неизученных аспектов считаем необходимым проследить развитие теории парцелляции в отечественной лингвистике и, учитывая сложившуюся ситуацию, сформулировать наше видение состояния проблем и перспектив настоящего исследования.

1.1.2.1. Исторический обзор исследований парцелляции

В научный обиход термин «парцелляция» вошел не сразу. В лингвистической литературе с 60-х годов XX века для обозначения изучаемого феномена он использовался наряду с термином «присоединение», реже парцелляция ассоциировалась с *сепаратизацией* [Андриевская 1969, 1973; Рыжикова 1978], *подключением* [Колесников 1971], и также как и во французской лингвистике, *добавлением*¹⁶ [Лаптева 1976]. На современном этапе наиболее спорными остаются содержание понятий «парцелляция» и «присоединение», границы между которыми так и остаются размытыми, остальные терминологические наименования не закрепились.

Развитие теории парцелляции в отечественной лингвистике шло иным путем, нежели на Западе. Это развитие можно охарактеризовать как непрерывистое, поступательное и концентрическое: следуя за общими

¹⁶ Терминологическая ирония заключается в том, что в российском научном обиходе утвердился термин, восходящий к слову французского происхождения *parceller* («делить, дробить на части»). Французская лингвистика предпочла термин «добавление», что свидетельствует об ином осмыслении феномена.

тенденциями в лингвистике, оно не отходило от структурного и синтактико-семантического аспектов изучения этого феномена.

Перейдем к историческому обзору.

Впервые термин «парцелляция» в современном значении был предложен А.Ф. Ефремовым в работе, посвященной языку Н.Г. Чернышевского. Ученый определил парцелляцию как прием, который «как бы разламывает предложение на части, превращая их в эквиваленты самостоятельных предложений» [Ефремов 1951: 78]. При этом структура предложения деформируется «своеобразной расстановкой знаков препинания, нарушающей общепринятые правила» [Ефремов 1951: 76]. Необходимо при этом заметить, что явление парцелляции фиксировалось и ранее¹⁷, но не получало в лингвистике описания и до указанной работы не имело терминологического обозначения.

60-е гг. ознаменовались фундаментальными исследованиями в области парцелляции. Важным этапом в формировании и развитии теории парцелляции стало появление диссертационного исследования Ю.В. Ванникова, в которой исследователь сформулировал основные теоретические положения, на многие десятилетия предопределившие развитие этой теории. Автором было дано определение парцелляции, являющееся основой современных дефиниций, выявлены структурные типы, логико-семантические и экспрессивные особенности конструкции.

В конце 60-х – 70-х годах в центре изучения исследователей парцелляции оказались структурные особенности парцеллированных конструкций (Г.Н. Рыбакова, 1969; В.И. Стрельцов, 1974, другие); их интонационные характеристики (Р.П. Лисиченко, 1972; Л.С. Сержан, 1973). Развитие функционально-стилистического направления в лингвистике

¹⁷ «мы находим точку не только между грамматическими предложениями, но и, что важнее всего, между такими формами, которые, не будь между ними точки, непременно читались и сознавались бы как члены одного и того же грамматического предложения. И если мы не хотим попасть в порочный круг, объявить «предложением» то, что отделено точкой, то мы должны будем признать, что дело тут не в границах между предложениями, а в чем-то ином. Это иное есть ритм и интонация того, что отделено точкой. Точка, несомненно, определенным образом читается, и потому-то пишущий и может ставить ее везде, где хочет вызвать соответствующее чтение» [Пешковский 1959, 20-21].

отразилось на появлении значительного числа работ, посвященных изучению стилистического аспекта парцелляции (В.В. Гаврилова, 1961; А.А. Азовцева, 1970; А.А. Андриевская, 1969, 1973; М.Т. Гаибова, 1973; М.А. Авласевич, 1973; Н.П. Киселева, 1974; Л.Н. Константинов, 1974; Б. Турсунов, 1975; Г.М. Астапова, 1975; В.А. Платонова, 1975).

В 70-е годы повышенный интерес к семантике углубил сферу исследования языковых явлений. Проблемы, разрабатываемые в этот период, были связаны с изучением семантических особенностей парцеллированных конструкций, их функционированию в тексте (А.В. Колесников, 1971; Ю.С. Дулалаев, 1971; В.И. Зельцер, 1973; Л.С. Сержан, 1973; З.В. Невижина, 1975; Л.И. Ступакова, 1975; Л.Н. Рыжикова, 1978). Исследователи, работающие в рамках структурно-функционального подхода, анализировали парцелляцию с позиций актуального членения (Ю.В. Ванников 1965; Г.В. Ким 1965; М.Е. Шафиро 1965; П.В. Кобзев 1966; Г.Н. Рыбакова 1969; Ж.А. Винтман 1973; Л.С. Сержан 1973; М.Т. Гаибова 1973; В.И. Стрельцов 1974; Б. Турсунов 1975; Л.Н. Рыжикова 1978; Л.И. Соколова 1977; А.П. Сквородников, 1978).

В конце 70-х годов стал намечаться новый поворот в развитии общей лингвистической теории, что было связано с прагматикой. Однако работы, посвященные определению коммуникативно-прагматических функций парцелляции, появились в 80-90-е годы (Л.С. Суровенкова, 1982; В.В. Кузнецов, 1986; Е.А. Вильчицкая, 1991).

Достаточно подробно в 80-е и 90-е годы на материале различных языков были изучены коммуникативные (Н.А. Фролова, 1986; Н.К. Филонова, 1982, 1989; Е.А. Скоробогатова, 1990) и стилистические особенности парцелляции (А.П. Сквородников, 1982; О.В. Александрова, 1984; Е.М. Белкина, 1993; М.И. Дмитриева, 2000).

2000-е годы можно охарактеризовать как бум в исследованиях парцелляции, выразившийся в сотнях публикаций, которые, с одной стороны, продолжили уже заложенные традиции, а с другой, изыскивали новые подходы для ее изучения. Причиной этого стало формирование и быстрое

развитие на стыке XX и XXI веков антропоцентрической парадигмы. Интересы исследователей переключились с объектов познания на субъекта, т.е. стали анализироваться человек в языке и язык в человеке [Маслова 2001: 5]. В центре лингвистического анализа оказалась личность носителя языка, что отразилось и на подходах к изучению парцелляции (А.Э. Цумарев, 2003; Е.Г. Сидорова, 2007; Р.О. Зелепукин, 2007; А.А. Лаврова, 2010; Н.Н. Орехова, 2010; О.И. Таюпова, 2011; В.А. Сабурова, 2012; Н.Н. Гурьева, 2013а, б, 2014; Е.А. Абрамова, 2014; Л.Г. Горбунова, Т.Н. Лияскина, 2015; Ю.А. Макарова, 2015; Т.Н. Колокольцева, 2015).

Явление парцелляции изучалось в советском и российском языкознании с различных точек зрения, что объясняется неоднозначностью и многогранностью ее характера, и прежде всего с позиций семантико-синтаксических функций, выполняемых парцеллятами, т.е. в терминах предложения и членов предложения (Ю.В. Ванников, 1969; Л.С. Сержан 1973; Ж.А. Винтман 1971, 1973; Е.В. Литвиненко 1984; Н.Н. Мясичева 1993; М.О. Ступкина 2008; А.А. Добрычева 2010; О.П. Каркошко 2011; А.Р. Чепиль 2011; Н.Н. Гурьева 2012; А.М. Еливанова 2013; И.В. Щебаршина, Л.М. Пазова 2013; А.Т. Акыжанова 2014; В.Ю. Белоусов 2014; А.С. Хабочкина 2015). Учеными отмечается, что парцеллированию более всего подвержены примыкающие, слабоуправляемые и сочиненные элементы: обстоятельства, однородные члены предложения, реже дополнения и определения. Результатами таких исследований становятся классификации парцеллированных конструкций по типам парцеллятов-членов предложений или частей сложного предложения; классификации, ориентированные на степень их экспрессивности, средств связи парцеллята с основной частью и др. Следует отметить, что на каждом новом исследовательском материале, ограниченном определенным языком, стилем, жанром, литературным направлением, автором, а также от того, насколько узко или широко понималась парцелляция, лингвисты получали разные результаты, что

стимулировало и продолжает стимулировать дальнейший научный поиск в данном русле.

Становление коммуникативной парадигмы поддерживает интерес к парцеллированным конструкциям как явлениям актуального (коммуникативного) синтаксиса, несущим в парцеллированной части дополнительную рему высказывания [Суровенкова 1982; Богданова 1985; Кузнецов 1986; Сербина 1988; Филонова 1982, 1989; Филонова, 1982, 1989; Скоробогатова 1990; Вильчицкая 1991; Быкасов 2009; Петрова 2015; Вяльяк 2015].

Парцелляция рассматривается также в рамках трансформационного синтаксиса [Гурьева 2010; Таюпова 2011], но наибольшее количество работ выполнено с опорой на достижения теории экспрессивного синтаксиса [Сковородников 1981; Цумарев 2003; Шушлебина 2012; Гурьева 2013; Еременко 2014; Болотская 2014; Голубева, Губарь 2015; Куралева, Абдульманова 2015; Туранова 2015; Макарова 2015; Александрова, Астафьева 2015; другие]. К актуальным проблемам парцелляции относят и ее реализацию на текстовом уровне [Калинина 1985; Саутина 2011; Марышова 2012; Орехова 2012; Добрычева 2012; Онькова 2014; Марьина 2015; Дедковская 2015].

В центре внимания лингвистов оказываются и функционально-стилистические особенности парцелляции. При данном подходе парцелляция квалифицируется как стилистический прием, изучается ее функционирование в газетно-публицистических текстах [Ступакова 1974; Сковородников 1981; Сербина 1988; Атаджанова, 1988; Пинегина, 2005], в рекламе [Орехова 2012; Кузовова 2014; Запрягаева, Чимжакова 2013; Ксензенко 2013; Симонова, Башлыкова 2014; Пимшина, Матвеева 2014; Харченкова 2015], в художественной литературе [Платонова 1973; Рыжикова 1978; Калинина 1985; Мясищева 1993; Рубенкова 1999; Еливанова 2013; Каркошко 2011; Добрычева 2012, 2013; Шушлебина 2012; Моторкова 2013; Никифорова 2014;

Астафьева 2014; Зинченко 2014; Ступичева 2015] и в анекдотах [Александрова, Астафьева 2015].

Следует отметить огромный интерес лингвистов, занимавшихся проблемами парцелляции с позиций идиостилистики. Парцелляция признается одним из ведущих приемов В. Токаревой [Зелепукин 2007; Ступичева 2014, 2015; Марьина 2015], С. Довлатова [Добрычева 2012, 2013; Щебаршина, Пазова 2013], Л. Улицкой [Ступичева 2015], В.Д. Дудинцева [Астафьева 2014; Астафьева, Колосова, 2015], В. Аксенова [Сибгатова 2010], К.Г. Абрамова [Водясова 2014], французских писателей А. Сомон [Петренко, Слепакова 2007] и А. Макина [Кудряшова 2014], якутского писателя Н. Габышева [Ефремова, Степанова 2014]. Исследуются функции парцелляции в лирике Б. Пастернака [Голубева, Губарь 2015], в поэзии З. Гиппиус [Яцуга 2006а, б], в публицистических произведениях И. Андроникова [Сабурова 2012], в поэтике Г. Бакланова [Абрамова 2014], в поэтической речи XIX-XX вв. [Рубенкова 1999], парцелляция рассматривается как доминанта поэтического синтаксиса Лины Костенко [Галив 2014], как средство выделения художественной детали [Ступичева 2014].

Еще одно направление в изучении парцелляции – выявление ее интонационных особенностей [Лисиченко 1972; Виноградов 1984; Вильчицкая 1990; Скрипка 2010; Белоусов 2014].

Прагматический подход к проблемам парцелляции, в отечественной науке сводится в большинстве случаев к описанию функций парцеллированных конструкций в текстах, как правило, художественных, реже – газетно-публицистических [Суровенкова 1982; Вильчицкая 1990; Борисова 2003; Пинегина 2005; Хаймурзина 2008; Фадеева 2011]. Исследуется также потенциал парцеллированной конструкции с позиций теории речевого воздействия [Богоявленская 2014].

Выделяя тот или иной аспект парцелляции, ученые исследуют парцелляцию как проявление принципа экономии в языке [Стрельцов 1974; Инфантова 1973, 1984], как семантико-синтаксическую категорию

[Чернобривец 1987; Загнитко, Черных 1989], как показатель субъективной модальности [Ступичева 2015], как синтаксический экспликатор субъективно-модальных значений [Богоявленская 2015], как свидетельство дезинтеграционных процессов в синтаксисе [Марьина 2010, 2011а,б], как проявление синтаксического аналитизма в литературе постмодерна [Ступкина 2008; Балова, Будаева, Щербань 2015], как стратегию авторского дискурса [Гурьева 2014] и т.д.

Как и в зарубежных исследованиях, парцелляция иногда воспринимается как ненормативное явление, нарушение нормы [Бурло, Степанова 1990; Пинегина 2005], критикуется ее использование в письменном тексте. М.А. Ханутин трактует парцеллированные конструкции как «фрагментарные» предложения, «неудовлетворительные» с точки зрения нормы, и расценивает их как пунктуационную ошибку [Ханутин 1983: 15]. И.А. Магеррамов пишет следующее: «не до конца понятно стремление журналиста, образованного и достаточно хорошо владеющего языком (как это видно из множества примеров), идти на сознательное нарушение грамматической нормы и разрушать устойчивый стереотип восприятия читателя». Использование парцелляции трактуется автором как «попытка мнимого достижения коммуникативных целей»¹⁸, сопровождающейся «устойчивым нарушением грамматических норм письменной разновидности современного русского языка» [Магеррамов 2015: 313]. Р.П. Лисиченко, исследовавшая интонацию парцеллированного высказывания, также отрицательно реагировала на проникновение парцелляции в язык литературы и публицистики, усматривая в ней угрозу предложению [Лисиченко 1972: 3]. Однако сам автор в более поздней работе корректирует свою позицию: «едва ли можно оправдать стремление, а и иногда и требование, всегда оформлять высказывания только полными предложениями», так как «естественный процесс коммуникации вносит существенные коррективы в «нормативную

¹⁸ Ср. также: «Парцелляции подвергаются практически любые отрезки предложения и использование парцеллированных конструкций не кажется целесообразным и уместным» [Кормилицына 2003: 60-61]

грамматику», ведь «живая речь не всегда точно укладывается в канонизированные синтаксические рамки» [Лисиченко 1973: 193]. Хотя и кажется на первый взгляд, что точка парцелляции - «незаконная», но это не речевая ошибка. Парцелляция, как отмечает А.Ф. Прияткина, «это не обычное строение текста, а специальный стилистический прием, широко использующийся в художественной и публицистической речи в целях придания ей особой выразительности, экспрессии» и, соответственно, должна рассматриваться как нормативная для этих стилей [Прияткина 2005: 93]. Мы считаем подобный подход обоснованным и принимаем вышеобозначенную позицию.

1.1.2.2. Дефиниции парцелляции. Круг смежных явлений. Критерии идентификации

Анализ исследований, направленных на осмысление сущности парцелляции в соответствии со структурой определенного языка и с точки зрения того или иного подхода, делает очевидным тот факт, что полной ясности и согласованности позиций не достигнуто.

Сложности с определением парцелляции связаны с тем, что в «объектив» исследователей попадает 1-2 аспекта этого многогранного феномена (синтаксический и интонационный, синтаксический и коммуникативный, стилистический, риторический, синтаксический и прагматический и т.д.). «За кадром» остаются другие, важные для его понимания «границы».

В работах Ю.В. Ванникова было постулировано содержание понятия парцелляции как расчленение единой синтаксической структуры предложения, при которой она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах-фразах, отделенных друг от друга точкой на письме, паузой в устной речи [Ванников 1965, 1968, 1969, 1979]. Уточняя определение Ю.В. Ванникова, Е.А. Иванчикова отмечает, что

под парцелляцией следует понимать «прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [Иванчикова, 1968: 279]. Иванчикова Е.И. видит в парцелляции «речевое дробление грамматической модели предложения в целях логической и стилистической выразительности» [Иванчикова 1968: 278].

По мнению В.Г. Гака парцелляция является промежуточной формой между предложением и сверхфразовым единством, обладающей способностью «преодолеть жесткую схему предложения и привести синтаксическую структуру в соответствие с коммуникативным заданием высказывания» [Гак 1981: 204].

В.Л. Ринберг видит в парцеллированной конструкции «расчлененную синтаксему, отчего парцеллированное предложение передается не одной, а двумя или несколькими разъединенными единицами». Парцеллят, «при всей своей интонационной независимости», «характеризуется взаимозависимыми отношениями с основной частью» [Ринберг 1987: 39].

Исследуя функциональную перспективу парцеллированного высказывания, Н.К. Филонова называет эту конструкцию «единым тематическим комплексом, опирающимся на единую конструкцию, которая реализует определенную модель предложения» [Филонова 1989: 32].

Сербина Т.Г. учитывает в своей работе стилистическое и коммуникативное назначение парцелляции и определяет ее как «экспрессивный прием синтаксиса, сущность которого заключается в преднамеренном максимальном интонационном и позиционном отчленении элементов единой синтаксической структуры с целью актуализации какой-либо части высказывания» [Сербина 1988: 4].

Развивая идеи предшественников в докторской диссертации Е.В. Литвиненко приходит к выводу, что парцелляция является высшей ступенью обособления, которое следует понимать широко [Литвиненко 1984: 94-95].

Заслуживает внимания также трактовка парцелляции Е.А. Скоробогатовой, подчеркивающей важность рассмотрения этого явления на уровне текста. По мнению исследователя, парцелляция - это «текстовое по природе явление, находящее свое выражение в высказываниях, построенных по моделям предложений различных типов, расчлененных на несколько интонационно обособленных отрезков-фраз, которые имеют определенную коммуникативную самостоятельность» [Скоробогатова 1990: 8].

Н.Н. Мясищева определяет парцелляцию как универсальную категорию разговорной речи, отражающую не только собственно синтаксические особенности естественной разговорной речи, но и обнажающую механизм приспособления «устного синтаксиса» к нуждам «синтаксиса письменного» и обладающую значительными экспрессивными возможностями [Мясищева 1993: 3].

Б.Ю. Норман метко называет парцелляцию «компактным», «напряженным единством», «пронизанным своими внутренними синтаксическими силами» [Норман 1978: 104]¹⁹.

По мнению А.П. Сковородникова под парцелляцией следует понимать стилистический прием, «представленность предложения в виде двух или нескольких фраз в экспрессивных целях» [Сковородников 1981: 144].

Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина определяют парцелляцию как фигуру размещения, состоящую «в расчленении исходной целостной структуры (высказывания) на два интонационно обособленных отрезка», сопровождающемся «прерывистым ритмом (избыточной паузой) и интонацией пояснения, реализуемой в парцелляте; на письме этому соответствует знак точки». Функции парцелляции заключаются при данном подходе в символизации изменения эмоционального настроения и передаче

¹⁹ См. также его замечание: парцелляция - «это как бы игра, в основе которой – возможность сталкивать между собой в ходе речепроизводства не только единицы разных языковых уровней, но и свойства этих единиц: формальная завершенность предложения – это одно, а структурная завершенность – другое ...». [Норман 1994: 189]

неожиданной концентрации мысли на новом предмете, названном в парцелляте [Хазагеров, Ширина 1999: 151; 251-252].

Опираясь на коммуникативно-прагматический подход в своем исследовании, Е. В. Борисова дает следующую дефиницию: «Парцеллированная конструкция представляет собой расчлененную речевую реализацию единой структурно-семантической единицы, обусловленную коммуникативной и прагматической интенцией субъекта / субъектов речи» [Борисова 2003: 4]. Исследуя прагматические функции парцелляции в художественной речи, А.З. Хаймурзина подчеркивает, что использование парцелляции диктуется целью «достигнуть определенного воздействия на читателя, привлечь его внимание, эмотивно выделить значимые части высказывания» [Хаймурзина 2008: 13]. Парцеллированная конструкция определяется Я.Н. Пинегиной как «дискретная синтаксическая структура, передающая спонтанный «поток сознания», позволяет «оптимизировать рационально-оценочный и эмоциональный воздействующий потенциал» [Пинегина 2005: 7-8]. Петренко Т.Ф. и Слепакова М.Б. рассматривают парцелляцию как проявление кинематографичности литературного текста, как средство создания «иллюзии стоп-кадра», укрупнения и подчеркивания фрагмента действительности (техника наплыва камеры) или акцентирования внутреннего мироощущения персонажа. Авторы отмечают, что парцелляция «тяготеет к ассиметрии, разрушению равновесия текста, провоцируя напряжение в нем, усиливая хаоса событий или мыслей, его эмоциональность» [Петренко, Слепакова 2007: 122, 123].

Парцелляция изучается и как средство графической репрезентации ритма [Гумовская 2000; Габова, Хван 2013; Зинченко 2014]. Г.Н. Гумовская в докторской диссертации рассматривает парцелляцию как экспрессивную модификацию синтаксической конструкции, механизмом реализации эстетической интенции автора в которой является «диссимилятивный синтаксический ритм с функциональным сбоем за счет недостаточности обязательных компонентов пропозиции». Функциональный сбой ритма

отражает «авторскую позицию и имеет коммуникативно-прагматическую направленность» [Гумовская 2000: 235].

О.А. Турбина рассматривает парцелляцию как конструкцию и основную (грамматическую) категорию эмотивного синтаксиса²⁰, как одну из «наиболее типичных форм изменения лексического и грамматического означаемого предложения (его понятийной субстанции и грамматической формы), связанной с эмотивностью», наряду с обособлением и транспозицией, которые «в большинстве случаев в эмотивных предложениях проявляются в единстве, дополняя и эксплицируя друг друга» [Турбина 2013: 6] (см. также [Турбина 1994]).

Данный выше обзор исследовательских концепций позволяет выявить разнообразие подходов к изучению парцелляции. Прием, комплекс, синтаксема, единство, категория, средство, модификация, риторическая фигура и т.д. – этот терминологический разнобой не случаен: в нем проявляется многомерность, многоаспектность и полифункциональность данного феномена, а также его противоречивый характер.

На данном этапе исследования необходимо решить также один из наиболее сложных вопросов, который так или иначе решается в каждом исследовании, - вопрос отграничения парцелляции от смежных явлений [Петрашевская 1973; Суровенкова 1982; Виноградов 1984; Ступкина 2007; Ваулина 2008; Фадеева 2009; Каркошко 2010; Севрюгина 2012; Власенко 2015 и т.д.]. Решение проблемы смежности имеет принципиальное значение, поскольку определение границ эмпирического материала, как известно, оказывает влияние на его результаты.

Проблема смежности парцелляции с другими синтаксическими явлениями активно обсуждается в работах как отечественных, так и французских лингвистов. В круг смежных явлений попадают присоединение,

²⁰ О.И. Турбина уточняет, что «термин *категория эмотивного синтаксиса* условен. Это единица метаязыка, обозначающая определенный принцип в типологии эмотивного языкового представления. Само же образное мышление по своей природе некатегориально» [Турбина 2013: 5].

эллипсис и вопросно-ответные единства, номинативные предложения, обособление.

Наиболее дискуссионным является вопрос разграничения парцелляции и присоединения. Не углубляясь в полемику, представленную на страницах статей, специально посвященных этой теме [Сковородников 1978а; Ступкина 2007; Ваулина 2008; Каркошко 2010; Севрюгина 2012] и диссертационных исследований [Суровенкова 1982; Молош 1994; Ступкина 2008; Добрычева 2012 и т.д.], выделим основные подходы к решению вопроса о соотношении парцелляции и присоединения:

1) одно из явлений трактуется более широко, нежели другое: присоединение рассматривается как частный случай парцелляции или же парцелляция рассматривается как разновидность присоединения [Рыжикова 1978; Ступакова 1975; Лияскина, Горбунова 2015];

2) терминологическое разногласие представляется непринципиальным, поскольку за этими терминами стоит одно явление [Боевец, 1971а, б; Винтман, 1972; Référovskaja, Vassiliéva 1973; Гак 1981; Цыганова 2001; Валгина 2004; Цыганова 2004; Левицкий 2005; Солганик 2006; Гребень 2014];

3) парцелляция и присоединение – два различных явления.

При этом подходе парцелляция трактуется как прием экспрессивного синтаксиса, связывается с расчленением предложения на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки. Под присоединением понимается семантический оттенок средств связи, придающих высказыванию, за которым они следуют, значение добавочного сообщения. Парцелляция и присоединение при этом относятся к разным уровням языка. Присоединение классифицируется как явление статического аспекта предложения, относящееся к одному из типов лексико-грамматических отношений, парцелляция – как явление коммуникативно-функционального плана предложения, его динамического аспекта [Ванников 1965;

Сковородников 1978а, б; Ступкина 2007; Ступкина 2008]. Данный подход, с нашей точки зрения, является наиболее обоснованным.

Признание парцеллята неполным предложением представляется недостаточно обоснованными [Блох 1969; Кобзев 1966; Стрельцов 1974; Волкова 1977; Добродумов 1986]. Парцеллят расчлененного простого предложения, в отличие от сложного, не представляет собой самостоятельную предикативную единицу, то есть не обладает предикативностью – грамматическим значением, относящим информацию к действительности, эталоном которого служит глагол в финитной форме. Такая трактовка парцеллята возможна только при парцелляции сложного предложения, где членение проходит по линии связи двух предложений, являющихся его составными частями. Но и в этом случае парцеллят является коммуникативно недостаточным вне связи с основной частью и, как отмечает П.Р. Дудик, «воспринимается как совсем недостаточный в смысловом отношении» [Дудик 1975: 203].

Ряд исследователей рассматривают парцелляцию как «сильное обособление» или подчеркивают ее близость к этому явлению. Например, Ю.В. Ванников называет обособление *полупарцелляцией*, а само явление парцелляции рассматривается им как разновидность обособления, его предельный случай [Ванников 1979: 102]. Б.Ю. Норман рассматривает парцелляцию как разновидность обособления [Норман 1994: 188-189], поскольку при парцелляции, как и при обособлении, «некоторый член высказывания «выносится за скобки», отчуждается от синтаксической структуры фразы». Отличие этих явлений он видит в том, что при парцелляции отчленяться могут как структурно необязательные, так и обязательные словоформы, что невозможно при обособлении [Норман 1978: 105].

Мы солидарны с позицией А.П. Сковородникова, тонко подметившим ряд существенных отличий между парцеллятом и обособлением:

1) парцеллят, как правило, находится в постпозиции по отношению к базовой части, тогда как обособление возможно в любой позиции;

2) парцелляция распространяется и на область сильноуправляемых членов, что не характерно для обособления;

3) с точки зрения функциональной перспективы высказывания различие между парцелляцией и обособлением проявляется в том, что обособление выражает дополнение «нового», в результате чего создается второй дополнительный центр сообщения внутри одного высказывания, а парцелляция превращает это бывшее при обособлении «новое» в основной центр высказывания, в его коммуникативное ядро [Сковородников 1981: 141-143].

Перейдем к обсуждению критериев идентификации парцеллированной конструкции.

В лингвистической литературе нет единого мнения по поводу того, какие структуры следует включать в состав парцеллированных конструкций. Анализ используемого различными авторами эмпирического материала показывает, как уже указывалось, что в понятие парцелляции вкладывается разное содержание. Как следствие, исследователи приходят к разным выводам. Спорными являются чаще всего вопросы о включении в состав парцеллированных тех случаев, в которых воссоединение высказывания возможно при некоторой перестройке текста, а также изолированных номинативных и адъективных фрагментов, чей статус до сих пор остается также дискуссионным.

Основополагающим критерием Е.А. Вильчицкая предлагает считать непрерывность синтаксической связи. Если эта связь нарушается (как в случае с дистантно расположенным членом предложения, расположенным после точки), то такая конструкция причисляется к присоединительным, например: *Он забыл об этом случае. Надолго.* [Вильчицкая 1991]. Такое ограничение представляется искусственным, так как даже в непарцеллированных высказываниях возможно разноместное расположение

данного элемента, что говорит о субъективном видении и отражением ситуации говорящим в речи: Он надолго забыл об этом случае / Он забыл надолго об этом случае / Надолго он забыл об этом случае.

Включение конструкций с повтором к парцелированным поддерживаются не всеми исследователями. Е.А. Иванчикова замечает, что это «лишает понятие парцелляции необходимой определенности», так как повторы «построены на ином синтаксическом принципе, чем парцелированные конструкции» [Иванчикова 1969: 132-133].

В этом вопросе мы исходим из следующих соображений. И дистантно расположенный парцеллят, и повтор в парцелляте по своей форме подчинены словам в основной части, что наглядно демонстрируется в следующих примерах:

- Il ne faut pas oublier que plus encore qu'un roman, «L'île du lézard vert» est une confession. *La confession d'un fils de Cuba*. (Le Figaro, 1.10.2004)
- Она - образец современной модернизации службы здоровья. *Службы, которая не для избранных. А для всех, кто в ней нуждается*. (Российская газета, 31.01.2013)

Форма слова в парцелляте не произвольна. Лексема, находящаяся в парцелляте, зависит от основной части как синтаксически, так и семантически. Поэтому, вслед за рядом исследователей [Ванников 1965; Сербина 1988; Фусян 1988; Gautier 2006; Combette, Kuyumcuyan 2010; Navu, Lefeuvre 2011; Emott, Sanford, Morrow 2006], мы включаем их в число парцелированных конструкций.

С нашей точки зрения, не следует включать в число парцелированных диалогические единства и эллипсис, которые причисляются некоторыми исследователями к парцелированным [Нестерова 1974; Борисова 2003; Gautier 2010]. Диалогические единства, как пишет Т. ван Дейк, это «особый тип речи, имеющий в основе свою собственную текстовую структуру» [van Dijk 1979: 512]. Понимание участниками диалога предмета речи делает нормальным использование незаконченных и эллиптических (но не

парцеллированных) высказываний в диалогических единствах, которые являются результатом речевой компрессии. Общие черты с парцелляцией они имеют лишь внешне. Эллиптическое предложение в диалогическом единстве «имеет нулевые позиции, которые восстанавливаются из состава предыдущего предложения» [Александрова, Тер-Минасова 1987: 157]. Вопрос о статусе фрагментов-реплик затрагивается в работах А. Кехлера и П.В. Куликова и Р. Джекендофа, которые также рассматривают их как эллиптические. На поверхностном уровне эти структуры не являются синтаксически полными, и их интерпретация зависит от связи с антецедентом в дискурсе. Причем для правильной интерпретации требуется учет семантико-прагматических факторов [Culicover&Jackendoff 2005: 234, 240, 242-243; Kehler 2000: 549, 571]. Французские исследователи чаще всего также исключают их из разряда «добавлений после точки».

Эллиптические предложения функционируют в составе как диалогических, так и синтаксических единств, где также наблюдается последовательность двух синтаксических отрезков, напоминающих парцеллированную конструкцию. Эллиптические предложения ситуативно или контекстно обусловлены, не имеют синтактико-семантической связи с основной частью, парадигматически соотносятся с другой моделью. Они не могут быть включены в состав предыдущего предложения, в то время как парцеллят можно ввести в рамку основной части, не нарушив при этом ее грамматичности.

И.И. Степанова полагает, что из анализа парцеллированных конструкций следует исключить приложения, дополнения, уточнения и сравнения [Степанова 1993: 30]. Нами они рассматриваются как отдельные виды парцеллированных конструкций, поскольку, на наш взгляд, представляют неотъемлемую часть предложений, подвергшихся парцелляции и неспособны функционировать в речи самостоятельно.

Вызывает возражение причисление к парцелляции следующих примеров:

- *Соломон схватил великого посла за рукав. Начал спорить. Пошли в каюту.*
- *На четвертый день посольство пришло на адмиральский корабль. Разостлали белый анатолийский ковер, положили дары.*²¹

В вышеприведенных примерах глаголы *Пошли* и *Разостлали* имеют другие референты, нежели в предыдущих высказываниях. Они восстанавливаются из контекста: в первом случае это Соломон и посол, во втором, очевидно, послы и их окружение. Восстановление исходной структуры проблематично из-за отсутствия согласования.

Наиболее остро стоит вопрос о различии парцеллированных конструкций и односоставных (номинативных) предложений, которое во французской лингвистике включается в понятие «безглагольная фраза»²². Здесь можно выделить два подхода: «добавление» либо противопоставляется «безглагольной фразе», либо рассматривается как один из ее видов.

«Безглагольная фраза» - довольно широкое понятие, включающее как части предложений, связанные с основой тесными структурно-семантическими связями, так и структуры, которые объединяет с предшествующей частью только семантические отношения (односоставные и неполные предложения в традиционном понимании).

М. Ноайи обращается к вопросу таксономической границы между «добавлением после точки» и «безглагольной фразы» и видит ее в синтаксической природе элемента, заключенного в точки. Именно синтаксическая специфика «добавления», по мнению ученого, «определяет его роль и интерпретацию и позволяет понять, имеем ли мы дело с безглагольной фразой или с добавлением» [Noailly 2002: 138]. Материальным критерием, позволяющим установить принадлежность конкретного случая к «безглагольной фразе», является невозможность его «возвращения» в предыдущее предложение. Подобный критерий выдвигается и в работе Б.

²¹ Примеры взяты из работы Ю.В. Ваникова [1979]

²² В качестве синонимов употребляются «énoncé nominal», «énoncé averbal», «segment averbal», «syntagme nominal».

Босредона и И. Тамба-Мекс, выделяющих «моносегменты», эквивалентные «безглагольной фразе» которые «не могут чередоваться со связанными или обособленными конструкциями, способными интегрироваться во фразу, которая им предшествует, так как они не находят там ни прямого референциального antecedента, ни синтаксической основы. Их сильная пунктуация, которая отчленяет сегмент, начинающийся с большой буквы, не может заменять слабую синтагматическую пунктуацию» [Bosredon, Tamba 2003: 31]. Включиться в «левую часть» «добавление после точки» может либо в качестве «связанной конструкции, либо обособленной, либо возможны оба варианта, однако, неравные, поскольку точка – это результат выбора пишущего» [Gautier 2006: 271].

Б. Комбетт и А. Кьюмкьюан также стоят перед проблемой отграничения «именных аппозитивных синтагм в добавлении» (*syntagmes nominaux en ajout*), не имеющих специальных маркеров связи с предыдущим контекстом, от «безглагольных автономных предикативных единиц» (*unités averbales prédictives autonomes*), которые соответствуют эллиптическим и номинативным предложениям в традиционном понимании. Авторы объединяют их под понятием «безглагольной фразы» (*phrase averbale*). Лингвисты отмечают, что четкой грани между ними не существует. Есть некий «предикативный континуум», «промежуточная зона», идентификация «дополнения» в которой сильно затруднена из-за внешней «автономности» этого вида. И только «контекстуальная информация» позволяет определить, функционирует ли данная единица как «дополнение» или как автономная единица [Combettes, Кюумсуюан 2010а: 3; 19.]. Этот контекстуальный критерий необходимо учитывать при их анализе.

Как пишут французские лингвисты, проблема идентификации «добавления после точки» и его отграничения от «безглагольной фразы», терминологические номинации и объем которой также нестабильны, зависят от авторского подхода, является весьма «деликатной» (*délicate*) [Combettes 2007; Noailly 2002; Gautier 2006]. Некоторые примеры переходят из статьи в

статью, осмысляется их статус, ведутся дискуссии о рассмотрении как «добавления» или приводятся аргументы об их включении в «безглагольную фразу». Но, как отмечает Ф. Лефевр, графически изолированные «добавления» и «безглагольные фразы» строятся по разным схемам, имеют различную грамматическую структуру и, разумеется, влекут различные интерпретативные эффекты [Lefeuivre 1999].

А. Готье приводит анализ следующего примера, интересного в затронутом контексте: *C'était le seul restaurant luxueux du quartier. Paulette ma marraine avait amené ses pouliches. Une véritable volière. Caquetages, petits cris... une rigolade joyeuse.* (Boudard) (Цит. по [Gautier 2010: 102]) Выделенный сегмент не поддерживает синтаксических отношений ни с предшествующим, ни с последующим высказыванием и представляет собой оценочное (ироническое) суждение о ситуации, оформленное номинативным предложением.

Проблему интерпретации составляют любопытные случаи, на которые указывают Б. Делорм и Ф. Лефевр. Авторы исследуют вопрос границы между графически изолированными адъективными конструкциями, имеющими вторичную и «автономную» предикативность. Признание последней свидетельствует о полноте предложения, осуществляющем законченное сообщение, а значит, и о том, что данные конструкции уже не могут рассматриваться как «добавление после точки». Предложенная классификация выглядит следующим образом:

1) «добавления после точки» - вторичные предикаты, способные легко «вернуться» в правый или левый контекст при снятии точки:

Libre. Vous pouvez résilier votre contrat d'assurance sans attendre un an. (publicité)

Puis l'homme gris se rassied, les yeux rivés sur le mur d'en face. *Insensible aux émotions des témoins.* (Le Nouvel Observateur) (Цит. по [Delorme, Lefeuivre, 2004: 2]).

2) предикаты, которые вызывают проблемы для осуществления данной

операции в связи с трудностью выявления,

а) с каким именно контекстом – правым или левым – они соотносятся. В качестве примера приводится следующее построение: *On est venu le chercher : il est Malek Boutih, président de SOS-Racisme. Orgueilleux, frémissant, tendu par l'enjeu, persuadé au fond de réussir.* Il est chevalier de l'Ordre du Mérite, ne porte pas de costard, « ça ne va pas aux petits », mais arbore le ruban sur son blouson. (Le Nouvel Observateur, 22-28 mai 2003) (Цит. по [Delorme, Lefeuvre, 2004: 6]).

Трудность в интерпретации данного примера составляет тот факт, что референтом *orgueilleux, frémissant, tendu par l'enjeu, persuadé au fond de réussir* является Малек Бути, который выражен в левом предложении именем собственным *Malek Boutih*, а в правом – местоименной клитикой *il*. По определению Ф. Неве, обособленное определение находится в подобных случаях в «полярной позиции завершения» (*position polaire de clôture*) или в «полярной позиции открытия» (*position polaire d'ouverture*) [Neveu 1998: 177]. Б. Делорм и Ф. Лефевр считают, что сегмент «представляет собой связующее звено между предыдущим и последующим дискурсом», что дает им основание для того, чтобы утверждать, что этот предикат «автономен» [Delorme, Lefeuvre 2004: 6]. Анализируя данный пример, другой исследователь, А. Готье, также приходит к выводу о том, что ввиду невозможности установления к какому именно предложению относится изолированный компонент, за ним следует признать синтаксическую автономию и, следовательно, исключить из числа «добавлений после точки». Полагаем, что при анализе подобных конструкций такого основания недостаточно, т.к., во-первых, отчлененный сегмент может располагаться как в пост-, так и в препозиции, как это показано в пункте первом, и это не препятствует его рассмотрению как «добавления». В действительности возможно различное восприятие данного сегмента адресатом-интерпретатором, который может связать (или не связать) его с предыдущим отрезком. На наш взгляд, анализируемый сегмент естественный образом вписывается в предыдущее предложение, выступая в роли обособленного

определения, которое чаще всего располагается именно в постпозиции по отношению к определяемому. Проверка посредством снятия точки, ее заменой на запятую, доказывает обоснованность этой интерпретации: *On est venu le chercher : il est Malek Boutih, président de SOS-Racisme, orgueilleux, frémissant, tendu par l'enjeu, persuadé au fond de réussir. Il est chevalier de l'Ordre du Mérite, ne porte pas de costard, « ça ne va pas aux petits », mais arbore le ruban sur son blouson.*

б) проблемой выявления референта, как например, в следующем фрагменте:

Son manteau noir enlevé, elle est apparue dans une robe d'été. Pas très grande, mince, des épaules rondes, douces, ensoleillées. Elle avait des cheveux noirs (Duras, La Vie tranquille) (Цит. по [Delorme, Lefeuvre 2004: 7]).

Изолированное определение, как рассуждают авторы, может иметь два референта: того, кто является темой предыдущей фразы, *она (elle)*, или же *летнее платье (robe d'été)* ввиду своей близости к фрагменту. Авторы признают, что с синтаксической точки зрения нет никаких препятствий для снятия точки и включения фрагмента в высказывание, сомнение вызывает только некоторая отдаленность от референта. Однако, на наш взгляд, некорректная интерпретация невозможна, поскольку данное определение можно приписать исключительно одушевленному объекту, т.е. к *она*.

3) предикат становится автономным, а значит не входит в группу «добавлений», в том случае, если адъективный сегмент расположен отдаленно от референта, выраженного существительным или местоименной клитикой. В данную группу попадают, на наш взгляд, разнородные примеры, некоторые из которых можно интерпретировать как «добавления»:

Heureux. Dimanche 7 décembre à Paris, au stade Pierre-de-Coubertin, à l'issue du tournoi de qualification olympique de taekwondo, Philippe Bouëdo, le directeur technique national (DNT), ne cachait pas son plaisir. (Le Monde, 10 décembre 2003)

Martha n'était pas reconnaissable. *Une vieille femme. Sans couleur, le visage raviné par les larmes. Dans un état d'agitation extrême, et d'abattement alterné.* (Aragon, Les Cloches de Bâle)

В первом случае мы абсолютно согласны с авторами. Фрагмент *Heureux*. представляется автономным, и не только по той причине, на которую указывают авторы - отдаленность от референта и потеря связи. Данное предложение мы квалифицируем как номинативное, оно является контекстуально и ситуативно обусловленным. Подобные предложения вступают в логико-смысловые отношения с высказываниями смежного контекста (правого или левого), выражая уступку, условие, причину, пояснение. В данном случае последующий контекст указывает на значение причины. Сказанное выводит подобные примеры за границы настоящей работы.

Следует признать продуктивной мысль авторов о том, что такой дискурсивный фактор как удаленность изолированного сегмента от элемента, указывающего на тот же референт, существенно ослабляет связь между ними, влияет на восприятие и его интерпретацию адресатом.

Во втором примере с точки зрения грамматики нет препятствий для включения выделенных сегментов в основную часть: *Martha, une vieille femme, sans couleur, le visage raviné par les larmes, dans un état d'agitation extrême, et d'abattement alterné, n'était pas reconnaissable.* Разумеется, в этом случае группа подлежащего воспринимается несколько громоздкой. Но именно в этом и проявляется одна из практических, текстообразующих функций парцелляции, тонко подмеченных российскими лингвистами – способность к устранению громоздкости [Ринберг 1987] или перегруженности [Виноградов 1984] синтаксической единицы. Действительно, парцелляция в подобных случаях способствует более гармоничному, сбалансированному синтаксическому представлению ситуации, описываемой в высказывании.

Вслед за В.Г. Гаком и Б. Комбеттом мы включаем в число парцелированных конструкций отчленение абсолютных конструкций [Гак

1981: 204; Combettes 2007: 118] на том основании, что они тесно связаны с основной частью и не могут функционировать в речи самостоятельно:

- A Cannes, lors de la présentation du Val Abraham à la Quinzaine des réalisateurs, la salle reste debout pendant un quart d'heure à nous applaudir. *Des larmes aux yeux*. (Libération, 11.09.2002)

Наконец, мы хотели бы обратить внимание на возникшую в последнее время тенденцию широкого понимания парцелляции, при котором в это понятие включаются конструкции, вычленимый сегмент которых отделяется от основной части не только финальными знаками препинания, но и двоеточием или точкой с запятой [Иноземцева 2011; Миронова 2005; Сладкевич 2012, др.]. На наш взгляд, такое расширение не оправдано, размывает понятие парцелляции, лишает ее специфики и обуславливает введение нами обязательного графического критерия: отчлененный сегмент может быть квалифицирован как парцеллят только при условии его оформления с заглавной буквы.

Итак, критериями идентификации парцелляции будем считать следующие:

1) **графический критерий:** в группу парцеллированных включаются сегменты, отделенные от основной части высказывания финальной синграфемой: точкой, восклицательным или вопросительным знаком, многоточием, и начинающиеся с заглавной буквы;

2) **синтаксический критерий:** отчлененный сегмент представляет собой фрагмент высказывания, построенного по формуле простого или сложного предложения; он может быть расположен как контактно, так и дистантно;

Верифицировать правильность идентификации парцеллированной конструкции предлагаем при помощи теста - экспериментального приема восстановления допарцеллятной структуры, заключающегося в реинтеграции отчлененного конституента в предыдущий контекст. Данный тест заключается в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной

структуры - «канонизированного» предложения без дополнительных трансформаций:

- Московская область дождется губернатора с имуществом. *Но без доходов от приватизации на 16 млрд рублей* (Коммерсантъ, 01.03.2013) → Московская область дождется губернатора с имуществом, но без доходов от приватизации на 16 млрд рублей.

В том случае, если восстановление предложения не влечет изменения форм составляющих его элементов, то анализируемая конструкция включается в корпус. Мы допускаем перемещение отделенного конституента на «свое» (условно) место в случае с дистантно расположенными парцеллятами:

- « Il y a longtemps, bien avant les Blancs, les gens étaient conscients des zones troubles. *Forcément.* » (Le Monde, 20.02.2014) → Il y a longtemps, bien avant les Blancs, les gens étaient forcément conscients des zones troubles.

- Я нарисовал невесёлую картину. *Но реальную* (АиФ, 05.11.2014) → Я нарисовал невесёлую, но реальную картину.

При реинтеграции отчлененного конституента применяется

3) **контекстуальный (семантический) критерий**: сегменты, реинтегрирующиеся структурно и семантически в контекст высказывания, органически вплетаются в общую ткань сообщения, не нарушают его связность и целостность.

Операция реинтеграции влечет за собой снижение или полную нейтрализацию маркированности, а также способна аннулировать некоторые семантические и прагматические эффекты и т.д., но не должна разрушать его грамматичности.

1.2. Проблемные области теории парцелляции и методологии ее исследования на современном этапе развития лингвистики.

Отметим, что в современной теории парцелляции есть целый ряд дискуссионных положений, требующих уточнения.

Проблема статуса парцеллянта и самих парцеллированных конструкций является одной из острых и часто обсуждаемых: является ли парцеллированная конструкция высказыванием или предложением, разделенным на части? Отчлняемый сегмент – парцеллят – представляет собой самостоятельное предложение или его фрагмент, высказывание или его часть? Является ли данная конструкция единицей языка или речи?

Подходы авторов значительно различаются. В ряде исследований речь идет о парцелляции предложения [Винтман 1972; Кузнецов 1986; Пинегина 2005; Дяговец 2009; Таюпова 2011; Рачковская 2011; Гурьева 2012; Еливанова 2013; Акыжанова 2014], в других – о парцелляции высказывания [Азовцева 1970; Филонова 1982, Филонова 1989; Кузьмина 1989; Скоробогатова 1990; Горбунова, Лияскина 2015; Волков 2015; Вяльяк 2015, др.]. Парцеллят может рассматриваться либо как самостоятельное предложение [Кобзев 1966; Волкова 1977; Добродомов 1986], либо как самостоятельное высказывание [Грамматика 1970; Сковородников 1978 а; Марич 1988; Добрычева 2012; Прияткина 1990; Алексеенко 2006], либо его часть [Каркошко 2011]. Некоторые исследователи при определении парцелляции выходят на уровень текста [Пинегина 2005; Сидорова 2007]. А.З. Хаймурзина, в частности, понимает под парцелляцией расчленение «синтаксически связного текста на обособленные отрезки, отделяемые пунктуационно» [Хаймурзина 2008: 7]. А.Ф. Прияткина считает, что парцелляция - это «способ организации текста по принципу присоединения» [Прияткина 1990: 155].

На наш взгляд, трактовка парцеллянта как отдельного предложения / высказывания не может быть признана состоятельной, поскольку, как

минимум, парцеллят не всегда обладает предикативностью – ключевым конституирующим признаком предложения. В качестве примера приведем следующие конструкции:

- Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro, 11.04.2013)
- Mais, au football, ce ne sont pas les gardiens qui marquent les buts. Ils les encaissent. *Un jour ou l'autre*. (Libération, 01.07.2002)
- Ушёл, проиграв решающий матч. *За жизнь* (АиФ, 07.10.2014)
- «Ангстрем» поделится рисом. *С AF-Group* (Коммерсантъ, 13.02.2013)

Для решения обозначенного выше вопроса необходимо обратиться к понятиям предложения и высказывания. Под высказыванием принято понимать актуализированное предложение, т.е. предложение, употребленное в реальной ситуации [Кронгауз 2001: 229] и имеющее «непосредственное отношение к действительности и к живому говорящему (субъекту)». Предложение – единица языка, не имеющая автора и содержащая потенциальные схемы возможного структурирования в речи соответствующих высказываний [Бахтин 1979: 253]. В принципе, достаточно вспомнить слова Э. Бенвениста «Нет ничего в языке, чего не было бы раньше в речи» [Бенвенист 1974: 140] или Э. Косериу «Язык дан в речи» [Косериу 1963: 158], а также других ученых, чтобы понять, что обозначенной выше проблемы по сути и нет, ведь в речи формируется и оформляется язык. Графическое средство – финальная синграфема – не отделяет одно предложение или высказывание от другого, а выступает в качестве коммуникативно-прагматического приема, сигнализирующего о значимости выделенного отрезка – фрагмента ситуации, описываемой в высказывании.

Представляется дискуссионным положение о том, что парцеллят является членом структурно-семантической схемы, заданной базовой частью (см. например [Борисова 2003: 8]). При этом в качестве парцеллятов рассматриваются приложения, детерминанты, части сложных предложений некоторых типов, которые не являются обязательными элементами схем

предложения и не могут быть со всей очевидностью «заданными», прогнозироваться предшествующей частью. Этот вопрос стоит остро, и он не раз поднимался французскими исследователями, которые подчеркивают, что эта зависимость может носить как семантико-синтаксический, так и в ряде случаев семантический характер. Речь идет об абсолютных конструкциях, приложениях, других обособленных конструкциях, связь которых с основной, «принимающей» частью выявляется только при анализе семантики отношений между частями. Вопрос осложняется тем фактом, что во французском языке, который принадлежит к группе аналитических языков, грамматические отношения передаются через отдельные служебные слова, фиксированный порядок слов, контекст и/или интонацию, а не через словоизменение с помощью зависимых морфем, предлоги и т. д., как в русском языке. Поэтому идентификация парцеллированной конструкции сложнее и больше опирается на синтаксическую семантику.

Затронутая проблема тесно соприкасается с устоявшимся положением о том, что основная часть конструкции автосемантична, а парцеллят – синсемантичен. Однако, как показывает наше исследование, это положение должно быть уточнено. В целом ряде конструкции фиксируются сигналы синсемантичности основной части: в случаях парцелляции сильноуправляемых членов предложения, сказуемых, относительных придаточных, членов параллельного ряда после обобщающего слова и т. д.

Из этого следует, что указанное положение отражает не всеобщую закономерность, а тенденцию, наиболее массовый случай.

В научной литературе сложилось убеждение, касающееся обязательной постпозиции парцеллята и даже порой полное отрицание возможности его размещения в препозиции по отношению к основной части. Исключение составляет небольшое количество работ, фиксирующих препозицию парцеллята [Ванников 1969: 122; Скоробогатова 1990: 12; Delorme, Lefeuvre 2004: 6]. Проведенное исследование доказывает, что парцеллят может находиться в обеих позициях. Однако варианты наполнения парцеллята

ограничены, парцеллированию подвергаются только определенные типы отношений между частями конструкции (см. Главу 4).

Рассматриваемые далее проблемные зоны теории парцелляции связаны, в основном, с той же проблемой: генерализация общих или отдельных тенденций, перенос частного на общее или некритическое восприятие уже утвердившихся в теории парцелляции тезисов.

В частности, распространенным является убеждение о том, что предложение и его парцеллированный «эквивалент» обнаруживают полное семантическое тождество. Однако анализ показывает, что при снятии точки в целом ряде случаев обнаруживаются семантические сдвиги как в значениях лексических единиц, находящихся в основной части, так и в ее общей семантике, причем порой довольно существенные, на что указывают французские исследователи, видя в парцелляции «источник особых смысловых эффектов» [Gautier 2006: 271]. Парцелляция позволяет обыгрывать многозначность слов, последовательно активировать их значения, создавать каламбуры и т.д.

Исследователи экспрессивного синтаксиса утверждают, что парцеллированная конструкция обладает зарядом экспрессивности и является стилистическим вариантом непарцеллированного предложения. На практике мы убедились, что не все конструкции соответствуют этому утверждению. Степень экспрессивности в целом ряде конструкций не столь уж велика, одна из главных задач парцелляции в таких случаях видится в «разгрузке» сложных конструкций и сложных синтаксических целых, в адаптации высказывания для адекватного восприятия адресата, например:

- Но с 2014 года было решено эту схему поменять - сделать накопления добровольными и одновременно снизить эту часть тарифа с 6 процентов до 2 процентов, а «высвободившиеся» 4 процента перераспределить в страховую, солидарную часть пенсионной системы. *Поддержав тем самым выплаты текущих пенсий и уменьшив дефицит Пенсионного фонда.* (Российская газета, 04.02.2013)

Общепризнанным является ограничение сфер функционирования парцелированной конструкции: художественная литература и СМИ. Однако по нашим наблюдениям парцелированная конструкция активно начала проникать и в тексты научного стиля: учебные пособия, научные статьи, диссертации, повышая их субъективность, полемичность, направленность на диалог с читателем. Приведем некоторые из встретившихся нам примеров:

- L'approche psycholinguistique intègre donc l'analyse des signes de ponctuation, considérés en production et en compréhension. *En production, d'abord* [Pétillon-Boucheron : 71].

- On aurait aimé pouvoir conclure cet ouvrage sur Saussure en faisant une liste des points désormais indiscutés de la linguistique saussurienne, qui constitueraient en quelque sorte le bien commun des linguistes. *Mais ce n'est pas possible* [Gadet 1987: 124].

- Итак, два отрывка из художественных текстов. *Равно талантливых по исполнению. Но разных по своему эмоциональному накалу* [Валгина 2004: 38].

- Синтагматические отношения языковых единиц в синтаксисе всегда налицо, они покоятся на отношениях двух или более элементов. *Наличных и актуализированных в действительности* [Блохина 2004: 99].

- Звучание слова, а тем более его буквенная запись значительно более надежны: даже если человек написал «цатьря» или «четыри», или «четырь» и т.п., все равно знающий русский язык поймет, какое это слово. *Особенно в контексте* [Мечковская 2004: 212].

- «... не должен ли второй вопрос, о высказываниях в этом смысле, стать вопросом семиотики? Мы полагаем, что должен, что здесь - «точка роста» семиотики наших дней. *Ее будущее*» [Степанов 1998: 42].

Анализируя научную литературу, мы обратили внимание, что выводы исследователей опираются порой на недостаточный эмпирический материал (1000-1500 единиц), что, как показывает наше исследование, недостаточно, чтобы получить достоверные результаты и сделать адекватные выводы.

Обращение к корпусной методологии для решения поставленных задач призвано обеспечить необходимую объективность и достоверность полученных результатов (см. Главу 3).

Отдельную проблему в исследованиях парцелляции составляет функционирование парцеллированных конструкций в дискурсе, что связано с развивающимся в лингвистике интересом к проблемам когниции, коммуникации и анализа дискурса. Отечественные исследования этого направления на данный момент весьма немногочисленны [Рачковская 2002; Пинегина 2005; Петренко, Слепакова 2007].

Проведенный обзор показывает, что парцелляция практически не подвергалась изучению с позиций порождения, восприятия и интерпретации речи, до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования, в распределении передаваемой информации, функционирования парцелляции в различных типах дискурса и т.д. Внимание ученых сосредоточено в основном на вербальной составляющей конструкции, но информация, которую она в себе несет, объединяет элементы значений и смыслов, заключенных как в ее внутреннем содержании, так и во внешнем оформлении. Объективное ее восприятие и понимание невозможно без учета графической пунктуационной (невербальной) составляющей, так как парцелляция относится к средствам визуально-графического «предъявления» смысла, что требует от адресанта и адресата особых знаний и компетенций.

Настоятельная потребность в создании современной теории парцелляции диктуется несколькими причинами.

Во-первых, это связано со многими вопросами, касающимися природы парцелляции, ее порождения, восприятия и т.д., которые, как уже было сказано, практически не освещались ранее и игнорируются в современных исследованиях, очевидно, в связи с отсутствием продуктивных методик для ее исследования.

Во-вторых, в существующей теории парцелляции прослеживается следующая парадоксальная тенденция: изучение ее функционального назначения, потенциала варьирования, инвентаря финальных синграфем, используемых для парцеллирования, и других актуальных вопросов решается до сих пор в основном на уровне предложения, с позиции его синтаксиса и семантики, тогда как сами конструкции извлекаются из текста / дискурса, «являющегося исходной и непосредственной данностью филологического знания» [Белоусов 2005: 155], реализующего свои эксплицитные и имплицитные смыслы, но часто остающегося «за кадром» научных исследований.

В-третьих, теория парцелляции развивалась замкнуто, в рамках национальной лингвистики, без учета достижений европейской науки. Это в какой-то степени, на наш взгляд, сдержало ее прогрессивное развитие, поскольку в отсутствие альтернативных теорий «угол зрения» на феномен парцелляции в течение долгого времени не менялся. К этому можно добавить и отсутствие междисциплинарных исследований, востребованных и продуктивных на современном этапе развития гуманитарного научного знания, которые также могли бы внести коррективы в осмысление исследуемого феномена и обогатить представления о нем.

В-четвертых, изучение парцелляции опиралось на материалы картотек, которые не могут быть объемными, сложны в обработке и содержат примеры, оторванные от их источника – текста. Новая концепция требует опоры на значительный и обозримый эмпирический материал, надежную верификационную базу.

Наконец, эта потребность обусловлена сменой лингвистической парадигмы и формированием в ее рамках новых направлений, обладающих большей объяснительной силой для множества фактов, не получавших освещения в прежних концепциях. Современная лингвистика признает неэффективность использования только автономного описательного подхода безотносительно к функциональной природе объекта. В связи с

вышесказанным сошлемся на мнение А.А. Кибрика о смене КАК-лингвистики на ЗАЧЕМ/ПОЧЕМУ-лингвистики, в основе которой лежит примат объяснения и в которой языковые объекты существуют не сами по себе как автономные семиотические сущности, а как инструменты, имеющие функциональное предназначение в процессах языковой деятельности [Кибрик 1989]. Данный подход позволяет совершенно по-иному взглянуть на языковые феномены и их свойства.

Современной лингвистикой накоплен значительный объем знаний о парцелляции, но ее рассмотрение и интерпретация осуществляется преимущественно через призму традиционной лингвистики. Поэтому для ответов на накопившиеся вопросы и выявления природы и свойств данного явления необходимо изменить «точку зрения». Оптимальной методологией нам представляется комплексное исследование, интегрирующее когнитивно-семиотический, сопоставительный и корпусный подходы к изучению парцелляции (см. Главы 2 и 3).

Мы полагаем, что такое исследование должно опираться на объемный эмпирический материал текстов массовой коммуникации. Мы согласны с мнением И.В. Рогозиной о том, что «медиа-коммуникация представляет собой такую сферу человеческой деятельности, в которой язык в наибольшей степени реализует свои потенции функционирующей целостности, и в которой он может быть наиболее результативно изучен именно в таком качестве» [Рогозина 2003: 6].

Прежде всего, особенностью текстов СМИ является поликодовость, в которой язык выступает как один из репрезентантов различных семиотических систем. Процессы кодирования в медиадискурсе представляют собой разнообразные трансформации исходного материала в сообщение, направленное не только на передачу информации, но и на воздействие. Следует также учитывать, что реальность, отражаемая в СМИ, выступает как мультимодальная: воздействие на реципиента осуществляется путем органичного взаимодействия вербальных и невербальных средств, что

максимально приближено к реальной среде функционирования языка. В массмедийной сфере наиболее полно реализуются связи, существующие между языком и познавательными процессами, между мультимодальными речевыми произведениями и мышлением. Их актуализация достигается только в процессе динамического взаимодействия продуцента, объекта и реципиента.

В отличие от художественных текстов медиатексты ограничены по объему, передают информацию в доступной для массового адресата форме и используют такие приемы и средства, которые обеспечивают легкость их восприятия и максимальное воздействие.

Парцеллированные конструкции строятся при помощи как вербальных, так и невербальных (пунктуационных) знаков, представляющих собой разные коды, позволяющие обогатить сообщение дополнительными смыслами. Парцелляция нацелена на привлечение внимания реципиента, установления с ним контакта, позволяет расставить смысловые акценты (см. Глава 3) и единодушно признается лингвистами как одно из эффективных средств воздействия, что и обуславливает наше обращение к печатным СМИ как к материалу исследования.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Обзор зарубежных и российских теорий парцелляции позволяет заключить, что они развивались в национальных лингвистиках изолированно, без учета достижений друг друга. Препятствиями к распространению научного знания о парцелляции стали:

- различная и неустоявшаяся терминология: «*добавление после точки*» (*ajout après le point*), «*графически изолированный сегмент isolé*» (*segment graphique*), «*разделенная точкой конструкция*» (*construction détachée par un point*), «*прибавление*» (*addition*), «*приложение*» (*annexe*) и другие во французской лингвистике; «*фрагментированное предложение*» (*fragmentary*

sentence), «фрагментация предложения» (*sentence fragmentation*) в работах лингвистов из Великобритании и США; *парцелляция*, реже *присоединение*, *добавление* в российской лингвистике;

- отсутствие полного тождества в объеме и содержании используемой терминологии;

- различные векторы научного интереса к парцелляции в национальных лингвистиках: морфосинтаксический, семантический, прагматический – во французской лингвистике; лингводидактический, когнитивный – в работах лингвистов из Великобритании и США; стилистический, семантико-синтаксический и прагматический – в российской лингвистике;

- различное отношение к данному феномену: от неприятия парцелляции до ее оценки как мощного стилистического ресурса, эффективного средства воздействия и т.д.

2. Зарубежные исследователи в большей степени обращаются к междисциплинарному изучению парцелляции. Теория парцелляции в ее французском и британском вариантах оказалась в центре интересов таких наук как лингвистика, психология, теория коммуникации и когнитология. Для зарубежных ученых характерен интерес к парцелляции только в родном языке.

Во французской лингвистике можно выделить два значимых этапа (волны) развития теории парцелляции:

- 1940-1960-е годы: этап становления теории: были зафиксированы случаи парцелляции, введены понятия «парцеллят» (*parcelle*) и «парцеллятный стиль» (*style parcellaire*), которые впоследствии уступили место другой терминологии; парцелляция связывалась с проникновением в письменный язык элементов разговорной речи, часто рассматривалась как стилистически негативный процесс;

- с начала 2000-ных годов: современный этап развития теории. Французские исследователи проявляют активный интерес к синтаксису,

морфологии, семантическим и прагматическим особенностям парцелляции. Ее происхождение связывается с риторической фигурой гипербатона, широко используемой в классической литературе. Подробно изучены безглагольные парцелляты – части простого предложения (субстантивные, адъективные, аппозитивные), обсуждаются периферийные случаи с целью выявления «таксономической границы» «добавление» / «не добавление». Парцеллят воспринимается как структура, добавленная к основной части (отсюда термины «добавление после точки» и для обозначения основы конструкции - «принимающая часть»), а не как результат расчленения единого целого. Начинает проявляться интерес к когнитивному аспекту парцелляции. Парцелляция сложного предложения, многозвенные конструкции, а также отношения парцеллята с основной частью крайне редко попадают в поле зрения французских лингвистов.

Британские и американские исследователи обращаются к изучению парцелляции с лингводидактической точки зрения, заостряя внимание на ограничении сфер применения этого приема. Междисциплинарные исследования с применением техник экспериментальной и когнитивной психологии в лаборатории Университета Глазго позволили определить парцелляцию как одно из средств «захвата внимания», обеспечивающее управление вниманием читателя и лучшее его запоминание.

В российской лингвистике термин парцелляция был введен в научный обиход в 1951 г. (А.Ф. Ефремов), хотя фиксировалась и ранее (А.М. Пешковский). В отечественной традиции превалирует узкодисциплинарный, чисто лингвистический, подход к разработке теорий парцелляции. Как и во французской лингвистике ставится проблема определения сущности парцелляции, отграничения ее от смежных явлений. Вызывает дискуссии ряд проблемных аспектов, связанных с пониманием характеристик данного явления, статусом парцеллята и самой конструкции. Показательной чертой российской лингвистики является интерес к парцелляции в различных языках: романских, германских, славянских, языков алтайской, абхазо-

адыгейской и уральской семьи, а также наличие отдельных публикаций, ориентированных на их сопоставление. Развитие теории парцелляции в отечественной лингвистике шло иным путем, нежели на Западе. Это развитие можно охарактеризовать как непрерывистое, поступательное и концентрическое: следуя за общими тенденциями в лингвистике, оно не отходило от структурного и синтактико-семантического аспектов изучения этого феномена.

Парцелляция начала вызывать интерес в 1960-е годы, которые ознаменовались фундаментальными исследованиями Ю.В. Ванникова и ряда других исследователей, сформулировавших основы теории парцелляции. 1960-70-е годы: период активного научного поиска в области структуры, логико-семантических и экспрессивных особенностей парцелляции. В 1970-е годы активно также изучались стилистические функции парцелляции. В связи с поворотом в лингвистике к прагматике, в 1980-1990 годы, стали изучаться коммуникативно-прагматические свойства парцелляции, при этом интерес к структурным и стилистическим аспектам парцелляции не угасал и продолжает оставаться в центре исследовательского внимания по сей день. 2000-е годы можно охарактеризовать как бум в исследовании парцелляции, проявившемся в появлении сотен публикаций, которые продолжили уже заложенные традиции. Расширился круг изучаемых языков, стилей, жанров, появились работы, посвященные интонационным и прагматическим характеристикам парцелляции.

Несмотря на активный интерес к парцелляции, многие вопросы остаются дискуссионными: не достигнута согласованность позиций как в определении данного понятия, в трактовке статуса парцеллянта, так и в вопросах отграничения парцелляции от смежных явлений: присоединения, эллипсиса, номинативного предложения и т.д.

Нами предложены три критерия идентификации парцеллированной конструкции в тексте: графический, синтаксический и контекстуальный, применение которых позволяет определить статус и отграничить

парцеллированную конструкцию от смежных построений. Верифицировать правильность идентификации парцеллированной конструкции предлагается при помощи теста - экспериментального приема, заключающегося в снятии финальной синграфемы и восстановлении исходной допарцеллятной структуры - «канонизированного» предложения без дополнительных трансформаций. Операция реинтеграции влечет за собой снижение или полную нейтрализацию маркированности сегмента, а также способна аннулировать некоторые семантические и прагматические эффекты, но не должна разрушать его грамматичности.

3. Обзор научных работ выявил парадоксальную тенденцию: парцелляция, текстовое / дискурсивное по своей природе явление, преимущественно исследовалась на уровне предложения. Недостаточно изучены назначение и смысл, который она приобретает в тексте / дискурсе. Остались без ответов вопросы, связанные с природой парцелляции, ее порождением, восприятием и интерпретацией, до сих пор не определена роль синграфем, используемых для парцеллирования. Причины современного состояния теории парцелляции и накопившихся вопросов видятся в неразработанности продуктивных методик исследования парцелляции, трудности с применением корпусного метода, который позволил бы проводить исследование на массивном эмпирическом материале. Актуальность создания новой концепции парцелляции диктуется также сменой лингвистической парадигмы, приходом когнитивно-дискурсивной лингвистики, дающей возможность выявлять в лингвистическом объекте новые свойства и таким образом достигать нового уровня его понимания.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ

В данной главе представлены методологические основания предпринимаемого исследования. Особое внимание уделяется тем подходам, интеграция которых способствует изучению феномена парцелляции: лингвокогнитологии и лингвосемиотики; обсуждается исходный терминологический инструментарий.

2.1. Лингвокогнитология и лингвосемиотика: точки пересечения. Когнитивно-семиотические подходы к изучению языковых единиц. Теории аттенциальности: распределение внимания как когнитивная проблема

Никто не должен бояться, что наблюдение над знаками уведет нас от вещей: напротив, оно приводит нас к сущности вещей.

Готфрид Лейбниц

Будучи когнитивно-семиотическим инструментом человека язык представляет собой «систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Демьянков, Кубрякова 1996: 53]. Знаки со своими «телами» (материальное воплощение знаков) репрезентируют мыслительные структуры, мир в голове человека [Armstrong, Stokoe, Wilcox 1995: 34]. Такое понимание языка органически связывает когнитивную лингвистику с семиотикой [Jorna 1990: 17; Ченки 2006: 344-345; Кубрякова, Демьянков 2007: 8-16; другие] и все чаще побуждает исследователей к поиску гармоничной интеграции их методологических принципов изучения языка и языковых единиц, что проявляется в разнообразных исследованиях [Самигуллина 2008; Степанов 1981; Болдырев

1998; 2009]. Каковы же точки пересечения лингвокогнитологии и семиотики, имеются ли общие теоретические положения в пространстве когнитивного и семиотического знания, которые бы позволили построить единый методологический базис?

Начнем с краткой характеристики лингвокогнитологии и лингвосемиотики, их постулатов, принципов и методологии.

Когнитивная лингвистика рассматривается как новая постгенеративная парадигма научного знания, сформировавшаяся под влиянием когнитологии, и усвоившая от нее разнообразие теоретических позиций. Линии развития зарубежной и отечественной когнитивной лингвистики в значительной мере разошлись и оказались достаточно самостоятельными. Отечественная версия когнитивной лингвистики, унаследовавшая не только общие установки когнитивизма, но и традиции отечественного языкознания и психологии, получила название когнитивно-дискурсивной парадигмы [Кубрякова 2004; др.]. Н.А. Беседина отмечает, что «при акценте на когнитивную составляющую речь идет о содержании и значении языковых явлений; при акценте на дискурсивную – о способе подачи и распределения информации по «поверхности» рассматриваемых единиц (от слов до дискурса)» [Беседина 2010: 33]. В центре внимания когнитивной лингвистики лежит понимание *языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями.*

Важнейшим методологическим принципом когнитивной лингвистики провозглашен *принцип равноправия двух основных функций языка: познавательно-отражательной (когнитивной) и коммуникативной* [Кубрякова 2009: 13].

Развитие идей когнитивной лингвистики, признание когнитивной сущности языка поставили перед наукой о языке новые вопросы, связанные с изучением роли человека в формировании высказываний, в процессе речепроизводства и интерпретации мира.

Т.Г. Скребцова, опираясь на работы классиков данного направления, сформулировала десять основополагающих принципов когнитивной лингвистики, составляющих ее теоретический базис [Скребцова 2011: 26-29]:

1) холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текста человеком;

2) принцип осмысления языковой способности как проявления общих когнитивных механизмов, что позволяет изучать особенности мышления и познавательные процессы человека через язык;

3) принцип органической связи языкового знания с психикой человека;

4) антропоцентрический принцип, заключающийся в признании центральной роли человека в процессе познания и речевой деятельности;

5) принцип признания важнейшей роли физического опыта взаимодействия человека с окружающим миром в организации его понятийной системы;

6) принцип субъективизации лингвистического исследования, необходимость привлечения экстралингвистической информации; учет того факта, что связь между языком и действительностью опосредована интерпретирующей деятельностью человека;

7) принцип функционализма, т.е. изучения языка в действии;

8) принцип сосредоточенности на изучении языковых значений, являющихся связующим звеном между языком и когницией;

9) принцип экспланаторности, т.е. установка не только на описание, но и на объяснение языковых фактов;

10) принцип открытости когнитивной лингвистики по отношению к различным областям знаний, междисциплинарность.

Выделяя особую роль языкового знака, З.И. Комарова относит к основным постулатам лингвокогнитивных исследований следующие: 1) ментальные репрезентации и структуры языка активно взаимодействуют в речемыслительной деятельности; 2) важнейшим средством проникновения в тайну речемыслительных процессов является языковой знак; 3) структура

значения языкового знака есть структура представления знаний; 4) каждым языковым знаком можно эксплицировать целые пласты знания; 5) языковой знак должен исследоваться с точки зрения его функционирования в дискурсе [Комарова 2012: 460-461].

Методом когнитивной лингвистики считается интроспекция, привлекаются также опросы респондентов [Geeraerts 1988: 668; Скребцова 2011: 29]. В конкретных исследованиях используются разнообразные методики анализа, процедуры и приемы. З.И. Комарова дает такое определение когнитивно-коммуникативному методу: «это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур, используемых для изучения широкого комплекса проблем, связанных с языковой репрезентацией ментальных процессов и их результатов, оформленных в голове человека в виде знаний, а также с когнитивной интерпретацией и верификацией полученных результатов, с целью построения языковой модели коммуникации как основы обмена знаниями». Назначение метода - знаковая репрезентация ментального мира [Комарова 2012: 461].

Когнитивная лингвистика исследует целый ряд проблем: категоризации и концептуализации, языковой картины мира, соотнесения языковых структур с когнитивными, проблемы распределения внимания и т.д., связанных с ментальными репрезентациями и коррелятивными им языковыми формами. В связи с тем, что «репрезентации являются символическими единицами, когнитивная лингвистика имеет немало точек соприкосновения с семиотикой, и часть возникающих в этой связи проблем затрагивают интересы обеих наук и могут быть решены лишь на их стыке» [Демьянков, Кубрякова 1996: 54-55].

Перейдем к семиотике.

Семиотика - научная дисциплина, изучающая порождение, строение и функционирование различных знаковых систем и их составляющих - знаков. Под знаком в семиотике понимается материально-идеальное образование,

репрезентирующее нечто (другой предмет, свойство или отношение), а точнее, представление о нем. Знаки создаются и используются для приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Структура знака включает материальную сторону (план выражения, означаемое) и идеальную (план содержания, означающее).

Предметом семиотики является знаковое воплощение, т.е. закономерности означивания, знакового представления информации и использования знаков во всех сферах природной и социальной жизни, где имеют место информационные процессы [Мечковская 2004: 14]. Процесс, или знаковая ситуация, в котором нечто становится знаком, называется семиозисом.

В настоящее время насчитывается более 20 направлений семиотики: лингвосемиотика, социальная семиотика, семиотика политики, культуры, концептов, компьютерная, музыкальная семиотика, нарратосемиотика, семиотическая логика и др. [Фещенко 2006: 60], что свидетельствует о ее востребованности, динамичном развитии, а также способности служить «мостом между разными науками» [Комарова 2012: 178]. Междисциплинарный характер семиотики подчеркивалась и Р. Бартом, считавшем ее «своего рода джокером современного знания, подобно тому, как сам знак является джокером всякого дискурса» [Барт 1977: эл.изд.]. «Науку среди наук», а также «инструмент наук» видел в семиотике Ч. Моррис [Моррис 1983: 38]: «семиотика дает основу для понимания важнейших форм человеческой деятельности и связи этих форм друг с другом, поскольку все эти виды деятельности, все отношения находят отражение в знаках» [Моррис 1983: 88]; «понятие знака может оказаться столь же фундаментальным для наук о человеке, как понятие атома для физических наук и клетки для наук биологических» [Моррис 1983: 74].

Н.Б. Мечковская характеризует семиотику как метанаучный блок теоретико-методологического основания конкретных гуманитарных наук

[Мечковская 2004: 19]. Что же делает семиотическую методологию привлекательной для исследователя, какие возможности раскрывает?

Отвечая на этот вопрос, З.И. Комарова отмечает, что семиотика дает следующие преимущества:

- «общую концепцию, которая в любой отдельной семиотической системе видит коммуникативную систему с моделирующими и порождающими возможностями, а также принимает во внимание знаковую (заместительную) природу тех единиц, из которых строится система;
- семиотика предлагает гуманитарному знанию результативный общий метод исследования разных систем;
- сопоставление разных знаковых систем позволяет лучше понять своеобразие каждой отдельной семиотической системы;
- благодаря присущему семиотике абстрагирующему видению своих объектов, удаётся выявить не просто те или иные особенности отдельных систем, но самые существенные, т.е. закономерные черты их строения и содержания» [Комарова 2012: 180-181].

Говоря о методологии семиотики, следует вспомнить и плодотворную идею Ч. Морриса об измерениях семиозиса²³:

- 1) синтактика – отношения знаков в знаковых последовательностях;
- 2) семантика – отношения между знаками и тем, что они обозначают;
- 3) прагматика – отношения между знаками и участниками коммуникации, т.е. отношение людей к знакам, которые они посылают и воспринимают.

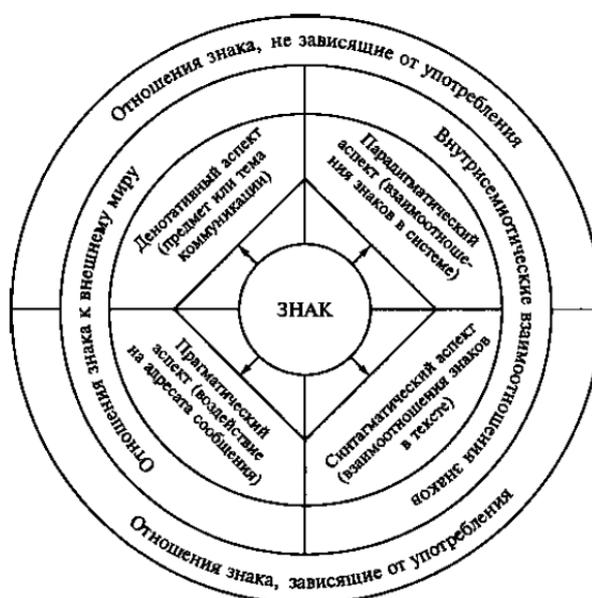
Позднее, А.Е. Супрун, исследуя аспекты плана содержания знака и их внутри- и внесемиотические отношения, дополнил принцип трехмерного изучения, разделив семантику на денотативный аспект и парадигматику²⁴. Ученый обнаружил, в частности, что денотативный и прагматические

²³ Ч. Моррис, вслед за Ч. Пирсом, полагает, что семиозис имеет широкое значение: «процесс, в котором нечто функционирует как знак» [Моррис 1983: 39].

²⁴ Исследование А.Е. Супрун опирается на работу немецкого логика Г. Клауса, различавшего в поле семантики знака два вида отношений: отношение знака к обозначаемому им явлению (сигматику) и отношение знака к другим знакам в своей системе, т.е. парадигматические отношения знака (семантику).

аспекты зависят напрямую от внешнего мира: денотативный – отображает мир, а прагматический – пытается на него воздействовать. Связи синтагматики и парадигматики с внешним миром опосредованы внутрисистемными отношениями. Выделенные аспекты обнаруживаются у любого знака [Супрун 1996: 219]:

Схема 1. Аспекты плана содержания знака и их внутри- и внесмиотические отношения по А.Е. Супруну

Определяя эвристическую ценность различения данных измерений, Н.Б. Мечковская справедливо отмечает его целостность (учтены все виды отношений знака) и универсальность. «Синтактика, семантика (включая парадигматику) и прагматика в совокупности и с ч е р п ы в а ю т все области отношений, которыми характеризуется любой отдельный знак (простой или сложный), а также последовательность знаков или произведение (семиотический текст). Поэтому исследователь конкретного информационно-семиотического объекта (например, грамматической категории, рекламного плаката или мизансцены), методически переходя от характеристики синтактики объекта к семантике и далее к прагматике, получает возможность его в с е с т о р о н н е г о анализа»; «данный аппарат позволяет методично и

последовательно выявлять наиболее существенные черты содержания знака» [Мечковская 2004: 44, 220].

Одним из ключевых направлений семиотики является лингвосемиотика, занимающаяся изучением естественных и ряда искусственных языков (информационных, информационно-поисковых и т.д.), более конкретно - языковыми знаками²⁵, которые в своей совокупности образуют язык. Способ упорядочения знаков в определенную систему называется семиотическим кодом. Выявление значения, зашифрованного в знаковом сообщении, осуществляется путем декодирования.

Отмечая значимость семиотики для языкознания, З.И. Комарова пишет, что «онтология языка может быть понята в наибольшей мере на основе именно знаковой теории, потому что в языке нет незнаковых, утилитарных функций». Лингвосемиотика «позволяет увидеть *наиболее существенные черты языка* как в содержательно-функциональном плане, так и в строении языка» [Комарова 2012: 185]. Ученый акцентирует также внимание на органичном взаимопроникновении лингвистики и семиотики, а также их «*прямое отношение к теории познания как ядерной проблеме философии науки*» [Комарова 2012: 183].

Близость объектов, исследовательских интересов семиотики и гносеологии отмечается многими учеными. Еще Дж. Локк определил задачу семиотики как изучение природы знаков, к помощи которых обращается разум для понимания вещей или же для передачи знания другим [Локк 1985]. Следовательно, уже в позднем Средневековье осознавалась неразрывная связь двух сторон познавательного процесса: извлечения человеком знания из окружающего мира и его передача как содержательная суть коммуникативного акта (ср. с современным пониманием использования знака как средства получения, хранения, переработки и передачи информации). Связь лингвистики с семиотикой и с проблемами познания прослеживается и в психосистематике Г. Гийома, и в теории означивания Э.

²⁵ Более подробно понятия языкового знака и семиозиса будут рассмотрены в следующем параграфе.

Бенвениста, и в трудах многих других ученых. Нельзя не согласиться в этой связи с мнением А.В. Кравченко о том, что в изучении проблемы значения языкового знака «семиотика не может обойтись без гносеологии и наоборот» [Кравченко 1999: 7] (см. также о месте семиотики в современной лингвистике [Кравченко 2000: 8]). Важность семиотики для когнитологии подчеркивал и Вяч.Вс. Иванов: «Задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немыслима ноосфера» [Иванов 1998: 791].

Когнитивный и семиотический взгляд на язык сближает «общность онтологий в фундаментальных принципах построения схем и методик анализа многогранной действительности языка как на фоне материального мира, так и в контексте человеческих мнений, суждений, оценок и интерпретаций» [Самигуллина 2008: 44]. Понятийный аппарат семиотики связывает ее с когнитивной психологией и гносеологией: «В содружестве наук о познании, семиотика ценна своим опытом теоретического анализа означивания и онтологии значений; этот опыт не позволяет забывать о носителях значений и о зависимостях между «телом» и «душой» знака. Связь с когнитивными науками делает семиотику не только широким, но и глубоким знанием» [Мечковская 2004: 397-398].

Роднит лингвосемиотику с когнитивной лингвистикой и интроспективный метод, используемый обеими науками [Степанов 1998], а также ориентированность на принцип антропоцентризма, на междисциплинарность, ставшей с началом нового века научной аксиомой, интерпретацию, функциональность и экспланаторность [Самигуллина 2008: 37, 44].

По признанию Ф. де Соссюра его главный вклад в лингвистику состоит в том, что он связал ее с семиотикой: «если мне в какой-то мере удалось более точно определить место лингвистики среди других дисциплин, это произошло потому, что я соединил её с семиологией» [Соссюр 1977: 40]

Представляется, что перечисление содержательно сходных точек зрения на эффективную интеграцию когнитивной лингвистики и семиотики можно

продолжить, тем более, что комплексность и междисциплинарность являются тенденциями научных исследований начала XXI века. Полагаем, имеет смысл остановиться подробнее на нескольких, наиболее интересных, дающих творческий импульс для нашей работы теориях и концепциях формирующегося когнитивно-семиотического подхода. Итак, исследовательская мысль продвигается в следующих направлениях:

- **когнитивно-семиологическая теория слова** Н.Ф. Алефиренко, нацеленная на то, чтобы «показать формирование языкового знака в гармоничном взаимодействии *рациональных и чувственных* механизмов человеческого познания» [Алефиренко 2007: 143]. Н.Ф. Алефиренко выделяет два уровня когнитивно-семиологической деятельности: на первом (познавательном-информационном) определяются объективные свойства знака, извлекается необходимая информация, на втором (глубинном, речемыслительном) – формируется значение, находящее выражение в материальной субстанции.

Ученый делает разграничение между знаками языка и знаками речи, разрешая таким образом сложившееся противоречие в понимании знака: «Если знак языковой, а язык – идеальное образование, то вполне закономерно возникает сомнение: как материальный объект локализуется в нашем сознании» [Алефиренко 2007: 143]. Знак языка идеален, в его структуру входят обобщенный образ предмета, сигнификат и акустический образ. Знак речи имеет материально-идеальную природу, включает предмет номинации, дискурсивный смысл (предметное значение) и реально произносимый и воспринимаемый звуковой или графический комплекс. Функция знаков языка – отражать процессы и мыслительную деятельность (гносеологическая функция), а знаков речи – репрезентировать нужное в конкретном акте общения обозначаемых предметов или явлений (коммуникативная функция). Языковой знак обладает значением, являющимся стабильной частью семантики знака, а речевой знак – смысловым содержанием, составляющим переменную часть семантики знака

(контекстуально-обусловленная семантика). Генетическое различие заключается в первичности языковых знаков и вторичности речевых. На этапе первичного семиозиса единицы языка приобретают знаковую функцию спонтанно, а вторичного – спонтанно и намеренно [Алефиренко 2007, 2009]. Средой обитания языковых знаков, «когнитивный котел», в котором происходят процессы знакообразования, является дискурс. Поэтому значения языковых знаков следует исследовать «во взаимоотношениях когнитивного субстрата данного языкового знака с другими элементами когнитивного контекста», блоками знаний (Дж. Лакофф), ментальными пространствами (Ж. Фоконье, Дж. Лакофф), фреймами (Ч. Филлмор). Использование когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языкового знака позволяет расширить методологическую базу, перевести ее из референтно-описательной в когнитивно-семиологическую [Алефиренко 2008: 77-78].

- **исследования семиотической гетерогенности** (полиmodalности²⁶, синкретизма, креолизации, поликодности, гибридности²⁷) текста, проявляющейся в синкретизме знаков языка и других семиотических систем, активно вовлекаемых в процессы передачи смысла [Ильинова 2013; Ворошилова 2006; 2013; Ирисханова 2001; 2009; 2010; 2011; Кибрик 2005; Гусейнова 2012; Волоскович 2012; Анисимова 2003; Greimas, Courtés 1986; Budor, Geerts 2004 и др.]. Такой подход позволяет рассматривать текст как взаимодействие естественных и искусственных семиотических систем, в результате которого возникают синкретические семиотические формы. План выражения этих форм включает вербальные и невербальные знаки – разнотипные и находящиеся на разных уровнях организации семиотические

²⁶ Лингвокогнитологией этот термин был заимствован из психологии, где под modalностью понимается принадлежность к той или иной сенсорной системе. Полиmodalность выступает как совокупность ощущений, поступающих путем разных modalностей при чувственном восприятии объекта действительности.

²⁷ Эти понятия активно используются в исследованиях, посвященных семиотической гетерогенности текстов. Как пишет А.М. Волоскович, «гибридность и синкретичность знаковых образований чаще указывает на результат смешения семиотических свойств разных по своей природе знаков, креолизация - на сам процесс смешения, в то время как в термине полиmodalность подчеркивается изначальная способность знаков к комбинированию с другими знаками в рамках комплексных семиотических образований». Полиmodalность рассматривается как результат семиотической гибридации [Волоскович 2012: 8].

образования. Основное внимание при изучении семиотической гетерогенности уделяется анализу взаимодействия и взаимовлияния вербальных и графических знаков (фотографий, рисунков, схем, таблиц, иллюстраций и т.д.).

- **функционально-семиологическая теория слова** является развитием семиологического подхода, изложенного в трудах Ф. де Соссюра, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Э. Бенвениста, Ю.С. Степанова, А.А. Уфимцевой и т.д. Данный подход, предложенный Н.Н. Болдыревым, предполагает использование реально наблюдаемых фактов языка для изучения процессов формирования значения слова в момент его использования в речи. Т.е. слово рассматривается в двух его основных аспектах: как виртуальный словесный знак в системе языка (лексема) и как актуализированный словесный знак в речи (словоупотребление). Ученый считает, что значение каждого языкового знака может быть представлено как категория и как вероятностный набор прототипических характеристик. В процессе порождения высказывания языковой знак может быть использован как для выражения разных смыслов за счет погашения или же приписывания ему с помощью определенных языковых средств прототипических характеристик различных категорий. Семиозис изучается с функциональной точки зрения: в процессе речевой деятельности говорящий подстраивает значение языкового знака под выражаемую мысль, т.е. формирует его функциональное значение при помощи конкретных языковых средств [Болдырев 1998; 2009].

- **когнитивно-семиотические исследования грамматических единиц.** С точки зрения Е.Ю. Хрисонопуло, грамматические единицы являются по своей онтологической природе знаковыми сущностями, т.е. их формирование и функционирование в речи с необходимостью связаны с когнитивно-семиотической деятельностью человека как субъекта-пользователя и интерпретатора знака. Следовательно, их значение имеет субъективные (гносеологические) истоки. Учет фигуры наблюдателя позволяет Е.Ю. Хрисонопуло создать знаковую модель грамматической

единицы, предполагающей ее репрезентацию как во взаимосвязи с внешним объектом, так и с ментально-перцептивной структурой. При использовании морфологической формы в различных типах контекста происходит реализация одной из ее знаковых функций (индексальной, иконической, символической). Например, индексальная функция видовой формы Progressive прослеживается при формальной выраженности субъекта чувственного восприятия (наблюдателя) либо в контексте употребления глаголов перцептивно-эмпирической деятельности. Данный подход ученый реализует при исследовании различных служебных слов. В частности, изучая служебные слова, оформляющие сравнение в английском языке, автор приходит к выводу о том, что они образуют семиотическую оппозицию в связи с индексацией контрастивных мыслительных процессов (см.подробнее [Хрисонопуло 2001; 2011; 2012]).

Безусловно, существуют и другие направления исследований, успешно интегрирующие методологию когнитивной лингвистики и лингвосемиотики, но рамки работы не позволяют подробно осветить их все в полном объеме. Поэтому заострим внимание на последней теории, которая имеет важное значение для нашей работы:

- **теория аттенциальности, или когнитивного распределения внимания**, являющегося одним из ключевых проблем когнитологии [Ирисханова 2014: 13; Демьянков, Кубрякова 1996: 54-55].

О.К. Ирисханова, опираясь на труды когнитивных психологов и мэтров когнитивной лингвистики (Л. Талми, Р. Лэнкера, Дж. Тейлора и др.) разрабатывает **теорию (де)фокусирования** [Ирисханова 2010; 2011; 2013; 2014]. В основу изучения распределения внимания в языке ученым положены следующие постулаты когнитивной лингвистики:

- язык является частью познавательной деятельности;
- вербальная деятельность во многом следует законам перцепции, особенно зрительной;

– языковые значения не столько отражают мир объективный, существующий независимо от человека, сколько репрезентируют те структуры знаний, которые мы строим, субъективно познавая мир;

– осуществляя выбор между языковыми выражениями, говорящий выбирает определенный способ конструирования мира;

– конструирование и построение значения интерактивно, т.е. протекает в сиюминутном режиме с учетом прагматической ситуации.

Автор концепции исходит также из того, что познание как деятельность является отражением эволюции человека, существа противоречивого: конструктивного и рационального, но в то же время – деструктивного и подверженного эмоциям, а также любящего языковые игры. Распределение внимания трактуется как один из универсальных когнитивных механизмов, который лежит в основе различных языковых и речевых явлений. Процессы фокусирования и дефокусирования задействованы в процессах порождения новых значений и имеют уровневую организацию. Дефокусирование может рассматриваться либо как сопровождение фокусирования, либо расфокусирование на несколько элементов фокуса, либо как намеренное подавление продуцентом речи определенных элементов выстраиваемых в вербальной коммуникации образов ситуаций и объектов. Распределение когнитивного внимания происходит и обнаруживает себя на разных уровнях языковой системы и ее функционирования по-разному. Поскольку недосказанное иногда оказывается более релевантным и значимым, нежели выделенное (фокусированное), внимание исследователя привлекает в большей степени дефокусирование. Отмечается, что (де)фокусирование может протекать в разных форматах: лексико-семантическом, синтаксическом и коммуникативно-прагматическом (дискурсивном). В последнем случае изучение этих процессов связывается с реализацией в дискурсе неаддитивных имплицитных стратегий, которые могут вызывать у интерпретатора разнообразные инференции. Ученым выявлено, что существуют средства, в частности, ряд синтаксических единиц и

конструкций, используемых для помещения описываемых объектов и/или ситуаций в фокусную или дефокусированную зону (подробнее см. следующий параграф). Данная исследовательская стратегия позволяет О.К. Ирисхановой описать процессы (де)фокусирования на материале некоторых явлений английского и русского языка, их механизмы и роли как в языке, так и в дискурсе в трехмерном измерении: семантике, синтаксисе и прагматике.

Итак, возвращаясь, к «точкам пересечения» лингвокогнитологии и лингвосемиотики, подчеркнем, что таковыми являются следующие:

- объект изучения – языковой знак;
- антропоцентричность;
- интерпретативность;
- междисциплинарность;
- функционализм;
- экспланаторность.

Анализ работ, выполненных в русле интеграции этих направлений, убеждает в том, что их взаимодополняемость является логичной и эффективной.

2.2. Исходный понятийно-терминологический инструментарий исследования

Задавшись целью описать когнитивно-семиотическую природу парцеллемы как специфического языкового знака и сегмента речи, мы должны обратиться к определению понятий, которыми будем оперировать в исследовании. К этим понятиям относятся *языковой знак*, *семиозис*, *фокусирование* и сопутствующие ему понятия *дефокусирование*, *конструирование*, *салиентность* и *когнитивная точка отсчета*. Необходимым также представляется осмысление понятия *пунктуационный знак* в его отношении к языковому знаку.

Прежде всего, обратимся к понятию *языкового знака*. Не ставя перед собой цели дать аналитический обзор всех существующих теорий языкового знака, что само по себе потребовало бы отдельной работы²⁸, укажем лишь на наиболее принципиальные моменты.

Во-первых, в противоположность унилатеральной концепции языкового знака, согласно которой означаемое помещается вне знака (А.Г. Стернин, В.З. Панфилов, А.И. Смирницкий) нами поддерживается билатеральная концепция, развивающаяся в науке еще со времен Аристотеля и стоиков. Знак в данной концепции есть двусторонняя – материально-идеальная – сущность, состоящая из означающего (знаконосителя, тела знака, экспонента) и означаемого, т.е. значения данного знака. Эти внутриязыковые сущности служат для обозначения сущности неязыковой онтологии – денотата (объекта обозначения, «вещи»), а точнее, представления о нем. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, мы разграничиваем знаки языка и знаки речи, значение и смысл, считая, что предлагаемое им понимание можно экстраполировать и на предложение, в том числе парцеллированное.

Во-вторых, возникает вопрос о природе знака, точки зрения на который в лингвистике различаются.

- Существуют теории, строящиеся на исследовании *слова как языкового знака* и не затрагивающие более крупные знаковые единицы (например, когнитивно-семиологическая теория Н.Ф. Алефиренко; функционально-семиологическая теория Н.Н. Болдырева).

- Другую группу составляют концепции и теории, в центре которых *«полный» знак - предложение*. Например, В.Г. Гак пишет о том, что денотатом слова выступает абстрагированный элемент ситуации, а предложения – сама ситуация. Только такой знак представляет собой продукт законченного акта семиозиса с точки зрения реального функционирования языка, в то время как *слово*, так и морфемы, и тому подобные элементы –

²⁸ Как совершенно справедливо пишет В.И. Карасик, «Литература, посвященная знакам, безбрежна» [Карасик 2012: 43].

частичная знаковая единица, «полуфабрикат» для полных знаков, их строительный материал, т.к. «взятые в отдельности, они лишены коммуникативной функции и прямой соотнесенностью с объективной реальностью» [Гак 1998: 243-244]. Аналогичная точка зрения высказывается, например, в работах Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1971], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1986], Э. Бенвениста [Бенвенист 1974]. И.П. Сусов выделяет полные, т.е. *коммуникативно завершенные, самодостаточные знаки* (высказывания и тексты), и *частичные, коммуникативно недостаточные* (слова и морфемы). Считает, что новейшая семиотика сосредоточивает своё внимание на высказывании как полном знаке, с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел [Сусов 2006: эл.изд.]. В концепции С.Н. Сыроваткина предложение рассматривается как полноценный знак языка. При данном подходе *морфемы, слова и синтагмы* трактуются как *субзнаки*, из которых строятся собственно знаки [Сыроваткин 1978: 24-25].

- Наконец, в третью группу, к которой примыкаем и мы, объединяются исследования, выстраивающие компромиссный и достаточно широкий подход к природе знака, распространяющийся как на морфологический и лексический, так и на уровень предложения [Кравченко 1999; 2000]. В целом, знаковость предложения/высказывания, вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, как представляется, не вызывает возражений в лингвистике.

Перейдем к следующему ключевому понятию исследования, непосредственно связанным с понятием языкового знака – *семиозису*. Термином «семиозис» принято обозначать процесс означивания, который также получил в научной литературе неоднозначную трактовку.

Ч. Моррис рассматривает семиозис как процесс, включающий четыре фактора:

- 1) то, что выступает как знак - знаковое средство, или знаконоситель (sign vehicle);

2) то, на что указывает знак – десигнат (*designatum*);

3) воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком - интерпретанта (*interpretant*);

4) тот, кто интерпретирует - интерпретатор (*interpreter*).

Знак является способом передачи информации. Его содержание направлено на обозначение внезнаковой реальности (семантический аспект), при этом использование знака передает информацию не только об объекте, но и об участниках общения (прагматический аспект), и истолкование знака предполагает знание его соотношения с другими знаками в знаковой системе (синтактический аспект) [Моррис 1983: 39, 42]. Предложенная Ч. Моррисом схема семиозиса представляет собой объяснительную схему соотношения языкового знака с внезнаковой реальностью и человеком как интерпретатором этой реальности. В.И. Карасик, отмечая высокую экспланаторную способность лингвосемиотики, пишет следующее: «В классической схеме семиотического треугольника даны ответы на следующие вопросы: «Что сообщается?» (семантика, предметная сторона), «Как оформлено сообщение?» (синтактика, выбор знаков), «Почему выбрано именно это средство для передачи сообщения?» (прагматика, учет фактора адресата, ситуации, норм культуры).

Обобщая многочисленную научную литературу по вопросу семиозиса, можно выделить две основные позиции:

1) под семиозисом понимается акт обозначения языковым знаком чего-либо, находящегося вне знака [Якобсон 1983: 39] (см. также [Арутюнова 1971; Комарова 2012; Шингарёва 1987; Ибраев 1984; Кравченко 1996; Садченко 2009; др.]),

2) семиозис трактуется как процесс генезиса знака: «семиозис есть ментальный процесс, ведущий к конструированию языкового знака» [Худяков 2000: 87].

Данные подходы несколько не противоречат друг другу, а находятся скорее в отношениях взаимодополнения, поскольку чтобы обозначить что-то

вне знака, знак должен быть построен [Худяков 2000]. Но выделение этих двух позиций имеет важное методологическое значение, так как позволяет подчеркнуть различные стороны этого процесса и расставить акценты при его изучении. Одной из генетических концепций языкового знака, в фокусе которой находятся мыслительные механизмы его образования, является *психосистематика* Г. Гийома. Ученый предлагает методику описания языкового знака, названную им *методикой позиционной лингвистики (векторного анализа)*, сущность которой сводится к рассмотрению языкового явления в динамике его построения в виде векторной линии «с точки зрения его развертывания по горизонтали и в проведении его анализа в том виде, в каком это делает само мышление, т.е. с помощью поперечных сечений продольного развертывания» [Гийом 2010: 53]. Сечения, о которых говорит Г. Гийом, это моменты перехвата мыслью языкового знака на определенном этапе его строительства. Размышляя об оперативной хронологии рече-языкового акта (*l'acte de langage*), Г. Гийом пишет, что взятый в свой целостности, он обладает внутренней хронологией. Постулируемая им хронологическая разница в ментальном генезисе слов и фраз (выражения мысли) имеет большое теоретическое значение для нашей работы. С точки зрения генерирования знаков сознанием, начальная фаза потенции идет от словообразующих элементов к построению слова. Конечная фаза реализации идет от слова к фразе, т.е. от потенциальной единицы к реализованной (от слов к выраженной мысли). Под сознательное наблюдение говорящего попадают только мыслительные операции конечной фазы, т.е. «наряду со словами, уже построенными в голове говорящего, фраза предстает в психомеханизме речевой деятельности в виде конструкции, которую надо построить». Таким образом, «хронологически слова представляют собой законченные, пройденные, имеющиеся конструкции, тогда как фразы представляют собой построения, которые следует осуществить» [Гийом 2010: 84-85]. Слово воспринимается лингвистом как единица потенции (*unité de puissance*), а предложение – единицей реализации

(*unité d'effet*), представляющей собой «совокупность, объединяющую, но не агглютинирующую, единицы потенции, которые относятся к оформлению языковой субстанции», которая появляется «в процессе мгновенного лексического перехвата, опережающего фразовый перехват и обеспечивающего рождение слова» [Гийом 2010: 91]. Такой взгляд на строение языкового знака выводит на первый план процесс его конструирования и учитывает «созидательную работу мышления». Ученый применяет свою методику при описании французского артикля и некоторых других явлений. Л.М. Скрелина развивает идеи Г. Гийома, применив принципы психосистематики в исследовании концептуальной схемы предложения. Конструирование предложения обусловлено той же психосистематикой, что и слова, полагает исследователь. Оперативное время делится на глоссологическое, в ходе которого происходит конструирование слова, и дискурсивное, необходимое для создания предложения. В нем совершаются операции актуализации и линеаризации уже созданных единиц – слов [Скрелина 1980: 64-65].

Не менее интересна с теоретической точки зрения ***концепция двойного означивания***, предложенная Э. Бенвенистом. Согласно этой теории, «язык передает значение специфическим способом, присущим только ему и не повторяющимся ни в какой другой системе. Он обладает свойством *двойного означивания*. Эта модель не имеет аналогий. Язык сочетает два разных способа означивания, один из которых мы называем *семиотическим*, а другой - *семантическим* способом» [Бенвенист 1974: эл.изд.]. Первичный, семиотический способ означивания присущ языковому знаку и опознается как означающее всей совокупностью членов языкового коллектива, у каждого вызывает в общем одинаковые ассоциации и представления. Его результатом являются словесные знаки. Вторичный способ порождается речью: «семантический аспект принадлежит сфере высказывания и миру речи», следовательно, свойственно высказываниям, «полным» знакам. «Семиотическое (знак) должно быть *узнано*, семантическое (речь) должно

быть *понято*». Различие, которое усматривает Э. Бенвенист между «узнаванием и пониманием связано с двумя отдельными свойствами разума: способностью воспринимать тождество предыдущего и настоящего, с одной стороны, и способностью воспринимать значение какого-либо нового высказывания, с другой» [Бенвенист 1974: эл.изд.].

Идея о двойном модусе бытия знака получает развитие и в других концепциях. В частности, С.Н. Сыроваткин строит свой подход с позиций *функциональной лингвосемиотики*. Автор приписывает статус реального бытия высказыванию, единственному типу «полного знака», обладающим двумя модусами бытия: семиотическим и актуальным. С точки зрения последнего, знак рассматривается как уникальный, неповторимый и невоспроизводимый семический акт: «повторенный семический акт – это уже другой семический акт» [Сыроваткин 1978: 42]. Актуальный знак – высказывание – сохраняет системные свойства, с одной стороны; с другой – приобретает новые свойства - окказиональные, специфичные для каждого конкретного речевого акта. При этом происходит дискурсивное приращение дополнительных смыслов к языковым значениям знаков. О ценности этих смыслов, правда, применительно к слову, пишет и Н.Ф. Алефиренко: «в процессе речемышления языковой знак ценен не столько кодифицированной семантикой, сколько совокупностью своих дискурсивных смыслов, <...> способных существенно влиять на его семантическую эволюцию» [Алефиренко 2007: 150].

Р. Барт также отмечал дополнительные коннотации, возникающие в процессе знакоупотребления. Под *вторичной семиотической системой* ученый понимал «*коннотативную семиотику*» - систему, план выражения которой сам является знаковой системой [Барт 1989]. Коннотации трактовались Р. Бартом широко, как инструмент исторической антропологии. Человеческое общество, считал он, нуждается в фиксации вторичных смыслов, и в структуре языка заложена возможность удовлетворения этой потребности.

В *когнитивно-семиологической концепции* Н.Ф. Алефиренко «соотношение содержания и формы выражения интерпретируется как процесс первичного и вторичного знакообразования, в результате осмысления которых создаются языковые единицы в системе языка и в речи, находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии. В гносеологическом плане первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт. Это обусловливается тем, что задачей речемыслительной деятельности является необходимость согласовать новую реальность с уже имеющимся опытом» [Алефиренко 2006: 108].

Доминантой теории является следующий постулат: процесс порождения знака начинается с взаимодействия познающего субъекта с предметом познания. «При этом формирование значения связывается с отражением в нашем сознании внешнего события, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений *субъекта и объекта*. В языковом знаке результат этого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляется за соответствующим звукосочетанием, которое в знаке становится его означаемым». Знак не только обозначает предмет, но и активизирует когнитивно-социологическую деятельность, «направленную на кодирование свойств и признаков познаваемого и называемого предмета» [Алефиренко 2007: 384].

О *вторичном означивании (вторичном коде)* писал Н.И. Жинкин, выделивший три вида кода при определении знаковой функции фонемы: первичный звуковой, вторичный буквенный и смешанный, универсальный предметный код – знаковый. Буквенный код, таким образом, понимается как графический способ презентации фонемы, призванный расширить коммуникацию «в пространстве и времени» [Жинкин 1982: 26]. Развивая эту концепцию, В.Т. Садченко заключает, что при этом, широком, подходе к вторичному кодированию следует относить все знаки, репрезентирующие речь на письме. Таким образом, устная речь является первичной, а

письменная - вторичной, что перекликается с мыслью Ф. де Соссюра о вторичности письменной речи по отношению к звучащей [Садченко 2009: 64]. При таком подходе вербальные средства первичны, а невербальные (не-слова, в т.ч. пунктуационные знаки, шрифтовые выделения, абзацы и т.д.) вторичны.

В работе В.Т. Садченко предлагается оригинальная **концепция вторичного семиозиса**, под которым автор понимает графический способ презентации текста, экстраполирующий дополнительные конкретизирующие денотативные и коннотативные смыслы, расширяющие глубину понимания и интерпретации текста. В группу единиц вторичного семиозиса включаются такие невербальные знаки как пунктуационные авторские знаки, графоны, абзацные отступы, а также другие средства выразительной графики, знаки других систем, частотность и логика использования которых предполагает экспликацию неявно выраженных (не выраженных путем первичного семиозиса) смыслов. Языковое значение графического невербального знака заключается в максимальной степени абстрактности означаемого; связывается оно с функцией актуализации. Первичный семиозис рассматривается как собственно семиологический способ вербального знакообразования; вторичный – как 1) принцип интерпретации речевых единиц, 2) процесс вторичного означивания путем использования всех знаков в тексте, в т.ч. и невербальных, а также организацию автором как субъектом дискурса элементов художественной структуры в состояние эстетической целостности [Садченко 2009а, б].

На наш взгляд, также очень ценной и перспективной в контексте когнитивно-прагматического подхода, является концепция А.А. Худякова [1998; 2000], предлагающего **генетическую концепцию семиозиса предложения**. Исследователь считает, что «сентанциональный²⁹ семиозис по признаку модуса бытия предложения (предложение в языке и предложение в речи) может быть первичным и вторичным». Язык рассматривается как

²⁹ Под «сентанционным знаком» А.А. Худяков понимает предложение.

«бифокальная система с двумя «центрами притяжения» – слова и предложения. Первичный семиозис представляет собой семиотический процесс образования виртуального знака языка – лексического и сентенционального. В этом случае предложение реализуется в речи без семантических транспозиций в лексическом составе, слова в нем используются в своих прямых узуальных значениях и «синтаксируются в соответствии с каноническими нормами семантической комбинаторики». В фокусе вторичного семиозиса находится процесс переосмысления сентенционального знака, уже созданного в ходе первичного семиозиса, «как результат приобретения им коммуникативного статуса в дополнение к статусу семиотическому» [Худяков 2000: 88]. Автор концепции дифференцирует предложение в предикативно-номинативном аспекте (знак языка) и коммуникативном аспекте (знак речи). Далее ученый исследует средства создания вторичного семиозиса – смыслопорождающие операторы – элементы языковой системы, которые служат экспликации смысла высказывания. Первая классификация опирается на признак специализированности: выделяются узуальные и окказиональные средства. Последние объединяют элементы языковой системы, выполняющие в конкретном высказывании не только первичносемиотическую (конструктивно-языковую), но и вторичносемиотическую функцию генерирования смысла. Вторая классификация подразделяет операторы на собственно лингвистические и паралингвистические, ограниченные автором произносительными (интонационными) средствами.

В целом, мы принимаем предлагаемый автором подход с одной важной для нас оговоркой. А.А. Худяков считает, что понятие вторичного семиозиса приложимо исключительно к сентенциональным знакам и не касается лексических (и соответственно, как можно сделать вывод, других знаков), так как «модификация семантики слов является следствием их вхождения в состав предложения, каузирующего проявление окказиональной семантики составляющих его единиц на общих семантико-синтаксических и

коммуникативно-прагматических основаниях» [Худяков 2000: 87]. В составе предложения-высказывания, действительно, происходит речевое переосмысление слова, и признание вторичного семиозиса слова, на наш взгляд, никак не может сместить предложение с пьедестала основной единицы коммуникации, как того опасается автор. Напротив, такое рассмотрение открывает широкие возможности в исследовании сдвигов, модификаций, трансформаций значений, происходящих при вторичном семиозисе слова в дискурсе (см. исследования Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырева, А.А. Уфимцевой, А.В. Ходоренко, др.).

Более того, понятие вторичного семиозиса приложимо и к другим знакам, в частности, пунктуационным, которые могут рассматриваться как паралингвистический (точнее синграфический) смыслопорождающий оператор вторичного семиозиса. Основанием такой трактовки может стать их способность репрезентировать определенные смыслы в тексте. Позволим себе сослаться на мнение В.Т. Садченко, с которой мы склонны согласиться: «невербальные (несловесные) знаки при восприятии текста реципиентом подвергаются семиотическому преобразованию и вследствие этого влияют на предметную структуру, т.е. денотативное отражение действительности, а именно смысл текста» [Садченко 2009: 64].

Тщательный анализ немногочисленной научной литературы о знаковой природе пунктуационных знаков в отечественной лингвистике показал, что этот вопрос решается по-разному и или же, что очень часто, остается в тени. Его решение имеет важное значение для нашей работы, поскольку инструментом парцелляции, ее обязательным конституентом является финальная синграфема³⁰, статус которой необходимо определить. Сказанное обуславливает наше обращение к более детальному его изучению.

Различная трактовка самого понятия пунктуации, сферы функционирования данной семиотической системы, нерешенная проблема

³⁰ Термин «синграфема», а также «метаграфема» и «параграфема» предложены А.Н. Барановым, П.Б. Паршиным в [Баранов, Паршин 1990] и уточнены в [Шубина 2006].

лингвистической природы пунктуационного знака и его функционального назначения в языке, речи и тексте «предопределили мнение, что пунктуация находится на периферии системы лингвистических знаний» [Шубина 2006: 24-25]. Пунктуация чаще всего рассматривается как раздел синтаксиса, в котором описываются нормы постановки знаков препинания. Ее неоднозначное представление в справочниках, учебных пособиях и монографиях не способствуют ясности в данном вопросе. Дискуссионным также является и включение в состав пунктуационных функционально неоднородных знаков: шрифтов, разрядки, вертикального пробела, абзаца и многих других. В последнее время пунктуация стала все больше привлекать внимание исследователей, что обуславливает процесс определенной систематизации научного знания в этой области, но вопросы как о ее статусе, так и о статусе самих знаков препинания остаются нерешенными. Являются ли они знаками с точки зрения семиотики? Можно ли их трактовать как полноценные языковые знаки, имеющие собственное значение?

Во французской и российской лингвистике сложились разные подходы к решению этих вопросов.

Во французской лингвистике к этой проблеме обратились в конце 70-ых годов. Традиционным подходом было рассматривать пунктуацию как отражение интонации, осуществляемой в устной речи, оформившимся в позиции «фонографистов» или «фоноцентристов» (*phonographistes*, *phonocentrists*), последователей Ф. де Соссюра³¹. Однако уже в 70-х гг. стал оформляться новый оппозиционный подход «сторонников автономии» пунктуации от устной речи («*autonomistes*») [Tournier 1977; Catach 1980; Vélédina 1980; Arrivé 1995, Anis 1988, Gadet 1987, Pinchion, Morel 1991; Ricardou 1995; David 2010]. Ж. Анис, в частности, настаивает: «Основополагающим постулатом является то, что такой язык как французский обладает устной формой речи и графической формой речи,

³¹ Ф. Гаде также пишет, что соссюровские концепты вызвали очень оживленные научные дискуссии, особенно в отношении весьма спорного «фонографизма» [Gadet 1987: 124].

которые, хоть и находятся во взаимодействии, но должны анализироваться и описываться независимо друг от друга» [Anis 1988: 86]. М. Арриве для доказательства независимости письменной речи от устной привлекает психоаналитику: «В итоге для Фрейда и для Лакана, бессознательное не разговаривает: оно пишет. И письмо, которое оно производит, может быть поэтому только абсолютно автономным»³² [Arrivé 1995: 37].

Н. Каташ отмечает, что письменная речь отличается от устной преобразованием линейной цепочки, развертывающейся во времени, в цепочку, которая развертывается в пространстве [Catach 1980: 18]. Мы считаем, что данное утверждение можно принять только с одной оговоркой, касающейся линейности устной речи, которой, как известно, свойственна многоплановость и полисубъективность. Участники коммуникации постоянно корректируют понимание, что выражается в перебивках, переспросах, сопутствующих репликах и т.д. Таким образом, обращаясь к терминологии Г. Гийома, можно сказать, что устной речи присуща ретардация и антиципация, которые изменяют движение вектора оперативного времени [Гийом 2010] и придают ему зигзагообразный характер. В письменной речи для этого используется специальная семиотическая система пунктуационных (шире – параграфических) средств, которая «в значительной мере способствует формированию и упорядочиванию графико-звучащей последовательности словесных знаков в особым образом организованный план выражения текста» [Иеронова 1996: 33-38]. При таком подходе текст можно рассматривать как пространство, наполненное разноплановыми единицами, не только вербальными, использующимися как текстостроительный материал, но и единицами текстообразующего характера.

Н. Каташ, будучи «сторонником автономии» письменной речи, рассматривает пунктуационный знак как *двусторонний знак*, имеющий означающее и означаемое. Н. Каташ называет его *пунктемой* (ponctème)

³² Эту же идею высказывает Ж. Деррида в «Фрейд и сцена письма» [Derrida 1967: 293-340].

[Catach 1980: 26], и, необходимо отметить, этот термин довольно прочно закрепился в научном обиходе³³. Исследователь рассуждает следующим образом: «Графема может быть *сенемой* («пустой» знак, означающее означающего) либо *плеремой* («полный» знак в терминологии Ельмслева, то есть обладающий означающим и означаемым). *Сенемы*, это знаки фонетической или фонологической записи, которые предназначены быть эквивалентом фонем, нейтральными словообразовательными элементами. *Плеремы*, это, например, египетские иероглифы или китайские идеограммы, хотя они и выступают часто в качестве сенемического вспомогательного средства.<...> Мы определяем пунктуационные знаки как, главным образом, *плеремы*, непосредственно снабженные смыслом и функцией» [Catach 1980: 26]. Пунктемы следует отличать от морфограмм (алфавитные знаки, произносимые или нет) и логограмм (знаки, обозначающие целое слово или его основу). «Пунктуационные знаки – самые плеремические из графем: это в чистом виде идеограммы, четвертой и последней категории нашей графической плюрисистемы <...> это настоящий лингвистический знак [Catach 1980: 26-27]. Ученый считает систему этих знаков вторичной: «речь идет о языковых знаках, появившихся в определенный момент истории; они связаны с вторичной системой коммуникации, ставшей для образованного человека столь же необходимой, как первичная, что создает необходимость учета этой дуальности языкового функционирования и взаимодействия этих систем» [Catach 1980: 19]. Н. Каташ заложила основы семиотического понимания пунктуационного знака во французской лингвистике, на которую ориентируются исследователи пунктуации и в настоящее время [Catach 1978; 1980; 1987; 1994; 1998].

Вслед за Н. Каташ, К. Турнье [Tournier 1977; 1980] считает пунктему идеограммой и определяет как *графический неалфавитный знак*, не имеющий материальной, звуковой формы и неразложимый на единицы нижнего уровня. Исследователь отмечает, что пунктуационные знаки

³³ В российской лингвистике аналогичное значение имеет термин «синграфема».

являются «интерязыковыми», даже если их использование варьируется в разных языках, и противопоставляет их логическим и математическим знакам, которые «можно прочесть вслух»³⁴ [Tournier 1980: 35-36]. К. Турнье убедительно доказывает, что пунктуационный знак имеет смысл и участвует, как и слово, в построении смысла фразы или ее фрагмента. Следовательно, его нужно рассматривать как *единицу языка*: «Смысл в действительности является фундаментальным условием, которое должна выполнять любая единица любого уровня для того, чтобы получить свой языковой статус» [Tournier 1980: 122]. К этому мнению присоединяются Ж. Рей-Дебов [Rey-Debove 1978], Ж. Перро [Perrot 1980], Ж. Отье-Ревюз [Authier-Revuz 1992; 2012] и С. Петийон-Бушрон [Pétillon-Boucheron 2002]. В частности, Ж. Рей-Дебов определяет пунктуационный знак как *языковой знак*, состоящий из означающего и означаемого, имеющего графическую несловесную форму. Исследователь высказывает очень интересную, на наш взгляд, идею о металингвистической природе пунктуационных знаков [Rey-Debove 1978: 46, 48]: названия пунктуационных знаков все «металингвистичны», они могут появиться как в «металингвистическом высказывании» (énoncé métalinguistique), так и в устной речи, например, при диктовке. Такая ситуация, как пишет автор, порождает «семиотические фигуры, которые нарочно смешивают язык с метаязыком». Выражения «в кавычках», «в скобках» называют в речи соответствующие знаки, имеющие большую ценность, но не обладающие звуковой формой [Rey-Debove 1978: 48].

Ж. Отье дефинирует пунктуационный знак как *несловесный языковой знак*. Самый «вербализованный» знак во французском языке - скобки, т.к. «в речи мы часто говорим: «soit dit entre parenthèses», «j'ouvre une petite / légère / courte parenthèse», «par parenthèse». Сравнивая такие знаки, как скобки и тире, исследователь приходит к выводу, что скобки стали широко используемой метафорой, часто довольно отдаленной от своего

³⁴ Ж.Рей-Дебов называет их «наиболее распространенные неязыковые знаки наук и практических кодов» [Rey-Debove 1978: 46]

пунктуационного статуса, тогда как тире остаются только графическим знаком [Authier 1979].

В диссертации, посвященной исследованию «невывказанного», Ж. Отье-Ревюз приходит к очень важному выводу о том, что пунктуационные знаки обладают *языковым значением* (*valeur en langue*) и *дискурсивными интерпретативными смыслами* (*interprétations en discours*) [Authier-Revuz 1992: 496-543]. Посвящая свою работу изучению знака «кавычки», автор отмечает, что его языковое значение достаточно бедное. То, что вызывается значением этого сигнала в дискурсе и то, что требует «труда интерпретатора», невозможно в конечном счете инвентаризировать, это «бесконечное множество интерпретаций» (*ensemble non finie d'interprétations*), «интерпретативный континуум» (*continuum interprétatif*) [Authier-Revuz 1992: 503]. То же самое можно сказать о скобках, и о других знаках, считает С. Петийон-Бушрон [Pétillon-Boucheron 2003: 64]. Согласимся с мнением С. Петийон-Бушрон о том, что данный подход к пониманию пунктуационного знака является плодотворным, поскольку обосновывает двустороннюю сущность данного знака и позволяет рассматривать пунктуацию как *часть языковой системы* [Pétillon-Boucheron 2003: 64]. Опираясь на исследования психологов и психолингвистов, исследователь определяет пунктуацию как «бессловный процесс оптического членения, организующего пространство текста» [Pétillon-Boucheron 2003: 74]. Беря за основу дефиницию К. Турнье и ссылаясь на теорию Э. Бенвениста, С. Петийон-Бушрон занимает позицию «сторонников автономии». Эти теоретические основания позволяют ей выявить базовое означаемое пунктуационного знака (*signifié de base*) «скобки» - «операция (типо)графического выделения» (*l'opération de décrochement typographique*). Языковое означаемое этой «операции»: «я добавляю впрочем» («*j'ajoute par ailleurs*»), формула, в которой обстоятельство подчеркивает создание иного пространства. Это «впрочем» врывается в линейное пространство для

создания множества монолинейных пространств, для «разветвления сообщаемого» (*ramification du dire*) [Pétillon-Boucheron 2003: 128; 237].

И. Фонажи также ставит пунктому в один ряд с другими языковыми знаками и изучает отношения синонимии, омонимии и полисемии некоторых знаков. Например, восклицательный знак, двоеточие, курсив и заглавные буквы могут служить для создания эмфазы; кавычки и курсив – маркеры металингвистического употребления и т.д. Пунктума подчиняется тем же принципам, что и лексические единицы: пунктуационный знак не имеет абсолютных синонимов и его значение проявляется в оппозиции к другим знакам [Fonagy 1980: 106]. Используемая автором методика позволяет выявить *базовую функцию знака* (*fonction de base*), объединяющую все *частные функции* (*fonctions particulières*). Важной методологической идеей, на наш взгляд, является *необходимость анализа не только функции пунктуационных знаков, но и семантических отношений между различными элементами высказывания, «затронутых» той или иной пунктомой*.

Важное, на наш взгляд, уточнение вносит Ж. Анис [Anis 1988], определяющий *пунктуационный знак как вспомогательное средство*, используемое для развития коммуникативной динамики (см. также [Védénina 1980]).

В российской лингвистике наиболее распространенным является широкое понимание пунктуации, идущее от А.А. Реформатского, который определял ее как автономную систему знаков оптико-графической информации. Основное назначение этой системы лингвист видел в организации графического текста [Реформатский 1987].

С середины 80-х гг. XX века стали появляться исследования, рассматривающие пунктуационную систему (и шире, метаграфические и параграфические средства³⁵) с позиций лингвосемиотики [Степанов 1985;

³⁵ Под метаграфемами мы, вслед за Н.Л. Шубиной, понимаем «социально отработанные невербальные знаки и средства, участвующие (вместе с вербальными средствами) в организации текста как целостной семиотической системы». Метаграфемы включают синграфемы, супраграфемы и топографемы [Шубина 2006: 29].

Арапиева 1985; Плотников 1992; Баранов, Паршин 1990; Шубина 1999; 2006; Будниченко 2004; Садченко 2009; др.].

Широкое понимание знака, заложенное в трудах Ч. Пирса, Ч. Морриса, Р. Якобсона, развивает Ю.С. Степанов. Ученый пишет: «Начертания слов, знаки препинания, многоточия, абзацы, расположение строк <...> прописные буквы и даже характер шрифта играют роль знаков <...> они есть часть самого знака, его означающее, и следовательно, их связь с означаемым непосредственна (Цит. по [Садченко 2009: 107]).

С точки зрения М.В. Никитина, паралингвистические средства, в том числе и графические, наполняют область, имеющую размытые границы, **между знаками и не-знаками**. Паралингвистические средства участвуют в формировании эксплицитного значения высказывания, которое складывается из семиотического и семиоимпликационного значений, включая паралингвистический компонент, который является его составной частью [Никитин 1988: 164].

По мнению Л.А. Будниченко пунктуационные знаки представляют собой **«полноправные языковые знаки»**, «обладающие значением» [Будниченко 2004: 9]. Будучи языковыми знаками, они способны передавать определенную информацию, образуют свой смысловой код и свой дополнительный канал связи. О.А. Мельничук под пунктуацией понимает **особую семиологическую систему** [Мельничук 2002], М.Р. Нашхоева – **«самостоятельную семиотическую систему»** [Нашхоева 2012]. Как **«самостоятельные языковые знаки»** трактуются знаки препинания в монографии [Мельничук, Андросова, Еливанова 2013].

Такая позиция ученых говорит о том, что пунктуационная система рассматривается как самостоятельная семиотическая система, что может вызвать определенные возражения, поскольку функционировать эта система в отрыве от языковой системы не в состоянии. В этом плане заслуживает внимания определение Н.Л. Шубиной, которая рассматривает пунктуацию как **вспомогательную «семиотическую (знаковую) систему**, которая

используется для реализации коммуникативных задач в письменной речи» [Шубина 2006: 17, 25] (см также [Евтушенко 2012; Тискова 2004]).

Второй аспект, на котором мы бы хотели заострить внимание – тот факт, что невербальный пунктуационный знак наравне со знаком вербальным включается в понятие языкового знака без учета его специфики. Приведенный обзор взглядов на знаковость пунктуации говорит о том, что данный вопрос в лингвистике еще должен найти свое решение.

Нисколько не умаляя достоинств перечисленных выше работ, позволим себе не согласиться с данным подходом в силу следующих соображений. Во-первых, признание пунктуационных знаков самостоятельными языковыми знаками входит в противоречие с уже устоявшимся в лингвистике пониманием языкового знака: «Знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности, в своей совокупности знаки языковые образуют язык» [Уфимцева 2002: 167]. Таким образом, «полноценный» языковой знак обладает свойствами билатеральности и репрезентативности, способен представлять внеязыковую реальность. Материальная сторона языкового знака подразумевает материальную субстанцию – звукоряд (звучащее слово), который может быть графически репрезентирован в виде зрительного воспринимаемой сущности – графического слова [Кравченко 2000: 5; Комарова 2012: 189-190; Кубрякова 2004: 496]. Знаковость как совокупность материального и идеального присуща не только слову, но и более крупным языковым знакам, «иерархической вершиной которых являются высказывание и текст³⁶» [Кравченко 2000: 3]. Невербальные пунктуационные знаки суть графические (синграфические) знаки, и их применение потому ограничивается сферой письменного текста, на что совершенно справедливо указывают французские лингвисты. Знаковость синграфем состоит в

³⁶ Вопрос о тексте как знаке дискусионен; текст может рассматриваться либо как знак, либо как комплекс знаков (см. обзор этого вопроса в [Садченко 2009]).

указании на общее значение (максимально абстрактное по сравнению со значением языковой вербальной единицы). С вербальными знаками их роднит то свойство, что и те, и другие представляют собой графические коды, передающиеся по визуально-оптическому каналу связи.

Таким образом, не все характеристики языкового вербального знака актуальны для невербального пунктуационного знака: невербальный знак используем только на письме, свое смысловое наполнение получает только в знаковом комплексе (сложном знаке), дополняя вербальные знаки (принцип комплементарности). На эту особенность пунктуационных знаков обратил внимание еще Ч. Моррис, включивший знаки препинания наряду с паузами, ударениями, курсивами, величиной букв и т.д. в группу знаков, не имеющих денотата³⁷ и выполняющих в языке в основном прагматическую функцию [Моррис 1983: 49]. Неоднозначную трактовку знаков препинания дает Н.Б. Мечковская: с одной стороны, «с точки зрения семиотики, это не знаки», поскольку они «не «представляют» (не замещают, не репрезентируют) какой-либо предмет или отношение». Но, в итоге, опираясь на широкое понимание знака Р. Якобсоном, исследователь считает, что знаки препинания все же следует отнести к языковым субзнакам (несамостоятельным знаковым элементам). Их назначение видится ученому в обозначении «формально-грамматического, смыслового и интонационного членения речи», воспринимаемого «только в контексте письма» [Мечковская 2004: 24-25]. Вышесказанное приводит к выводу о том, что уравнивать вербальные и невербальные знаки, говорить о «полноправности», «самостоятельности» последних не совсем правомерно.

Указанные Н.Б. Мечковской функции пунктуации уточняются в специальных работах. «Пунктуация, - пишет Н.С. Валгина, - несет свою, и притом большую службу в языке: она «осмысливает» письменный текст,

³⁷ «Никакого противоречия не возникает, когда говорят, что у каждого знака есть десигнат, но не каждый знак соотносится с чем-либо реально существующим. В тех случаях, когда объект референции реально существует, этот объект является денотатом. Таким образом, становится ясно, что если десигнат есть у каждого знака, то не у каждого знака есть денотат» [Моррис 1983: 39].

доносит его до читающего именно с тем содержанием, которое было задумано пишущим, и только благодаря пунктуации пишущий и читающий достигают единства в восприятии содержательной стороны текста» [Валгина 2004: 12]. Еще Л.В. Щерба отмечал способность пунктуационных знаков выражать смысловые отношения между высказываниями и их составляющими [Щерба 1983: 128]. Финальные знаки препинания, благодаря своей способности быть сигналами смысла без вербального сопровождения, несут смысловую, эмоциональную, модальную нагрузку [Валгина 1982: 42]. Большую ценность представляет выявленная Н.С. Валгиной тенденция: чем больше в сообщении вербальных средств, тем меньше требуется пунктуационных, и наоборот: чем больше знаков препинания, тем больше возможность свертывания сообщения вплоть до минимума слов-сигналов [Валгина 2004: 44]. Способность пунктуационных знаков к компрессии информации отмечает и В.И. Чепурных [Чепурных 1986: 127-128]. Пунктуационное оформление предложения и текста – проблема объективного и субъективного характера. В первом случае ее решение базируется на формально-грамматическом и интонационном критериях, во втором - оно приходит извне, зависит от автора, его коммуникативно-прагматической установки. Размышления о важности и смысле пунктуации можно дополнить знаменитым проявлением амфиболии – крылатым выражением «Казнить нельзя помиловать», от расстановки знаков в котором смысл может поменяться на прямо противоположный.

Сошлемся на справедливое замечание Н.Л. Шубиной о том, что невербальные пунктуационные знаки способны дополнять и уточнять информацию³⁸, усиливать восприятие, воздействовать на читателя, а также, что нам представляется плодотворной идеей в контексте нашего исследования, «удерживают внимание и познавательный интерес» [Шубина 2006: 8]. Более того, пунктуационная подсистема динамично развивается,

³⁸ Неслучайно А.П. Чехов назвал пунктуационные знаки «нотами при чтении» [Чехов 1956: 201].

«самонастраивается», приспосабливается к постоянно меняющимся условиям своего функционирования (подробнее см. [Шубина 1999, 2006]).

Опираясь на вышесказанное, мы предлагаем понимать под пунктуацией не самостоятельную, а *вспомогательную семиотическую функционально-адаптивную систему графических невербальных знаков, участвующих в конструировании сложных вербальных знаков*. Пунктуационные знаки при таком подходе предстают как невербальные синграфические языковые знаки. В тексте данный вид знаков интегрируется³⁹ с вербальными знаками⁴⁰, активно участвует в пространственной (графической) и смысловой (содержательной) организации текста. Передавая определенную информацию, невербальные языковые знаки образуют свой смысловой код и свой дополнительный канал связи. Находясь в тексте в отношениях взаимной дополнительности, вербальные и невербальные знаки позволяют представить информацию в сжатой, но доступной для восприятия и понимания форме.

Особое место в пунктуационной системе занимают авторские знаки, чья «расстановка всецело зависит от авторской воли», они «воплощают индивидуальное ощущение их необходимости» [Валгина 2004: 191]. Знак точки при парцелляции (назовем его парцеллографема), как единодушно признают исследователи, относится именно к этому типу знаков. Использование этого средства не регламентировано, легко допускается в газетно-публицистических и художественных текстах. Его семантико-стилистическое значение рождается в тексте и теснейшим образом связано с функцией актуализации.

В.Т. Садченко выделяет ряд основных условий семиотизации невербальных метаграфических знаков, используемых в тексте: повторяемость, частотность употребления; тождественность позиции, в которой употребляются эти знаки; устойчивость значения; общность

³⁹ Интеграция – универсальный закон, действующий при порождении и восприятии речевых образований любого уровня (см. [Жинкин 1982]).

⁴⁰ Мы имеем в виду, разумеется, графические вербальные знаки.

функции [Садченко 2009: 74]. Вслед за Л.А. Будниченко, исследователь выделяет инвариантное значение всех невербальных графических средств как «наиболее важное, новое, главное». Наблюдения за поведением парцеллирующей синграфемы, мы убедились в том, что сформулированное значение в целом верно, но требует корректировки: «наиболее важное, новое в текущем высказывании».

Отвечая всем условиям семиотизации, финальный знак, используемый для парцелляции, характеризуются достаточно высокой семиотической стабильностью: частотен, имеет фиксированную позицию (перед парцеллятом), обладает устойчивым инвариантным значением, выполняет функцию актуализации.

Системы пунктуационных знаков того или иного языка несмотря на свою универсальность все же различаются и обуславливаются спецификой национального сознания и языка [Catach 1980: 16]. Как отмечает Н.Л. Шубина, специфика русской метаграфемы заключается в использовании ее как своеобразных сигналов свертывания и развертывания информации, как особого информационного канала и текстообразующего средства [Шубина 2009: 190]. Полагаем, что выделенные особенности релеванты и для французской пунктуации. Другое дело, что пунктуационные принципы французского и русского языков имеют разные основы, а это может влиять и на использование парцеллирующих финальных синграфем. С точки зрения Н.А. Шигаревской ведущим принципом французского языка является семантико-синтаксический⁴¹, а русского – формально-грамматический [Шигаревская 1975: 10]. Л.Г. Веденина также подчеркивает различные основания пунктуации в данной паре языков, утверждая, что французские пунктуационные знаки нагружены иначе, чем русские: они, прежде всего, выполняют коммуникативную функцию, в русском же языке эта функция закреплена за порядком слов [Веденина 1980: 39; 1991: 154]. В.И. Чепурных также считает, что французская пунктуация следует коммуникативному

⁴¹ Этой же точки зрения придерживается Ж. Дрилон [Drillon 1991: 3].

принципу, часто выражает субъективно-модальные значения с подчеркиванием авторской позиции [Чепурных 1988: 147-153]. По мнению И.Ю. Иероновой современная французская пунктуация ориентируется на коммуникативно-прагматический принцип [Иеронова 1996: 37].

Интерес вызывает и позиция Л.В. Щербы, выделявшим два принципа пунктуации современных европейских народов - французский и немецкий: «Первый тип реже, чем второй, ставит тире, употребляет гораздо меньше запятых и стремится выражать ими смысловые нюансы <...>; второй широко признает тире и использует запятые, расставляя их по более или менее формальным признакам» [Щерба 1935: 366]. Правда ученого обнаруживается при даже самом беглом осмотре текстов любой стилистической принадлежности: плотность использования пунктуационных знаков во французских текстах заметно ниже по сравнению с русскими.

Подводя итог, заметим, что различия в принципах организации и функционирования двух пунктуационных систем, несмотря на некоторые общие точки пересечения, достаточно существенны. Французская пунктуация больше ориентирована на выполнение коммуникативно-прагматических задач, русская - следует формально-грамматическому принципу, что, безусловно, не исключает и влияния на выбор знака субъективного фактора. Можно, следовательно, предположить, что частотность использования французских парцеллирующих синграфем будет выше, чем в русском. К данному вопросу мы обратимся в Главе 4.

На данном этапе переходим к обсуждению ключевых понятий теорий аттенциальности, также методологически важных для нашего исследования: *внимание, фокусирование / дефокусирование, конструирование, салиентность* и некоторых других. Данные единицы метаязыка когнитивной лингвистики позволят нам описать когнитивное распределение внимания в языке и дискурсе на примере парцеллированной конструкции.

В лингвокогнитологии *распределение внимания* рассматривается как «важнейший процесс, участвующий в обработке информации, в том числе

языковой деятельности. Перенос принципов зрительного и слухового восприятия позволяет непротиворечиво и достоверно объяснить многие лингвистические явления» [Ирисханова 2014: 295]. Для раскрытия сущности этого вида когнитивной деятельности мы считаем необходимым обратиться прежде всего к его определению когнитивной психологией.

В когнитивной психологии, опирающейся на экспериментальные данные, проблема внимания является одной из центральных, сложных и многоплановых проблем, которая все еще не имеет общепризнанного решения. Внимание определяется как «отражение направленности и сосредоточенности сознания на определенных объектах» [Щербатых 2008: эл.изд.], или как «концентрация умственного усилия на сенсорных или умственных явлениях», как когнитивная деятельность⁴² (*activité cognitive*), воздействующая на ментальные (индивидуальные) репрезентации (*représentations mentales*) [Psychologie cognitive 2006: 136; Bertrand, Garnier 2005: 100], или же как распределение когнитивных ресурсов для обработки информации [Канеман 2006; Anderson 2000] и т.д. Какую бы дефиницию не получало бы внимание, за всеми этими определениями стоит понимание того, что оно обладает *свойством селективности* (*propriété sélective*), *может удерживаться* (*propriété de maintien*) и так или иначе *управляться человеком*. Причем эта управляемость, как отмечают когнитивные психологи, может определяться *экзогенными факторами* (*facteurs exogènes*), т.е. может быть вызвано внешними стимулами (громким звуком, например, телефонного звонка, бросающимся в глаза предметом, новым, необычным словом и т.д.), или *эндогенными факторами* (*facteurs endogènes*)⁴³. Под последними следует понимать аттенциальные сдвиги, обусловленные личностными переживаниями человека [Timsit-Berthier, Geronio 1997; Lemaire 2006] или, как пишет Ю. Щербатых, «связью между объектом и потребностями человека» [Щербатых 2008: эл.изд.]. В любом случае концентрация внимания

⁴² Внимание является когнитивной деятельностью наряду с памятью, восприятием, языком и т.д.

⁴³ В связи с чем Оливье Уде выделяет «эндогенное» и «экзогенное» внимание (*attention endogène et exogène*) [Houdé 1997].

на том или ином объекте связана со *способностью человека не отвлекаться на незначимые для него в конкретный момент времени объекты* (*résister à la distraction*), *представляющие собой «помехи»* [Psychologie cognitive 2006: 136; Timsit-Berthier, Geronо 1997: 53]. Эта способность связана, по мнению психологов, с особенностями нервной системы и системы обработки данных, которая, будучи не в состоянии обработать окружающие нас мириады признаков, ограничивает входной поток информации. Человек сосредотачивается на одном стимуле, игнорируя остальные. Это позволяет ученым говорить о пределах пропускной способности системы обработки информации, о наличии «узкого места» в структуре переработки информации [Солсо 1996: 108-128]. Важно отметить, что менее релевантные в данный момент признаки не отсеиваются полностью: «во всех случаях механизм внимания переключается на одни стимулы, предпочитая их другим, хотя из последних не все обязательно полностью исключаются из сферы внимания: они могут и отслеживаться, и отфильтровываться [Солсо 1996: 109]. Такая селекция необходима во избежание «перегрузки» механизма обработки [Солсо 1996: 116]. Часть стимулов обрабатывается автоматически, другие же – новые или недостаточно освоенные – наоборот, требуют концентрации, контроля [LaBerge 1995].

Человек может направлять фокус внимания как на один объект для более глубокой обработки информации о нем, в этом случае речь идет о *селективном внимании* (*attention sélective*). Иногда внимание удерживается в течение достаточно долгого промежутка времени, что обозначается термином *устойчивое внимание* (*attention soutenue*). Если фокус внимания сосредотачивается на нескольких объектах, человек «одновременно жонглирует различными задачами или источниками информации», то речь идет уже о *распределенном внимании* (*attention partagée*) [Lemaire 2006: 22]. Было замечено, что на самом деле существуют не только эти крайние формы внимания, но и целый «континуум, указывающий на то, что наиболее

востребованные виды внимания располагаются между распределенным и селективным вниманием» [Matlin 2001: 81] (см. также работы А. Трисман по теории интеграции отличительных признаков [Treisman 1992; 1993]). Таким образом, внимание имеет уровневую организацию. А. Трисман выделяет «фокусное» (контролируемое) внимание, которое связано с линейной поочередной идентификацией объектов. Это самый «требовательный» способ обработки, производимой в случае сложноструктурного объекта, поскольку возникает необходимость временно зафиксировать конфигурацию его структурных свойств и сохранить в памяти его ментальную репрезентацию.

В когнитивной лингвистике под вниманием понимается «концентрация восприятия или интеллектуальной деятельности на отдельной черте перцептуального процесса (ощущении) или отдельной мысли, отдельной структуре сознания, отдельном концепте; «остановка» в процессе обработки информации на одном из ее объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации. Такая возможность <...> составляет предпосылки активации знаний в человеческом мозгу и способствует известной регуляции информации, приходящей к человеку извне» [Кубрякова 1996: 15-16]. Атенциальные переключения рассматриваются Р. Лэнкером как изменения в интенсивности когнитивных процессов, направленных на познание объекта [Langacker 1987: 114]. В более узкой трактовке внимание связывается с процессом выделения признаков, «анализ-через-синтез» [Брунер 1984]. Исследователь фокусного внимания, когнитивный лингвист, Р. Томлин обращается к экспериментальному манипулированию состояниями внимания, полагая, что таким образом можно проверить как когнитивные характеристики реализуются в грамматике. Ученый разработал экспериментальную методику для выявления когнитивных оснований грамматических выборов субъектом. Участники эксперимента просматривали мультфильм, в котором две рыбы плывут навстречу друг

другу, а затем одна из них поедает другую. Описывая данную ситуацию на различных языках, испытуемые кодировали рыбу, съевшую другую рыбу, подлежащим, а соответствующий предикат - активным залогом [Tomlin 1995]. В дальнейшем лингвист разрабатывает методологию экспериментальной верификации связи между когнитивными и языковыми явлениями (см., например, [Tomlin et al. 1997]).

В целом, распределение внимания в языке имеет более сложный характер, чем восприятие зрительное, поскольку «работают» не только психологические особенности восприятия и обработки информации, но и лингвистические, культуроспецифические. Более того, «язык *не изоморфен* течению актов сознания и их конструкции», «между выражаемым и выраженным всегда есть временной «зазор» [Гоготишвили 2006: 556]. Л.А. Гоготишвили говорит о том, что фокус языковой – это инсценировка фокусов аттенции и интенции в сознании. Языковой фокус опосредован, отдален от перцептивно-воспринимаемого мира временем и субъективностью говорящего. Ученый обращает внимание на важный момент - смену фокусов (аттенциальных сдвигов), каждый из которых «имеет своего предшественника и сменщика». Таким образом говорящий управляет движением «взгляда» слушающего. Текущие и сменяющиеся фокусы еще некоторое время удерживаются сознанием, но «уходя в прошлое», сжимаются, и, «сжимаясь», уплотняются именно вокруг того, что находилось в позиции фокуса внимания [Гоготишвили 2006].

Результаты, полученные психологами, дают важную информацию о характере распределения внимания, значимую для лингвокогнитивных исследований аттенциального фокуса в языке. Достаточно вспомнить об описанных в Главе 1 экспериментах лаборатории когнитивной психологии А. Сенфорда (Университет Глазго), позволивших заключить, что парцелированная конструкция действительно обеспечивает максимальное увеличение внимания читателей и приводит к запоминаемости выделенного таким образом сегмента речи. Исследования психологов направлены, в

основном, на изучение реакции испытуемых на данные языковые единицы и, как представляется, подтверждают правильность выбранной нами исследовательской стратегии.

Работы французских и американских лингвистов и психологов А. Готье, М. Фейоля, М.Э. Джаста, П.Э. Карпентера, К. Рейнера и других, цитируемых в предыдущей главе, убедительно доказывают тот факт, что точка воспринимается как графическая граница высказывания, вызывает остановку взгляда и запускает ментальные операции с когнитивными структурами. Двусмысленность точки парцелляции, как пишет А. Готье, вызывает потребность в интерпретации интерфразовых отношений [Gautier 2010], и означает, видимо, наведение фокуса внимания на парцеллируемый фрагмент.

Для последующего изложения концепции парцелляции необходимо раскрыть еще несколько понятий когнитивной лингвистики, составляющих основу нашего понятийно-терминологического инструментария.

Появление термина «*конструирование*» обязано Р. Лэнкекеру, который определял его как отношение между говорящим и изображаемой им ситуацией. Другими словами, человек имеет выбор между альтернативными способами описания объекта (ситуации), закрепленными в языке, и осуществляет его в пользу тех или иных языковых знаков, наиболее пригодных для этой цели [Langacker 1987, 2002]. Таким образом, выбор этот субъективен и зависит не только от самого человека, но и находится под влиянием культурных и социальных факторов, на что также указывает Дж. Тейлор, утверждая, что языки располагают «любимыми» способами описания объектов [Taylor 1995: 6-20]. При этом конструируются не только образы объектов, участников и компонентов ситуации, но и отношения между ними, что можно рассматривать как случаи прагматического конструирования мира [Ирисханова 2014: 27].

Дж. Фоконье ставит акцент на связи между языком и миром, опосредованной мышлением. То, что часто называется действительностью, на самом деле является не более, чем нашим представлением о

действительности [Fauconnier 1990: 15]. Конструирование смысла, по Дж. Фоконье, происходит на когнитивном уровне, отличающимся от языкового и моделей мира. Продуктом конструирования являются ментальные пространства – модели дискурсивного понимания, которые создаются, уточняются и претерпевают постоянные изменения в коммуникации, которая предполагает постоянное добавление новых ментальных пространств и элементов в уже существующие пространства, их организацию и обеспечение связей между ними. Ментальное конструирование осуществляется за счет языковых средств, несущих разные типы информации: о конструктах пространств (space builders), о том, какое из них находится в фокусе внимания, лексическую, синтаксическую, прагматическую, риторическую информацию и т.д. [Fauconnier 1994: 23].

Р. Лэнекер подчеркивает, что содержание, активируемое знаком, напоминает сцену, на которую мы смотрим. Конструирование – это особый способ видения сцены. На то, как мы ее видим, влияет **фокусирование** (focusing), т.е. то, что выбрано взглядом, **перспектива** – то, откуда мы смотрим (perspective), **детализация внимания** (specificity) и **выделенность** различных аспектов (prominence) [Langacker 2008: 55]. То есть, конструируя ситуацию, мы можем смещать фокус с одного свойства объекта на другое, варьировать количество деталей, характеризовать участников и обстоятельства с разной степенью конкретности привлекать различные фоновые знания и, что также важно, выделять его, рассматривая с разных точек зрения. В более ранней работе Р. Лэнекер рассматривал перспективу, используя понятие **точки обзора** (точки отсчета – viewpoint). Принцип когнитивной точки отсчета организует весь ментальный мир человека и проявляется на разных уровнях языка, во всех языковых феноменах [Langacker 1993]. Роль когнитивных точек отсчета в организации ментального опыта человека велика и увязана с еще одним понятием – выделенности (салиентности).

Объекты, попадаемые в фокус внимания и выдвигаемые на передний план, обладают бóльшей салиентностью, чем находящиеся на заднем плане [Langacker 2000 б: б]. *Салиентность* (salience) свидетельствует об «остановленном внимании» и заинтересованности человека в выделении данного компонента [Кубрякова 2004: 92]. *Когнитивная салиентность* – способность нашего сознания выделять разные аспекты конструируемого образа, «осознанный и контролируемый говорящими отбор и помещение в фокус внимания какого-либо аспекта информации о референте или коммуникативном событии» [Ирисханова 2014: 29]. Это выражается в речевой деятельности в том, что говорящий выбирает те или иные языковые средства (как лексические, так и синтаксические: помещение в значимые позиции, повтор и т.д.), которые, на его взгляд, наилучшим образом передают фокусируемые им свойства ситуации (объекта), значимые именно в данный момент, ad hoc. У. Чейф пишет о том, что привлечение внимания к определенной части текста способствует ее выделению [Чейф 1983]. Помимо когнитивной, лингвисты отмечают наличие *онтологической салиентности*, которая соотносится с более / менее постоянными свойствами мира (яркий свет, рифма в прозаическом тексте, слово, написанное заглавными буквами в тексте и т.д.). Знания о ней хранятся в долговременной памяти, тогда как когнитивная салиентность обслуживается кратковременной памятью [Ирисханова 2014: 29-30]. Д. Гирэртс выделяет также *ономасиологическую*, т.е. закрепленную в языке, конвенциональную, *салиентность*. Говорящий сам решает, до какой степени он будет следовать лингвокультурной норме при создании образа объекта/ситуации, выбирая либо салиентность конвенциональную, либо неконвенциональную, используя либо устоявшиеся языковые выражения с уже заданными салиентными свойствами, либо создавая собственные способы конструирования этого образа [Ирисханова 2014: 30-31].

Так как в различных языках закрепляются различные способы конструирования мира, то можно предположить, что при парцеллировании,

которое, на наш взгляд, является одним из оптимальных и универсальных средств, указывающих на салиентность, в разных языках будут выделяться различные свойства описываемых объектов/ситуации.

Принцип различной салиентности, как уже было сказано, напрямую связан с распределением внимания. Р. Лэнекер предполагает, что «языковые и когнитивные механизмы в основе своей обусловлены единой способностью, проявляемой во всех областях и на всех уровнях организации, а именно: динамической эксплуатацией асимметрично выделенных сущностей, служащих для структурирования опыта» [Langacker 1993: 36].

С понятием салиентности тесно связаны понятия: профиль и база, траектор и ориентир или же фигура и фон, терминологические пары, довольно близкие по значению. Последние наиболее значимы для когнитивного описания парцелляции. Понятия *фигура и фон* были заимствованы из гештальтпсихологии, в центре которой находится такое свойство психики как организация опыта в доступное пониманию целое. Фигура выделяется нашим сознанием на фоне в силу своей значимости. Человек мыслит о фигуре, а не о фоне, поэтому их выделение носит субъективный характер и зависит от восприятия человека событий, а также от того, как он их конструирует. Роль и место в восприятии определяется личностными, социальными факторами, поэтому возможна обратимость фигуры и фона.

В когнитивной лингвистике фигура и фон обозначают когнитивную и психическую структуру, характеризующую человеческое восприятие и интерпретацию действительности. Человек воспринимает и членит действительность, как уже было сказано, неравномерно: какая-то информация является для него неважной, а какая-то - новой, наиболее значимой в настоящий момент. Фигура – это тот компонент сцены, который при ее восприятии выдвигается на первый план и видится как объект с четкими и относительно стабильными границами. Фоном называют ту часть сцены, которая воспринимается как непрерывный диффузный

континуум за / под фигурой [Talmy 2001a: 315-316]. Л. Талми выявил следующие свойства фигуры: бóльшая подвижность, более простая форма, меньший размер; зависима от окружения, однородная, определенная, четко организованная, находится поблизости, наверху или впереди, расположена на, над или перед фоном, симметрична, более значима, привлекает бóльшее внимание. Фон описывается как бесформенный, неструктурированный, свободно организованный, без границ, расположен далеко, внизу или позади, образует пространство под или за фигурой, ассиметричен, незначим [Talmy 1983: 230-232]. Фигура требует бóльших когнитивных усилий и приобретает бóльшую салиентность, чем фон [Warwick 2004: 105]. В целом, с помощью языковых средств можно создавать иерархию салиентности, т.е. увеличивать или уменьшать ее степень. Фигурами являются «концептуализованные объекты или признаки, обладающие различной степенью онтологической и/или дискурсивной выделенности (салиентности)» [Ирисханова 2014: 59].

Фокусирование и дефокусирование. Проблема фокусирования / дефокусирования находится в центре внимания синтаксических, семантических и коммуникативно-прагматических исследований. В лингвистической теории это противопоставление связывается с точкой зрения говорящего на ситуацию, которая в этом случае становится обязательной, но переменной характеристикой этой ситуации: то, что для данного говорящего в данный момент существенно, для другого или того же говорящего через некоторое время может стать неважным. Как справедливо отмечает О.К. Ирисханова, распределение информации – явление прагматическое и сиюминутное, так как соотношение выделенности/невыделенности конструируется в процессе коммуникации. Фокус участвует не только в дихотомии «тема – рема», но и в градации по принципу «кодированное знание – подразумеваемое знание», «эксплицитное знание – инферируемое знание», что означает необходимость рассмотрения этой оппозиции не только в рамках различных теорий синтаксиса, но и когнитивной лингвистики, которая учитывает закономерности восприятия и

обработки информации, структуры знаний участников коммуникации [Ирисханова 2014: 177-180]. Ученый заостряет внимание на следующих положениях, применяемых к когнитивным исследованиям аттенциональности:

- связь между перцептивно-воспринимаемыми фигурой и фоном и грамматическими явлениями, в том числе синтаксическими, например, субъектность и объектность существительных связаны с тенденцией перцептуальной фигуры быть в центре внимания событий, а события, описанные глаголами в Past Continuous служат фоном для событий, передаваемых при помощи Past Indefinite (фигура) и т.д.;

- распределение внимания как взаимодействие выдвигания и «затемнения» образует континуум. В концепциях различных лингвистов предлагаются критерии, от которых зависит степень салиентности синтаксических структур и фрагментов текста, но признать их достаточными невозможно;

- для экспликации аттенциональности необходимо проводить анализ на уровне глубинных процессов сознания: анализируя поверхностные структуры, определять степень доступности референта сознанию участников коммуникации;

- следует учитывать фактор зависимости распределения внимания от контекста. [Ирисханова 2014: 181-193].

Разработанные в зарубежной когнитивной лингвистике критерии распределения внимания обобщены в работе Б. Уорвика (Таблица 1) [Warwick 2004: 101], комментируются и уточняются в монографии О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2014: 183-193].

Таблица 1. Критерии распределения внимания по Б. Уорвику

	Выдвижение	Задвижение
	АГЕНТИВНОСТЬ УЧАСТНИКОВ агенс > внешний каузатор > реципиент > инструмент > пациенс > локатив / темпоратив / эвентив > it > отсутствие подлежащего	
И К И	КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ	

	<i>индивидуализация участников</i>	
	человек	не-человек
	одушевленный	неодушевленный
	конкретный	абстрактный
	исчисляемый	неисчисляемый
	единственный	множественный
	референтный	нереферентный
	специфический	общий
	определенный	неопределенный
	имя собственное	имя нарицательное
	ТОПИКАЛЬНОСТЬ УЧАСТНИКОВ	
данный / старый	новый	
текущий > перемещенный > выводной > неиспользованный > новый		
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА УЧАСТНИКА		
создаваться / уничтожаться > перемещаться / изменяться > подвергаться физическому контакту / восприниматься / находиться в каком-либо состоянии > не подвергнуться воздействию		
Характеристики глагола	ВРЕМЯ	
	момент речи, прошедшее, другое время	
	АСПЕКТ. ТИП СИТУАЦИИ	
	перфектный	неперфектный
	простой, непродолженный	продолженный
	динамический	статический
	телический	ателический
	одномоментный	длящийся
уникальный	повторяющийся	
АКТУАЛЬНОСТЬ. МОДАЛЬНОСТЬ. ПОДТВЕРЖДЕННОСТЬ		
реальный, подтвержденный > менее реальный > нереальный > неподтвержденный		
Статус предложения	КОНТРОЛЬ	
	Целенаправленность преднамеренность случайность непреднамеренность	
	независимое	подчинённое
	присоединенное	включенное
	паратаксис	гипотаксис
	описательное	индивидуализирующее, классифицирующий
завершенное	незавершенное	
Текстуальный критерий	ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЕНИ	
	события, центральные для сюжета	вспомогательные события

Недостатком этих критериев является неоднородность: некоторые из них относятся к языковым средствам, другие характеризуют участников и события. Суммируя результаты многих исследований О.К. Ирисханова предлагает список английских и русских синтаксических средств первичного и вторичного фокусов, а также средств дефокусирования, не претендуя на его

окончателъность [Ирисханова 2014: 194-196] и снабжая его полезными комментариями.

**Таблица 2. Средства (де)фокусирования в формате предложения по
О.К. Ирисхановой**

	Первичный (основной) фокус	Вторичный (вспомогательный) фокус	Фон (полное дефокусирование)
Синтаксические средства	ПОРЯДОК СЛОВ		
	конец предложения для нейтрального фокуса, начало – для контрастного фокуса.	предшествование или следование фокусному элементу; начальная позиция – для обстоятельств времени и места	отсутствие вербализации, опосредованная вербализация
	ИНВЕРСИЯ		
	конечная позиция в англ. яз, начальная – в русск. яз.	начальная позиция в англ. яз., конечная – в русск. яз.	
	УСЛОЖНЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ		
	главное предложение (например, клефты)	придаточное предложение (атрибутивные, обстоятельственные, условные, причины, цели, сравнения, времени)	отсутствие вербализации, опосредованная вербализация
	придаточное предложение при главном предложении с предикатами ментальных и эмоциональных состояний	главное предложение с предикатами моментальных и эмоциональных состояний	
	определяемое слово при обособленном приложении (например, имя собственное)	обособление, приложение, вставные элементы (скобки, цитаты), обособленные конструкции (причастные, деепричастные)	
	сочинение, паратакис	подчинение, гипотакис	
	УПРОЩЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ		
	сохранение конструкции, подвергшейся эллипсису		эллипсис
	именные и глагольные односоставные предложения	односоставные предложения (определенно-личные, безличные, обобщенно-личные, it)	

СМЕНА СИНТАКСИЧЕСКИХ РОЛЕЙ			
	персонификация	деперсонификация	отсутствие вербализации, опосредованная вербализация
	глагольная конструкция	номинализация	
	субъект при конверсии	объект при конверсии	
	субъект в активной и пассивной конструкции	объект в пассивной конструкции	
Лексико-грамматические и грамматические средства	ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ		
	имя собственное, имя нарицательное предметное, падеж (русск.) - именит.	имя нарицательное абстрактное, собирательное, номинализация, падеж (русск.) – косвенные	отсутствие вербализации, опосредованная вербализация
	АРТИКЛЬ (АНГЛ)		
	неопределенный артикль с нарицательными существительными, нулевой артикль с неисчисляемыми существительными	определенный артикль с нарицательными существительными	
	МЕСТОИМЕНЯ, ЧАСТИЦЫ, НАРЕЧИЯ		
	местоимения указательные, вопросительные, определительные, притяжательные, отрицательные, частицы усилительные, ограничительные, указательные, вопросительные, уточнительные, восклицательные, отрицательные при контрастном фокусе, наречия обстоятельственные, предикативной или постпредикативной позиции, наречия превосходной степени, вопросительные	местоимения личные (особенно косвенные падежи), возвратные, относительные, определительные, неопределенные, частицы отрицательные (эвфемизация), наклонения, неопределенные, соединительные наречия местоименные, наречия обстоятельственные, определительные в начальной позиции	отсутствие вербализации, опосредованная вербализация
	АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ, ВОЗВРАТНОСТЬ		
	предельность, перфектность, начальная или конечная фаза, прерывность, нерегулярность, мгновенность, усиленная	неограниченность пределом, неперфектность, непрерывность, регулярность, незавершенность, ослабленная интенсивность, глаголы несовершенного вида, статические непредельные, возвратность (в русск.)	

	интенсивность, глаголы совершенного вида, динамические предельные глаголы, повтор глагола, эхфатическое продолженное время	
ДИСКУРСИВНЫЕ КЛИШЕ		
	усилительные клише (<i>первым делом, importantly</i>)	хеджи

Подводя итоги изучения процессов фокусирования в синтаксисе, автор замечает, что в разных языках существует более или менее универсальный набор средств – лексических, синтаксических, просодических, используемых для выдвижения или затемнения тех или иных аспектов описываемого положения дел. Большинство этих средств не могут рассматриваться как достаточные для выявления степени салиентности того или иного фрагмента синтаксической конструкции. В решении этой задачи необходимо учитывать совокупность разных критериев (онтологических и языковых). Исследователь очерчивает круг средств, являющихся типичными для фокусирования: имена собственные, усилительные частицы, неопределенный артикль, клефты, конечная позиция при нейтральном порядке слов. «Хотя многие из этих средств по отдельности изучены довольно подробно, - подчеркивает ученый, - проблема их комплексного межязыкового сравнения еще ждет своего решения» [Ирисханова 2014: 243].

Как видим, О.К. Ирисханова не включает парцелляцию в данный список, но и не претендует на его полноту. Вслед за Т. ван Дейком, мы считаем, что парцеллированные конструкции «являются предпочтительным синтаксическим средством привлечения внимания к информации, выводящей за рамки нормы, то есть к локально значимой информации» [ван Дейк 2000: 61]. Более того, мы докажем, что парцеллированные конструкции играют важную роль в формировании связности текста и способны «наводить» фокусы внимания не только на локально, но на глобально значимую информацию (см. Глава 5).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Данная глава посвящена изучению вопросов, связанных с оптимизацией процедуры лингвистического анализа, обоснованию возможности и эффективного применения междисциплинарной методологии, интегрирующей подходы когнитивной лингвистики и лингвосемиотики в исследовании парцелляции.

При осмыслении теоретико-методологических установок когнитивной лингвистики и лингвосемиотики выявляются общие черты этих двух направлений – их единый методологический базис, на который неоднократно указывали многие лингвисты (Н.Б. Мечковская, А. Ченки, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, А.С. Самигуллина, D.F. Armstrong, W.C. Stokoe, Sh.E. Wilcox, R.J. Jorna и т.д.). Возможность интеграции лингвокогнитивных и семиотических практик анализа языковых фактов зиждется на близости объекта, исследовательских интересов, метода и методик анализа многогранной действительности языка, понятийного аппарата, ориентированности на принцип антропоцентризма, междисциплинарность, ставшей с началом нового века научной аксиомой, готовности к инкорпорированию новых знаний из других областей, функционализм, интерпретационизм и экспланаторность. Последовательное применение понятийного и методологического аппарата семиотики повышает экспланаторную и эвристическую силу когнитивной лингвистики.

Среди теорий и концепций, разрабатываемых в рамках формирующегося когнитивно-семиотического подхода, можно отметить:

- когнитивно-семиологическую теорию слова Н.Ф. Алефиренко;
- функционально-семиологическую теорию слова Н.Н. Болдырева;
- разнообразные исследования семиотической гетерогенности (гибридности, поликодовости, креолизации), направленные на анализ синкретизма знаков языка и других семиотических систем (Е.Ю.

Ильинова, М.Б. Ворошилова, А.А. Кибрик, Е.Е. Анисимова, А.А. Greimas, J. Courtés, D. Budor, W. Geerts и др.);

- когнитивно-семиотические исследования грамматических единиц (Е.Ю. Хрисонопуло);
- теории аттенциальности (О.К. Ирисханова, L. Talmy, R. Langacker, J.R. Taylor, др.).

В качестве инструмента лингвистического анализа парцелляции может использоваться ряд ключевых понятий, значимых для осмысления данного феномена, его природы и функционирования. К ним относятся: знак языка / речи, семиозис (первичный / вторичный), конструирование, салиентность, когнитивная точка отсчета (перспектива), распределение внимания, фокусирование / дефокусирование, фигура / фон.

Поскольку парцеллятивный знак мыслится как трехчастная структура, включающая основу, парцеллят и финальную синграфему, используемую для расчленения единого целого на указанные конститuentы, мы обратились к анализу статуса данного пунктуационного знака и определили его как невербальный синграфический языковой знак, находящийся в отношениях взаимодополнительности с вербальными знаками и активно участвующий в пространственной и смысловой организации текста. Несмотря на универсальность синграфических знаков в разных языках, следует отметить, что организация и функционирование их систем ориентируется на разную сочетаемость синтаксического, интонационного и семантического принципов, в связи с чем вполне можно ожидать выявление различий в его использовании в качестве организующего элемента парцеллированного построения.

ГЛАВА 3. КОРПУСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ

«Факты языка могли бы навсегда остаться таинственными и непостижимыми вещами, если бы в самом языке, в расположении и составе его элементов не прочитывались бы видимые следы⁴⁴ мыслительных операций, происшедших и которым обязаны своим существованием языковые сущности»

[Гийом 2010: 21].

Основной метод когнитивной лингвистики, интроспекция, часто подвергается критике за умозрительно-априорный характер, ведущий, как утверждают некоторые исследователи, к созданию неверифицируемых теорий⁴⁵ (см. [Худяков, Чухарев 2010: 23; Сонин 2005: 32; Teubert 1996: 240] и др.). Признавая недостаточность интроспекции, Л. Талми пишет: «каждый метод имеет ресурсы и ограничения соответственно своей частной перспективе <...>. В этом смысле не существует метода, имеющего преимущество над другими или являющегося золотым стандартом исследования» [Талми 2007: 22]. Сама лингвистическая интроспекция, по мысли ученого, включает два уровня осмысления и зависит от целого ряда факторов⁴⁶, которые определяют, в каких случаях интроспекция становится «основным и необходимым методом», а в каких – «существенно важнее становятся другие методы, для того, чтобы дополнить или даже заполнить лакуны, оставшиеся после применения метода интроспективного наблюдения. В тех же случаях, когда интроспекция терпит неудачу, любая информация об этих аспектах языка должна быть получена с помощью других методов» [Талми 2007: 29]. В списке гармонично дополняющих

⁴⁴ Выделено нами (Ю.Б.)

⁴⁵ См., например: «на основе такого метода создается замкнутый круг, который при исключении возможности дополнительной, эмпирической, верификации, становится порочным» [Сонин 2005: 32].

⁴⁶ Подробнее см. [Талми 2007]

интроспекцию приоритетных методов, названных Л. Талми, фигурирует и корпусный анализ, значительные преимущества которого видится ученому, в частности, в доступе для поиска исследуемых феноменов к «большим отрезкам текстуального дискурса» и определению их частотности в различных контекстах. Последнее может интерпретироваться как «отражение его бессознательно регистрируемой значимости по различным когнитивным параметрам» [Талми 2007: 30]. Корпусный анализ обладает эффективностью и там, где необходимо выявить парадигматику того или иного явления, т.к. прямая интроспекция обычно не в состоянии отразить всю парадигму: «наша когниция, очевидно, организована не таким образом, чтобы вся парадигма была охвачена вниманием» [Талми 2007: 30-31].

Ценность альянса когнитивной и корпусной лингвистики поддерживается в трудах Р.Г. Пиотровского, А.А. Худякова, Е.М. Чухарева, которые также указывают на методологическую [Пиотровский 2006; 2007; Худяков, Чухарев 2010; Чухарев 2009; Чухарев, Худяков 2004].

Помимо указанных Л. Талми преимуществ метод характеризуется таким свойством как удобство в применении. Нельзя не согласиться с В.А. Плунгяном в том, что «в своей исследовательской работе лингвисты зависят прежде всего от количества и качества собранного материала. У многих еще свежи в памяти те времена, когда примеры выписывались из текста и заносились на карточки. Сейчас карточки ушли в прошлое, но сама процедура выбора примеров из текста делается человеком и с трудом поддается автоматизации. Размеченные корпуса - первый серьезный инструмент, позволяющий существенно ускорить и упростить эту процедуру. Иными словами, то, на что у исследователей предшествующих поколений уходило недели, а то и месяцы напряженного труда, с помощью корпуса можно сделать за минуты» [Плунгян 2005: эл.изд.].

Преимущества корпусного подхода, таким образом, очевидны: возможность работать с объемным эмпирическим материалом, быстрая и удобная его обработка, получение статистических данных. Но как

показывает опыт, использование имеющихся на данный момент корпусов сопряжено с определенными ограничениями (более подробно см. далее), в частности, с ограничением по объекту. Ни в одном из имеющихся корпусов невозможно задать поиск не только на наш объект исследования – парцелляцию, но и на многие другие объекты. Объем собранного для настоящей работы материала превысил (столько-то текстов и конструкций). Совершенно очевидно, что решить поставленные задачи при помощи бумажной картотеки такого объема невозможно. Исследовательский интерес и необходимость получения статистически точных результатов побудили нас обратиться к разработке собственного программного обеспечения для формирования корпусов и их статистической обработки. Создание программы и ее эксплуатация потребовали решения целого ряда проблем, рассмотрению которых посвящен данный параграф.

3.1. Корпусная лингвистика как направление современной лингвистики и ее понятийно-терминологический инструментарий

Рождение и стремительное развитие корпусной лингвистики обусловлено поиском методов, совершенствующих способы сбора и анализа данных.

Как образно заметил В. Плунгян, корпусная лингвистика предоставила лингвистам возможность «повернуться лицом» к языку [Плунгян 2009: эл.изд.]. Если в «докорпусную эпоху» лингвист рассматривал тексты как некую абстракцию, использовал их как источник иллюстративных примеров для обсуждения теории и опирался на интуицию в отборе эмпирического материала, то в настоящее время, вооруженный корпусной методологией, исследователь понимает текст как некую физическую сущность, а в своих выводах опирается на наблюдения реальной речевой деятельности. Как отмечает Э. Брокхойзен, лингвистический анализ текстовых корпусов

передвинулся в центр современных исследований, «в ходе этого процесса получены впечатляющие результаты, которые, помимо и сверх их интереса ..., вынуждают нас переосмыслить, причем кардинально и систематически, проблемы лингвистической теории» [Broekhuizen 2001]. Однако не следует переоценивать возможности корпусной лингвистики: на данном этапе ее развития существует немало трудностей и проблем, которые еще предстоит разрешить.

Дадим вкратце характеристику данного направления. *Объектом* корпусной лингвистики является корпус текстов, представляющий собой как исходный речевой материал, так и результат деятельности корпусной лингвистики. *Предметом* - теоретические основы и практические механизмы создания и использования представительных массивов языковых данных, предназначенных для лингвистических исследований [Захаров, Богданова 2011: 10]. *Корпусный метод* – это разновидность общенаучного метода наблюдения, который состоит в систематическом рассмотрении большого объема естественных данных [Кибрик 2010: 147].

Корпусы дают три типа данных, которые могут быть использованы в ходе лингвистических исследований: богатый репрезентативный эмпирический материал, информацию по частотности, экстралингвистическую (мета)информацию.

Полученные в рамках корпусной лингвистики результаты значимы не только для изучения отдельных языков, но и в сопоставительных исследованиях, направленных на установление фактов общего и различного между языками [Гвишиани 2008]. Практическое применение достижений корпусной лингвистики можно наблюдать и в практике преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации, лингвострановедения и целого ряда других дисциплин, что отмечается как в отечественной, так и зарубежной научной литературе [Садовникова 2013], [Соснина: эл.изд.] [Flowerdew 2001], [Römer 2008], [Aston 1997], [Basanta 2007], [Fligelstone 1993], [Leech 1997].

Поскольку корпусная лингвистика – достаточно молодое направление лингвистики с еще неупорядоченной и фрагментарной терминосистемой, прежде всего представляется необходимым уточнить и систематизировать термины и понятия, используемые в работе, а также осветить проблемы, связанные с использованием корпусов, представить концепцию созданного при помощи специальной программы сопоставительного корпуса, описать и обосновать предлагаемые методики корпусного исследования.

Центральным понятием корпусной лингвистики является *корпус*. В настоящее время существует несколько подходов к определению этого понятия.

1) Корпусами называют неразмеченные электронные библиотеки текстов, например архивы газет и журналов, размещенных в сети Интернет. Корпусные лингвисты полагают, что такие коллекции текстов являются не собственно корпусами, а «протокорпусами» [Плунгян 2009: эл.изд.] или «оппортунистическими» (приспособленными) корпусами [Нахимова 2013: 50].

2) Более рестриктивная позиция, которую мы и поддерживаем, заключается в том, что современный корпус должен представлять собой представительную коллекцию текстов, снабженных разметкой и специальной системой поиска. Такой корпус должен строиться в соответствии с четко определенными принципами и для решения конкретных задач. Только такая коллекция сможет выполнить предназначение лингвистического корпуса – обеспечение «научных исследований лексики и грамматики языка, а также тонких, но непрерывных процессов языковых изменений, происходящих в языке» на большом эмпирическом материале и при помощи компьютерных технологий⁴⁷ (см. также [Bommier-Pincemin 1999]).

В настоящее время в сети Интернет представлено множество разнообразных корпусов, созданных для решения различных лингвистических задач. Приведем в пример лишь некоторые из них:

⁴⁷ [<http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>] (дата обращения: 18.03.2014)

Британский и Американский национальные корпуса, корпус французского языка FRANTEXT и Лейпцигского университета, немецкоязычные корпуса DeReKo (das Deutsche Referenz Korpus), LIMAS, корпуса НКРЯ и ГИКРЯ, корпуса белорусского украинского, испанского, португальского, итальянского и др. языков. Корпусы различаются по своей структуре, объему, степени разнообразия и хронологических рамок текстов, принципу их отбора, типам разметки и т.д.

Обобщая полувековой опыт создания лингвистических корпусов, отраженный в научной литературе [Захаров, Богданова 2011; Баранов 2001; Груднева 2012; Нахимова 2013; Dipper 2008; McEnery, Wilson 1999; Lüdeling, Kytö 2008; Pearson 1998], можно выделить следующие корпуса, которые при типологизации противопоставляются по совокупности релевантных признаков:

- *специализированные* (тексты которых относятся к определенному стилю, сфере коммуникации, дискурсу, автору и т.д.) и *общезыковые или универсальные, стандартные* (источники представляют различные стили, дискурсы, жанры, что позволяет делать выводы о языке в целом);

- *открытые* (пополняемые) и *закрытые* корпуса;

- *полнотекстовые* и *неполнотекстовые* (в другой терминологии - отрывочные, фрагментотекстовые);

- *статические*, отражающие определенное временное состояние языка (например, коллекции текстов писателей), и *динамические (мониторные)* корпуса, постоянно дополняемые для мониторинга состояния исследуемых объектов;

- *письменные, устные и смешанные* корпуса;

- *синхронические и диахронические*;

- *свободно доступные (бесплатные) и корпуса с закрытым или платным (ограниченным) доступом*. Как правило, в последних есть возможность работы в демонстрационном режиме.

- *исследовательские*, созданные для изучения различных аспектов функционирования языка⁴⁸, и *иллюстративные* корпуса, создаваемые *post factum*, после проведения исследования с целью подтверждения результатов, полученных с помощью других лингвистических приемов.

Стремительное развитие корпусное лингвистики, разработка проектов новых корпусов дают основания для выделения еще одной типологической пары:

- *корпусы ручной сборки*, которая использована в абсолютном большинстве имеющихся на данный момент корпусов;

- *корпусы автоматической сборки*, позволяющие создавать мегакорпусы текстов, автоматически собранных из Интернета и автоматически размеченных [Беликов, др. 2012; Беликов, др. 2013; Пиперски 2013; Jakubiček et al 2013; Katinskaya, Sharoff 2015; Lagutin et al., 2015]. Примерами могут служить RuWac - Russian Web as Corpus (более 15 млрд слов)⁴⁹, самый крупный из существующих корпусов - ruTenTen (16 млрд слов)⁵⁰. Эти корпуса строятся при помощи «слепого» кроллинга русскоязычного интернета. Интерес представляет и Генеральный интернет корпус русского языка ГИКРЯ (более 15 млрд слов)⁵¹, размеченный по социологическим и региональным параметрам. Ведется работа по созданию надежной системы параметров жанровой разметки [Sorokin, Katinskaya, Sharoff 2014].

Вопрос **разметки** (или аннотирования, индексирования, тегирования) и ее типов – один из важнейших вопросов, требующих решения от исследователя на этапе планирования корпуса.

⁴⁸ Примером может служить исследовательский корпус текстов «Жанровая констелляция», направленного на исследование корпуса англо- и русскоязычных текстов, представленных в электронных версиях печатной прессы США и России, которые сложно или практически невозможно отнести к одному из известных жанров печатной прессы. Авторы вводят понятие жанровой констелляции для обозначения особой формы организации текстового пространства, когда данный текст по определенным устойчивым жанровым характеристикам невозможно отнести к конкретному жанру [http://constellation.aspu.ru/index.php/constellation] (дата обращения: 15.02.2014)

⁴⁹ [https://www.sketchengine.co.uk/russian-web-corpus/] (дата обращения: 14.03.2014)

⁵⁰ [https://www.sketchengine.co.uk/xdocumentation/wiki/Corpora/TenTen/_ruTenTen] (дата обращения: 16.03.2014)

⁵¹ [http://www.webcorpora.ru/] (дата обращения: 18.03.2014)

Под разметкой понимаются приписанные текстам и / или их фрагментам специальных тэгов - атрибутов, характеризующих как обстоятельства создания текста, так и собственно лингвистических тэгов (специальных помет, присваиваемых словами и предложениям в корпусе).

Существуют различные разметки, которые подразделяются на следующие виды:

- экстралингвистическая (метатекстовая) разметка:

- «интеллектуальная» разметка: как правило, это библиографические, тематические, социологические характеристики (информация об авторе); некоторые корпуса содержат региональную разметку (ГИКРЯ, Corpus of Global Web-Based English) [Сорокин 2015];

- формальная структурная разметка: заголовки, абзацы, разделы и т.д.;

- служебная (имплицитная или технологическая) разметка: стиль, возраст предполагаемой аудитории, ее уровень образования и размер (см., например, [<http://ruscorpora.ru/corpora-parameter.html>])

- лингвистические разметки:

- Основной вид разметки - морфологическая или частеречная, являющаяся основой для дальнейшего синтаксического и семантического анализа [Венцов, др. 2004; Ляшевская, др. 2005]. Включает не только признак части речи, но и признаки грамматических категорий, свойственных данной части речи.

- Синтаксическая разметка является результатом парсинга (процесс сопоставления линейной последовательности лексем языка с его формальной грамматикой), выполняемого на основе данных морфологического анализа. Этот вид разметки описывает синтаксические связи между лексическими единицами и различные синтаксические конструкции [Захаров, Богданова 2011: 40, 46] (см. также Копотев, Гурин 2006, 2007)

- Семантическая разметка обозначает семантические категории и субкатегории, к которым относится данное слово или словосочетание. Она предусматривает спецификацию значения слов, разрешение омонимии и синонимии. Лексико-семантическая информация, приписываемая словам, включает три группы помет: разряды слов, лексико-семантические и деривационные характеристики [Захаров, Богданова 2011: 48], [Грудева 2012: 61] (см. также Кустова, др. 2005, Апресян Ю.Д., др. 2005 Кононенко И.С., Сидорова Е.А., 2011, Яковчук Е.И., Сидорова Е.А. 2011).

- Просодические тэги размечают ударение и интонацию [Гришина Е.А., 2009].

Как правило, некрупные корпуса содержат морфологическую или морфологическую и синтаксическую разметки. Крупные национальные корпуса предлагают исследователям и обучающимся тексты с различными видами разметки. Например, в НКРЯ используется все шесть вышеперечисленных типов разметки.

В ряде исследований разрабатываются принципы иных видов разметок: терминологической (Загорулько, Кононенко, Сидорова, 2012); риторической (Маркасова, 2008); жанровой (Sorokin, Katinskaya, Sharoff 2014); анафорической (Красавина 2006); дискурсивной (Кибрик 2009) и др.

Различаются и технологические принципы выполнения разметки в корпусе, что дает основания для выделения следующих видов:

- 1) *Полностью автоматическая разметка.* В этом случае участие лингвиста не предполагается, программа производит разметку автоматически. Такой режим на данный момент применяется для осуществления морфологической, синтаксической и семантической разметки. Безусловным преимуществом является скорость обработки текстового материала, возможность построения корпусов большого объема. Однако без ручного постредактирования невозможно снять языковую омонимию, и такие корпуса заведомо содержат ошибки. В настоящее время ведутся активные исследования в данном направлении,

однако окончательно эту проблему решить не удастся. Поэтому пользователь должен учитывать данную специфику для выбора правильной стратегии работы с корпусом и грамотной интерпретации результатов.

- 2) *Полуавтоматическая разметка.* Тексты, включаемые в корпус, обрабатываются программами-анализаторами, затем полученный результат проверяется вручную оператором-лингвистом для снятия омонимии.
- 3) *Ручная (неавтоматическая) разметка.* Данный вид разметки производится самим исследователем в процессе анализа текстового материала в корпусе [Шилихина, 2014; Бонч-Осмоловская, 2015; Богоявленская, Буженинов 2015].

Классификация по количеству языков, представленных в корпусе, включает две позиции: ***моноязычные и многоязычные.***

Разработка многоязычных параллельных (выровненных) корпусов, составленных из оригинальных текстов и их переводов на другой язык (другие языки), является одним из активно развивающихся направлений современной корпусной лингвистики. При обработке параллельных корпусов возникает проблема, которая заключается в установлении соответствий между текстом оригинала и его переводами [Баранов 2007], [Piao 2002]. Для решения этой задачи используется *метод автоматического выравнивания текстов*, который позволяет разделить на сегменты оригинальный текст и его перевод по предложениям, клаузам, словосочетаниям и словам. Такие корпуса предоставляют неоценимый материал для исследований по теории перевода и для обучения переводу человека и компьютера [Захаров, Богданова 2011: 23-24].

Исследователями выделяются различные подтипы параллельных корпусов: тексты на языке Я1 и их переводы на язык Я2, тексты на языках Я1 и Я2 и их переводы соответственно на языки Я2 и Я1, тексты на Я1 и их переводы на Я2, Я3, Я4 и т.д. [Teubert 1996: 238-264]. С. Бернардини

подразделяет параллельные корпуса на параллельные двунаправленные (то есть содержащие как оригинальные тексты, так и их переводные эквиваленты на обоих языках) и тематические многоязычные (тематически или жанрово близкие тексты на разных языках, например, многоязычные корпуса прессы) [Bernardini 2004: 2].

Некоторые специалисты включают в перечень типов параллельных корпусов диахронические корпуса (тексты на более ранней форме языка и их перевод на современный язык), диалектические корпуса (транскрипция чтения литературного текста носителями разных диалектов), «зеркальные» (перекрестные переводные) корпуса [Borin 2002: 1-43]. Несмотря на значительный прогресс в этой области и ценность подобных корпусов для теории перевода, их количество по сравнению с моноязыковыми ресурсами остается незначительным.

Одним из видов многоязычных корпусов является *сопоставительные корпуса (corpus comparables; comparable corpora)*, которые, к сожалению, остаются до сих пор вне интересов российской корпусной лингвистики. Зарубежные исследователи отмечают высокую значимость сопоставительных корпусов текстов и ведут активные исследования, связанные с принципами их построения и использования [Kübler 2014],[Goeuriot 2009],[Afli, Barrault, Schwenk 2012], [Bowker, Pearson 2002], [Cartoni, Deléger 2011], [Mcenery, Xiao 2007], [Habert 2000], [Morin, Daille 2004], [Kilgariff 2001], [Lewis 2005], [Péry-Woodley 1995], [Maia 1997], [Visky 2013], [Saralegi, Vicente, Gurrutxaga 2008], [Wissik 2010], др.

Обзор зарубежных работ выявил существенные различия в определениях понятия «сопоставительный корпус», который понимается либо как биязычный (мультиязычный), либо моноязычный или смешанный языковой ресурс, либо ассоциируется с параллельными корпусами.

Л. Боукер и Дж. Пирсон предлагают рассматривать сопоставительные корпуса как «несколько аналогичных по структуре одноязычных подкорпусов, имеющих сходную структуру, не включающих переводных

текстов и обладающих сходными характеристиками» [Bowker, Pearson 2002: 93] (см. также [Goeuriot 2009; Fung 1998; Déjean, Gaussier 2002; Pearson 1998]). Авторы уточняют, что в сопоставительный корпус можно включать текстовые документы только определенного типа, так как подобный корпус «фокусируется на особых аспектах языка. Он может быть ограничен рамками языка для специальных целей какой-либо предметной области, специфическим типом текстов, особой разновидностью языка или языком, используемым членами какой-либо демографической группы (например, тинейджеров)» [Bowker, Pearson 2002:12]. Таким образом, сопоставительный корпус понимается как корпус на двух и более языках, не содержащий переводных текстов [Aijmer 2008, Lemnitzer, Zinsmeister 2010], создаваемый с целью сопоставления языков [Peters, Picchi, Biagini 1996: 69].

Э. Афли, Л. Барро и О. Швенк добавляют критерий близкой тематики и содержания текстов: «Сопоставительный корпус – это корпус текстов на двух разных языках, не содержащий параллельных текстов в строгом смысле этого термина, но которые содержат аналогичную информацию» [Afli, Barrault, Schwenk 2012: 448].

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой для сопоставительного корпуса допустимо включение переведенных текстов. В частности, С. Роф понимает под сопоставительным корпусом коллекцию данных (текстов) на нескольких языках, отобранных независимо друг от друга, но которые часто содержат части, являющиеся переводными [Rauf 2012]. Воздерживаться от включения переводных частей, по возможности снизить их количество в сопоставительном корпусе призывают П. Зеигинбаум и Б. Абер. Исследователи дают следующее определение: сопоставительные корпуса – это «совокупность непереводаемых текстов на двух языках (что снижает вероятность калек), которые относятся к одной области, более или менее узкой, и по возможности к одному регистру или стилистическому жанру» [Zweigwnbaum, Habert 2006: 23]. Аналогичной точки зрения придерживаются А. МакЭнери, З. Ксиао, акцентируя внимание

на том, что эти корпуса используются в различных целях (сопоставительные исследования и исследования перевода) и строятся в соответствии с различными принципами: сопоставительные подкорпусы должны быть примерно одинакового объема, представлять одни и те же жанры, предметные области и хронологические периоды. Для параллельных корпусов эти требования нерелевантны [McENERY, XIAO 2007: 3]. Авторы отмечают возможность комбинированного использования сопоставительных и параллельных корпусов для решения проблем перевода [McENERY, XIAO 2007: 4].

Целый ряд исследователей трактуют сопоставительный корпус как моноязыковой, построенный на нескольких подкорпусах (Barzilay, Lee 2003; Shinyama, Sekine, 2003; Elhadad, Sutaria 2007). Однако и здесь нет единодушия. Для Ф. Занеттин, О. Куло и др. один из корпусов должен включать письменные тексты на одном языке, а другой – тексты, переведенные на этот язык (без оригинальных текстов), что необходимо для изучения трансформаций, возникающих при переводе [Zanettin 1998; Culo et al. 2008]. Б. Картони и Л. Дележе подразумевают под сопоставительным корпусом объединение нескольких корпусов текстов одного языка, представляющих разные типы речи и разные тематики [Cartoni, Deléger 2011]. Т. Виссик, исследуя особенности деловой речи на материале нормативных документов Германии, Австрии и Швейцарии, полагает, что в понятие сопоставительного корпуса можно включить и корпуса, представляющие разные варианты одного языка [Wissik 2010].

М. Гидер, как и некоторые другие исследователи, считает, что понятие сопоставительного корпуса распространяется исключительно на переводные (выровненные) корпуса [Guidère 2010: 95].

Ф. Скарпа расширяет границы моноязычного или многоязычного сопоставительного корпуса и строит свои исследование как на параллельных (оригиналы на языке А и их переводы на языке В), так и на непереводные текстах, объединенных близкой тематикой: «сопоставительные корпуса –

это корпуса, состоящие из переводов и неперевода оригинальных текстов» [Scarpa 2010: 124]. Этой же позиции придерживается А. Виски, обосновывая ее большой значимостью для изучения перевода и для применения в практике преподавания [Visky 2013: 3] (см. также [Kübler 2014], [Daille, Morin 2013], [Zanettin 1998], [Visky 2013], [Peters, Picchi, Biagini 1996], [Afli, Barrault, Schwenk 2012], [McEnery, Xiao 2007], [Scarpa 2010], [Delpech 2013], [Sellami, Sadatet, Hadrich Belguith 2013]).

Полагаем, что последний вид корпусов логично и оправданно использовать с теми целями, на которые указывают авторы, но в исследованиях, ориентированных на сопоставление языков, они вряд ли приемлимы. Как справедливо замечает Л. Герио, «... источники, как правило, сильно влияют на перевод. На самом деле различные обороты и лексика переводного текста обнаруживают тесную связь с текстом-источником» [Goeuriot 2010:13].

Таким образом, содержание понятия «сопоставительный корпус» нельзя признать устоявшимся. Б. Абер, систематизируя типы корпусов, пытается решить эту терминологическую проблему, выделяя:

- **сопоставительные** (corpus comparables) - корпуса текстов на разных языках или моноязыковой корпус, отражающий разные состояния этого языка;
- **параллельные** (corpus parallèles) – корпуса, «связанные с переводом»;
- **выровненные корпуса** (corpus alignés) текстов, поделенные на сегменты для выравнивания параллельных текстов [Habert 2000: 11].

Соглашаясь с В. Абером как в том, что не совсем правомерно объединять столь разные по содержанию и целям корпуса под понятием «сопоставительный корпус», мы предлагаем следующую типологию, позволяющую провести их более точное разграничение при принципе количества языков и учитывающую сферы их применения:

1) **моноязычные сравнительно-сопоставительные корпуса**, охватывающие корпуса оригинальных и непараллельных переводных текстов на одном языке; диахронические корпуса, создаваемые с целью сопоставления языка, например, XVII и XXI вв., корпуса национальных вариантов одного языка и др., обслуживающих исследования языковых явлений, происходящих в рамках одного языка, и некоторых аспектов перевода;

2) **многоязычные корпуса:**

- **параллельные (выровненные) корпуса**, т.е. корпуса, включающие тексты, содержащие предложения на одном языке и соответствующие им предложения на втором, третьем и т.д., создаваемые для изучения различных аспектов перевода, а также для обучения методам и приемам перевода;

- **сопоставительные корпуса**, содержащие текстовые массивы на двух и более языках, относящиеся к одному (или более⁵², в зависимости от поставленных задач) типу речи, функциональному стилю, дискурсу и т.д., сфера применения которых ограничивается сопоставительными исследованиями с возможностью дальнейшего применения результатов в практике преподавания языков; в комбинации с параллельными корпусами могут использоваться для исследований перевода;

- **комбинированные корпуса**, включающие моноязычные подкорпусы и подкорпусы текстов на разных языках, объединяющие перечисленные выше характеристики. Структура, содержание и область применения подобных корпусов зависит от комплекса задач, которые ставит перед собой исследователь.

Как отмечает П. Фунг, сопоставительные корпуса обладают целым рядом преимуществ. В первую очередь, это преимущества практического порядка, т.к. корпуса этого типа в отличие от параллельных корпусов имеют

⁵² Поскольку цель сопоставительной лингвистики - обнаружение сходств и различий языковых подсистем **разных языков** (см. В.Г. Гак, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.И. Ярцева, др.), остальные варианты корпусных сопоставлений вынесены в другие типы.

более высокое качество, которое не зависит от субъективного фактора – личности переводчика и качества перевода, во-вторых, материал для них более доступен [Fung 1998]. В-третьих, сопоставительные корпуса имеют важное преимущество: они не связаны друг с другом, тексты одного корпуса не являются переводными, а потому «использование сопоставительного корпуса позволяет получить непосредственный доступ к реальному употреблению слов в каждом языке и, следовательно, избежать смещений, вызываемых» [Déjean, Gaussier 2002: 3].

3.2. Проблемы использования современных корпусов в сопоставительных исследованиях

В настоящее время существует уже значительное количество корпусов, представляющих собой массивы текстовых данных на разных языках, однако возможность их использования связана для исследователя с рядом серьезных проблем:

1) Доступные в сети Интернет *корпусы ориентированы на анализ лексических или грамматических явлений*, а единицы коммуникации, не имеющие стандартных способов выражения, дискурсивные явления, прагматические особенности текстов, речевых актов и т.д. в них не размечаются, поскольку создание подобной автоматической разметки, по крайней мере на данном этапе развития компьютерной лингвистики, невозможно. В связи с этим некоторые исследователи отрицают пользу корпусов в изучении текста и дискурса [Fludernik 2002].

На первый взгляд может показаться, что применение корпусного подхода невозможно при изучении дискурсивных явлений, однако существуют примеры успешных работ, проведенных в этом направлении: проект А.А. Кибрика, В.И. Подлесской и др. «Рассказы о сновидениях», в котором детский устный нарратив был размечен в терминах теории

риторической структуры текста [Кибрик 2009], исследование анафорических отношений в работе Р. Гарсайда, С. Флигельстоуна, С. Ботли, направленной на выявление кореферентных групп, обеспечивающих содержательную когерентность дискурса [Garside 1997]; работа Э. Семино и М. Шорта, посвященная способам представления речи и мысли в текстах на английском языке. Дискурсивная разметка производилась авторами вручную [Semino 2004]. Следует отметить также интересное исследование Дж. Лича, посвященное распределению и функционированию обращений в беседе на американском и британском вариантах английского языка [Leech 1999] и работу [Lüdeling, Kytö 2008] по изучению особенности разных типов референциальных выражений в устных и письменных регистрах. Изучение когерентности и когезии в диалогическом общении – тема еще одного интересного исследования М. Табоады [Taboada 2004]. Успешным примером применения методов корпусной лингвистики является исследование вербальной иронии К.М. Шилихиной, в котором автор обращается к НКРЯ для ответа на вопрос какие высказывания классифицируются носителями русского языка как ирония, а затем обращается к анализу собственного корпуса текстов с ручной дискурсивной аннотацией и выявляет группы факторов, влияющих на возможность иронической интерпретации и способы создания иронии в дискурсе [Шилихина 2014]. Перечисленные работы объединяет методологическое стремление исследователей использовать лингвистические корпуса для решения поставленных задач, а также объект их исследований – дискурс.

2) Следующая проблема – это *ограниченный доступ или отсутствие доступа к некоторым корпусам*. В частности крупнейший корпус, включающий произведения французской литературы с XX в. по XXI в. *Frantext* доступен только для ограниченного онлайн-поиска, требуется подписка от имени академического/ образовательного учреждения. Многие корпуса английского языка являются платными. Полный доступ к Британскому, Американскому национальным корпусам, Международному

корпусу английского языка и некоторым другим корпусам в режиме онлайн отсутствует. Но есть и ряд доступных корпусов - это корпусы, созданные Марком Дэвисом и корпусы, доступные с сайта университета Лидс.

3) Имеющиеся корпусы *не всегда позволяют получить контекст употребления и доступ к полному тексту произведения*, что снижает возможность адекватной интерпретации исследуемого явления в тексте / дискурсе. Чаще всего исследователь получает доступ к 1 строке, 1 предложению или некоторому количеству символов (ограничение зависит от корпуса), в котором использовано запрашиваемое слово или выражение. Одним из редких исключений является Словарь-конкорданс публицистики Ф.М. Достоевского⁵³, в котором пользователь имеет возможность вывести на экран окружение в пределах пятидесяти знаков до и после заданного слова, перейти к искомой части полного текста и получить указание на том и страницу Полного собрания сочинений писателя. Однако и этот способ доступа к тексту является довольно трудоемким.

4) *Трудность применения корпусов в сопоставительных исследованиях из-за разных объемов, структуры корпусных массивов, времени создания и типов текстовых документов*. В частности при сопоставлении французских и русских корпусов обнаруживаются все вышеперечисленные (1-4) проблемы. Например, **Французский корпус Лейпцигского университета** представляет собой базу данных, включающую 700 млн. слов. Содержит тексты французской прессы (около 350 млн.слов), веб-страниц и материалы Википедии⁵⁴. Позволяет получить список примеров размером 1 предложение на слово – запрос с указанием ссылки на источник, но без даты, а также список правосторонних и левосторонних коллокатов, т.е. слов, которые часто используется с запрашиваемым словом. Корпус **Frantext**, созданный Университетом Нанси, содержит размеченные тексты французских

⁵³ [<http://dostoevskii.karelia.ru/index.phtml>] (дата обращения: 10.03.2014)

⁵⁴ [http://wortschatz.uni-leipzig.de/ws_fra/] (дата обращения: 12.01.2014)

литературных произведений X - XXI вв. в объеме 286 млн. слов⁵⁵ и имеет ограниченный доступ. В открытом доступе находится канадский корпус французского языка *Lexiqum* (около 229 млн. слов)⁵⁶, созданный Монреальским Университетом для изучения совместной лексической встречаемости и синтаксической сочетаемости различных выражений. Количество примеров на запрос ограничено 500 предложениями длиной не более 200 символов. В корпусе используется только метатекстовая разметка. На данный момент не существует национального корпуса французского языка, сопоставимого по структуре, разметке, функциям, например, с *Британским Национальным корпусом* (100 млн. слов)⁵⁷, *Корпусом Современного Американского английского языка COCA* (445 млн. слов)⁵⁸ или *Национальным корпусом русского языка* (более 500 млн. слов)⁵⁹. НКРЯ - сбалансированный корпус с 6 видами разметки. Включает произведения художественной литературы, научные тексты и публицистику с сер. XVIII до нач. XXI века. Имеется также *Компьютерный корпус газетных текстов русского языка конца XX века*, содержащий тексты избранных номеров ряда российских газет, опубликованных в 1994 – 1997 гг. В корпусе произведена метатекстовая, морфологическая, синтаксическая, семантическая разметка⁶⁰. *Корпус русского литературного языка* объемом 1 млн. слов представляет собой сбалансированный корпус, включающий беллетристику, научно-популярные, публицистические, драматургические тексты начиная с середины XX в. Корпус неполнотекстовый, с морфологической и синтаксической автоматической разметкой⁶¹.

⁵⁵ [<http://www.frantext.fr>] (дата обращения: 01.03.2014)

⁵⁶ [<http://retour.iro.umontreal.ca/cgi-bin/lexiqum>] (дата обращения: 02.03.2014)

⁵⁷ [<http://www.natcorp.ox.ac.uk/>] (дата обращения: 08.02.2014)

⁵⁸ [<http://corpus.byu.edu/coca/>] (дата обращения: 09.02.2014)

⁵⁹ [<http://www.ruscorpora.ru/>] (дата обращения: 18.01.2014)

⁶⁰ [<http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>] (дата обращения: 18.01.2014)

⁶¹ [<http://www.narusco.ru>] (дата обращения: 18.01.2014)

3.3. Сопоставительный объектно-ориентированный корпус в исследовании парцелляции

Обзор корпусов, представленный выше, а также многих других, показывает, что воспользоваться ими для проведения сопоставительного исследования французского и русского языков довольно затруднительно: как отмечалось, корпуса этих языков существенно различаются по объему, принципам построения, разметке, хронологическим рамкам текстов, составу и т.д.

Второй причиной, ограничивающей обращение к имеющимся корпусам, стал тот факт, что объектом нашего исследования является парцелляция – явление, которое не имеет лексических средств выражения или формально-грамматических показателей. Работа с имеющимися корпусами строится на лексических запросах (слово, лемма, выражение), вводимых в поисковую строку. Задать поиск на парцеллированную конструкцию в корпусе невозможно.

Объем собранного материала составил десятки тысяч страниц, что нереально обработать одному исследователю вручную за ограниченный период времени. Неизбежно возникла задача автоматизации процесса его обработки, другими словами, создания программного инструмента, способного справиться с поставленными задачами. Решением этой проблемы стала программа Linguistica (свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014)⁶².

Программа представляет собой современный технологический инструмент, предназначенный для создания лингвистических корпусов, их обработки и получения статистических данных. Программа позволяет исследователю самостоятельно выстраивать деревья зависимостей (параметрические деревья) и снабжать разметкой как интересующие

⁶² Идея, разработка концепции программы, интерфейса, тестирование и т.д., а также правообладание: Ю.В. Богдавленская; автор-программист: С. А. Александров. Реферат и описание программы Linguistica см. в Приложении 1; сертификат о государственной регистрации в Роспатенте см. в Приложении 2.

фрагменты, так и тексты. Программа снабжена системой поиска, статистической обработки результатов; имеется возможность получения конкорданса – генерируемого программой списка фрагментов по заданным параметрам с доступом к источнику.

Опираясь на типы корпусов, рассмотренные выше, охарактеризуем созданный в рамках диссертационного исследования корпус.

Таблица 3. Типологические характеристики корпуса *Linguistica*.

сопоставительный	Корпус включает 2 подкорпуса текстов на французском и русском языках, предназначенных для сопоставления.
специализированный	В корпусе представлены тексты газетного дискурса.
открытый	Корпус постоянно пополняется новыми текстами.
динамический	Корпус предназначен для изучения синхронной динамики парцелированных конструкций в газетных текстах.
полнотекстовый	Корпус включает полные тексты французских и русских газетных статей.
исследовательский	Корпус представляет собой богатую эмпирическую базу, достаточную для исследования феномена парцелляции.
корпус ручной сборки	Отбор текстов производится в неавтоматическом режиме. Тексты размещаются в электронной коллекции в формате word, затем заносятся в программу. Возможно копирование текста с сайта прямо в программу.
корпус ручной разметки	Разметка осуществляется вручную при помощи специальных инструментов. Виды используемой корпусной разметки: экстралингвистическая и лингвистическая.

Корпус описывается при помощи эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых параметров: хронологического, гендерного, конструктивного, семантического, риторического, дискурсивного и т.д.

Для более точной характеристики корпуса мы вводим понятие **«объектно-ориентированный корпус»**, под которым понимаем *специализированный корпус, предназначенный для изучения конкретного лингвистического объекта. Такой корпус является объектом, выступающим в качестве модели некоторой внешней по отношению к нему лингвистической реальности.* В силу направленности на сопоставительное

исследование объекта, корпус представляет собой модель двух языковых пространств – французского и русского. Следовательно, созданный корпус является *сопоставительным объектно-ориентированным корпусом*.

Концепция корпуса опирается на принципы репрезентативности, сбалансированности, сопоставимости и обзримости. Объем корпуса регулируется при помощи специально разработанной методики (см. далее). Применение принципов и данной методики позволяют получить достоверные данные об исследуемом объекте.

Программа создавалась специально для решения задач данного исследования, посвященного сопоставительному анализу парцелляции для анализа того, как в действительности используется парцелляция носителями языка в речевой деятельности. Однако ее потенциал оказался намного шире. Она была протестирована и показала себя не менее эффективной в семантико-когнитивных и синтаксических исследованиях: прецедентных концептов [Богоявленская, Буженинов 2015], прецедентных высказываний [Богоявленская, Чудинов 2015; Богоявленская, Чудинов, Нахимова 2015; Bogoyavlenskaya, Y. V., Nakhimova, E. A., & Chudinov, A. P. 2016] и абсолютных конструкций с причастием [Богоявленская, Нелюбина 2015; Богоявленская, Нелюбина 2016], для которых создавались французский, русский и английский корпуса.

3.4. Концепция корпуса. Принципы репрезентативности, сбалансированности, сопоставимости, обзримости корпусов. Методика верификации достоверности полученных данных

Как известно, любой корпус должен отражать речевую деятельность человека – сложный семиотический объект. Решение этой задачи, а также обеспечение достоверности полученных на материале корпуса данных определяется в научной литературе такими критериями как

репрезентативность и сбалансированность. В ходе создания собственного сопоставительного корпуса, включающего два подкорпуса, мы пришли к выводу о необходимости учета не только двух вышеперечисленных, но и *принципа сопоставимости корпусов*, проблема которого активно обсуждается в зарубежной лингвистике. Также мы ввели еще один принцип, обеспечивающий полноценный анализ исследуемого объекта, - *принцип обозримости текста*. С целью оценки достоверности и репрезентативность полученных результатов была разработана специальная *методика верификации достоверности полученных данных*, которая позволяет регулировать объем корпуса. Рассмотрим вышеобозначенные принципы и технологию их применения в нашем корпусе.

Отметим, что проблема репрезентативности и сбалансированности корпусов находится в зоне повышенного внимания со стороны исследователей с 1990-ых годов [Leech 1991], [Biber 1993а, б], [Sinclair 1996], [Holmes-Higgin, Ahmad 1996], [Sinclair 1999], [Habert 2000], [Баранов 2001], [Рыков 2001], [McEnergy 2003], [Венцов, Касевич, Ягунова 2003], [Sinclair 2004], [Шимкова 2005], [Baude, Abouda 2006], [Leech 2006], [Leech 2006], [Carreau, Gadet 2007], [Wissik 2010], [Гильмуллин, Невзорова, Хакимов 2011], [Arbach, Ali 2014], [Резанова 2015] и др.

Дж. Лич [Leech 1991: 9] и К. Маннинг, Х. Шутце [Manning, Schütze 1999: 119] утверждают, что корпус репрезентативен в том случае, если выводы, которые основываются на анализе корпуса, могут быть распространены на весь язык, что близко к пониманию репрезентативности Дж. Синклером: «Корпус должен иметь достаточный объем, чтобы представлять собой все возможные разновидности языка, характерную для него лексику; только тогда он может быть использован как достоверная основа для грамматик, словарей, тезаурусов и других языковых справочных материалов» [Sinclair 1996: 12-13].

Дж. Лич справедливо подчеркивает, что: «Без репрезентативности результаты, полученные при работе с корпусом, - справедливы всего лишь по

отношению к этому корпусу, но не могут быть распространены на что-либо другое» [Leech 2006: 135].

Обобщая имеющиеся в лингвистической литературе дефиниции, определим *репрезентативность* как *возможность распространения представления о части (корпусе) на целое (язык или его часть)*. Другими словами, выборка должна **полно и достоверно** отображать признаки той совокупности, частью которой она является. Для специализированных корпусов это требование может звучать как *необходимо-достаточное количество текстов, обеспечивающих решение исследовательских задач*.

Стремясь к обеспечению репрезентативности, современная корпусная индустрия идет по пути наращивания объема корпусов, исходя из убеждения, что именно объем и является ключевым моментом для ее достижения. Многие корпуса являются универсальными, т.е. стремятся обслуживать самые разнообразные запросы пользователей. Это стремление понятно, но все же имеет слабые места. В ряде работ, посвященных данной проблеме, отмечается, что *в целом апробированных способов обеспечения репрезентативности корпусов не предложено* [Беликов, др. 2013], [McENERY, Hardie 2011], [Hunston 2008], [Arbach, Ali 2014], [Leech 2006]. Особенно подчеркивается, что применительно к общезыковому (универсальному) корпусу это понятие невозможно рассчитать и описать строго математически. К тому же, языковая личность составителя корпуса оказывает непосредственное влияние на его репрезентативность [Мордовин 2009: 34], что мешает корпусу объективно отражать речевую действительность.

Как подчеркивают В.П. Захаров, С.Ю. Богданова, к достижению репрезентативности корпуса можно и нужно стремиться, как на этапе его проектирования, так и на этапе эксплуатации [Захаров, Богданова 2011: 18]. В научной литературе вопросы математического расчета репрезентативности корпусов практически не обсуждаются. Редким исключением является *методика достижения репрезентативности корпуса*, предложенная А.Н. Барановым. Под репрезентативностью лингвист понимает «такой тип

отображения проблемной области в корпус данных, при котором последний отражает все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой изучаемого явления в проблемной области. Другими словами, относительная частота явления в корпусе должна быть близка его относительной частоте в проблемной области» [Баранов 2001: эл.изд.]. В основе методики оценки репрезентативности корпуса лежит идея накопления и коррекции относительной частоты феномена, достигаемая в процессе сплошного отбора контекстов его употребления.

Поставленный А.Н. Барановым эксперимент подтвердил обоснованность подобного подхода и его эффективность. Недостатком методики может считаться, на наш взгляд, большая трудоемкость, связанная с ручными расчетами показателей, составлением графиков и с исчислениями по разработанным формулам.

Полагаем, что признать корпус репрезентативным можно только в том случае, если полученные на материале корпуса статистические данные объективно отражают лингвистическую реальность. Другими словами, опираясь на эти данные можно сделать обоснованные выводы об изучаемом феномене в целом и его закономерностях. Для проверки достоверности статических данных и оценки репрезентативности корпуса мы предлагаем использовать разработанную нами специальную **методику верификации достоверности полученных при индексации корпуса данных**⁶³.

Методика опирается

1) на закон текстового блока, в соответствии с которым лингвистические единицы (слова, буквы, синтаксические функции, конструкции и т.д.) демонстрируют определенное распределение частоты в одинаково больших текстовых блоках;

⁶³ Мы выражаем искреннюю благодарность за консультирование зав.кафедрой теоретической механики и математического моделирования УрФУ, канд.физ.-мат.наук, Михаилу Геннадьевичу Близорукову.

2) на принципах итеративности (повторяемости, цикличности) и пропорциональности;

3) на принцип вычисления *цепного индекса*, широко применяемого в математической, экономической и др. статистиках [Гусаров, Кузнецова 2008]. Под цепным индексом понимается *статистический индекс многошагового расчета*, характеризующий изменение показателя по отношению к каждому предыдущему шагу (итерации). Таким образом, базой для сравнения является индекс, полученный в предыдущей итерации. Для решения поставленной задачи данный метод был несколько модифицирован.

Мы исходим из того, что чем больше объем корпуса, тем точнее он отображает исследуемую лингвистическую действительность. Поэтому индекс следует рассчитывать, используя относительные показатели не отдельных шагов, а всего массива и сопоставлять их до тех пор, пока значение индекса не приблизится к **1**. Сопоставление пошаговых индексов дает **индекс достоверности**.

Итак, для расчетов используются относительные показатели – индексы параметров, представляющие собой отношение индексированного количества употреблений по данным параметрам к общему количеству употреблений. Программа *Linguistica* сама просчитывает относительную частотность, поэтому исследователю достаточно сохранить эти показатели в виде таблицы при нескольких итерациях для последующего сопоставления данных.

Размер итерации мы определили в 200 единиц. С целью обеспечения объективности были отобраны двадцать семь разноформатных параметров.

После каждой итерации при помощи специальной функции в программе снимаются статистические показания, фиксируются в программе Excel и вычисляется индекс достоверности каждого параметра по следующей формуле:

$$i_1 = \frac{P_1}{P_0}, i_2 = \frac{P_2}{P_1}, i_3 = \frac{P_3}{P_2}, \dots, i_n = \frac{P_n}{P_{n-1}}$$

где

P_0 – абсолютное значение выбранного для исчисления индекса достоверности параметра при первой итерации;

P_1 – абсолютное значение выбранного для исчисления индекса достоверности параметра при второй итерации и т.д.;

i_1 – значение индекса, получаемое делением относительной частоты параметра, зафиксированной после второй итерации P_1 на относительную частоту, зафиксированную после первой итерации P_0 ;

i_2 – значение индекса, получаемое делением относительной частоты параметра, зафиксированной после третьей итерации P_2 на относительную частоту, зафиксированную после второй итерации P_1 и т.д.

i_n – значение индекса, полученное при последней итерации.

После исчисления значения индекса достоверности по каждому параметру в итерации, высчитывается **средний показатель индекса достоверности**: сумма индексов по параметрам делится на их количество.

Применение индекса достоверности позволяет отслеживать текущие изменения статистического процесса. Достоверность может считаться достигнутой при $i_n = 1$, однако такой показатель считается идеальным и практически недостижимым, поэтому мы принимаем допустимыми колебания в промежутке $1 \pm \varepsilon$, где $\varepsilon = 0,5$.

Для оценки достоверности полученных данных было произведено 4 итерации.

Результаты расчетов отражены в следующих таблицах 4 и 5.

**Таблица 4. Расчет индексов достоверности по параметрам
французского корпуса**

Параметры		Ит ⁶⁴ 1	Ит 2	Инд 1	Ит 3	Инд 2	Ит 4	Инд 3
СИНТАКСИС								
-	Конструктивные характеристики							
	- Локализация ПТ по отношению к основе							
	ретроспективный	91,27	99,03	1,09	98,91	0,99	99,01	1,001
	проспективный	6,07	0,78	0,13	0,77	1,13	0,81	0,92
	проспективно-ретроспективный	2,66	0,19	0,07	0,33	1,16	0,18	0,82
-	Тип ПТ по протяженности							
	малой протяженности	52,24	64	1,22	62,14	0,97	62,39	1,004
	значительной протяженности	31,98	24,09	0,75	25,16	1,04	24,78	0,98
	равнопротяженный	10,77	6,24	0,6	8,97	1,43	8,71	0,97
	разной протяженности (для 2К и полиК парцеллем)	5,01	5,67	1,13	3,72	0,66	4,13	1,11
-	Тип ПТ по степени удаленности от основы							
	примыкающий	99,2	98,16	0,99	98,47	1	98,74	1,002
	дистантный	0,8	1,84	2,3	1,53	0,83	1,26	0,82
-	Модели парцеллем							
	Модель 1А	79,91	83,98	1,05	86,54	1,03	85,55	0,99
	Модель 2Аа	8,34	4,07	0,49	6,02	1,48	5,83	0,97
	Модель 2Вb	2,01	7,98	4	4,05	0,5	4,67	1,15
СЕМАНТИКА								
-	Парцеллятная пунктуационная сетка							
	- Единая парцеллятная сетка (ЕПС)							
	ЕПС с точками	86,88	90,21	1,04	89,5	0,99	89,14	0,99
	ЕПС с вопросительными знаками	1,45	3,67	2,53	1,42	0,39	1,35	0,95
	- Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)							
	КПС точка + восклицательный знак	0,43	0,87	2,02	0,98	1,13	0,9	0,92
	КПС разные знаки	0,89	2,99	3,36	0,77	0,26	0,72	0,94
-	Семантика парцеллятных отношений							
	- Асимметрические парцелляты							
	объектные	1,99	3,22	1,62	1,53	0,48	1,35	0,88
	атрибутивные	1,25	1,68	1,34	1,97	1,17	1,71	0,87
	каузальные	7,23	3,35	0,46	3,94	1,18	3,77	0,96
	- Симметрические парцелляты							
	- Семантика Пт							
	субъектные	1,27	4,21	3,31	3,28	0,78	3,14	0,96
	объектные	10,72	11,45	1,07	11,71	1,02	11,94	1,02
	подчинительно-присоединительные	4,01	3,17	0,79	2,84	0,89	3,05	1,07

⁶⁴ Ит – итерация; Инд – индекс.

		(СПП)							
		координативные (ССП)	24,01	30,93	1,29	30,96	1	29,08	0,94
ПРАГМАТИКА									
-	Текстовая позиция								
	-	Интротекстовые позиции							
		начальноабзацная	15,56	21,54	1,39	18,82	0,87	17,32	0,92
		внутриабзацная	31,14	39,76	1,38	36,54	0,92	40,39	1,11
-	Сильные позиции								
		лид	6,79	4,14	0,6	6,78	1,64	5,46	0,8
		концовка	6,91	9,98	1,44	7,88	0,79	8,39	1,06
Средний индекс достоверности по итерациям					1,39		0,95		0,97

Значение первого индекса достоверности 1,39 превышает установленный предел в 0,5. Второй показатель демонстрирует приближение к 1, удовлетворяющее выдвинутому требованию, однако разница в значениях достаточно чувствительна: $\Delta = 0,44$. С целью проверки была проведена дополнительная итерация (Итерация 4). Индекс 3 находится в допустимой зоне и уже незначительно отличается от Индекса 2 ($\Delta = 0,02$). Это позволяет считать, что проанализированный материал объективно отражает лингвистическую реальность. Обратимся к расчетам индекса достоверности в русском корпусе.

Таблица 5. Расчет индексов достоверности по параметрам русского корпуса

Параметры			Ит 1	Ит 2	Инд 1	Ит 3	Инд 2	Ит 4	Инд 3
СИНТАКСИС									
-	Конструктивные характеристики								
	-	Локализация ПТ по отношению к основе							
		ретроспективный	97,05	99,38	1,02	99,6	1	99,59	0,99
		проспективный	2,95	0,58	0,2	0,32	0,55	0,34	1,06
		проспективно-ретроспективный	0,08	0,04	0,5	0,08	2	0,07	1,14
-	Тип ПТ по протяженности								
		малой протяженности	67,09	56,87	0,85	59,86	1,05	61,86	0,97
		значительной протяженности	12,54	16,82	1,34	18,04	1,07	17,25	0,96
		равнопротяженный	9,98	18,99	1,9	15,88	0,84	15,33	0,97
		разной протяженности (для 2К и полиК парцеллем)	10,39	7,32	0,7	6,23	0,85	5,57	0,89
-	Тип ПТ по степени удаленности от основы								

		примыкающий	95,76	98,45	1,03	97,69	0,99	97,87	1,002
		дистантный	4,24	1,55	0,36	2,31	1,5	2,13	0,92
-	Модели парцеллем								
		Модель 1А	74,67	83,06	1,11	79,97	0,96	82,06	1,03
		Модель 2Аа	12,48	8,62	0,66	9,9	1,15	8,73	0,89
		Модель 2Вb	5,03	3,56	0,7	4,07	1,14	3,78	0,86
СЕМАНТИКА									
-	Парцеллятная пунктуационная сетка								
	-	Единая парцеллятная сетка (ЕПС)							
		ЕПС с точками	78,9	88,67	1,12	84,52	0,95	86,19	1,02
		ЕПС с вопросительными знаками	0,64	1,99	3,1	1,52	0,76	1,44	0,95
-	Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)								
		КПС точка + восклицательный знак	1,75	3,05	0,39	2,95	0,97	2,75	0,93
		КПС разные знаки	0,65	1,17	1,8	1,12	0,96	0,96	0,86
-	Семантика парцеллятных отношений								
	-	Асимметрические парцелляты							
		объектные	3,34	1,19	0,35	0,56	0,47	1,44	2,58
		атрибутивные	1,05	2,01	1,91	1,76	0,88	1,99	1,13
		каузальные	2,03	5,01	2,47	3,11	0,62	3,51	1,19
-	Симметрические парцелляты								
	-	Семантика Пт							
		субъектные	1,87	3,34	1,79	2,87	0,86	2,89	1,007
		объектные	4,21	5,7	1,35	3,91	0,69	4,33	1,11
		подчинительно-присоединительные (СПП)	0,35	1,32	3,78	0,64	0,48	1,1	1,71
		координативные (ССП)	36,78	43,5	1,18	41,26	0,95	37,94	0,42
ПРАГМАТИКА									
-	Текстовая позиция								
	-	Интротекстовые позиции							
		начальноабзацная	12,87	18,51	1,44	15,64	0,84	15,33	0,98
		внутриабзацная	35,61	29,18	0,81	31,68	1,09	30,45	0,96
-	Сильные позиции								
		лид	2,89	4,01	1,39	3,67	0,91	3,85	1,05
		концовка	6,89	5,26	0,76	5,43	1,03	4,5	0,83
Средний индекс достоверности по итерациям					1,26		0,95		1,05

В связи с тем, что при всех итерациях индексы колеблются в пределах $1 \pm 0,5$, следовательно, мы можем констатировать, что полученные данные достоверны. Разница в показаниях Индексов 1 и 2 довольно высока и составляет 0,31, а в показаниях Индексов 2 и 3 уже незначительна – 0,1, что можно признать удовлетворительным результатом.

Применение данной методики, как уже говорилось, позволяет регулировать объем корпуса.

Переходим к обсуждению *принципа сбалансированности*.

Под сбалансированностью понимается *пропорциональное представление в корпусе текстов различных периодов, жанров, стилей, авторов и т.п.* Достижение этого параметра предполагается за счет включения текстов, имеющих различную жанровую принадлежность⁶⁵. Естественно, что при решении такой задачи остро встает проблема национальных систем жанров, приведения их к единой классификации, которая должна лечь в основу построения жанрового параметрического дерева для индексирования в корпусе. Проблема осложняется вопросом соответствия / несоответствия жанровых характеристик⁶⁶, количественным составом жанров во французской и русской газетной прессе.

Ряд исследователей обращают особое внимание на необходимость пропорционального включения текстов разных жанров в состав корпуса для достижения сбалансированности (см., например, Резанова 2015). На наш взгляд, наилучшим решением является *сплошная выборка текстов, содержащих парцеллированные конструкции*, из каждого анализируемого газетного номера. Такой подход позволяет выявить реальную картину функционирования парцелляции в газетных текстах различных жанров. Представляется, что искусственно определенное пропорциональное жанровое наполнение корпуса может привести к недостоверным результатам.

При обеспечении репрезентативности и сбалансированности текстов в структуре корпуса важным является также *хронологические ограничения*,

⁶⁵ «Репрезентативность национального корпуса существенно зависит от выборки из широкого диапазона жанров» [McElegy et al. 2006: 15].

⁶⁶ В качестве примера можно привести жанр хроники, который в российской прессе представляет собой краткое информационное сообщение, часто не имеющее самостоятельного заголовка и публикующееся в подборках, в редких случаях сопровождается комментарием редакции [Тертычный 2000; Мутовкин 1997; Гуревич 2004]. Французская хроника относится к собственно публицистическим жанрам; *chronique* – это статья известного журналиста или деятеля, в которой он представляет свою точку зрения на выбранную им тему, чаще всего общественно-политическую. Обычно хроника публикуется регулярными интервалами, может быть юмористической. Русский жанр *досье* относится к официально-деловым жанрам, французский – к информационно-публицистическим. Представляет собой наиболее полное исследование темы под различными углами зрения. И т.д. [Agnès 2009; Adam 1997, 2000; Ringoot, Rochard 2007; Grosse 2000]

поскольку корпус должен охватывать и характеризовать какой-либо определенный период времени. Ввиду стремления отразить динамику развития парцелляции на синхроническом срезе, мы определили временную принадлежность текстов 20-летним периодом, с 1995 по 2015 годы. Это поставило перед создателем корпуса дополнительную проблему сбора материала, так как не все газеты имеют полнообъемные, глубокие и доступные архивные коллекции, что повлияло на сужение круга источников. Для исследования был отобран ряд уважаемых и массовых газет, имеющих архивы соответствующей глубины. Более того, за время исследования некоторые газеты закрыли архивы или стали предоставлять доступ к ним только на платной основе⁶⁷, что, с одной стороны, ограничило разнообразие газетных изданий, но, с другой стороны, сделало уже собранный материал уникальным.

Переходим к третьему принципу. В зарубежной научной литературе обсуждаются также **критерии сопоставимости корпусов**, позволяющие добиться достаточной однородности корпусного текстового массива и, соответственно, обеспечивающие точность и адекватность выводов относительно сопоставляемых феноменов. А. МакЭнери выдвигает следующие критерии сопоставимости: *1) корпусы должны содержать компоненты, отобранные по одному принципу; 2) иметь аналогичную сбалансированность и репрезентативность, т.е. одинаковые пропорции текстов одних и тех же жанров, отобранные в определенный период и 3) не должны быть переводными* [McEnergy 2003: 450].

С точки зрения Б. Абера, построить репрезентативный сопоставительный корпус – это, прежде всего, определиться с границами бытования языкового факта, изучению которого посвящается исследование. Необходимо ограничить область, тематику, жанр текстов и т.д., которые будут включены в корпус, что позволит обеспечить лингвистическую

⁶⁷ Например, во время сбора материала Express и некоторые другие газеты сделали все свои архивы платными. Был ограничен доступ даже к статьям текущей даты (не более семи). Поэтому собранный нами материал, в большей своей части на данный момент недоступный, является уникальным.

гомогенность корпуса [Habert 2000: 21]. Таким образом, критерий сопоставимости сводится к *тематической и стилистической однородности текстов*.

Э. Дежан, Э. Госсье предлагают в качестве критерия сопоставимости использовать то, что авторы назвали *критерием лексической близости*: корпуса должны содержать в значительной степени близкую лексику [Déjean, Gaussier 2002].

Английский корпусный лингвист А. Килгаррифф предлагает ввести *принцип симилярности (подобия) сопоставительных корпусов* и ищет способы ее исчисления. Автор считает, что это важно как в теоретическом, так и прикладном смысле [Kilgarriff 2001: 233], но приходит к выводу, что какова бы ни была методика ее исчисления, суждение о симилярности корпусов будет иметь субъективный характер, т.к. какие-то элементы под одним углом рассмотрения будут выглядеть подобными, но не поддающимися сравнению под другим [Kilgarriff 2001: 248-249]

К. Саралеги, И. Висент, И. Гуррутксага предлагают интересную методику, опирающуюся на понятие симилярности, введенного А. Килгарриффом. Авторы создали сопоставительный англо-бакский корпус научно-популярных текстов с целью извлечения научной терминологии и изучения контекстов ее употребления. Симилярность понимается на семантическом уровне, и для его выявления применяется специальная *методика определения семантической дистанции*. Авторами предлагается формула исчисления и матрица дистанций терминов по каждой паре документов [Saralegi, Vicente, Gurrutxaga 2008]. Эффективность данной методики была подтверждена на небольшом корпусе, но ее применимость на более крупном текстовом массиве, как утверждают сами исследователи, сопряжена с трудностями.

Как показывают проанализированные работы, определение сопоставимости корпусов проистекает из целей их создания. Б. Абер отмечает, что «Чем больше общих критериев, тем более сопоставимыми

могут считаться корпусы. Само собой разумеется при этом, что чем они более точные и четкие, тем корпусы более сопоставимы. Однако чем более они многочисленны и точны, тем сложнее отобрать соответствующие тексты. Компромисс должен находиться между количеством, точностью критериев и объемом корпуса. Таким образом, в каких-то случаях сопоставимость можно исчислить математически, в других – она имеет более эмпирический характер» [Habert 2000: 21-22].

Какими бы ни были тип и содержание корпуса, самым главным для исследователя должна быть конечная цель, которая и должна определять характеристики создаваемого корпуса. Нельзя не согласиться с утверждением Л. Герио, что «Выбор общих критериев диктуется предназначением корпуса, которое должно быть установлено еще до его формирования. Сопоставительные корпуса используются во многих работах и с различными целями. Таким образом, степень сопоставимости и критерии сопоставимости должны определяться прикладными задачами корпуса и методами, используемыми для достижения цели» [Goeuriot 2010: 23].

Тематический критерий (выдвинут [Habert 2000], [McEnery 2003]) значительно бы сузил материал исследования и не позволил рассмотреть функционирование парцелляции в различных жанрах. Близость лексики (критерий, выдвигаемый [Déjean, Gaussier 2002], [Kilgarriff 2001]) не является для нас решающим фактором, поскольку исследование носит не лексико-семантический характер, а ориентировано на изучение когнитивно-дискурсивного феномена.

Итак, сопоставимость – важный принцип, которого необходимо придерживаться при формировании корпусов данного типа. В нашем исследовании сопоставимость корпусов обеспечивается двумя типами критериев:

- *квалитативные критерии:*

- применение единого принципа отбора материала для сопоставляемых корпусов: тексты, содержащие хотя бы одну парцеллированную конструкцию;
- материал для сопоставления отбирается из соотносимых источников: респектабельных и массовых общественно-политических газет;
- источники не содержат переводных статей.

- *квантитативные критерии:*

- репрезентативный (не обязательно равный) объем корпусов, регулируемый специальной методикой.

Последний принцип, который мы заложили при создании корпуса – **принцип обозримости текста**. Формулировка этого принципа связана с крайним неудобством, которым обладают практически все корпуса, размещенные в сети Интернет (параграф 2.3.4.). Корпусы, отвечая на запрос пользователя, выдают конкорданс – перечень примеров употребления данной вербальной единицы в некотором, очень ограниченном, окружении, как правило, равное одному предложению. Это позволяет оценить функционирование данной единицы исключительно в рамках конкретного высказывания, но не дает представления о ее функционировании в рамках текста, дискурса. Для одних исследований этот факт, конечно, и не является препятствием, но для других делает неактуальным обращение к такому корпусу как к источнику материала, ведь в подобных исследованиях текст должен быть **обозреваем**. Принцип обозримости текстов особенно актуален для корпусов с ручной или полуавтоматической разметкой.

3.5. Методика сопоставительно-параметрического анализа с использованием программы *Linguistica*⁶⁸

Данная методика представляет собой алгоритмизированную процедуру применения ряда методов и приемов и строится на выполнении определенных этапов. Методика универсальна и может применяться при изучении любого другого лингвистического объекта.

Этап первый, эвристический. В большей части интуитивное, но основанное на наблюдениях, выделение параметров для индексирования (структурных, риторических, семантических, дискурсивных и т.д.), по которым предполагается строить дальнейший анализ. Для решения этой задачи привлекается *таксономический метод*, результатом применения которого становится выстраивание иерархии классификационных признаков объекта (парцеллемы) в виде *параметрических деревьев для характеристики фрагментов*. В соответствии с разработанной методологией корневыми таксонами (вершинами) в деревьях являются *синтактика, семантика и прагматика*. Таксоны, находящиеся ниже корневого, представляют собой специфические классификации. Деревья, включающие выделенные таксоны-параметры строятся на специальной закладке в программе. При наборе и обработке нового материала дерево достраивается и/или перестраивается, всякий раз отражая и уточняя направление научно-познавательной деятельности исследователя.

Таким же образом происходит построение *параметрического дерева для характеристики текстов*, в которых зафиксированы исследуемые единицы. У данного дерева «наращиваются» как текстовые «ветки»-параметры (принадлежность к тематическому дискурсу, текстовые типы парцелляции и т.д.), так и экстралингвистические (индексация источника, даты, автора текста).

⁶⁸ Идея, разработка концепции программы, интерфейса, тестирование и т.д., а также правообладание: Ю.В. Богдавленская; автор-программист: С. А. Александров. Реферат и описание программы *Linguistica* см. в Приложении 1; сертификат о государственной регистрации в Роспатенте см. в Приложении 2.

Этап второй, технический. Введение текста в программу Linguistica, заполнение паспорта текста (название источника, дата, автор), *индексирование текста* по обозначенным выше параметрам.

Далее переходим к тексту, *идентификации и фиксации каждого конкретного контекста* (фрагмента текста), включающего исследуемый объект (парцеллему), выделение его специальным инструментом для внесения в базу фрагментов для последующей статистической обработки.

Этап третий, аналитический. В каждом выделенном фрагменте выявляются и *анализируются разноформатные особенности объекта*, или как их называл Г. Гийом, «видимые следы». По результатам анализа проводится их индексирование в параметрическом дереве. Привлекаются те *методы и методики анализа*, которые планировались исследователем. В случае отсутствия релевантных параметров в дереве – их включение и индексирование фрагмента.

Этап четвертый, коррекционный. Необходимость в данном этапе возникает в том случае, если в процессе исследования в архитектуру параметрического дерева были внесены серьезные изменения, например, перенос веток из одной родительской ветки в другую, что могло сопровождаться разрывом связей в структуре дерева. Запуск соответствующей функции позволяет провести формальную верификацию. При обнаружении разорванных связей программа самостоятельно локализует «проблемные» фрагменты и «ветки», выдает список текстов, в которых они содержатся. Исследователь проводит переиндексацию фрагментов/текстов.

Этап пятый, интерпретационный. На данном этапе исследователь работает с еще одним семиотическим пространством - пространством математических знаков-символов, значения и конфигурации которых могут предоставить богатую информацию об объекте.

Интерпретация данных позволяет описать исследуемый объект (парцеллему) в исследуемых языках по следующему плану: общие для

исследуемых языков свойства, затем - детализация свойств объекта по признакам сходства / расхождения / специфичность.

Анализ проводится следующим образом. Открывается статистическая страница программы, содержащей абсолютные (количественные) и относительные (процентные по отношению к родительской группе и ко всему массиву контекстов) статистические данные по каждому языку⁶⁹ и осуществляется сопоставительный анализ по параметрам.

Поскольку программа снабжена специальной системой управления текстовыми и лингвистическими данными (корпус-менеджером), можно осуществлять поиск данных в корпусе и получить не только общую, но и статистику по фильтрам.

Еще одно практическое удобство: исследователь может получить *конкорданс* - список индексированных фрагментов, содержащих объект (парцеллемы). Благодаря этой функции исследователь имеет возможность:

- просматривать отфильтрованные фрагменты, а также
- переходить в текст-источник, получая таким образом доступ к макроконтексту употребления исследуемого объекта, при необходимости продолжать работу с этим текстом и фрагментами, корректировать проведенную разметку (реализация принципа обозримости);
- активизировать функцию «Копировать» в буфер выбранного фрагмента с метаданными для последующей вставки в текст формата Word (в текст диссертации, статьи) в формате: Фрагмент (Источник, дата), например: Puis, c'est un jeu. Avec quelques tirs percutants (Libération, 26.05.1998).

В случае постановки дополнительных задач, решение которых должно осуществляться на ограниченном по тому или иному принципу материале, исследователь может наложить фильтры по источнику, хронологическому отрезку, автору и/или другим паспортным или текстовым параметрам, зафиксированным в программе, и получить соответствующий

⁶⁹ При необходимости исследователь может активизировать функцию получения статистического отчета в формате Excel.

статистический отчет. Например, определенный период времени + автор или источник + другие ограничения, диктуемые исследовательской логикой. Или: тематический дискурс + период времени и т.д. в любых конфигурациях.

Описанная техническая возможность имеет ряд преимуществ:

1) позволяет решать вопрос **установления статистически достоверных корреляций** между метатекстовыми параметрами (экстралингвистическими) и языковыми особенностями текстов и фрагментов⁷⁰ (парцеллем);

2) позволяет свободно **экспериментировать, использовать эвристические приемы**, которые могут привести к обнаружению тех или иных зависимостей, свойств объекта и т.д., *сокращая при этом до минимума временные затраты на проверку гипотез.*

Заключительный этап. Успешное выполнение перечисленных этапов позволяет перейти к интерпретации полученных данных, их синтезу с результатами интроспекции и других используемых методов и методик; описанию, экспликации и формулированию выводов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В настоящей главе представлено теоретическое обоснование и потенциал корпусной методологии, в том числе терминологический инструментарий и проблемы использования современных корпусов в сопоставительных исследованиях.

Интеграция корпусного метода в разрабатываемую методологию предусмотрена нами с целью верифицируемости и доказательности предлагаемой нами концепции парцелляции. Отсутствие возможности обращения к имеющимся корпусам в силу различных причин, подробно

⁷⁰ В программе имеются и другие инструменты и функции, ссылки на которые будут производиться в ходе анализа, представленного в следующей главе.

рассмотренных в настоящей главе, побудили нас разработать специальную компьютерную программу, предназначенную для самостоятельного создания корпусов и их индексирования по параметрам, закладываемым исследователем в соответствии с его представлениями об исследуемом объекте (описание Программы и свидетельство о регистрации в Роспатенте см. Приложение 1, 2). Программа призвана обслуживать прежде всего обработку сопоставительных объектно-ориентированных корпусов (понятие введено нами), но может применяться и для параметрических измерений лингвистических единиц в одном языке. Формирование подобного корпуса должно опираться на ряд принципов, содержание которых уточняется в соответствии с выдвигаемой концепцией сопоставительного корпуса. К данным принципам относятся: репрезентативность, сбалансированность, сопоставимость и введенный нами принцип обзримости текста, который открывает дорогу для интерпретации и индексации не только релевантных конструктивных, семантических и других параметров, но и параметров функционирования объекта в его «стихии» - тексте, выявлении и фиксации его дискурсивных свойств и смыслов.

Для оценки достаточности объема и репрезентативности корпуса нами разработана методика верификации достоверности полученных результатов, опирающаяся на:

- закон текстового блока, в соответствии с которым лингвистические единицы демонстрируют определенное распределение частоты в одинаково больших текстовых блоках;
- принципы итеративности и пропорциональности;
- методику вычисления цепного индекса, широко применяемого в математической, экономической и других статистиках, но несколько модифицированную для адаптации к задачам методики.

Применение разработанной методики позволило подтвердить достоверность полученных в результате корпусного анализа данных и отрегулировать объем эмпирического материала в корпусе.

Для решения задач исследования разработана методика сопоставительно-параметрического анализа с использованием программы Linguistica, предусматривающая выполнение следующих этапов: эвристического, технического, аналитического, коррекционного, интерпретационного, заключительного.

ГЛАВА 4. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Настоящая глава посвящена рассмотрению парцелляции в когнитивно-семиотическом аспекте: уточняется объем понятия «парцелляция», предлагается и обосновывается введение понятий «парцеллема», «парцеллографема», «парцеллятная пунктуационная сетка» и других; выводится инвариантная модель парцеллемы; парцеллятная «упаковка» рассматривается как средство повышения помехоустойчивости; выявляются составляющие парцеллятной сетки и их функциональная нагрузка, а также исследуются конструктивные свойства парцеллем. Предлагается классификация парцеллем по локализации парцеллята, по его протяженности, по количеству парцелляттов в парцеллеме; построены ее модели. Перечисленные параметры были проиндексированы во французском и русском корпусах и сопоставлены для выявления значимых сходств, расхождений и специфики.

4.1. Когнитивно-семиотическая природа парцеллятного знака

4.1.1. Когнитивно-семиотическая трактовка парцеллятного знака

В научных работах по проблеме парцелляции для обозначения расчлененных на части предложений используются конкурирующие термины «парцеллированные высказывания (предложения)», «парцеллированные структуры», «парцелляции» или «парцеллированные конструкции», каждый из которых акцентирует внимание структурном или структурно-семантическом аспекте явления. Исследуя парцелляцию с позиций когнитивно-семиотического подхода мы не можем не признать, что данные

термины не имеют достаточной объяснительной силы и не отражают тех специфических смыслов, которые мы вкладываем в понятие парцелляции. В связи с чем в рамках настоящей диссертационной работы в качестве рабочего используется термин «парцеллема».

Под **парцеллемой** понимаем языковой сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии - фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). Предлагаемый термин имеет два значения. Во-первых, это эмическая единица, отнесенная к уровню абстрактных сущностей, реально не существующих, но выводимых на основе выявления общих черт их вариантов. Другими словами, парцеллема в первом значении есть идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов – конструкций с парцелляцией. Во втором значении, парцеллема есть проявление этой абстрактной единицы, ее материальное воплощение в дискурсе.

В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент, который и делает ее парцеллемой – **парцеллографему**⁷¹, под которой мы понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Как было установлено, парцеллографема является знаком, значение которого *в языке* можно сформулировать как *«наиболее важное, новое в текущем выражении»*. Это – стабильная часть семантики данного знака. Попадая в «когнитивный котел»⁷² - дискурс, где и происходит смыслообразование, лингвосемиозис, парцеллографема приобретает конкретные *дискурсивные смыслы* (переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией ее языкового значения и дискурсивной интерпретацией. Дискурсивные смыслы – бесконечное множество интерпретаций, которые невозможно каталогизировать, в каждом

⁷¹ Применение термина *парцеллографема* оправдано, на наш взгляд, как с точки зрения упорядочения лингвистической терминологии, используемой в работе, так и в связи с необходимостью функционального разграничения финальных синграфем, выступающих в своей первичной функции, и парцеллографем как операторов парцелляции.

⁷² О дискурсе как о «когнитивном котле» см. [Алефиренко 2008: 77].

конкретном случае выявление и содержание этих смыслов будет зависеть от интерпретатора, его фоновых знаний, опыта, компетенции и т.д.

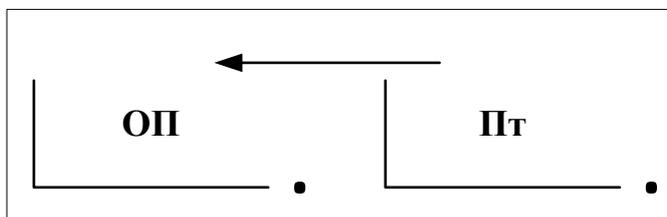
В большинстве случаев парцеллема имеет конвенциональный характер, т.е. является закрепленным языковой нормой специфическим способом построения образа объекта / ситуации. Именно этот языковой знак представляется говорящему в текущий момент оптимальным для конструирования образа. Выделяя тот или иной его аспект посредством того или иного типа парцеллемы (см. параграф 4.2.1), продуцент речи при этом имеет определенную свободу выбора.

Мы трактуем парцеллему как *сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Это переплетение двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату - распознавать широкий диапазон контекстуально-обусловленных смыслов.*

Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря **парцелляции** – *специальной визуально-графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конститuentы. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая **основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конститuentом – парцеллятом**, начинающимся с заглавной буквы. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения аттенциального фокуса на парцеллят.*

Архитектуру этого построения схематически можно изобразить следующим образом⁷³:

Схема 2. Инвариантная модель парцеллемы

Здесь:

ОП – основа парцеллемы,

• - парцеллографема (это условное обозначение; инвентарь парцеллографем включает четыре знака (см. параграф 4.1.3)),

Пт – парцеллят,

| - заглавная буква;

← - направление синтаксической зависимости и ретроспективный характер восприятия (см. параграф 3.1.2.).

В этой структуре парцеллографеме суждено играть организующую (перевод из канонизированного сентенционального знака в парцеллятный) и смыслорегулирующую роль.

Постоянным свойством основы парцеллемы является наличие, по крайней мере, одного грамматического предиката, как правило, распространенного.

В отличие от основы *парцеллят* может представлять собой актант (за исключением актанта – одиночного грамматического подлежащего⁷⁴), сирконстант, атрибут или так же, как и основа, содержит предикативную основу.

В ходе вторичного семиозиса некоторые значения, закладываемые автором, в соответствии с его интенцией в результате компрессии

⁷³ Здесь мы ограничиваемся инвариантной моделью. Варианты модели будут рассмотрены в параграфе 4.2.2.

⁷⁴ Возможны случаи парцелляции однородных подлежащих.

«сворачиваются» и кодируются в парцеллограмме, расшифровка которой происходит с большей или меньшей успешностью при восприятии текста адресатом. Декодирование парцеллограммы восстанавливает прогнозируемые, объективно порождаемые на основе трансформации словесные конститuentы.

Рассмотрим следующий пример, взятый из статьи, в которой автор рассуждает о празднике 1 мая - о том, как его праздновали раньше и сейчас. Красной нитью в статье проходит критическое отношение автора к традиции проведения Первомай за городом, на приусадебных участках, в заботах о будущем урожае:

•Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «обрасти жирком». *Чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам. Чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днём битвы за урожай.* (АиФ, 30.04.2014)

Графическая операция расчленения на основу парцеллемы и парцелляты посредством парцеллограммы кодирует смыслы, расшифровка которых становится возможным постольку, поскольку такое кодирование произведено автором намеренно, с учетом смыслокомпрессионного потенциала парцелляции. Смысловой доминантой этого фрагмента является индивидуально-авторское представление праздника, возрастающее негодование и гнев по поводу сложившейся в «голодные годы» традицией, которая, несмотря ни на что, существует и поныне. Парцеллограммы - знак, нацеленный на **активацию** этого смысла при интерпретации. Повтор союза «чтобы» и параллелизм придаточных предложений выполняют интегрирующую функцию и повышают экспрессивность всей конструкции. Автор создает яркий контраст между «реальным праздником» - нерабочим днем, о котором мечтает автор, днем отдыха, когда стол можно накрыть, купив необходимые продукты по «вменяемым ценам», и с другой, Первомай такой, каким он его видит в действительности - днем вынужденной «битвы за урожай». Элиминация вербальных знаков, смысл которых можно, например, сформулировать следующим образом: «Обратите внимание! Я

возмущен сложившейся ситуацией. Так не должно быть» (план содержания) сопровождается инкорпорированием невербального знака – парцеллографемы – неканонизированного средства, позволяющего привлечь и заострить внимание на выделенной в парцелляте информации. Инферируемый выше смысл представляет собой смысл, приращенный к кодифицированному «наиболее важное, новое в текущем выражении». Мы согласимся с мнением Л.А. Нефедовой о том, что «сконцентрированность информации достигается благодаря использованию имплицитности» [Нефедова 2013: 31], а также с мнением М.В. Никитина о том, что имплицитные приращения смысла могут значительно превосходить эксплицитные в суммарном объеме информации, извлекаемой из языковых выражений: «имплицитные смыслы не только дополняют и осложняют эксплицитные значения, но могут вступать в конфликт с ними, модифицируя суммарное содержание высказываний» [Никитин 1988: 10]. Выведенная инференция может быть дополнена другими, основанными на жизненном опыте интерпретатора.

Применение парцеллятного кода, таким образом, ведет к расширению объема передаваемой информации при условии, конечно, адекватного его распознавания и интерпретации. Наблюдаемое нарушение корреляции планов выражения и содержания в яркой форме демонстрирует гибкость данной единицы, экспрессивный и лингвокреативный потенциал, способность порождать новые смыслы, используя, так сказать, «подручный материал». **Парцеллятная конфигурация** текста является более динамичной, и, судя по всему, обладает бóльшим перлокутивным воздействием на адресанта.

Прием реинтеграции парцеллятов в основную часть, элиминация парцеллографем приводит к обеднению содержания конструкции, снижению экспрессивности, частичной потере индивидуально-личностного смысла, закладываемого автором:

* Я хочу, чтобы нам наконец-то дали «обрасти жирком», чтобы покупать все эти дела по вменяемым ценам, чтобы Первомай стал реальным праздником, а не днём битвы за урожай.

Депарцеллированная структура, во-первых, не передает в полной мере эмоций автора (возмущение, негодование) и не заостряет на этом аспекте внимания; во-вторых, становится менее динамичной, более плавной (изменение ритмо-мелодического рисунка).

Итак, включение парцеллографемы в семиотическую структуру сентанционального знака приводит к усложнению плана содержания. При этом в плане выражения наблюдается компрессия: экономия вербальных знаков образует «смысловые скважины», которые заполняются смыслом, активизируемым невербальным знаком.

Эффект, производимый парцеллемой, строится на *конflikте между визуально-графическим (пунктуационным) и семантико-синтаксическим аспектами, на нарушении контекстного ожидания*. Финальная синграфема, обычно означающая завершение одной самостоятельной структурно-семантической единицы и переход к следующей, в составе парцеллемы меняет свое назначение: разрывая линейную последовательность графических вербальных знаков, она выделяет наиболее значимый с точки зрения автора информационный отрезок. Такая функциональная трансформация указывает на *амбивалентную, деструктивно-конструктивную природу парцелляции*.

Как установили когнитивные психологи (см. Глава 1, 2), парцеллятнй разрыв не остается незамеченным, он *деавтоматизирует и стимулирует внимание* к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Следовательно, парцелляция несет когнитивную нагрузку, является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциональном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации. Выбирая **парцеллятную аранжировку** высказывания,

субъект полагает, что в данном случае и в данный момент, она является оптимальным средством, способным представить описываемую ситуацию в соответствии с авторским восприятием (интенцией): в фокус внимания вынесен именно тот объект / отношение/ аспект ситуации, который ему представляется наиболее значимым. Что, в свою очередь, свидетельствует о том, как субъект «сканирует» описываемую сцену, о том, как он воспринимает наблюдаемые объекты и события и как их конструирует.

В следующих примерах фокус внимания «наведен» на (1) темпоральный и (2) каузальный аспекты ситуации:

1) Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête au moment de la production du rapport d'expertise. *Deux mois plus tard...* (Le Figaro, 11.04.2013)

2) Сейчас этот контакт начинает опять теряться. *По вине обеих сторон.* (Российская газета, 18.05.2001)

Парцеллятная подача говорит о выраженной субъективной интерпретации действительности. Наблюдающий выделяет временной промежуток, прошедший между тем моментом, когда министр внутренних дел Мануэль Вальс изучил содержание экспертизы (якобы в момент производства) и моментом реального ознакомления (*Через два месяца*), что имплицитно указывает на расхождение между тем, что утверждает министр и действительным положением вещей. Многоточие после парцеллята также указывает на неоднозначный временной разрыв и способствует построению различных инференций.

Во втором примере фокусируется причина потери контакта между компаниями. Судя по предпочтению парцеллятного оформления высказывания, продуцент речи, конструируя ситуацию, не только эксплицитно накладывает вину в происходящем на обе стороны, но и настаивает на их обоюдной ответственности. Именно это обстоятельство представляется наиболее значимым в данном сообщении с его точки

зрения⁷⁵. Оставаясь «за кулисами», вне фокуса, продуцент таким образом выводит в фокус внимания свое собственное восприятие ситуации, ставит акцент на том, как он сам ее видит и переживает (интерпретирует). Парцелляция, не меняя объекта, позволяет «скорректировать» фокус внимания на субъективности суждения.

Итак, выделенные парцеллографемой фрагменты *обнаруживают субъекта конструирования*:

- то, как он *воспринимает, интерпретирует ситуацию* (объект конструирования) и что именно представляется ему значимым в этой ситуации;

- в какой степени он *чувствует себя вовлеченным в нее / оценивает со стороны* как наблюдатель и

- какой он *хочет представить эту ситуацию* получателю речи.

Результатом аттенциального фокусирования становится распределение на фигуру и фон. В предпарцеллятной структуре, которую можно восстановить при помощи теста реинтеграции, выделенные сегменты служат фоном, вторичным фокусом или в фокусе находится иной аспект значения:

1* Lui assure qu'il a appris le contenu de l'enquête deux mois plus tard, au moment de la production du rapport d'expertise.

2* Сейчас этот контакт начинает опять теряться по вине обеих сторон.

В 1* парцеллят, вернувшийся «на свое место» представляет собой фон, контекст ситуации, в котором характеризуются обстоятельство (это его обычная функция); воспринимается с меньшими когнитивными затратами и рассматривается продуцентом речи как менее значимый. Слова министра под сомнение не ставятся. В 2* «по вине обеих сторон» находится в приоритетной конечной, а значит, фокусной, позиции. Суждение представляется более объективным, нежели в парцеллятной презентации.

Рассмотрим еще примеры:

⁷⁵ Ср. «когда мы говорим, мы называем и обсуждаем точки зрения, а не мир сам по себе, вне его связи с наблюдателем» [MacLaury1995: 20-21].

- Voilà, vous savez tout. Mais le plus beau c'est que je skie depuis ce week-end. *Un peu. Doucement. Précautionneusement. Amoureusement.* (Le Figaro, 15.01.2014)

- Первой вернулся к своей норме. *Петровской. Чеховской. Советской.* (АиФ, 30.04.2014)

Здесь мы наблюдаем распределение на несколько фокусов, каждый из которых в одинаковой мере значим для продуцента речи, а потому выделен в отдельный парцеллят.

Следовательно, в парцеллятной аранжировке происходит:

- 1) перераспределение фокуса внимания, и этот механизм сопровождается обращением фигуры и фона⁷⁶;
- 2) корректировка фокуса внимания;
- 3) расщепление на множественные фокусы внимания.

Выделенные в особую, парцеллятную, позицию, сегменты приобретают признак салиентности благодаря своей визуальной (перцептивной) очерченности, замкнутости в определенных графических границах; конфликт между пунктуацией, синтаксисом и семантикой на границе основы и парцеллята (искусственное прерывание связи) обращает их в фигуры или корректирует / расщепляет аттенциальный фокус, указывая на то, как сознание продуцента речи членит конструируемую ситуацию на фокусные и нефокусные сегменты. В этом контексте парцелляция может рассматриваться в качестве **средства «регулирования» степени салиентности**: от минимальной (фон и вторичный фокус в основе парцеллемы) до максимальной (первичный фокус в парцелляте). Это предположение подтверждается также рассмотренными в предыдущей главе свойствами фигуры, реализующиеся в парцелляте: он имеет *более простую форму, часто меньший размер*, что верифицировано при помощи корпусного метода (см. следующую главу), *зависим от окружения* (подчинен или

⁷⁶ Взаимные превращения фигуры и фона были замечены еще гештальпсихологами, а затем оказались и в зоне интересов лингвокогнитологов (см. [Givon 1980; Taylor 2002; Langacker 2000; Talmy 2001a,b]).

координирует с основой, но функционировать самостоятельно не всегда способен), *находится в линейной цепи «вперед» по отношению к основе, более значим и привлекает внимание*. Его декодирование требует *бóльших когнитивных усилий*, чем основа.

4.1.2. Парцеллятная «упаковка»: помехоустойчивость при передаче сообщения, его восприятию и интерпретации

Как известно, эффективность коммуникации определяется адекватностью передаваемой и получаемой информации. При передаче и восприятии вербального сообщения *естественным образом*⁷⁷ возникают искажения, обусловленные сбоями при кодировании и декодировании сообщения, степенью подготовленностью адресата к принятию информации, различием в фонде знаний, пресуппозициях, жизненном опыте, ценностных установках и т.д.

Г. Гийом писал: «Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе. Это посредничество неотделимо от человеческого взгляда. Мир глазами человека – это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключенный в нас» [Гийом 2010: 144]. То есть посредством языка материализуется идеальное. При вербализации мысль проходит через определенные структуры и подвергается некоторому искажению. Первый этап деформации – облечение мысли в вид представления, закрепленного в языке. Второй – искажение при облечении представления в вербальную форму, ограниченную средствами выражения. «Конечный результат этого процесса – получившееся высказывание – представляет собой компромисс между тем, что говорящий «намеревался»

⁷⁷ Ср.: «Говоря о содержательном аспекте информации, ..., следует иметь в виду множественность видов вложенного содержания, а также его динамический и самопорождающий характер. При таком подходе говорить о полном соответствии исходной и получаемой информации, о возможности преодоления «шумов», искажений информации в процессе ее использования является некорректным, поскольку само понимание информации содержит в себе указание на обязательность таких искажений» [Ионова 2006: эл.изд.].

высказать... и тем, что «получилось» в силу свойств использованного языкового материала», - отмечает Б.М. Гаспаров [Гаспаров 1996: 106] (см. также о переводе информации с «лингва менталис» на естественный язык у А. Вежбицка [Вежбицка 1983: 246]).

При передаче сообщения, по нашему мнению, парцелляция становится одним из достаточно эффективных способов *снижения искажений при передаче информации, повышения помехоустойчивости вербального кода*. Мы рассуждаем следующим образом. Отправляя сообщение, адресант всегда располагает альтернативными возможностями выражения мысли. В том числе, он может оформить высказывание, не прибегая к парцелляции. В его арсенале имеются и другие способы синтаксического, лексического или пунктуационного выделения информации, обеспечивающие размещение данного отрезка информации в фокусе внимания: обособление, инверсия, сегментация, дислокация, повторы и т.д., которые часто сопровождают парцелляцию⁷⁸. Зачем в таком случае продуценту речи прибегать к парцелляции?

Как было установлено, парцеллема является сложным гибридным знаком, формирующимся при помощи парцеллограммы. Последняя представляет собой дополнительный код, находящийся в отношениях комплементарности по отношению к основному (доминирующему) вербальному коду, регулирует распределение аттенционального фокуса в составе парцеллемы. Полагаем, что смысл смешения этих кодов заключается в повышении надежности передаваемого сообщения, в котором дополнительный код служит своеобразной защитой от непонимания при восприятии, от имеющихся в канале «шумов» (искажения при кодировании и декодировании).

⁷⁸ На взаимодополнение парцелляции, обособления и транспозиции и на сочетании дислокации, инверсии, репризы и других синтаксических средств совершенно справедливо указывает О.А. Турбина [Турбина 2013: 6].

С позиций теории информации парцеллографемы могут трактоваться как избыточные⁷⁹, поскольку часто дублируют другие средства выделения. Сам факт размещения в «приоритетной» конечной позиции обеспечивает салиентность сегмента. «Избыточность, как пишет Н.Б. Мечковская, - это как упаковка мелкого, но ценного товара, как футляр для хрупкой вещи или как брелок для ключей: чтобы отомкнуть дверь, брелок не нужен, но своим весом и брэнчанием он помогает не потерять ключи» [Мечковская 2004: 191]. Парцеллографемы, таким образом, не просто участвуют в передаче информации, выраженной другими знаками, но расставляют в ней явные акценты, и тем самым повышают надежность ее передачи. Адресант создает особый визуальный, перцептивный графический, парцелятный рельеф, своего рода «контрольный знак», регулирующий характер распределения информации в парцеллеме, которую он рассматривает как оптимальную стратегию выбора из альтернативных возможностей.

Рассмотрим пример симбиоза этих кодов:

• Минск получил нефтяной паек. *Но только на три месяца.*
(Коммерсантъ, 14.03.2013)

Знак точки создает впечатление законченности предложения, поскольку все обязательные синтаксические позиции заполнены. То есть с синтаксической точки зрения первая часть (основа) представляет собой полное предложение, и его завершение воспринимается как вполне естественное. Это впечатление оказывается ложным, так как входит в конфликт при прочтении парцеллята и выявлении его тесной лексико-грамматической связи с основной частью. С точки зрения семантики основа парцеллемы содержит слабый сигнал синсемантичности в лексеме *паек*, семантическая структура которой включает сему ограничения («на определенный срок»), но все же этого недостаточно, чтобы спрогнозировать

⁷⁹ Избыточность – естественное явление, свойственное языку СМИ: Р.Г. Пиотровский отмечает, что избыточность газетно-публицистических текстов составляет от 70 до 96%. Это определяется биосоциальной природой языка: такой уровень служит защитой речевой коммуникации от физических и психолингвистических помех [Пиотровский 2007: 625].

ее дальнейшую конкретизацию в виде парцеллята. Парцеллятная подача позволяет сконструировать смысл «предупреждение об ограничении действия по времени» (только на три месяца и не более!) и скорректировать «наведение» на него аттенциального фокуса. Код вербальный дополняется кодом невербальным, призванным «упаковать» и передать информацию так, как это задумал автор. В депарцеллятной аранжировке:

* Минск получил нефтяной паек, но только на три месяца.

этот смысл нейтрализуется, поскольку запятая не символизирует конец предложения и позволяет прогнозировать продолжение. Ритмо-мелодический рисунок выравнивается, что повышает автоматизированность восприятия. Фокус «наведен» на «продолжительность предоставления запаса нефти».

Параллельно, на наш взгляд, решается еще одна задача. Парцеллятная подача позволяет автору «высветить», вывести в фокус отношения двух стран: России – достаточно влиятельного и богатого нефтью государства и Белоруссии, зависимой от «нефтяных подачек» России. Некоторая пренебрежительность к Белоруссии, ее положению, возможность диктования ей условий в сложившейся ситуации имплицитно проецируется не только посредством метонимии Минск (=Белоруссия) и пейоративной метафоры «нефтяной паек», но и подчеркиванием ограничения срока «пайка», конструктивно достигаемой за счет использования парцеллографемы. Следовательно, и этот код находит поддержку в парцеллятной презентации сообщения.

Таким образом, с целью повышения помехоустойчивости кода при помощи парцеллографемы более заметной делается его «упаковка», что позволяет адресату отправить сообщение, соответствующее его видению отражаемого фрагмента действительности и намерениям.

Следует учитывать и тот факт, что при порождении текста адресант подразумевает некую модель возможного адресата, который «сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе», в

котором они были созданы [Эко 2005: 17]. Степень артикулированности характеристик этого гипотетического адресата не имеет особого значения. Главное, чтобы сам «язык» заочной коммуникации между ним и автором, сама сфера допустимого семиозиса каждый раз рассматривалась как заранее определенная [Успенский 2007: 106]. Отправитель сообщения, а тем более медиасообщения, направленного широкой и разнообразной аудитории, заинтересован не только в «точности», но и «доступности» кодирования. Парцелляция, которая, как утверждают, проникла в письменную речь из живой разговорной (см., например, [Валгина 2004: 104-105]), является ярким средством ее имитации, «подкупает» *видимостью* ее непринужденности, спонтанности и доступности, средством заигрывания с читателем в использовании понятного ему кода, о чем свидетельствуют следующие примеры:

- En juin 2009, voilà donc le couple Balkany nanti de 5 millions de dollars. *Dont le fisc français n'entend pas parler.* (Le Monde, 28.10.2014)

- L'enquête des juges Tournaire et Grouman, ouverte pour « corruption », «blanchiment», « trafic d'influence » et « abus de biens sociaux » paraît progresser. *Trop vite.* (Le Monde, 15.05.2014)

- Возможно, он хотел поломать жанр художественного фильма как таковой. *Об коленку.* (АиФ, 06.03.2014)

- У Олега Михеева накапливаются дела. *Уголовные и партийные.* (Коммерсантъ, 11.03.2013)

- Мы можем. *Если захотим и не забудем...* (АиФ, 05.11.2014)

Факт частого использования парцеллемы говорит о том, что она входит в фонд знаний, единый для продуцента речи, рассчитывающего на ее адекватное восприятие, и адресата.

Порождение высказывания подразумевает следующий этап – его восприятие как понимание и интерпретацию. Модель понимания изоморфна

порождению⁸⁰, но алгоритм декодирования обратный. Когнитивно-дискурсивная деятельность человека в этом случае «начинается с восприятия знака, затем развивается в направлении, противоположном тому, в котором осуществляется процесс семиозиса» [Комарова 2012: 190].

При восприятии сообщения также происходят искажения, вызванные перекодировкой информации [Панченко, др. 2010: 190]. Еще А.А. Потебня писал о том, что «понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу которой мы принимаем собственные ощущения за внешние предметы» [Потебня 1976: 307]. А.В. Кравченко заостряет внимание на «нетождественности смысла вложенного смыслу извлеченному» [Кравченко 2001: 173]. У. Чейф трактует восприятие как поступление информации от стимула в сознание. Эта информация «не является точной копией стимула, но есть его *интерпретация*» [Чейф 1983: 36]. Один и тот же стимул может по-разному интерпретироваться нашим сознанием. «То, что находится в сознании, является своего рода убеждением (belief) относительно того, что находится во внешнем мире. Это убеждение связано, безусловно, с тем, что предоставлено в распоряжение органов чувств, но оно подвергается и сильному воздействию контекста ситуации, а также культурной и индивидуальной предрасположенности. Всё это, вместе взятое, создает в нашем сознании некоторую интерпретацию происходящего во внешнем мире. Ключевая идея для нас здесь сводится к следующему: *восприятие является интерпретирующим*» [Чейф 1983: 36-37].

Из этого следует, что при декодировании (восприятии, понимании и последующей интерпретации) количество трансформаций не ограничено, зависит от фоновых знаний адресата, его понимания речевой ситуации, возраста, уровня образования, когнитивной компетенции и т.д. За всеми этим стоят очень разные и зачастую достаточно сложные когнитивные процессы. Сам процесс опознания знака исключительно сложен [Бехтель, Бехтель

⁸⁰ «в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере, частично воспроизводящие процессы ее порождения» [Леонтьев 1999: 70].

2005]. К тому же, адресат способен воспринять и декодировать только ту часть информации, которая *соотносится с его индивидуальной информативно-познавательной программой* [Шубина 1999].

При восприятии парцеллемы адресат (мы имеем в виду опытного читателя, способного к анализу и интерпретации информации) сталкивается со сложной и противоречивой структурой: с одной стороны, знак конца предложения символизирует его завершенность; с другой – предложение не закончено, между разделенными частями явно существует связь. Осмысление этой связи и назначения приема вызывают активную мыслительную работу адресата, попытку реконструирования смысла в пределах, заданных контекстом. Представляется, что возможно провести пусть отдаленную, но параллель между процессом восприятия парцеллемы и описанием культурного и семантического взрыва в работах Ю.М. Лотмана: «Наши органы чувств реагируют на небольшие порции раздражения, которые на уровне сознания воспринимаются как некое непрерывное движение. В этом смысле непрерывность - это осмысленная предсказуемость. Антитезой ей является непредсказуемость, изменение, реализуемое в порядке взрыва» [Лотман 2000: 17]. Непредсказуемость парцелляции порождает «микровзрыв» в сознании воспринимающего. По Ю.М. Лотману взрыв «обладает очень высокой степенью информативности» [Лотман 2000: 22]. Исследуемый нами знак также демонстрирует повышение информативности при экономии в плане выражения. Момент взрыва – «это переломный момент. Сознание как бы переносится обратно, в момент, предшествовавший взрыву, и ретроспективно осмысляет все произошедшее», «происходит **ретроспективная трансформация**⁸¹» [Лотман 2000: 25]. Сказанное отражает и характер восприятия парцеллемы: при чтении парцеллята происходит «микровзрыв», детонатором которого выступает несоответствие между пунктуацией, синтаксисом и семантикой, что побуждает адресата вернуться к основной части, представляющей собой

⁸¹ Выделено нами (Ю.Б.)

исходный смысловой «плацдарм» конструкции. Возврат к ней предполагает восстановление прерванной связи и идентификацию с уже известным - инвариантом конструкции, существующей в сознании адресата. Функция парцеллята, таким образом, имеет **ретроспективную нагрузку**. Моменты взрыва «могут создавать как бы окна в семиотическом пласте», «мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время «играет» с внележащим ему пространством» [Лотман 2000: 30]. В случае с парцелляцией результатом этой игры становятся «высвеченные», распределенные определенным образом, в соответствии с авторской интернцией, фокусы внимания.

Вернемся к ретроспективной трансформации, которую мы так или иначе уже затрагивали ранее, но этот аспект восприятия требует отдельного обсуждения.

Восприятие парцеллемы складывается из двух этапов. Поскольку текст представляет собой линейно упорядоченную совокупность знаковых единиц, на первом этапе воспринимается основа парцеллемы, которая, как уже было сказано, может функционировать самостоятельно и потому первоначально воспринимается как полноценная, завершенная синтаксическая единица, в которой определенным образом распределены аттенциональные фокусы. Парцеллят представляет следующую линейную единицу, заключенную в пунктуационные знаки, символизирующие конец предложения. Однако на этом, втором, этапе адресат начинает распознавать парцеллятный код, декодировать который возможно лишь при идентификации его связей и отношений с основой. Конструкция теперь воспринимается как единое целое. Происходит сдвиг фокуса внимания, точнее, его перераспределение; выделенный в парцеллят сегмент требует когнитивных усилий и воспринимается как более значимый. Другими словами, декодирование смыслов (приращенных смыслов), активируемых в сознании парцеллографемой, происходит ретроспективно, так сказать, «на выходе» из парцеллята.

Известно, что при интерпретации читатель может создать собственный текст, привнеся в него свой опыт и знания, соотнеся со своими ценностными представлениями и установками. Как точно формулирует эту мысль О.К. Ирисханова, интерпретация подразумевает «самостоятельное, творческое достраивание говорящим когнитивных пропусков, восполнение коммуникативно релевантной информации» [Ирисханова 2001: 173]. Вспомним также и о «принципиальной множественности ходов, по которым устремляется интерпретирующая мысль» и о процессах восприятия, которые «в полном своем объеме всегда уникальны для каждой личности», о которой писал Б.М. Гаспаров [Гаспаров 1996: 186; 15].

Парцеллярная аранжировка нагружает внимание адресата, результатом чего является эффект деавтоматизации процесса восприятия. В этом контексте парцеллографемы можно рассматривать как средство, определенным образом регулирующее восприятие и последующую интерпретацию парцеллемы адресатом.

Мы согласны с Н.Л. Шубиной, что распознавание функций метаграфематики является одним из самых сложных в интерпретационной деятельности [Шубина 2006: 81], поскольку информация, передаваемая невербальным семиотическим кодом является имплицитной. Интерпретация парцеллемы сопровождается выстраиванием разнообразных инференций, домысливанием содержания, опирающегося на фоновые знания и опыт адресата, его информативно-познавательную программу. Интерпретация может быть скорректирована только в тексте - семиотическом пространстве еще более сложной организации, где она приобретает еще одно значение - текстовое, появляющееся у нее только в пределах данного текста. Это значит, что при его анализе⁸² парцеллемы необходимо учитывать тот факт, что она

⁸² Т.М. Дридзе отмечает, что анализе отдельных компонентов текста, его «анатомировании», необходимо учитывать, что «выделенные в процессе «анатомирования» компоненты функционировали в этой целостности, вступая в многочисленные связи и отношения, сообщавшие им те свойства, которыми они по себе, в отдельности, не обладали» [Дридзе 1984: 71].

находится в сети отношений с другими знаками в тексте, в том числе и с другими парцеллемами.

Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн так описывают создание адресатом интерпретирующего текста: сначала адресат при чтении и интерпретации текста делает предположение о назначении этого средства, которое будет или подтверждено, или скорректировано по мере продвижения по тексту. В случае ошибочной интерпретации оно может быть скорректировано при прочтении текста. [Мурзин, Штерн 1991: 28]. Очевидно, что и интерпретация парцеллемы происходит таким же образом.

4.1.3. Парцеллографема и парцеллятная сетка

Используемая в письменной речи, парцеллографема вступает в отношения интеграции с графическими вербальными знаками, что позволяет ей участвовать в организации пространственно-смыслового континуума текста. «Поведение» финальных синграфем в функции парцеллографем в действительности выглядит вполне предсказуемым и связано со спецификой пунктуационной системы, к которой они относятся, ее функционально-адаптивным характером, т.е. способностью к *самонастраиванию*, приспособлению к условиям функционирования путем изменения самой своей структуры [Шубина 2006: 38]. Реагируя на происходящие в практике информирования изменения, система регулирует инструментальные способы оформления текста. Эта мысль находит подтверждение в теории Г. Гийома: «Идея не может для себя изобрести соответствующий знак, однако в имеющейся семиологии она может найти для себя такой знак, который может быть ей передан и который, *не будучи создан специально для нее, может ей соответствовать при условии потери прежнего соответствия*» [Гийом 2010: 74]. Выводя закон психосемиологии, ученый пишет: «В семиологической системе царит свобода. <...> Единственным законом ее построения является точность и достаточность. Таким образом, в области

семиологии следует ожидать любопытных и неожиданных комбинаций средств обозначения. Семиология везде показывает нам чрезвычайное богатство комбинаторики» [Гийом 2010: 75]. Выведенный Г. Гийомом закон, на наш взгляд, во многом объясняет использование финальных синграфем для построения парцеллемы, аттенциональные и смысловые сдвиги, которые оно влечет за собой.

Парцеллятная конфигурация текста максимально приспособлена к конкретной коммуникативной ситуации и намерениям отправителя текста. Устранение парцеллографемы или замена на другую синграфему, как мы убедились выше, неизбежно сокращает информационный объем сообщения и приведет к смещению фокуса внимания.

На данном этапе обратимся к рассмотрению инвентаря парцеллографем и того, как они функционируют в речи.

Инвентарь парцеллографем включает знаки - символы конца предложения: *точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие* и допускает *их комбинации*. В конструировании парцеллемы участвуют, как минимум, два знака: левосторонний знак после основы - парцеллографема и правосторонний, постпарцеллятный знак. В случае двухпарцеллятных и полипарцеллятных построений, соответственно, количество знаков увеличивается. Парцеллографемы вкупе с постпарцеллятными знаками образуют **парцеллятную «сетку»**, накладывающуюся на вербальные знаки, влияющую на их иерархизацию и регулирующую их восприятие.

Анализ корпуса позволил выявить различные типы **парцеллятной графики**, которые можно объединить в две группы:

1) случаи функционирования парцеллем с единой парцеллятной сеткой;

2) случаи с комбинированной парцеллятной сеткой. Здесь мы выявили две подгруппы комбинаций:

- комбинация точки (как наиболее частотного знака для оформления парцеллемы) и другого знака;

- комбинация других знаков.

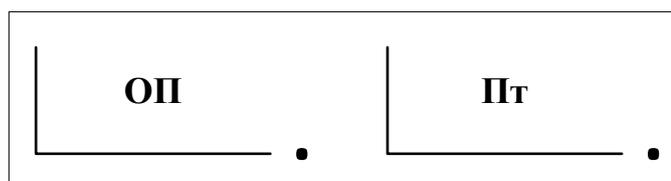
Выделенные типы были проиндексированы в корпусе.

4.1.3.1. Единая Парцеллятная Сетка (ЕПС)

Отличительной чертой первой группы является единообразная, бесконфликтная с точки зрения целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировка парцеллемы (точками, многоточиями, восклицательными или вопросительными знаками).

Наиболее частотным типом, как и следовало ожидать, является ЕПС из двух и более точек, которую схематически можно изобразить следующим образом:

Схема 3. ЕПС с точками

- La règle antidopage doit venir de l'AMA, c'est elle qui doit fixer la liste des produits interdits. *Pour tous et tous les sports.* (L'Humanité, 23.07.2002)

- Nous sommes fatigués. *Physiquement mais également mentalement.* (Le Monde, 07.03.1998)

- Ils pourraient presque convoquer le souvenir du chef-d'oeuvre méconnu *Descente à Paradise. Mais c'est bien ainsi. A cause du paysage et du casting.* (Libération, 19.11.1997)

- Парень лежал в гробу, как живой, настолько хорошо его загримировали. *При всех регалиях, аксельбантах и в парадной форме.* (Московский комсомолец, 09.05.2002)

• На спасение экономики от «электрического голода» придется искать большие средства. *Или совершенно необычные технологии.* (Российская газета, 20.04.2001)

• Попытался сбежать - наказывать. *Нудно объясняя, что фильм гениален.* (АиФ, 29.10.2014)

Реже встречаются пунктуационные **парцеллятные сетки восклицательных или вопросительных знаков, многоточий**, которые маркируют коммуникативные перспективы частей парцеллемы. К языковому значению парцеллограммы «наиболее важное, новое в текущем выражении» добавляются значения, свойственные этим знакам. Назовем их «специализированными», поскольку каждый из них является носителем дополнительной информации об определенном спектре значений, которые в дискурсе «разворачиваются» во множество смыслов. Восклицательный знак кодирует эмоциональную окраску предложения, «выливающуюся» в восклицательную интонацию, свидетельствующую о непосредственно переживаемой и сопровождающей конкретное высказывание яркой эмоции. Диапазон кодируемых эмоций широк, и их декодирование напрямую зависит от контекста и поддерживается другими кодами: лексическими, синтаксическими и метаграфическими. Сказанное во многом справедливо для вопросительного знака и многоточия, с той лишь разницей, что вопросительный знак кодирует целевое назначение предложения – вопрос, в случае парцелляции чаще всего риторический, часто сопровождающийся теми или иными эмоциями. Код многоточия несет информацию о недосказанности или переживаниях субъекта, т.е. также обладает экспрессивным значением.

Специализированные знаки создают определенный, нетипичный графический «рельеф», что не может пройти незамеченным для реципиента. С другой стороны, их использование должно быть уместным, т.е. знаки действительно должны соответствовать кодируемой информации, иначе они вызовут сбой в восприятии.

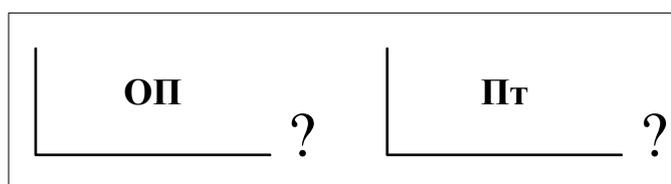
Итак, в ЕПС специализированные знаки кодируют речь эмоциональную, напряженную, динамичную, и их использование часто обязано авторскому намерению сохранить аналогичный непротиворечивый интонационно-ритмический рисунок в обеих (всех⁸³) частях парцеллемы.

Применение ЕПС данного типа, как и комбинированных ПС, еще более явно очерчивают присутствие субъекта конструирования, его отношения к описываемому объекту / положению дел и высокую степень вовлеченности в ситуацию. Полагаем, что тот эмоционально-экспрессивный заряд, который несут подобные ПС, направлены на создание *эффекта непосредственной, спонтанной «живой разговорной речи»*, а значит выполняют фатическую функцию, успешность реализации которой обеспечивает в итоге более высокий перлокутивный эффект, столь востребованный в массмедиа.

Следует сразу же заметить, что не все выявленные варианты ЕПС свойственны обоим языкам примерно (см. сводную таблицу распределения частотности в конце параграфа). Перейдем к анализу вариантов ЕПС.

ЕПС с вопросительными знаками строится по следующей схеме.

Схема 4. Вопросительная ЕПС

Такая сетка накладывается на достаточно разнородные парцеллемы, часто встречается в вопросах риторических, делиберативных, оформляет авторские размышления, но также может передавать богатую палитру разнообразных эмоций: неудовольствие, возмущение, растерянность, раздражение, ирония, удивление, пренебрежение и т.д., что способно оказывать эмоционально-психологическое воздействие на получателя сообщения. В следующем примере автор сначала накладывает ответственность за военные действия в Турции сначала на общество и его

⁸³ Имеются в виду случаи с двумя и более парцеллями.

руководителей, но затем корректирует свою позицию в парцелляте: ответственность переносится на самих жителей Турции, постоянно провоцирующих внутренние военные конфликты:

• *C'est la faute à la société, à ses dirigeants ? Ou à eux-mêmes ?* (Le Monde, 26.06.2013)

Аналогичный механизм запускается и в следующих примерах:

• Что за этим снижением стоит: удобство для поражения цели? Или это потребовалось, чтобы развести его с каким-то другим бортом, который в тот момент шнырял рядом? (Московский комсомолец, 21.07.2014)

В двух- и полипарцеллятных конструкциях происходит расщепление фокуса внимания, что может привести к некоторой модификации назначения вопросительной парцеллятной сетки. В нижеследующем примере вопросительная парцеллятная сетка призвана объединением ряда парцеллятов подчеркнуть значимость каждого из них. Вопросительная интонация сопровождает каждый сегмент, отмеченный этим знаком:

• *Va-t-il écrire un roman? Des Mémoires? De la science-fiction?* (Le Monde, 25.07.2013)

Автор гадает, что же именно будет создавать писатель, и вовлекает в процесс выдвижения гипотез адресата. Совершенно не обязательно, что это будет «science-fiction», размещенный в последнем парцелляте. Здесь автору важно равномерно распределить внимание адресата «наведением» фокуса на все три предположения. Таким образом создается эффект интриги, которая утрачивается при депарцелляции:

* *Va-t-il écrire un roman, des Mémoires, de la science-fiction?*

Элиминация парцеллографемы изменяет ритм и интонацию высказывания: из прерывистой, повышающейся в конце каждого отрезка, она переходит в плавную, перечислительную. Повышение тона касается только конечной части высказывания. Салиентность сегментов *un roman? Des Mémoires?* снижается. Вопрос в депарцеллятной аранжировке задается ко

всему высказыванию. Основной фокус сдвигается к «*va-t-il écrire*». Таковы последствия снятия вопросительной парцеллографемы.

Аналогичные эффекты наблюдаются в следующих примерах:

• *Я воевал? Вынес командира из-под огня? Подорвал вражеский танк подручными средствами?* (АиФ, 06.05.2014)

Риторические вопросы часто становятся проводниками тех или иных эмоций, например:

- растерянность по поводу дальнейших действий:

• *Что же делать нашим соотечественникам-католикам, которые разбросаны по всей нашей необъятной родине? Переходить в православие? Или в протестантизм?* (Московский комсомолец, 09.05.2002)

- возмущение:

• *Неужели лидеры еврогосударств хотя бы из любопытства, а не по должности не заглянули ни разу в хранилища ядерных зарядов? Не ужаснулись возможному?* (АиФ, 17.09.2014)

Довольно частотны парцелляты, сужающие, уточняющие или, наоборот, расширяющие (реже) семантику лексем, на которые первоначально наводится фокус внимания в основе:

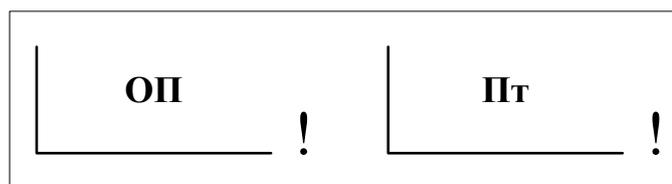
• *Est-ce la France qui était visée? Ou tout simplement un lieu de liberté de création très prisé d'une frange de la jeunesse?* (Le Monde, 12.12.2014)

• *А своих детей вы видите в будущем музыкантами? Готовите к профессиональной музыкальной карьере?* (АиФ, 26.04.2013)

Как и во всех остальных случаях, интерпретация каждого конкретного случая опирается как минимум на локальный контекст, но часто захватывает и глобальный контекст, дающий более полную информацию для декодирования.

Следующая схема, которая реализуется только в русском корпусе, – ЕПС с восклицательными знаками.

Схема 5. Восклицательная ЕПС

(1) Его создала сама любовь! *И архитектор Анатолий Андреев!*
(Российская газета, 06.09.2003)

(2) Государство вам поручило! *Доверило!* (АиФ, 09.07.2014)

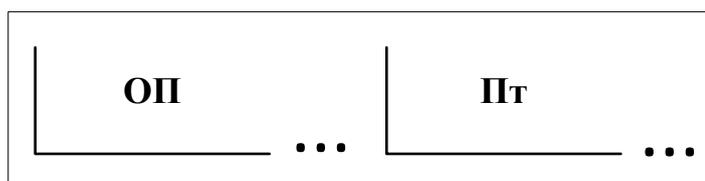
(3) Теперь на Земле ты будешь сидеть в психушке! *Или даже в тюрьме!*
Будешь сидеть! (АиФ, 06.03.2014)

(4) А он сам скоро туда придёт! *Потому что даже у него терпение лопнет!* (АиФ, 13.11.2013)

Восклицательная парцеллятная сетка кодирует сильный эмоционально-экспрессивный заряд. На первый план выводится эмоциональное возбуждение говорящего. В приведенных примерах кодируются такие эмоции как восхищение (1), негодование (2), гнев, сопровождающийся угрозой (3), возмущение (4). Дублирующийся восклицательный знак способствует передаче и других разнообразных ярких эмоций, к слову, чаще негативных, нежели позитивных: радости, сомнения, удивления, недоумения, осуждения, в т.ч. иронического, возмущения, ярости и т.д. Замечено, что довольно часто проявление эмоций, кодируемое восклицательными парцеллятной сеткой, сопровождается восходящей градацией в парцелляте (примеры 2 и 3).

Следующая схема оформления парцеллемы включает многоточия:

Схема 6. ЕПС с многоточием

Единая парцеллятная сетка с многоточием – специфическая черта русского корпуса; во французском корпусе не представлена.

Парцеллемы, построенные с использованием многоточий, обогащаются рядом разнообразных смыслов, чаще всего эмоциональных. Н.С. Валгина называет многоточие знаком эмоционального, психологического напряжения, «позволяющим скрыть мысль, не дать ее обнаженно, и вместе с тем наметить перспективы в восприятии и осмыслении текста» [Валгина 2004: 128]. Многоточия способны передавать недосказанность мысли, указывают на эмоциональное состояние говорящего, а также на многозначительность сказанного, на контраст, на другой, скрытый смысл, о котором нужно догадаться и т.д. В нашем корпусе эта модель встречается довольно редко. Имеющиеся примеры реализуют значения эмоционального состояния «горе по поводу утраты близкого человека», др. Например:

• Умер... *В реанимации... Словно сама жизнь противилась его уходу. Но его не стало.* (Российская газета, 04.02.2014)

В данном примере многоточия создают прерывистый характер речи, эксплицируют ее затрудненность, вызванную эмоциональными переживаниями по поводу смерти известного композитора. За этой парцеллятной сеткой – горе близких композитору людей.

В следующем примере парцеллятная сетка с многоточиями передает те смыслы, которые говорящему уже трудно выразить словами:

• Я стараюсь жить так же... *Но до силы духа бабушки мне карабкаться и карабкаться...* (АиФ, 09.05.2013)

4.1.3.2. Комбинированная Парцеллятная Сетка (КПС)

Данная группа объединяет парцеллемы с комбинированной парцеллятной сеткой и распадается на две подгруппы: а) комбинацию точки с другими знаками и б) комбинацию знаков без точки. Варианты этих комбинаций разнообразны и суммарно составляют примерно 1/10 часть в

обоих корпусах от общего количества парцеллем (9,08% - во французском корпусе и 12,45% - в русском). Однако некоторые из них более продуктивны, другие – менее (см. сводную таблицу в конце параграфа).

Подгруппа парцеллографема «точка» + другой знак

Итак, первую подгруппу составляют *парцеллемы с комбинацией парцеллографемы «точка» с другими знаками в постпарцеллятной правосторонней позиции*. Следует отметить, что эта подгруппа более многочисленная, чем вторая, где точка занимает постпарцеллятную позицию. Мы усматриваем у этого преобладания три причины:

1) парцеллографема «точка» - более частотный, узнаваемый знак, в связи с чем ее активируемые смыслы проще и привычнее декодировать;

2) вопросительный и восклицательный знаки, многоточие кодируют определенный интонационный контур того или иного сегмента (основы или парцеллята), который приписывается одному из сегментов и не поддерживается в другом. Несоответствие пунктуационного оформления – тоже знак, говорящий о том, что приращенные смыслы приписываются только одному из сегментов. Более того, эти смыслы легко входят в конфликт или контрастируют со смыслами, активируемыми вторым (другим) сегментом. Таким образом, не только интонационный контур, но и сама семантика знака существенно усложняется. Подобным средством можно воспользоваться только в определенных контекстуальных условиях и в четко спланированной заранее парцеллятной презентации сообщения.

3) еще одна причина может заключаться в том, что точка активирует практически любые смыслы, тогда как вопросительный, восклицательный знаки и многоточие являются более «специализированными» знаками, что ограничивает их дискурсивно-смысловой спектр.

Это предположение можно верифицировать в корпусе. Для проверки гипотезы мы включили в репрезентативную выборку газетные тексты объемом около 1 280 000 слов на французском языке и столько же на

русском. Частотность интересующих нас знаков отражена в следующей таблице.

Таблица 6. Частотность пунктуационных знаков, используемых в газетных текстах

	Всего знаков в текстах	точка		многоточие		вопросительный знак		восклицательный знак	
		АП ⁸⁴	ОП ⁸⁵ , %	АП	ОП, %	АП	ОП, %	АП	ОП, %
ФРАНЦ	55464	49958	90	1338	2,4	2982	5,4	1186	2,2
РУС	67188	57718	86	1606	2,3	5148	7,7	2716	4

Следует признать, что мы получили весьма любопытные данные.

Первый вывод, который можно сделать, касается частотности знаков: статистика ясно говорит о том, что во французских газетных текстах частотность использования финальных синграфем ниже примерно на 10%, чем в русском (55464 и 67188). Следовательно, и размер французского предложения больше. Действительно, подсчеты показывают, что среднее французское предложение составляет примерно 23 слова, тогда как в русском – 19 слов⁸⁶. Полагаем, что причиной этой разницы может быть аналитический строй французского языка, в котором отношения между словами регулируются порядком слов и предлогами, в то время как в русском - падежными окончаниями, предлогами и в меньшей степени порядком слов. Наличие артиклей перед существительными также увеличивают количество слов. Например: писать ручкой – 2 слова; écrire avec un stylo – 4 слова. Поэтому разница в данном показателе представляется вполне закономерной.

Второй вывод основывается на информации о распределении частотности использования анализируемых синграфем, которая, как мы видим, практически совпадает в двух языках. Незначительные расхождения

⁸⁴ АП – абсолютное исчисление.

⁸⁵ ОП – относительный показатель, в процентах от общего количества знаков.

⁸⁶ Аналогичное исследование было проведено в 2012 г. на материале новостных текстов Lenta.ru NewsRu.com и некоторых других интернет-изданий. Число слов в таблоидах в ряде случаев падает до 12 и менее слов, в Lenta.ru составляет около 15 слов, в NewsRu.com – около 18,5 слов, в деловых газетах – возрастает до 30 [<https://roem.ru/12-03-2012/125972/amzin-issledoval-prostotu-smi/?c>]. Эти данные, как видим, не противоречат и нашим результатам, полученным на материале уважаемых и массовых газет.

фиксируются в употреблении знака «точка»: 90% во французских текстах и 86% - в русских. Практически совпадающая в относительном исчислении частотность знака «многоточие» (разница составляет всего 0,1% из 100%!). Чувствительно реже (примерно на треть и половину) используются вопросительный и восклицательный знаки.

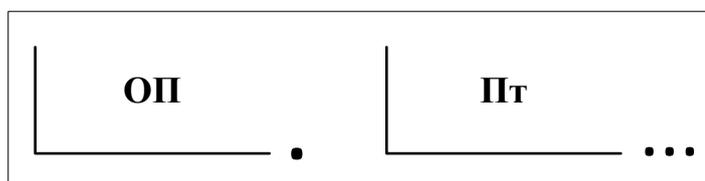
Полученные данные убедительно говорят о том, что пунктуационная графика, или пунктуационный «рельеф», по крайней мере, финальных синграфем в газетном французском и русском тексте в целом идентичен. Более редкое использование вопросительных и восклицательных знаков, очевидно, означает, что их функции во французских текстах перекладываются на знак «точка». Эти данные мы позднее сравним с распределением знаков в парцеллеме.

Вернемся к КПС.

Все приведенные ниже схемы и примеры иллюстрируют комбинаторные возможности парцеллянтной сетки, «вбирающей» в себя потенциал заложенных в каждый конкретный знак значений и регулирующих интонационный рисунок парцеллемы.

Особенностью КПС с парцеллогрфемой-точкой является то, что парцеллят, помимо описанных в предыдущих параграфах возможностей приобретает иной, чем основа, интонационный контур, зависящий от правосторонней, постпарцеллянтной синграфемы.

Схема 7. КПС: тип . / ...

- Il faut le lire et l'en remercier. *Sans rancune...* (Le Monde, 20.02.2014)
- Vous figurerez au rang des créanciers d'Air Lib, si vous en faites la demande, auprès du tribunal de commerce de Créteil. *Sans grand espoir de rentrer un jour dans vos frais...* (Le Figaro, 07.01.2003)

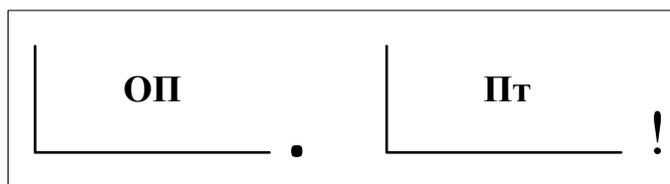
• Sans trop le dire, la participation française se faisait au nom de l'Europe et de sa nécessaire unité, un mois à peine après le non au référendum. *Et d'une Europe que Napoléon terrifiait et fascinait à la fois...* (Libération, 31.12.2005)

• И вот те, которые особенно крикливы, в первую декаду мая очень любят молодёжь учить патриотизму. *Уроки всякие проводить, слова говорить правильные...* (АиФ, 09.05.2014)

• Это всё равно что выпустить из тюрем уголовников и пометить их статьями Уголовного кодекса. Декларируя, что у каждого гражданина есть свободный выбор: обходить неудобного стороной или... (АиФ, 04.06.2014)

• Мы можем. *Если захотим и не забудем...* (АиФ, 05.11.2014)

Схема 8. КПС: тип . / !

• Leurs conclusions sont édifiantes. *Et malheureusement toujours d'actualité !* (La Tribune, 06.12.2013)

• Il s'appuyait résolument sur la défense des intérêts des travailleurs en leur montrant la nécessité de l'union pour triompher. *Une union à la base !* (L'Humanité, 08.07.02)

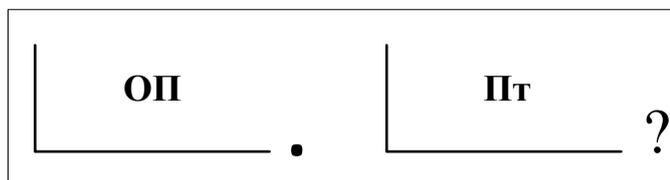
• Ils sont pas moins de 14 à tenter d'obtenir le siège. *Dont neuf à gauche !* (Le Monde, 16.05.2012)

• Статистика показывает, что суды присяжных дают от 15 до 25 процентов оправдательных приговоров. А оправдательных приговоров в профессиональных судах в уголовных делах - менее одного процента. *То есть разница в двадцать раз!* (Московский комсомолец, 08.06.2013)

• Для этого же фильма он заставляет свою суженую Дженнифер Энистон обрить ему голову. *Налысо!* (Московский комсомолец, 24.05.2001)

- Разве могло начальство предположить, что этот обаятельный человек в свободное от работы время копает себе дорогу на волю. *Обычным строительным мастерком!* (Российская газета, 24.10.2002)

Схема 9. КПС: тип . / ?

- Si ses idées n'étaient devenues confuses et ses souvenirs embrouillés, cet ancien cantonnier, simple mais rusé, pourrait raconter sa vie de lutte contre les moulins. *Mais qui le croirait ?* (Libération, 17.10.2005)

- Fragilisée, l'Afrique des années 1940 est décrite, en prime, comme « sous-peuplée ». *Alors même que l'Europe, sortie exsangue de la guerre, a besoin de bras?* (Le Monde, 22.10.2014)

- Louis Acariès croit pourtant savoir que Vincent Labrune avait "l'idée de devenir président comme tremplin pour son business dans la communication", qu'il a mis en stand-by pour s'occuper à "100 %" de l'OM. *Avec le risque de s'autodétruire en montant en première ligne ?* (Le Monde, 30.12.2011)

- Попытка засчитывается. *Или, всё-таки, нет?* (АиФ, 21.03.2014)

- Правда, на эти 12 копеек нельзя даже потребное количество яда купить. *Но кого это волнует?* (Российская газета, 01.09.2003)

- «В здоровом теле - здоровый дух». *А что в здоровой голове?* (АиФ, 04.06.2014)

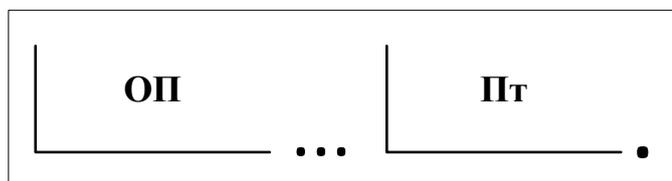
Подгруппа парцеллографема «другой знак» + «точка»

Вторую подгруппу составляют *парцеллемы с комбинацией парцеллографемы «другой знак» точки в постпарцеллятной правосторонней позиции*. Анализ корпуса позволяет утверждать, что несмотря на периферийность этих моделей, их невысокую частотность, они представлены во всех возможных комбинациях. Наиболее продуктивными во

французском корпусе являются комбинации многоточия и точки, а в русском – восклицательного знака и точки.

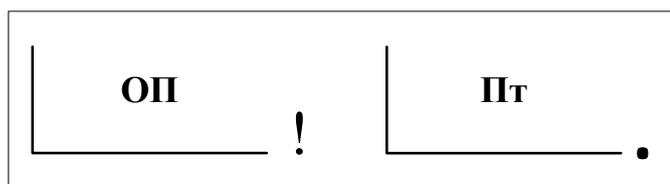
Представленные ниже схемы и примеры иллюстрируют комбинаторные возможности этой модели.

Схема 10. КПС: тип ... / .

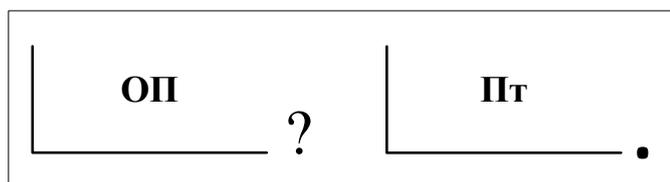
- En cette veille de Noël familial, gageons que vous avez déjà fêté l'évènement au bureau...*Ou dans une salle de spectacle avec vos collègues et patrons.* (La Tribune, 22.12.2013)
- A moins que, dans le grand vent de rénovation démocratique, ce pays nous revienne encore plus fort dans quatre ans pour défendre son titre... *En Allemagne.* (Libération, 01.06.2002)
- Il peut toujours les démentir... *Mais sans eux, personne ne parlerait aujourd'hui de son «génie».* (Libération, 24.10.2005)
- В зал прошли совершенно невозмутимый герой России трехкратный Виктор Ан, однократные Юлия Липницкая, Аделина Сотникова, Александр Легков, двукратные Алексей Воевода, Александр Зубков... *И, наконец, позавтракавший Владимир Путин.* (Коммерсантъ, 25.02.2014)
- Сейчас Глазьев держится на трибуне раскованнее, пиджак расстегнут... *Как у Зюганова.* (Московский комсомолец, 01.01.2003)
- В Петербурге этот вал пособий "завис" бы на прилавках и складах... *Потому что в школах Северной столицы "Введением в обществознание" не пользуются, вместо него старшеклассники изучают пособие по правоведению.* (Российская газета, 01.09.2003)

Схема 11. КПС: тип ! / .

- Il va lui falloir calmer les esprits ! *Surtout que les lendemains risquent d'être difficiles.* (La Tribune, 06.05.2012)
- C'est fou comme les langues se libèrent... à l'abri derrière l'anonymat ! *Mais devant la justice, c'est à visage découvert qu'ils devront s'expliquer* (Le Monde, 05.06.2014)
- Il va lui falloir calmer les esprits ! *Surtout que les lendemains risquent d'être difficiles.* (La Tribune, 06.05.2012)
- Как же смеялись над маленьким человечком, который явился в Россию из ниоткуда и выглядел абсолютным клоуном! *В нелепом буржуазном котелке, галстук в горошек, на голове - совершенно идиотский рыжий парик.* (АиФ, 01.04.2014)
- Как птичка, на сцену выпорхнет депутатка. И скажет:- Я долго думала и решила сделать подтяжку! *Круговую* (АиФ, 01.10.2014)
- Да, мы собирались на этот концерт! *Перезванивались в преддверии.* (Российская газета, 04.02.2014)

Схема 12. КПС: тип ? / .

Примеры, реализующие данную схему, обнаружены только в русском корпусе.

- Если бы экономика работала нормально, очень скоро бедность пошла бы на убыль, согласны? *Потому что было бы больше рабочих мест, больше доходов, и люди жили бы лучше.* (Российская газета, 02.09.2003)

- Интересно, как будет вспоминаться нынешнее время? *Если, конечно, будет кому вспоминать.* (АиФ, 05.11.2014)
- Не заслуга ли Союза конькобежцев России в том, что там поверили в него? *Как и в сноубордиста Вика Уайлда, которого с Россией прежде роднила лишь супруга Алёна Заварзина.* (Московский комсомолец, 25.02.2014)

Группа КПС без участия точки

Парцеллемы, на которые наложены парцеллятные сетки разных знаков без участия точки крайне редки и составляют периферию. Их общее свойство – динамизм, способность передачи резкой смены эмоций, чувств, способность передавать иронию. В коротких парцеллемах они также кодируют сильное эмоциональное напряжение, возбужденность продуцента речи.

Приведем несколько примеров. В следующих случаях КПС имитирует ход авторских рассуждений, размышлений:

- *Encourageant non ? Surtout dans ces temps de dérapages verbaux à l'angle des couloirs...* (La Tribune, 22.12.2013)
- *Hollande, Valls, Taubira...* Le président de la République, le ministre de l'Intérieur et la garde des Sceaux pouvaient-ils ignorer la réalité du dossier Cahuzac? (Le Figaro, 11.04.2013)
- *Autant de combats héroïques, mais perdus... Sans parler de Dien Bien Phu!* (Libération, 31.12.2005)
- *И пошло-поехало! По проторенному, по накатанному...* (АиФ, 19.02.2014)
- *Неужто не сыскали в своё время равных по смыслу слов русских? Или хитро предполагалось: назовём по не-нашему и сразу станем полноправной частью Европы? А наш прекрасный-распрекрасный рубль - полновесной денежной единицей!* (АиФ, 19.11.2014)

Разные знаки могут:

- кодировать переход от восхищения к более здоровому иронизированию:
 - Это чудо! Или «магический реализм»? (АиФ, 22.04.2014)
- позволять усиливать иронию в шутливом риторическом вопросе:
 - Что нам стоит дом построить? *Дешёвый!* (АиФ, 24.04.2013)
- создавать интригу и т.д.:
 - Il veut devenir le seigneur et maître des Ecrehou ! *Et il a un plan...* (Libération, 17.10.2005)
 - De toute façon, comme le rappelle ce conseiller patrimonial : «le particulier réagit toujours trop tard» ! *Et quid des Sicav, ou des FCP ?* (Libération, 07.10.2008)

Результаты индексирования обобщены в следующей сводной таблице.

Таблица 7. Частотность парцеллем с различными парцеллятными сетками во французском и русском корпусах

ТИПЫ ПАРЦЕЛЛЯТНЫХ СЕТОК	Французский корпус, %		Русский корпус, %	
	по отношению к родительской ветке	от общего кол-ва (100%)	по отношению к родительской ветке	от общего кол-ва (100%)
<i>Единая парцеллятная сетка (ЕПС)</i>	90,92		87,55	
ЕПС с точками	98,44	89,5	96,54	84,52
ЕПС с вопросительными знаками	1,56	1,42	1,64	1,44
ЕПС с восклицательными знаками	0	0	1,55	1,36
ЕПС с многоточиями	0	0	0,27	0,24
<i>Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)</i>	9,08		12,45	
КПС точка + восклицательный знак	10,84	0,98	23,72	2,95
КПС точка + вопросительный знак	13,25	1,2	12,18	1,52
КПС точка + многоточие	33,73	3,06	19,87	2,47
КПС восклицательный знак + точка	8,43	0,77	16,03	2
КПС вопросительный знак + точка	0	0	7,69	0,96
КПС многоточие + точка	25,3	2,3	11,54	1,44
КПС разные знаки	8,43	0,77	8,97	1,12

Анализ данных, приведенных в таблице в колонках «по отношению к родительской ветке», позволяют заключить следующее.

В зоне ЕПС

1) преобладающим типом ЕПС в обоих корпусах является ЕПС с точками (89,5% и 84,52% от общего количества парцеллем; 98,44% и 96,54% в рамках ЕПС);

2) ЕПС с точками в обоих корпусах представлены примерно в равной степени (98,44% и 96,54%);

3) тот же вывод релевантен и для ЕПС с вопросительными знаками (1,56% и 1,64%);

4) в зоне ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями наблюдаем значимые **расхождения** между языками и их **специфику**: французский язык не допускает подобные ЕПС, в русском – количество ЕПС с восклицательными знаками соотносимо с ЕПС с вопросительными знаками (1,55% и 1,64%), а случаи ЕПС с многоточиями составляют самую малую подгруппу в группе ЕПС.

В зоне КПС наблюдаются следующие **сходства и различия**:

1) во французском корпусе наиболее высока частотность КПС точка + многоточие (33,73%), и КПС многоточие + точка (25,3%). Далее следуют КПС точка + вопросительный знак (13,25%) и КПС точка + восклицательный знак (10,84%). Одинаково частотны КПС восклицательный знак + точка и КПС разные знаки (8,43%). Тип КПС вопросительный знак + точка зафиксирован не был.

2) в русском корпусе распределение частотности типов КПС существенно отличается. Наиболее крупные группы составляют КПС точка + восклицательный знак (23,72%) и КПС точка + многоточие (19,87%). Далее следуют КПС восклицательный знак и точка (16,03%), КПС точка + вопросительный знак (12,18%), а также КПС многоточие + точка (11,54%). Реже встречаются КПС разные знаки (8,97%), что соотносимо с данными французского корпуса (8,43%), и КПС вопросительный знак + точка (7,69%). Последняя группа является **специфической чертой** русского корпуса.

Следовательно, сопоставляя корпуса по этим параметрам мы можем говорить о:

- **сходствах** в использовании *ЕПС с точками и вопросительными знаками*, а также в аранжировке парцеллемы КПС точка + вопросительный знак и КПС разные знаки;

- **расхождениях** в использовании других типов *КПС*

- и **специфике** русских парцеллем, обладающих возможностью оформления при помощи *ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями*, а также *КПС вопросительный знак + точка*.

Обратимся к анализу колонки «от общего количества (100%)», данные которой мы планировали сопоставить с таблицей «Частотность пунктуационных знаков, используемых в газетных текстах» (см. выше). Эти данные говорят о том, что **пунктуационное оформление парцеллем следует общим тенденциям в использовании пунктуационных знаков в газетных текстах**: случаи применения знака «точка», как мы установили, составляют 90% во французском корпусе; в парцеллемах ЕПС с точками с колебанием в 0,5% - 89,5%. На остальные знаки в разных комбинациях приходится 10,5%. Та же тенденция прослеживается и в русском корпусе: частотность точки в газетных текстах составляет 86%, а ЕПС с точками – 84,52%. Разница в 1,48% здесь представляется незначительной.

В Главе 2 мы предположили, что в связи с различиями в принципах организации и функционирования двух пунктуационных систем (нацеленностью французской пунктуации на выполнение коммуникативно-прагматических задач, а русской - на следование формально-грамматическому принципу), частотность использования французских парцеллографем будет выше, чем в русском. Однако, основываясь на результатах корпусного анализа, мы заключаем, что плотность их использования во французских текстах ниже по сравнению с русскими: средний показатель частотности во французском тексте – 3,8 парцеллем, в русском - 5,22. При пересчете на объем текстов, исчисляющихся словоупотреблениями, получаем следующие результаты: во французском

корпусе на 1 парцеллему приходится 255,3 словоупотребления, в русском - 133,4, т.е. частотность парцеллем значительно выше.

4.2. Синтактика и семантика: сопоставительно-параметрический анализ парцеллем

Парцеллема представляет собой конструкцию - «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Goldberg 1995: 4]. Отношения между этими частями характеризуются таким качеством как взаимопроникновение [Рахилина 2010: 13]. В семантике самого термина «конструкция» заложена идея цельности и единства⁸⁷. Наполнение конструкции несвободно, поскольку существуют определенные ограничения, обусловленные результатом взаимодействия ее составляющих. Части, в которые «упакована» конструкция, ее «строительный материал», «кирпичики» - это основа и парцеллят(ы), между которыми существуют грамматические и семантические связи, на которые конструкция опирается и которые позволяют ей эффективно функционировать в дискурсе, выводя в фокус внимания значимые с позиции продуцента объекты, их свойства и ситуации.

В настоящей главе мы обратимся к конструктивным особенностями парцеллемы, выявим их синтаксическую и семантическую специфику, которые дадут нам основания для выделения принципов парцеллирующего членения и их моделей. Наш интерес к структуре парцеллемы вполне закономерен и естественен. Не можем не согласиться с А.А. Кибриком в том, что «любой эмпирической дисциплине вопросы об устройстве изучаемого объекта ставятся при исследовательском анализе в первую очередь. Свойства объекта во многом выводятся из свойств его частей» [Кибрик 2003: 30].

⁸⁷ На это свойство конструкций обратил внимание Чарльз Филлмор, автор теории грамматики конструкций, где он дал развернутую интерпретацию цельности и единства конструкций и акцентировал внимание на необходимости учета всех уровней взаимодействия составляющих: лексико-грамматическом, просодическом, прагматическом [Fillmore, 1986, 1988, 1999].

Парцелляты и их структурные характеристики довольно подробно изучались, в основном, на материале русского языка, были получены интересные результаты. Но наше внимание привлекло отсутствие четких оснований для классификаций, больше интуитивный, нежели строго научный подход к описанию структуры парцеллемы. Очевидной представляется необходимость в систематизации, уточнении и введении новой терминологии для характеристики типов парцеллятов.

Настоящая классификация полезна для нашего исследования по нескольким причинам. Во-первых, она позволит уточнить представления о принципах построения парцеллемы в сопоставительном аспекте. Применение корпусного подхода позволит нам с высокой точностью выявить степень схождений, расхождений и специфики принципов ее архитектуры. Во-вторых, классификация будет актуальна для последующего когнитивно-дискурсивного анализа парцелляции, поскольку некоторые специфические функции закрепляются за тем или иным типом парцеллята или тип парцеллята существенно влияет на выполнение той или иной функции. Эти моменты будут уточняться по ходу исследования.

Исследование конструктивных свойств парцеллемы опирается на современные, а также уже ставшие классическими труды отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся проблемами конструкций: Е.В. Рахилиной, Г.И. Скепской, В.Г. Гака, Р.И. Гальперина, Л.И. Илия, О.С. Ахмановой, О.И. Москальской, Т.П. Ломтева, Н.Ю. Шведовой, Н.Г. Блохиной, В.Л. Темкиной, Л. Теньера, А. Мартине, Э. Бенвениста, Ж. Марандена, К. Туратье, К. Гимье, М. Мамудиана, А. Готье, Т. ван Дейка и др.

4.2.1. Конструктивные свойства парцеллемы во французском и русском языках

В процессе анализа материалов корпуса стало очевидно, что организация французских и русских парцеллем имеет много общих черт. Сравним:

1. Он – профессиональный военный. *И интеллеktуал.* (Московский комсомолец, 20.01.2002)
2. Таким образом, ОПС «Уралмаш» в политике остается в гордом одиночестве. *Один и без оружия.* (Московский комсомолец, 26.11.2002)
3. Все-таки хоть кого-то из-под него посадили. Уже неплохо. *Хотя, конечно, хотелось бы увидеть, во сколько проемов тюремной решетки уместится это лицо* (АиФ, 16.05.2013)
4. Пусть этим идеалом, местом для душевного отдыха и успокоения станет ваш дом. *Или ваш офис.(1) Или просто вы сами.(2)* (Московский комсомолец, 31.10.2002)
5. Les cours y ont commencé depuis le 3 septembre. *Sans lui.* (Le Figaro, 26.09.2002)
6. Mais c'est sans compter sur Roff qui égalise (22-22). *Avant l'exploit de Mazas.* (Le Monde, 09.06.2002)
7. Pour couronner le tout, notre collectionneur est devenu monomaniacque... *Ou, plutôt, maniacque d'une seule firme: Mercedes-Benz!* (Le Figaro, 07.01.2003)
8. Il s'accordera peut-être une coupe de champagne. *Demain. (1) Ou après-demain.(2)* (Le Monde, 07.01.03)

Приведенные выше примеры (1-8) свидетельствуют о сходной структуре парцеллемы в обоих языках: основа и парцеллят(ы). Парцеллят в них находится в постпозиции и малоформатен (1, 5, 8) или крупноформатен, превышает размер основы (3), синтаксически и семантически зависит от нее. В примерах 1, 2, 4, 5, 7 в отчлененной части находятся члены параллельного ряда. Как показывают случаи 4 и 8, количество парцеллятов может быть больше одного в пределах одной парцеллемы подобного типа. Рассмотренные выше случаи доказывают наличие сходств в структуре французских и русских парцеллем. Легко предположить, что существуют и отличия, ведь названные языки являются разноструктурными и лишь отдаленнородственными.

Нашей задачей, таким образом, является, опираясь на возможности корпусного метода, выявить и обосновать имеющиеся сходства, различия и специфику конструктивного устройства парцеллемы. На момент подведения итогов диссертационного исследования корпус содержит 631 текст, включающий 2569 парцеллем, что, как мы убедились благодаря методике верификации достоверности, представляет достаточный для сопоставительного исследования материал.

Проведенный анализ позволил установить и систематизировать «поведение» различных типов парцеллем. Для фиксации сходств и расхождений мы построили принципиальную схему сопоставления, в которую включили следующие параметры, проиндексированные в корпусе:

- 1) локализация парцеллята по отношению к основе: ретроспективный и проспективный типы парцеллятов;
- 2) тип протяженности парцеллята;
- 3) дистанция между основой и парцеллятом;
- 4) тип парцеллемы по количеству парцеллятов;
- 5) семантика парцеллятных отношений;
- 6) принципы парцеллятного членения и его модели.

4.2.1.1. Локализация парцеллята по отношению к основе: ретроспективные и проспективные парцелляты

По данному параметру были выделены три типа парцеллятов: ретроспективные, проспективные и проспективно-ретроспективные.

Ретроспективный парцеллят возвращает реципиента к предшествующей информации, что обеспечивает удержание в памяти, лучшее запоминание парцеллемы и позволяет актуализировать парцеллятный сегмент (см. Главы 1, 2, предыдущий параграф). В подтверждении этой трактовки приведем слова И.Р. Гальперина, который пишет, что категория ретроспекции неизбежно влечет за собой переакцентуацию отдельных частей

текста [Гальперин 1981: 106]. Всякая соотнесенность одной единицы с другой неизбежно влечет за собой сопоставление этих единиц с точки зрения их когнитивной значимости. Более того, «ретроспекция, способствуя более глубокому пониманию взаимозависимости отдельных частей текста, тем самым обеспечивает процесс интеграции» и качественное декодирование [Гальперин 1981: 107]. Реципиент сохраняет в памяти информацию о ситуациях, событиях, обстоятельствах их протекания, участниках и их характеристиках, и, выстраивает, сознательно или подсознательно свое видение и отношение к ним и к содержанию текста. Примерами могут служить следующие парцеллемы:

- *Les explications du porte-parole n'ont aucun sens car aucun avocat ne prendrait une telle situation à la légère et se permettrait une erreur administrative. Sans parler du quiproquo entre les deux versions.* (L'Humanité, 08.07.2002)

- Однако в 2000 году в армейской печати случилась очередная коренная реорганизация. *Или оптимизация.* (Российская газета, 21.06.2002)

Проспективные парцелляты можно определить как редкий, но креативный тип парцеллятов, направляющих мысль адресата на то, что будет впереди, но не раскрывает структуры ситуации и ее участников. Находящаяся в фокусе информация в парцелляте проспективно настраивает адресата, мобилизует его творческий потенциал, заставляет предугадывать то, что будет сконструировано в основе. Показательно, что существительные в проспективном парцелляте либо не сопровождаются артиклями, т.к. это имена собственные, приложения или ряд существительных, для которых опущение артикля естественно, либо используются с неопределенными артиклями, в которых усматривают сигналы прединформации [Weinrich 1971: 24], например:

- *Un pays riche avec le pétrole, le gaz, le phosphate.* L'Algérie a besoin de paix. (Le Figaro, 01.10.2002)

Еще более редкий тип парцеллятов – **перспективно-ретроспективные**, одновременно воплощающие специфичность перспективных и ретроспективных парцеллятов:

• *Quant à Camus... Comme la plupart des jeunes de ma génération, je l'avais lu en classe de terminale. Mais je n'en gardais pas un souvenir important.* (Le Monde, 19.08.2014)

• *Брошенная в лицо тряпка, разбитая тарелка с «такими-помоями-только-свиней-кормить», гадкие слова, презрительный взгляд... Насилие многогранно. И ломает оно не столь тело, сколь душу.* (АиФ, 25.11.2013)

Очевидно, что локализация парцеллята играет существенную роль в распределении аттенциального фокуса, меняя его «угол» и специфичность. На этом основании мы можем выделить три техники фокусирования, соответствующие выделенным конструктивными типами: в ретроспективных парцеллятах реализуется ретроспективная техника аттенциального фокусирования, перспективным – свойственна перспективная, перспективно-ретроспективным, соответственно, одноименная техника.

Результаты сопоставительного анализа позиций парцеллятов указывают на окказиональность перспективного парцеллята в исследованном нами русском корпусе и на некоторую регулярность во французском, которая подчиняется определенным тенденциям.

Как справедливо замечают авторы статьи «Линейность в языке: от фонемы до текста»: «порядок слов и составляющих фразы зависит от факторов не только синтаксических, но и семантических, стилистических и прагматических (и других) и часто в различных пропорциях, в зависимости от рассматриваемого языка» [Korzen, Nølke 1996: 205].

Мы полагаем, что возможность выноса парцеллята в препозицию во французском языке связана с некоторыми явлениями как синтактико-стилистического, так и прагматического характера. Во-первых, случаи перспективного парцеллята можно сравнить с характерной для французского языка местоименной репризой в предложениях типа: Lui, il est malade; Le

train, il est arrivé, в которых происходит перестановка темы и ремы. В русском языке это средство не относится к продуктивным и подобный эффект создается изменением порядка слов или другими средствами. Проспективные парцелляты, как мы убедимся далее, обладают эффектом интриги, притягивают фокус внимания на себя, их декодирование требует больших когнитивных усилий, чем более распространенных ретроспективных парцеллятов.

Таблица 8. Проспекция и ретроспекция парцеллятов во французском и русском корпусах.

Локализация парцеллята по отношению к основе	Французский корпус, %	Русский корпус, %
ретроспективный	98,91	99,6
проспективный	0,77	0,32
проспективно-ретроспективный	0,33	0,08

Как свидетельствует таблица, преобладание ретроспективного парцеллята очевидно в обоих корпусах (98,91% и 99,6%). Проспективные парцелляты находятся на периферии феномена парцелляции, составляют небольшую, но очень интересную группу. Без ее анализа невозможно получить всестороннее представление о парцелляции и отразить все богатство ее возможностей, динамику ее развития.

Рассмотрим специфические особенности проспективных парцеллятов, извлеченных из французского корпуса. Как показывает анализ, разрыв происходит по линии инфрасинтагматических связей⁸⁸. Проспекция, создаваемая в процессе линейного развертывания парцеллята, обязательно находит свое завершение в основе. Следует отметить, что парцеллятная пунктуационная сетка, оформляющая проспективный парцеллят часто включает парцеллографему «многоточие», которое, на наш взгляд, существенно сглаживает разрыв между парцеллятом и основой.

⁸⁸ Мы опираемся на классификацию, предложенную А. Готье. Ученый подразделяет все подвергаемые парцеллированию связи на инфрасинтагматические и супрасинтагматические [Gautier 2010a: 8-13].

Выбор размещения фокусной информации в проспективном или в ретроспективном парцелляте – индивидуально-авторская стратегия, на которую накладываются, однако, существенные синтаксические ограничения. В проспективный парцеллят могут быть вынесены только номинальные координативные синтагмы, представляющие собой:

1) эндоцентрические конструкции⁸⁹ - параллельные ряды, обобщающее слово которых расположено в основной части:

- *Angel, Daniel, Fleur, Yinn, Mai...* « Ils existent tous. Ils sont là », insiste Marie-Claire Blais, montrant le salon, où nous sommes assises, d'un geste éloquent (Le Monde, 09.10.2014)

- *Islam, bouddhisme, judaïsme, christianisme...* Ces religions attendaient ou attendent beaucoup d'efforts de notre part. (L'Humanité, 21.08.2002)

- *Amplitude des pas et couleurs intermittentes, costumes.* Tout s'assemble. (L'Humanité, 07.01.2003)

2) номинальные синтагмы, дублирующиеся в основной части местоимением (местоименная реприза) или находящиеся в аппозитивных отношениях с подлежащим основной части:

- *Formidables matous.* Ils sont partout, dans les rues, les jardins, les livres. (Le Monde, 19.06.2014)

- *Un chasseur, une écologiste, un communiste, un ancien ministre de droite, un souverainiste...* François Bayrou avait joliment travaillé son plan de table. (Le Figaro, 07.01.2003)

Последний пример интересен для анализа. «Высвеченный» фокусным «аттенциональным лучом» [Гоготишвили 2006] проспективный парцеллят представляет собой перечень противоположных по смыслу существительных: охотник / эколог, коммунист / бывший министр от правых, сторонник суверенитета ЕЭС – такова противоречивая и интригующая характеристика человека, имя которого возникает лишь в начале основы:

⁸⁹ Такие конструкции могут объединять слова посредством сочинительного союза или бессоюзно. В последнем случае речь идет об эндоцентричности первого уровня [Touratier 1990: 14].

Франсуа Байру. Интригу поддерживает и парцеллярная сетка с многоточием, позволяющая выдержать многозначительную паузу между частями парцеллемы. Неопределенные артикли также поддерживают этот код. В создании сообщения также активно участвуют фоновые знания о личности известного писателя и политика. Антитезы, артикли, а также нетипичная протяженность проспективного парцеллята, затем наречие *joliment* (*ирон. мило*) и метафора в основе успешно способствуют шифровке / расшифровке иронического кода. Как представляется, автор избрал весьма удачную стратегию кодирования сообщения.

В проспективных парцеллятах происходит обратная реализация обычной схемы: конкретизация в парцелляте предшествует словам с обобщающим значением или лексически неполноценным, малоинформативным словам: дейктическим, именам собственным, местоимениям. Заметим, что это кореферентное замещение всегда постцедентно. Таким образом адресант фокусирует внимание на особой для него значимости элемента действительности, отраженного в парцелляте. Следовательно, ***аттенциальный фокус*** имеет ***предвосхищающий*** характер.

Заметим также еще одну конструктивную особенность: второй тип (номинальные координативные синтагмы) может располагаться только в контактной позиции.

В русском корпусе наблюдаемые проспективные парцелляты не укладываются в рамки каких-либо конкретных групп: это могут быть части сложных высказываний, дискурсивные слова, координативные синтагмы:

- *И вообще, если по-большому...* То есть - по-государственному мыслить, надо объявить конкурсный набор! (АиФ, 19.02.2014)

- *Кстати.* Памятник нашему Алёше в Пловдиве нежно любят. (АиФ, 24.04.2013)

- *Пряно и непосредственно.* Проходит первая индийская Биеннале современного искусства (Коммерсантъ, 25.12.2012)

4.2.1.2. Типы парцеллятов по протяженности

Насколько нам известно, протяженность парцеллятов прежде не попадала в зону внимания исследователей парцелляции. Однако, полагаем, это немаловажный показатель, влияющий на восприятие парцеллята и, ретроспективно, всей парцеллемы. Мы считаем, что размер парцеллята и соотносимый с ним размер основы как количественная характеристика перерастает в дискурсе в характеристику качественную, влияющую на распределение и перераспределения аттенциального фокуса, членения на фигуру и фон, регулирует степень салиентности и, как следствие, восприятие и запоминаемость.

Наблюдения за парцеллемами привело нас к выводу о возможности противопоставления размера частей парцеллемы не по количеству слов (поскольку длина слов в языках не совпадает (4,18 и 5,13 символов соответственно [Hug 2004; Бойков, Жукова, Романова: эл.изд.], а по их протяженности, исчисляемой в символах, что более точно характеризует их размер на фоне основы.

По данному признаку мы выделили три типа парцеллятов: малой, средней и значительной протяженности.

1) **Парцелляты малой протяженности** визуально обозримы, быстро идентифицируются и, полагаем, легче и оперативнее декодируются. К их свойствам можно добавить способность нарушать графическую и интонационную плавность более развернутой, протяженной основы. В таких парцеллемах при переходе от основы к парцелляту выстраиваются оппозиции статика / динамика, нейтральность / экспрессия и, часто эмоциональность. Характеристики, которые даются такими парцеллятами, выглядят отрывистыми, предельно точными, четкими, исчерпывающими.

Проиллюстрируем данный тип примерами:

- Plus ils ont d'espace, plus ils se battent. *Jusqu'au cannibalisme.* (Libération, 26.05.1998)

- En ce début d'été 2013, Nicolas Sarkozy est fébrile. *Inquiet* (Le Monde, 15.05.2014)
- Un gros chèque signé par le groupe d'informatique Cap Gemini, partenaire financier de toujours, et déposé par l'ancien arrière permit d'éteindre provisoirement le feu comptablement. *Mais pas sportivement*. (Le Monde, 22.03.2014)

- Всегда были умные, пусть и злые оппоненты, противники и даже враги. *Достойные*. (Московский комсомолец, 09.05.2002)

- Канцлер Шредер нашел отца. *В Трансильвании*. (Российская газета, 15.09.2001)

- Видел такого человека один раз в Штутгарте, но там тоже всему виной была война. *Ранение*. (Московский комсомолец, 21.07.2014)

- А из зеркала на него смотрел мужчина, который ему не очень нравился. *В последнее время*. (Российская газета, 07.05.2002)

2) **Парцелляты равнообъемные**, или **равной с основой протяженности** включают парцеллемы, длина которых различается не более, чем на 10%. Это переходная группа. Парцеллятный разрыв в ней ощущается не так резко, хотя *важен также и размер самой парцеллемы*: чем она более протяженная, тем более он сглажен:

- Dès lors, tout va très vite. *Et sans tendresse aucune*. (Le Monde, 30.04.1999)

- Un nombre de films ont été adaptés en jeux vidéo. *Avec, en bout de course, des résultats de vente décevants*. (Le Figaro, 16.05.1999)

- Me Bourdon sait de quoi il parle, il est le défenseur d'Hervé Falciani. *Ce qui lui ôte évidemment une objectivité qu'il ne revendique pas...* (Le Monde, 05.03.2014)

- В старинном парке гуляют люди в халатах и спортивных костюмах. *С руками и шеями в гипсе, палками, костылями, иногда на колясках*. (АиФ, 14.02.2014)

- Конституционный суд оценит свое решение. *Выбрав между ним и вердиктом Страсбурга* (Коммерсантъ, 26.02.2013)

- Оно привыкло надеяться. *Надеяться на лучшее.* (АиФ, 09.05.2013)

3) **Парцелляты значительной протяженности,** превосходящие основу. Массивность, тяжеловесность парцеллята по сравнению с основой, казалось бы, противоречит представлению о его предназначении. Однако именно это его свойство – визуальная громоздкость в линейной перспективе, входящая в контраст с более скромной по размеру основой - и вызывает необходимый эффект, становится средством кодирования распределения фокуса внимания:

- Elles donnent l'impression d'un homme aux abois. *Ulcéré d'être accusé de basses manoeuvres financières, qu'aucun élément matériel n'a établi jusqu'ici* (Le Monde, 15.05.2014)

- Il y a deux violences dans l'exposition. *Celle de son organisateur, de ses textes, et celle des images, hantées par le sang, la morve et la morgue.* (Libération, 10.10.2001)

- Renan se serait trompé. *A moins qu'une nation ne soit pas, précisément, l'esprit de clocher institutionnalisé, mais une volonté de vivre ensemble malgré ses différences.* (Libération, 19.10.2007)

- Думаю, дело в пришедшей уверенности. *Которую по микрочастичкам вселяли в своих коллег первые российские призеры, в вере болельщиков, которые даже в день поражения от финнов в хоккейном турнире вели себя корректно.* (Московский комсомолец, 25.02.2014)

- Национальный вопрос тоже условный. *Потому что его нет - есть отсутствие элементарного порядка!* (АиФ, 27.11.2013)

- Это все - жизнь. *Нормальная, человеческая жизнь, в которой случается и то, и другое, и третье.* (Московский комсомолец, 08.06.2013)

В обоих корпусах в области двух и полипарцеллятных структур были зафиксированы как **единый тип протяженности парцеллятов**, так и **их комбинации**:

- парцелляты малой протяженности:

- Roger Federer n'est plus qu'à un match de s'immiscer encore un peu plus dans la légende de son sport. *A un match d'établir un énième record (1). Comme si souvent depuis presque dix ans (2).* (Le Monde, 26.11.2011)

- J'ai montré ainsi la densité de ma conscience politique. *Faible (1). Gonflée à l'hélium (2).* (Libération, 30.06.2007)

- Одна поправка - это не событие года, а событие как таковое. *Может быть, десятилетия (1). А может, событие конца эпохи (2)* (АиФ, 06.03.2014)

- Те люди, что с кровью и потом выращивают скудный урожай, очень не хотят делиться. *И готовы его защищать (1). Даже с оружием в руках (2).* (АиФ, 30.04.2014)

- Там, в умирающей базе мертвого флота, они торжественно отметили свою последнюю "автономку", сфотографировались на память. *И ушли в море (1). На буксире (2).* (Российская газета, 02.09.2003)

- парцелляты равной протяженности:

- Puis Napoléon a rétabli les ors de la magistrature. *Pour la flatter parce qu'il ne la payait pas beaucoup (1). Sans doute pour affirmer la permanence et la force des symboles (2).* (Libération, 19.07.2007)

- Il cite l'Ecclésiaste et le Cantique des cantiques. *Ergote sur certains termes des traductions (1). Appelle des théologiens pour en avoir le cœur net (2).* (Libération, 05.10.2010)

- Мне ближе камерная музыка. *Живая и свободная (1). Когда друзья, единомышленники вокруг (2). Такие же живые и свободные (2)* (Московский комсомолец, 21.07.2014)

- Привычка искать корни проблем в окружении держит намертво. *И в «новую» жизнь человек приносит всё те же заморочки из старой (1). Ругая всё вокруг, дабы не впасть в отчаяние и не проклинать самого себя (2).* (АиФ, 20.12.2013)

- **парцелляты разной протяженности** в разных комбинациях: от малой до значительной протяженности по нарастающей или в обратном порядке, а также в любом порядке:

- *Le livre est prêt. Mais il le garde (1). Attendant le bon moment pour le faire exploser (2).* (Libération, 05.08.2008)

- *Nous sommes en crise. Une crise grave (1). Qui n'est pas terminée (2). Et dès ce matin, on se rend compte que la victoire de François le Normal provoque un séisme sur les marchés (3).* (La Tribune, 07.05.2012)

- *En grattant ici et là, ils ont «levé des coins d'histoire locale». Comme l'origine de ce calvaire, édifié par un agriculteur après le retour de ses quatre fils (1). Vivants (2).* (Libération, 08.10.2008)

- *Je ne dis pas être battu, je dis perdre au sens noble du mot. Perditus(1). Être vaincu (2). Donner l'impression qu'on n'est pas seulement là pour jouer au tennis mais pour livrer bataille (3). Mettre un peu de Thermopyles dans sa soupe sportive (4).* (Libération, 30.06.2007)

- *А почему не День умных? Или их уже не осталось?(1) Или День терпеливых - это было бы актуальнее (2).* (АиФ, 18.10.2014)

- *По-моему, это покаяние. За себя (1). И, кажется, за всё поколение тех, кто считал себя прогрессорами в «неритмичной стране» (2).* (АиФ, 06.03.2014)

- *29 ноября рубль продолжил сдавать позиции евро и доллару. Правда, не так стремительно как в предыдущие два дня (1). Но в любом случае, с начала года национальная валюта «похудела» на 10% (2). И сброс веса был особенно заметен именно в ноябре (3).* (Московский комсомолец, 30.11.2013)

- Это - для слабаков! Для людей (1). Но вы-то не такой, вы - суперработник!(2) (АиФ, 30.12.2013)

Проанализируем полученные данные.

Таблица 9. Типы parcelлятов по протяженности во французском и русском корпусах.

Типы parcelлятов по протяженности	Французский корпус, %	Русский корпус, %
малой протяженности	62,14	59,86
значительной протяженности	25,16	18,04
равной протяженности	8,97	15,88
разной протяженности (для 2Пт и полиПт ⁹⁰ parcelлем)	3,72	6,23

Сопоставительный анализ типов протяженности parcelлятов убеждает, что по этому параметру проявляется важное **сходство**: бóльшую группу составляют parcelляты малой протяженности (62,14% и 59,82%), что подтверждает выдвинутое нами в Главе 2 предположение о мёньшем объеме parcelлята по отношению основе parcelлемы. К сходствам также относится и распределение частотности типов parcelлятов: по убывающей от малой протяженности к разной протяженности.

Различия состоят в размере выделенных групп: во французском корпусе частотность parcelлятов значительной протяженности выше (25,16%), чем в русском (18,04%), а равнопротяженных – ниже (8,97% и 15,88% соответственно). Различие наблюдается также в двухкомпонентных и поликомпонентных parcelлемах: parcelляты разной протяженности составляют 3,72% во французском корпусе и 6,23% - в русском.

4.2.1.3. Типы parcelлятов по степени удаленности

Вопрос о степени удаленности parcelлята решается в работах, посвященных исследованию parcelляции, по-разному. Обычно выделяется две позиции: контактная и дистантная [Рыжикова 1978; Ступакова 1975; Хаймурзина 2008; Добрычева 2012]. Первая подразумевает расположение

⁹⁰ 2Пт – двухparcelлятные структуры; полиПт – полиparcelлятные структуры.

парцеллята контактно по отношению к подчиняющему его слову. Вторая - дистантная - позиция предполагает удаленное расположение парцеллята. В работе Т.Г. Сербиной эти позиции объединяются под названием «контактный парцеллят», а под «дистантным парцеллятом» понимается отделение парцеллята от основы другим предложением [Сербина 1988].

При первом подходе остаются необъясненными позиции парцеллятов, отделенные от основы другими предложениями. Во втором случае под понятие «контактный парцеллят» подводятся случаи парцеллем, в которых нет непосредственного контакта парцеллята с подчиняющим его словом. Эта путаница связана с отождествлением двух разных позиций «позиция по отношению к подчиняющему слову» и «позиция по отношению к основе». Отсюда вытекает необходимость уточнения формулировки описываемых особенностей и, как следствие, выделения двух групп парцеллятов, обладающими специфическими особенностями.

Характеристика парцеллята по степени удаленности от подчиняющего его слова

Анализ корпуса позволил выделить два возможных расположения парцеллята:

1) **контактное**, при котором парцеллят следует непосредственно за словом, от которого он зависит синтаксически, или предшествует ему:

- *Seule l'unité pourra sauver la nation russe. Il faut la réaliser. Armes à la main si nécessaire.* (Libération, 15.12.1995)

- *La pelouse de Jean-Pierre, 47 ans, est en pente. Bien entretenue.* (Libération, 08.08.2007)

- Передвигаться самостоятельно генсек не может, так что необходимо доставить специальный эскалатор. *Немецкий.* (АиФ, № 43, октябрь 2002)

- Совет Безопасности - не Совет, а какой-то остров Пасхи с его истуканами! *Которые не могут ничего понять, ни нужных решений принять.* (АиФ, 17.09.2014)

В контактном положении происходит разрыв инфрасинтагматических отношений. Парцеллятная подача сообщения слишком явно нарушает пунктуационные каноны и обостряет восприятие графического объекта, выделенность которого распознается сразу же.

2) **псевдоконтактное** расположение предполагает удаленное расположение парцеллята по отношению к главному слову, разрыву подвергаются инфрасинтагматические отношения, как субординативные, так и координативные:

- Il préfère s'abstenir. *Garder une position ferme.* (Le Figaro, 05.07.2000)
- Son ballet est à son image. *Plein de vie.* (Humanité, 06.02.2003)
- После этого она попала в чапаевскую дивизию. *Случайно.* (Российская газета, 11.09.2001)
- А самое главное, мы можем научить наших детей тому, что из любой ситуации есть выход. *Что убийство и самоубийство - не единственный путь.* (АиФ, 05.11.2014)

Во французском языке порядок слов строго фиксирован и тенденция к дистаксии⁹¹ не свойственна, что обуславливает нетипичность случаев выноса в псевдоконтактный парцеллят сегментов, связанных с главным словом субординативными отношениями. Корпус содержит незначительное количество подобных примеров:

- Le Pen expulse en masse «des extrémistes» et «des racistes». *Déjà.* (Le Figaro, 09.12.1998)

Прием реинтеграции парцеллята позволяет вернуть наречие на «свое», после глагола, место:

* *Le Pen expulse déjà en masse «des extrémistes» et «des racistes».*

3) **свободное** расположение. Эту разновидность составляют парцелляты, не подчиняющиеся какому-либо конкретному слову в основной

⁹¹ Дистаксия - дистантное расположение грамматически и семантически связанных компонентов. [Гак 1981: 105]

части. Речь идет о разрыве супрасинтагматических отношений. Сюда входят две группы:

- *парцелляты* - «экстра-предикативные сирконстанты» [Gautier 2006: 303], или, в отечественной терминологии, детерминанты - некоторые падежные (предложно-падежные) формы и наречия в составе предложения, которые выступают в периферийной по отношению к глаголу позиции, определяя все предложение в целом. Детерминанты связаны с конструктивным центром подлежащее-сказуемое или главным членом односоставного предложения, «не обусловлены его грамматической формой или лексическим значением» [Акимова 1990: 143], соединяются с ним связью «свободного присоединительного характера» [Золотова 2003: 31].

- *парцелляты* – части сложносочиненного предложения:

- Сколько ядовитых стрел досталось Союзу биатлонистов России за эти 17 дней - и не сосчитаешь. *Но выступления в эстафетах совершенно изменили градус восприятия произошедшего.* (Московский комсомолец, 25.02.2014)

- Nos sociétés de droits sont des coopératives ouvrières et je tiens au mot. *Car nous gérons nous-mêmes notre maison.* (Humanité, 31.01.2014)

В псевдоконтактной и свободной позиции разрыв несколько сглажен, имеет характер уточнения, дополнения или пояснения, но также экспрессивен, особенно при разрыве инфрасинтагматических отношений (псевдоконтактное расположение).

Характеристика парцеллята по степени удаленности от основы

По этому критерию мы выделили три группы возможных позиций парцеллятов:

- 1) **примыкающее расположение** парцеллята описано выше: парцеллят находится в непосредственной близости от основной части (см. выше).

2) **дистантное расположение** является ярким проявлением синтагматической дисконтинуальности⁹². Характерно для парцеллятов, отделенных от основы другим(и) предложением(ями):

- *En existe-t-il d'autres? Une intervention militaire classique du type «Tempête du désert»? (1) Inadaptée et coûteuse? (2) Après tout, les réseaux de ben Laden sont dispersés et pas vraiment nombreux. Cinq mille hommes ne font pas une armée. Une attaque commando à la manière israélienne? (3) (Le Figaro, 23.08.1998)*

Третий парцеллят удален от основы и первых двух парцеллятов другим предложением. Подобные примеры из русского корпуса:

- *Настолько это бесцветные, мрачные существа. Слава богу, что они хотя бы материально хорошо обеспечены, иначе их совсем жалко было бы. А Софи Лорен совершенно из другого теста (АиФ, 13.12.2014)*

- *Внутри себя Россия сплотилась. Рейтинги Путина побили очередной рекорд. Но с внешней репутацией нашей страны происходит самая настоящая катастрофа (Московский комсомолец, 22.07.2014)*

- *Пишет стихи в клетчатую тетрадку, лёжа целыми днями (перелом шейки бедра), про «красивые глаза у кошек». Анастасия Сибирская - её псевдоним.*

И потрясает раздирающей прозой: «Слушайте-слушайте-слушайте! Я - Родина-мать - дни и ночи храню память о тех, кто своим горячим сердцем возвысился над страхом смерти... (АиФ, 24.04.2013)

- *В Минэкономразвития имен и явок не называют. Не их профиль. Но перечисляют отрасли-аутсайдеры. (Московский комсомолец, 10.02.2014)*

Сегмент, отдаляющий парцеллят от основы, может представлять собой одно или несколько предложений, которые выступают в функции парантезы, комментирующей, разъясняющей или сообщающей авторскую оценку описываемой ситуации.

⁹² О синтаксической дисконтинуальности см. [Marandin 1998].

Выделение этих позиций нам представляется необходимым, так как дифференцирует как конструктивные особенности парцеллятов, так и их участие в идентификации / восприятии и в текстообразовании.

Статистика по корпусам сведена в следующей таблице.

Таблица 10. Степень удаленности парцеллятов от основы парцеллемы.

Тип ПТ по степени удаленности от основы	Французский корпус, %	Русский корпус, %
примыкающий	98,47	97,77
дистантный	1,53	2,23

Сопоставительный анализ показывает ярко выраженное **сходство** в распределении примыкающих и дистантных парцеллятов – незначительная разница составляет $\Delta = 0,7\%$:

1) примыкающие парцелляты в обоих корпусах преобладают (98,47% и 97,77%);

2) в корпусах фиксируется малая частотность дистантных парцеллятов (1,53% и 2,23%), очевидно, связанная со сложностью, подчеркнутой расчлененностью подобной структуры, осложнением отношений между ее компонентами и восприятию.

4.2.1.4. Количественный признак при определении типа парцеллемы

Количественный параметр характеризует способность парцеллемы к расщеплению аттенциального фокуса.

По данному параметру нами выделяются три типа парцеллем:

1) **однопарцеллятные структуры**, включающие основу и парцеллят, на который направлен «аттенциональный луч»:

- Les juges Patricia Simon et Claire Thépaut, forts des mails et documents saisis lors des perquisitions du 4 mars, vont donc continuer leur enquête. *Sous haute pression* (Le Monde, 13.03.2014)

- Владимир Якунин открестился от неудобного доклада. *Но КПРФ им уже воспользовалась* (Коммерсантъ, 15.03.2013)

В однопарцеллятных конструкциях аттенциальный фокус «выделяет в текущем конструируемом семантическом пространстве и ситуации один из элементов в качестве центра, относительно которого – как его кругозорный фон – группируются все остальные <...> "участники" семантического состава предложения» [Гоготишвили 2006: 109].

Этот тип является наиболее представленным как во французском, так и русском корпусах.

В высказываниях происходит постоянная смена фокусов внимания, и многократная парцелляция говорит об интенции адресанта направить и удержать фокус на нескольких аспектах или характеристиках ситуации. То есть такая «упаковка» позволяет продуценту речи последовательно наводить аттенциальный фокус на каждый парцеллят, что свидетельствует о **расщепление фокуса внимания** на различные элементы ситуации или характеристики объекта / ситуации.

Многократную парцелляцию подразделяем на двухпарцеллятную и полипарцеллятную:

2) **двухпарцеллятные построения**, состоящие из основной части и двух парцеллятов, на которых сосредоточен **двойной фокус**:

- Tout est encore là, à vif. *Brûlant. (1) Asphixant. (2)* (Libération, 26.05.1998)

- La perspective d'une loi d'amnistie des délits politico-financiers est inacceptable. *Scandaleuse. (1) Révoltante. (2)* (L'Humanité, 8.07.2002)

- Ему начали предлагать роли романтические, но не пошлые. *Драматические, но не банальные. (1) С любовной интригой, но и еще с участием сверхъестественных сил. (2)* (Московский комсомолец, 24.05.2001)

3) **полипарцеллятные построения**, в состав которых входят три и более парцеллятов. Аттенциальный фокус в них **расщепляется многократно**:

- Il tutoie les hommes, vouvoie (presque toutes) les femmes, en la compagnie desquelles il se sent plus à l'aise. *Avale plus qu'il ne mange.*(1) *Se casse la gueule à vélo.*(2) *N'aime pas la révérence, laisse difficilement s'établir la complicité* (3) (Libération, 05.12.2007)

- Да, есть умные родители, есть талантливые учителя. *Те, кто обучают думать.*(1) *Думать системно.*(2) *Понимая, что надо всматриваться в причины и следствия, что решений может быть много, что не для всех задач существуют ответы.* (3) (АиФ, 28.01.2014)

Целесообразность выделения трех групп основывается не только на типе фокуса (двойной, многократный), но и на использовании в них разного набора синтаксических принципов парцеллирования. В однопарцеллятных конструкциях реализуется линейный принцип построения. Принципы парцеллирования в двухпарцеллятных конструкциях расширяются за счет параллельного членения. Выделенные типы являются базовыми для полипарцеллятных конструкций, строящихся на этих двух принципах и/или их комбинациях (подробнее см. параграф 4.2.2.1).

Максимальное количество парцеллятов, зафиксированное в корпусе – 7, что, как полагаем, связано с возможностями оперативной памяти человека и коррелирует с числом 7 ± 2 (гипотеза глубины В. Ингве), который, опираясь на результаты психологических исследований писал: «Мы можем вспомнить сразу лишь около семи грамматических или синтаксических ограничений. Гипотеза глубины гласит, что, приняв во внимание ограничение памяти, можно понять многие сложные черты английского синтаксиса. Синтаксис английского языка располагает разнообразными средствами для того, чтобы автоматически удерживать высказывание в пределах, определяемых ограничением, а также многими средствами, позволяющими успешно обойти это ограничение таким образом, чтобы компенсировать потерю экспрессивной силы из-за указанной ограниченности объема непосредственной памяти. Гипотеза глубины предсказывает, что *все* языки

имеют усложненные синтаксические особенности, служащие той же цели» [Ингве 1965: 126-127].

Следующая ниже таблица отражает статистические данные по корпусам.

Таблица 11. Типы парцеллем по количеству парцеллятов.

Типы парцеллем	Французский корпус, %	Русский корпус, %
однопарцеллятные	86,54	79,97
двухпарцеллятные	10,07	13,97
полипарцеллятные	3,39	6,06

Как свидетельствуют данные таблицы, наибольшее распространение имеют однопарцеллятные структуры, характеризующиеся относительной синтаксической простотой. Степень встречаемости однопарцеллятных структур достаточно высока в обоих корпусах, но выше во французском (86,54% и 79,97%; $\Delta = 6,57\%$). Двухкомпонентные парцеллемы составляют 10,07% и 13,97% ($\Delta = 3,9\%$). В сфере поликомпонентных парцеллем различия более ощутимы: во французском корпусе данный тип встречается почти в два раза реже (3,39% и 6,06%). Невысокую частотность парцеллятов последнего типа можно объяснить причинами грамматического и семантического характера: синтаксическая связь парцеллятов и их семантические отношения с основной частью усложнены. Однако, в отличие от однопарцеллятных построений, двухкомпонентные и поликомпонентные парцеллемы создают градационное нарастание эмоциональных акцентов в высказывании, динамичность повествования и экспрессивно насыщают текст.

В целом, по количеству парцеллятов в пределах одной парцеллемы наблюдаются следующие **сходства и различия**:

1) безусловное преобладание однопарцеллятных структур в обоих корпусах;

2) более высокая частотность двухпарцеллятных структур при сравнении с полипарцеллятными;

3) меньшая частотность полипарцеллятных конструкций во французском корпусе при сравнении с русским.

4.2.1.5. Семантика парцеллятных отношений

В исследованиях, проведенных на материале разных языков утверждается, что в парцеллят могут выноситься как все члены простого предложения, так и части сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Однако анализ нашего корпуса позволяет со всей уверенностью утверждать, что не все семантико-синтаксические отношения могут подвергаться парцелляции. Другими словами, потенциал парцелляции в этом плане имеет определенные рамки. Обычно исследователи ограничиваются заявлениями, что парцеллятная граница может проходить перед любой частью предложения, в том числе и между подлежащим и сказуемым (см., например, [Пинегина 2005]). Б. Комбетт среди ограничений называет только невозможность отчленения именного сказуемого, например, *Il semble. Surpris. и прямых дополнений *Ceci comporte. Des avantages. [Combettes 2007: 119]. Отсутствие специальных исследований по обозначенной проблеме понятно, так как реализация подобной задачи возможно только на большом массиве эмпирического материала и с применением инновационных технических средств. Поскольку теперь эта задача решаема, мы обратим на первом этапе фокус нашего исследовательского внимания на систематизацию парцеллятных отношений, а затем обратимся к выявлению тех отношений, которые парцелляции недоступны.

Семантика отношений, подвергаемые парцеллятному разрыву, неоднородна. Анализ материала позволил выделить два типа парцеллятных отношений, которые объединяют ряды подтипов. В процессе работы с корпусом классификация углублялась и корректировалась по мере

фиксирования новых единиц анализа. Эти два типа – отношения ассиметрии и симметрии.

Ассиметрические парцеллятные отношения устанавливаются между парцеллятом и основой в случае *отсутствия коррелята*, под которым понимаем члена пары или ряда взаимно обусловленных, соотносительных языковых единиц. Парцелляты, связанные с основой ассиметрическими отношениями выстраивают новую семантико-синтаксическую программу, поскольку заполняют вакантную позицию. Предназначение ассиметрических парцеллятов определим как введение новых когнитивных представлений в контекст дискурса.

Подобные отношения связывают части парцеллем в 22,21% случаев, зафиксированных во французском и 14,29% - русском корпусах. Эти случаи распределены нами по 16 типам. Проиллюстрируем каждый тип примерами:

- **объектные парцелляты** (парцелляты с бенефактивной, инструментативной, комитативной и др. семантикой):

- C'est évidemment lourd de signification. *Pour l'Europe et pour la vie politique française.* (Humanité, 29.06.1999)

- La patronne des éditions Zulma, Laure Leroy, s'est finalement laissé séduire. *Par Nii Ayikwei Parkes, mais aussi par la génération des afropolitains de langue anglaise* (Le Monde, 03.12.2014)

- По-моему, это покаяние. *За себя. И, кажется, за всё поколение тех, кто считал себя прогрессорами в «неритмичной стране»* (АиФ, 06.03.2014)

- Украина перекрыла железные дороги. *Для пассажиров поездов дальнего следования* (Коммерсантъ, 14.02.2013)

- **изъяснительно-объектные** (в русском корпусе отсутствуют):

- Il va lui falloir calmer les esprits ! *Surtout que les lendemains risquent d'être difficiles.* (La Tribune, 06.05.2012)

- **атрибутивные** (парцелляты, характеризующие субъектов и объектов описываемой ситуации):

- La pelouse de Jean-Pierre, 47 ans, est en pente. *Bien entretenue.* (Libération, 08.08.2007)

- On en réalise une seconde, dans la nuit, qui finira à la poubelle, le lendemain. *Découpée en fines bandelettes* (Le Monde, 05.06.2014)

- Что еще? Ну, конечно, эмоции. *Яркие, по-хорошему сумасшедшие.* (Московский комсомолец, 25.02.2014)

- Помню, как в середине 90-х у нас на доме висел предвыборный плакат (кажется, это были какие-то местные выборы) господина Савенко (Лимонова). *С крупным лозунгом: «У Савенко - честное лицо!».* (АиФ, 13.01.2014)

- **предикативные** (во французском корпусе отсутствуют):

- Незнакомые люди!.. - подчеркнул Владимир Путин.- *Обнимали!* (Коммерсантъ, 25.02.2014)

- **темпоральные**:

- Les indéchiffrables hiéroglyphes alimentaient le mystère qui planait autour de l'Égypte antique. *Jusqu'à ce que Champollion en vienne à bout.* (Libération, 19.07.2007)

- Je pensais que mon destin était celui de mon pays. *Jusqu'à l'échec du putsch.* (Libération, 23.12.1995)

- Памятники русским воинам на Украине назначили чуть ли не главными врагами. *Причём давно.* (АиФ, 07.05.2014)

- В промежутке, правда, явные метания, вплоть до работы во Временном правительстве. *И когда - в октябре 1917 года!* (АиФ, 12.03.2014)

- **пространственные** (парцелляты с директивной, аблативной, транзитивной и т.д. семантикой):

- Une lectrice nous écrit : «Bonjour, je souhaiterais faire du pédalo sur un petit lac qui s'étendrait paresseusement au pied d'une forteresse médiévale. *De préférence pas trop loin de Paris.* (Libération, 26.04.2008)

- Rossé et humilié quotidiennement au collège, menacé par un frère alcoolique, raillé par un père infantile et tyrannique, montré du doigt par tous et toutes, « Bellegueule, la pédale » finit par rompre avec les siens - et fuir. *A Amiens d'abord, où il achève ses études secondaires, puis à Paris, où il est admis à l'Ecole nationale supérieure de la rue d'Ulm* (Le Monde, 16.01.2014)

- Значит, это «чернухинские» сбили самолет. *С Чернухинского блокпоста* (Московский комсомолец, 22.07.2014)

- Нет, я её не носил. *Ни на сумке, ни на кепке, ни тем более на ботинках, как кое-кто уже повадился* (АиФ, 06.05.2014)

- **каузальные:**

- D'un autre côté, ces résultats étaient inéluctables. *A cause de la misère qui frappe beaucoup de mes compatriotes.* (Libération, 23.12.1995)

- Aucun ne changera ma vie, lâche Kolia, 20 ans; mon père vote communiste. *Par habitude.* (Libération, 14.12.1995)

- Сними с Шойгу мундир, а с Лаврова элегантный костюм - они и в исподнем будут выглядеть министрами. *Потому что «Не место красит человека, а человек - место»* (АиФ, 30.10.2013)

- Раньше, даже если кто-то из политиков и придерживался таких взглядов, то держал их при себе. *Потому что это противоречит американской идеологии - ведь Америка стала независимой, восстав против власти Британской империи.* (Российская газета, 02.09.2003)

- **следственные:**

- Dans le même temps, nous avons tous rencontré des doutes, des réticences, voire des démarches et des comportements qui en contredisaient le sens. *Au point d'en amoindrir la signification et la portée chez ceux qui nous regardaient.* (Humanité, 29.06.1999)

- Désormais tous les professionnels du livre peuvent s'adresser directement à eux. » *Au point que Glenn Tavenec, éditeur chez Robert Laffont, estime toucher*

2 millions de personnes en ciblant cinq blogs, parmi les plus fréquentés (Le Monde, 26.11.2014)

- Кризис в стране отражен в беспорядочных и истеричных связях, происходящих в основном в грязи, которой покрыт пол. *Так что все голые, грязные и несмешные (Московский комсомолец, 21.07.2014)*

- Вот только президент заявил тогда экс-министру, что он хороший экономист, но плохо разбирается в социальных проблемах. *Так что, по мнению Путина, с производительностью труда у нас всё нормально. (Московский комсомолец, 19.09.2013)*

- целевые:

- Il est déçu, mais il reviendra l'année prochaine. *Pour essayer de mieux faire. (Libération, 30.06.2007)*

- Puis Napoléon a rétabli les ors de la magistrature. *Pour la flatter parce qu'il ne la payait pas beaucoup. Sans doute pour affirmer la permanence et la force des symboles. (Libération, 19.07.2007)*

- Теперешней власти надо бы сделать соответствующие выводы и госбюджетничать подальновиднее. *Чтобы творцы не наступали на горло собственной песне (АиФ, 29.10.2014)*

- "Росатом" собирает тепло. *Чтобы вывести свои ТЭЦ из убытков (Коммерсантъ, 02.02.2013)*

- условные:

- Actuellement, et d'une manière sans doute durable, nous assistons à la mutation de la Chine en force de stabilité, d'autant que cette stabilité profite à son propre développement économique. *A condition, bien sûr, que les Etats-Unis sachent limiter leurs ambitions. (Le Figaro, 01.06.2003)*

- Pour tout ce qui est de la tradition, il n'y aura pas de problème. *Même si, à Bruxelles, les anticorridas ont de gros moyens.» (Libération, 16.03.2007)*

- Если экономические проблемы приведут к распаду России, Украина может получить шанс на возвращение Крыма. *Конечно, если наша страна сама не будет лежать в руинах* (Московский комсомолец, 22.05.2014)

- Можно, конечно, глотать всё подряд и, где станет легче, там помечать крестом. *Если не забудешь* (АиФ, 12.06.2014)

- **уступительные:**

- Les débats actuels sur le travail du dimanche restituent le modèle français à sa juste place : malgré sa volonté universaliste et généralisatrice - qui vient notamment de la Révolution française et de l'Eglise -, la France est aussi le pays où il y a le plus de dérogations. *Contrairement aux autres pays, peu régulateurs, mais qui accordent peu de dérogations.* (Libération, 28.07.2007)

- И никогда он не жаловался. *Хотя здоровье было сильно подорвано.* (АиФ, 07.10.2014)

- Я сыграл порядка 150 новых произведений. Понятно, что в сухом остатке оседают единицы, но чтобы это понять, надо вскрыть большие пласты. *Хотя, по статистике, львиная доля современных оперов исполняется лишь раз.* (Московский комсомолец, 21.07.2014)

- **парцелляты, характеризующие действие** (способы и характер совершения действия):

- Une demi-heure de discussion et l'affaire était faite. *Sans que jamais les deux hommes n'évoquent la mission du nouveau venu.* (Libération, 25.07.2007)

- Claude Mathon est l'avocat général chargé de requérir à l'audience, il aborde devant ses collègues le fond de l'affaire. *Avec prudence* (Le Monde, 22.11.2014)

- Boualem Sansal habite ici, aux portes de la Kabylie. *Dans une solitude sidérale.* (Le Monde, 07.07.2013)

- По его мнению, еще до прихода американцев в эту страну Саддам Хусейн отправил все оружие за границу. *Не иначе, как бандеролью.* (Российская газета, 01.09.2003)

- Практически никогда ребенку не истолковывают смысл требований. Во всяком случае, в понятной ребёнку форме. (АиФ, 12.11.2013)

- характеризующие меру, степень:

- «Soudain, plein de monde s'est intéressé à nos enquêtes.» *Parfois trop.* (Libération, 04.09.2010)

- Embarquer pour une «chasse aux people», une visite de Paris, façon paparazzi. *Pour 29 euros par personne.* (Libération, 20.02.2008)

- Подобное молчаливое одобрение, порой скрываемое под маской неведения, опасно. *И даже очень.* (АиФ, 09.05.2014)

- компаративные:

- Les gosses avaient un fleuret et une dague dans chaque main. *Comme cela se passait jadis dans les duels.* (Libération, 29.10.2001)

- Une fin inquiétante, certes, mais où le dernier mot n'est pas dit. *Comme si la Chine, sous la plume des romanciers français, gardait toujours une porte ouverte* (Le Monde, 14.03.2013)

- Объект - депутаты, которые, якобы, не учат матчасть и вообще непонятно чем занимаются. *Прямо как у Чехова: «Пишут, пишут, лишь бы написать».* (АиФ, 21.03.2014)

- И впоследствии богоискательство Бердяева было сродни богоборчеству. *Точь-в-точь как у «русских мальчиков» Достоевского* (АиФ, 12.03.2014)

- источник информации:

- Конституционный суд не решил всех проблем закона о митингах. *Считает Венецианская комиссия* (Коммерсантъ, 12.03.2013)

- Слышали хоть раз такое? *От коллег, друзей, близких, от себя, в конце концов?* (АиФ, 30.12.2013)

- дискурсивное слово:

- *Кстати.* Памятник нашему Алёше в Пловдиве нежно любят. (АиФ, 24.04.2013)

Разнородные парцелляты фокусируют в парцеллятах (двух- и более парцеллятных построений) различную семантику: (1) локализация объекта в пространстве и его характеристика; (2) время и характер совершения действия; (3) характеристика пространства и объекта; (4) характеристика объекта, цели действия и возможного результата (следствия):

(1) Des hôpitaux ont non seulement des rez-de-chaussée inondables mais, en plus, des blocs électrogènes de secours... *En sous-sol. Inopérants en cas d'inondation et de coupure d'électricité.* (Libération, 15.08.2007)

(2) Donc, face à un piège comme celui-ci, on a que le choix de la manière de composer. *Plus ou moins tôt, plus ou moins tard. Plus ou moins copieusement. Avec plus ou moins d'enthousiasme, et plus ou moins de réticence.* (Libération, 18.12.2007)

(3) Depuis que l'aïeul a trouvé le filon, ici, à Neuville-Coppegueule, dans ce petit village picard à trois quarts d'heure d'Amiens, c'est une forêt de chaises qui encombre la maison Tourneur. *Du sol au plafond, empilées ici, accrochées en l'air là. De toutes tailles, de tous styles, de tous bois.* (Libération, 04.08.2008)

(4) Того и гляди депутаты в обход Кремля, министерств обороны и иностранных дел объявят Америке войну. *Не настоящую, конечно, а так, понарошку. Чтобы и повопить вволю и в штыковую атаку не ходить. А то вдруг ранят или убьют...* (АиФ, 08.05.2013)

Перейдем к сопоставительному анализу представленности каждого типа в корпусе.

Таблица 12. Типы асимметрических парцеллятов

Асимметрические парцелляты	Французский корпус, %	Русский корпус, %
объектные	6,9	3,91
изъяснительно-объектные	0,5	0
атрибутивные	8,87	12,29
предикативные	0	1,12
темпоральные	16,26	5,59
пространственные	3,45	3,35

каузальные	17,73	21,79
следственные	4,43	6,15
целевые	7,39	10,06
условные	5,41	5,59
уступительные	0,99	15,08
характеризующие действие	14,29	6,15
характеризующие меру, степень, стоимость, вес и др.	2,46	0,56
компаративные	7,88	3,91
указывающие на источник информации	0	1,68
дискурсивное слово	0	1,68
разнородные (для 2Пт и полиПт парцеллем)	3,45	1,12

Итак, анализ позволяет сделать следующие выводы относительно **сходств** в сфере асимметрических парцеллятов:

1) в обоих корпусах преобладают каузальные парцелляты (17,73% во французском корпусе и 21,79% в русском), указывающие на причину ситуации, описанной в основе парцеллемы;

2) примерно одинаково в корпусах представлены пространственные парцелляты (3,45% и 3,35%) и условные парцелляты (5,41% и 5,59%).

Различия подразделяются на более (пункты 1-3) и менее (пункты 4-5) существенные:

1) парцелляты с уступительной семантикой в русском корпусе превышают в 15 раз количество французских парцеллятов с данной семантикой (0,99% и 15,08%);

2) парцелляты с темпоральным значением встречаются во французском корпусе примерно в 3 раза чаще, чем в русском (16,29% и 5,59%); то же касается разнородных парцеллятов, являющихся частями двух и полипарцеллятных структур (3,45% и 1,12%);

3) во французском корпусе примерно в 4 раза больше парцеллятов, характеризующих меру, степень и т.д. (2,46% и 0,56%); в 2 раза больше парцеллятов, характеризующих действие (14,29% и 6,15%);

4) примерно в 1,5 раза чаще во французском корпусе встречаются парцелляты со значением объекта действия (6,9% и 3,91%) и компаративные парцелляты (7,88% и 3,91%);

5) частотность атрибутивных (8,87% и 12,29%), целевых (7,39% и 10,06%) и следственных (4,43% и 6,15%) парцеллятов в 1,5 раза выше в русском корпусе.

Специфическим для русского корпуса является наличие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации и парцеллятов-дискурсивных слов.

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что во французских парцеллемах аттенциальный фокус чаще всего направлен на причины и темпоральную характеристику конструируемой продуцентом речи ситуации. Также важны характеристики описываемых действий, их цель и характеристики объектов или субъектов ситуации. Русские парцелляты чаще других аспектов «высвечивают аттенциальным лучом» причины ситуаций, цели предпринимаемых действий, характеристики объектов или субъектов ситуации, а также выводят в фокус уступку.

Симметрические парцеллятные отношения.

Эта группа объединяет 73,74% парцеллем французского и 78,93% - русского корпусов. Данный тип отношений свойственен парцеллятам, имеющим коррелят в основе (функционально и/или семантически тождественный, координативный). Такие парцелляты не выстраивают новой семантико-синтаксической программы. Их предназначение заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении /исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений о контексте дискурса.

Проиллюстрируем выделенные типы симметрических парцеллятов:

- субъектные:

- *Autour de lui s'agitent les fidèles. Libéraux de toutes conditions. Des policiers mis sur la touche pour leur attachement à la légalité. Des fonctionnaires de l'hôtel de ville débarqués par son remplaçant, une créature du gouverneur. Des journalistes licenciés, coupables d'avoir critiqué le nouveau pouvoir imposé par Moscou pour tenir les «marches maritimes», à sept heures de vol, trois jours de*

train et six fuseaux horaires de la capitale, sur les bords de l'océan Pacifique.
(Libération, 16.12.1995)

- Tout a été prévu pour le confort des militants salariés. *Même la cantine.*
(Libération, 30.04.2008)

- Выясняется, что им страшно мешают русские. *Вернее, наше символическое присутствие - в бронзовом, гранитном или железобетонном виде. Памятники советским воинам-освободителям.* (АиФ, 07.05.2014)

- В зал прошли совершенно невозмутимый герой России трехкратный Виктор Ан, однократные Юлия Липницкая, Аделина Сотникова, Александр Легков, двукратные Алексей Воевода, Александр Зубков... *И, наконец, позавтракавший Владимир Путин.* (Коммерсантъ, 25.02.2014)

- объектные:

- "Lorsqu'on parle de ce qu'a été le trafic négrier pour l'Afrique, soulignait alors Léonora Miano, on oublie ces millions d'anonymes à qui quelqu'un a été arraché. *Les mères. Les promises. Les fiancés. Les frères.* (Le Monde, 06.11.2013)

- Giulia Salvatori est de la famille des bravaches. *De ceux qui relèvent le menton et s'entêtent à donner le change quand bien même la désolation s'impose.*
(Libération, 08.08.2007)

- Теперь она яростно отстаивает свои «оппозиционные идеалы». *Анталию, например. Египет. Безвизовый въезд в ЕС.* (АиФ, 14.03.2014)

- Земли вновь украсились плохо сделанными грядками. *И задами в употевших и выгоревших тренировочных штанах. И бессистемными трассирующими выстрелами заборов из сетки-рабицы* (АиФ, 30.04.2014)

- изъяснительно-объектные в составе ряда:

- Il a beau multiplier les «discours fondateurs», Bockel redoute que son retour aux affaires ne soit qu'éphémère. *Qu'il perde la mairie de Mulhouse en mars et il aura tout perdu.* (Libération, 25.07.2007)

- Maintenant, il est obligé de mentir à la communauté mondiale en prétendant que la discrimination à l'encontre des lesbiennes, gays, bisexuelles et

transgenres (LGBT) en Russie n'existe pas. *Que la loi protège les enfants. Qu'elle vise à améliorer la situation démographique dans le pays.* (Le Monde, 20.02.2014)

- Мы, собственно, за это его всегда ругали. *Что всякие там друзья с их хотелками для Путина бывают много важнее и политики, и экономики.* (Московский комсомолец, 10.06.2013)

- Невдомек им до сих пор, что основная причина развала - деградация всей советской системы в целом, включая всю КПСС, а не отдельных ее руководителей. *И что нынешние беды и проблемы вытекают из прошлых глубоких системных ошибок и преступлений.* (Московский комсомолец, 28.08.2013)

- атрибутивные:

- C'est triste comme le cinéma est devenu triste. *Adolescentisé et multiplexisé.* (Libération, 30.06.2007)

- De surcroît, ce sont de belles lettres, démentes et lucides, jalouses et impitoyables. *Bref, écrites.* (Libération, 17.04.2008)

- Пьедестал памятника, «Гром-камень», первоначально предполагали оставить в натуральном виде. *Грубым и стихийным.* (АиФ, 31.03.2014)

- А вот не очень-то и большая британская колония. *Заокеанская.* (АиФ, 01.04.2014)

- присубстантивно-атрибутивные:

- Elle est la fille des acteurs Renato Salvatori et Annie Girardot. *Qui lui a manqué enfant, et qui est désormais atteinte de la maladie d'Alzheimer.* (Libération, 08.08.2007)

- Menacé, le père de Trisha s'était procuré un revolver. *Qu'il a caché dans « le ventre muet » d'une couette rouge.* (Le Monde, 02.01.2014)

- J'en connais une très bien : ma femme de ménage, qui parle quatre langues, le polonais, l'allemand, l'anglais et l'espagnol. *Et qui vient de se mettre au catalan.* (Libération, 07.06.2008)

- Для фестивального кино открыть особый кинотеатр. *Где не зритель, а зрителю платили бы деньги, чтобы он смотрел на экран.* (АиФ, 29.10.2014)

- Все проклинают Киев, Порошенко и... Россию. *Которая дала надежду и бросила на произвол карателей», - пишет он.* (Московский комсомолец, 04.07.2014)

- Мы решили населить Мир Полудня теми людьми, которые уже есть сейчас. *Которые уже годятся для коммунизма.* (АиФ, 06.03.2014)

- предикативно-атрибутивные:

- Il est clair, rapide, dense. *Et troublant puisque, le 12 juin, le Parlement européen refusait de la distribuer à ses députés.* (Libération, 30.06.2007)

- Alors, on était plus utile en soldats. *Ou morts.* (Libération, 14.12.1995)

- Люди интересуются или спорят, возмущаются или радуются, но это люди. *Личности.* (АиФ, 05.12.2013)

- Это «замерзание» строительства. *И серьезный спад в производстве и распределении газа, электроэнергии и воды, который продолжался в прошлом году три месяца подряд.* (Московский комсомолец, 10.02.2014)

- предикативные:

- C'est d'un élégant hôtel particulier du quartier Tivoli que Marc Lecoq règne sur le Medef-Gironde. *Et décroche ses piques légendaires.* (Le Figaro, 01.06.2003)

- Serein puis besogneux et combatif, Roger Federer a brisé les rêves d'une première victoire française au Masters. *Et donné, en outre, un inhabituel visage humain à son triomphe.* (Le Monde, 27.11.2011)

- Мы уже это почувствовали на собственном опыте. *И знаем, что ситуация в нашей стране также оказывает большое влияние на мировые процессы, сказывается на других странах.* (Российская газета, 01.09.2003)

- Есть электросчётчики, счётчики воды - надо бы изобрести счётчики жадности и глупости. *Установить во всех госучреждениях и в Госдуме.* (АиФ, 16.07.2014)

- темпоральные:

- Depuis le début de l'année, l'or a grimpé deux fois à presque 1 000 dollars l'once. *En mars, puis en juillet. Et en septembre, voilà qu'il s'effondre !* (Libération, 07.10.2008)

- Ensuite, il sera possible, dans le même esprit, d'aller vers la suppression de la Cour de justice de la République. *C'est-à-dire pas avant 2015.* (Le Monde, 25.06.2014)

- Я сплю и вижу пустые трибуны на играх питерского клуба, от матча к матчу. *На протяжении всего сезона.* (АиФ, 11.05.2014)

- Труд появился потом. *Когда развалился СССР вместе со всеми лозунгами. Когда элементарное выживание стало краеугольным камнем.* (АиФ, 30.04.2014)

- пространственные:

- Globalement, c'est la montée de l'extrémisme islamiste et la compétition entre les partis islamiques pour accroître leur influence qui constituent le principal défi. *Aux Philippines, pour des raisons religieuses mais également socio-économiques. Et aussi, avec moins de violence, en Malaisie ou dans le sud de la Thaïlande.* (Le Figaro, 01.06.2003)

- Dans ce cas, programmez d'atterrir jeudi en fin d'après-midi, etv de poser votre mallette à l'hôtel Cinema, pur Bauhaus 1930, au centre-ville. *Ou dans l'un des hôtels du front de mer, à temps pour le coucher du soleil sur Jaffa, la ville arabe brûlée par notre Napoléon.* (Libération, 07.07.2008)

- Главная проблема «оппозиции» в том, что не пустят в Европу за модными сумочками. *Или в Турцию.* (АиФ, 14.03.2014)

- Он состоит в том, что политической принадлежности зарин не имеет, как и цвета и запаха, транспортируется легко и может быть элементарно доставлен куда угодно. *До Европы включительно.* (АиФ, 10.05.2013)

- каузальные:

- Les Français deviennent anglais. *Non pas parce que leur industrie est encore plus moribonde que celle de leurs voisins outre-Manche. Non plus parce qu'ils partagent la nostalgie d'une puissance fanée et se rassurent dans une quelconque expédition postcoloniale. Encore moins parce qu'ils enverront tous à Strasbourg en mai 2014 une palanquée de députés europhobes. Parce qu'ils se révoltent contre les impôts.* (Le Monde, 06.11.2013)

- Les exemples sont légion : dans le litige opposant Bernard Tapie au Crédit lyonnais, l'ex-chef de l'Etat, ses agendas en font foi, est intervenu plusieurs fois au secours de l'homme d'affaires, même si celui-ci s'en défend. *Par amitié, peut-être. Mais aussi parce que M. Sarkozy était persuadé qu'un bon arrangement, même coûteux, valait mieux que le recours à une justice qu'il trouve lente et désuète.* (Le Monde, 08.03.2014)

- Вы думаете она в депрессии из-за глубокой обиды на тренера? Или из-за того, что она, красивая молодая девушка, будет кривой на один бок? (АиФ, 14.02.2014)

- Мы проиграли информвойну США, потому что они, прежде всего, сами свято верят в свои ценности и убедительны в их тиражировании. *Потому, что они умеют эти войны вести эффективно, а мы только сдаём выпускные экзамены в нашей новой истории, которой всего-то около 20 лет.* (АиФ, 08.05.2014)

- целевые:

- Donc, j'ai voté Sarko, pour elle. *Pour lui dire merde.* (Libération, 30.06.2007)

- Il lui faudra du temps pour comprendre pourquoi. *Et plus encore pour retrouver, dans la cave d'un cousin germain, le violon muet.* (Le Monde, 28.03.2013)

- Учитывая вышесказанное, понятно, что очередная распродажа госсобственности готовится совсем не для того, чтобы повысить эффективность предприятий. *А исключительно чтобы передать оставшиеся лакомые куски госсобственности по низким ценам «своим» людям - крупным предпринимателям и олигархам.* (АиФ, 10.05.2014)

- Это делалось для решения тактических задач. *Например, для того чтобы обеспечить «Единой России» победу на выборах.* (АиФ, 01.05.2013)

- характеризующие действие:

- Ему же, по сути, ничего не стоит ляпнуть, что Россия отстаёт в научно-техническом оснащении войск, и - можно спать спокойно. *И не вечным сном.* (АиФ, 19.02.2014)

- «Для того чтобы рассказать о нашей культуре как можно объективнее, мы решили посмотреть на нее глазами европейца. *Глазами человека, родившегося в самом центре Европы, - выдающегося театрального режиссера Даниэля Финци Паска.* (Московский комсомолец, 23.02.2014)

- Un gros chèque signé par le groupe d'informatique Cap Gemini, partenaire financier de toujours, et déposé par l'ancien arrièrè permit d'éteindre provisoirement le feu comptablement. *Mais pas sportivement.* (Le Monde, 22.03.2014)

- A force de défendre les «sans», elle a fini avec des «avec». *Un grand sac à «avec», plein de certitudes, de principes, de professions de foi.* (Libération, 30.06.2007)

- характеризующие меру, степень, стоимость, вес и т.д.:

- Elle est pourtant garantie, tout comme les dépôts bancaires, et distinctement, à hauteur de 70 000 euros par épargnant et par compagnie d'assurance. *Et même jusqu'à 90 000 euros pour les rentes.* (Libération, 07.10.2008)

- Rappelons à ceux qui ne l'ont jamais croisée que cette femme fut l'admirable dingue qui, chaque jour pendant cinquante ans, écrivit une lettre à son amant Victor Hugo. *Soit quelque 18 000 mots et lettres envoyés par «Juju» à son «Toto». Dix-huit mille !* (Libération, 17.04.2008)

- Примеры можно перечислять сотнями. *Даже тысячами.* (АиФ, 01.04.2014)

- компаративные:

- Avec lui, quelque 3 000 moudjahidin du Panshir ont été chassés de la jeune armée nationale. *Comme Mohammed Moussa, 42 ans, et Khalilullah, 51 ans.* (Libération, 10.11.2005)

- « Bascoulard, c'est une gloire locale. *Comme Jacques Cœur ou le moine franciscain de Bourges [un Allemand, infirmier, qui sauva des résistants durant la seconde guerre mondiale].* (Le Monde, 04.12.2014)

- Только как бы в духе нового времени и она не поменялась на «Терпение лопнет, и тогда тут всех перетрут». *Как уже было, и - по историческим меркам - не столь давно* (АиФ, 30.10.2013)

- подчинительно-присоединительные:

- Ce spécialiste de l'aménagement du territoire sait que le patron de l'UMP marquera la ville tant elle périclitait sous Chaban. *Ce qui ne l'empêche pas de dénoncer le " système Juppé ".* (Le Figaro, 01.06.2003)

- Il ne devrait donc pas y avoir d'attaques contre l'Iran avant Septembre. *Ce qui explique en partie la baisse spectaculaire du pétrole.* (La Tribune, 07.05.2012)

- Похоже, не смогли поделить заказчики шкуру еще не убитого медведя... *Чем и полатились.* (Российская газета, 01.09.2003)

- В общем, Путин еще раз доказал, что он все-таки человек, а не железная политическая машина. *Что само по себе симпатично, как бы ни оценивать Путина-лидера.* (Московский комсомолец, 10.06.2013)

- рестриктивные:

- Eddy et ses bourreaux sont de milieu modeste, celui des dominés; ils habitent la campagne, dans le nord de la France. *Sauf qu'Eddy, quand il parle, c'est plus fort que lui : sa voix prend « des intonations féminines », ses mains s'agitent « dans tous les sens ».* (Le Monde, 16.01.2014)

- Les cimetières sont pleins d'anonymes géniaux, clochards, dessinateurs ou travestis. *Sauf que Marcel Bascoulard était tout cela à la fois.* (Le Monde, 04.12.2014)

- координативные:

- Ce pays lointain, celui de leurs pères et grands-pères, tous les trois y reviennent. *Où, du moins, essayent-ils.* (Le Monde, 04.09.2014)

- Oui, ça aurait été l'idéal. *Mais je n'y croyais pas.* (Le Monde, 17.03.2014)

- Владимир Якунин открестился от неудобного доклада. *Но КИРФ им уже воспользовалась.* (Коммерсантъ, 15.03.2013)

- В "Русал Фольгу" пришли за налогами. *А компания судится с налоговиками.* (Коммерсантъ, 07.02.2013)

- разнородные (для 2Пт и полиПт⁹³ парцеллем):

- Au bout du compte, c'est le succès du mensonge qui construit sa vérité. *Une vérité absurde, plus résistante que la vraie. Starifiée.* (Libération, 30.06.2007)

- Le livre est prêt. *Mais il le garde. Attendant le bon moment pour le faire exploser.* (Libération, 05.08.2008)

- Каждый из них должен бы объяснить, а зачем нужна обществу или каким-то его слоям победа этих партий. *Что эта победа дает стране. К какой цели победители поведут нацию, состоящую как из сторонников победителей, так и из их оппонентов.* (Российская газета, 11.09.2003)

- На родство с этой женщиной могут претендовать сразу несколько народностей - немцы, латыши, эстонцы. *Но в истории она осталась как русская. Русская императрица.* (АиФ, 15.04.2014)

⁹³ 2Пт – двухпарцеллятные; полиПт – полипарцеллятные.

Результаты статистического обсчета представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 13. Типы симметрических парцеллятов

Семантика симметрического парцеллята	Французский корпус, %	Русский корпус, %
субъектные	4,45	3,64
объектные	15,88	4,95
изъяснительно-объектные в составе ряда (СПП)	1,78	0,82
атрибутивные	2,37	3,84
присубстантивно-атрибутивные (СПП)	4,3	1,21
предикативно-атрибутивные	4,15	2,63
предикативные	8,46	17,59
темпоральные	1,04	0,51
пространственные	2,08	0,71
каузальные	0,3	0,3
следственные	0	0
целевые	0,89	0,2
условные	0	0
уступительные	0	0
характеризующие действие	0,89	0,71
характеризующие меру, степень	0,45	0,2
компаративные	1,04	0,2
координационно-пояснительные в составе ряда (СПП)	0	0,1
подчинительно-присоединительные (СПП)	3,86	0,81
рестриктивные (СПП <i>sauf que</i>)	0,74	0
координативные (ССП)	41,99	52,28
разнородные (для 2Пт и полиПт парцеллем)	5,34	9,2

Сопоставительный анализ статистических данных позволяет выделить следующие **сходства**:

1) преобладание координативных, т.е. связанных сочинительными отношениями, парцеллятов-частей сложного предложения (41,99% во французском корпусе и 52,28% в русском), но их частотность при этом в русском корпусе выше в 1,25 раза; в обоих корпусах преобладают парцелляты с союзом но (>25%);

2) одинаковая частотность каузальных парцеллятов (0,3% в обоих корпусах);

3) отсутствие следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах.

Различия проявляются в следующих случаях:

1) к **существенным различиям** относятся

- значительное преобладание во французском корпусе симметрических объектных (15,88% и 4,95%), подчинительно-присоединительных (3,86% и 0,81%) парцеллятов, присубстантивно-атрибутивных (4,3% и 1,21%), предикативно-атрибутивных (4,15% и 2,63%), пространственных (2,08% и 0,71%);

- значительное преобладание в русском корпусе симметрических предикативных парцеллятов (8,46% и 17,59%), а также разнородных парцеллятов среди двух и полипарцеллятных структур (5,34% и 9,2%);

2) к **менее существенным** различиям относятся:

- незначительное преобладание во французском корпусе субъектных парцеллятов (4,45% и 3,64%), изъянительно-объектных (1,78% и 0,82%), темпоральных (1,04% и 0,51%), целевых (0,89% и 0,2%), компаративных (1,04% и 0,2%), а также парцеллятов, характеризующих действие (0,89% и 0,71%), меру, степень и т.д. (0,45% и 0,2%);

- преобладание в русском корпусе атрибутивных парцеллятов (2,37% и 3,84%),

Специфическими чертами являются наличие рестриктивных парцеллятов, оформляемых союзом *sauf que*⁹⁴ (0,74% и 0%), во французском корпусе и наличие координационно-пояснительных парцеллятов в русском корпусе (0% и 0,1%). Однако низкий процент встречаемости данного типа парцеллятов говорит о его окказиональности.

Анализ представленных данных позволяет заключить, что в области симметрических парцеллятов на первое место выходят сложносочиненные конструкции, парцелляция которых призвана сфокусировать внимание на неравноправности ее частей. При этом важную роль играет семантика союза,

⁹⁴ В работе Б. Комбетта отмечается, что парцелляты, вводимые подчинительными союзами *sauf que*, *d'autant que*, *puisque*, *à moins que* весьма распространены [Combettes 2007: 119], однако наше исследование опровергает данное утверждение: частотность *sauf que* составляет 0,74%, парцеллемы с *d'autant que*, *puisque*, *à moins que* не превышает 2% от всего корпусного массива.

оформляющего парцеллят: противительная, сопоставительная, альтернативная и т.д.

Еще одной разновидностью, объединяющей свойства симметрии и асимметрии, являются **разнородные парцелляты** в сложных, включающих два и более парцеллятов, структурах, например:

(1) Le bas de la côte de Laffrey (Isère), c'est d'abord une odeur. *Chaude et âcre à la fois.*(1) *Celle des plaquettes de freins en surchauffe* (2). (Libération, 08.08.2007)

(2) Mon contact portait lui aussi une petite valise. *Dans laquelle, il transportait un flingue et une hache. Pour me tuer, et me couper la main.* (Libération, 04.09.2010)

(3) Вот недавно мне предлагали сниматься в проекте киевского режиссера известного, историческое кино он снимать собирался. *По Тарасу Шевченко* (1). *Но я отказался* (2). (АиФ, 26.04.2013)

(4) Там, в умирающей базе мертвого флота, они торжественно отметили свою последнюю "автономку", сфотографировались на память. *И ушли в море. На буксире.* (Российская газета, 02.09.2003)

Примеры (1) и (3) иллюстрируют возможность комбинации асимметрии и симметрии; примеры (2) и (4) – симметрии и асимметрии.

Рассмотрим соотношение асимметрии, симметрии и их комбинаций в парцеллемах.

Таблица 14. Соотношение типов парцеллятных отношений во французском и русском корпусах

Тип отношений	Французский корпус, %	Русский корпус, %
асимметрические	22,21	14,29
симметрические	73,74	78,93
разнородные (А+С для 2Пт и полиПт парцеллем)	4,05	6,78

Итак, опираясь на корпусную статистику, мы фиксируем следующее:

1) **сходство** заключается в том, что частотность выделенных типов в обоих корпусах совпадает: значительно преобладает симметрический тип

отношений между основой и парцеллятом (73,74% и 78,93%) с незначительной разницей в корпусах ($\Delta = 3,9\%$), затем следует асимметрический тип (22,21% и 14,29%), в меньшей степени представлены разнородные парцеллемы (4,05% и 6,78%);

2) **различия** сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов: их в 1,5 раза больше во французском корпусе; разнородные парцеллемы преобладают в русском корпусе: их количество в 1,7 раз выше, чем во французском.

Анализ ограничений возможностей парцелляции приводит к следующим результатам.

В сфере асимметрических отношений в обоих корпусах парцелляция не распространяется на именную часть сложного сказуемого.

Более существенные ограничения в этой сфере касаются французского корпуса, где отсутствует парцелляция предикативных отношений, парцелляция компонентов, указывающих на источник информации и дискурсивных слов. В русском корпусе отсутствуют примеры парцелляции прямообъектных дополнений, а во французском был зафиксирован только один подобный пример:

- Lever à 8 heures, il écrit une bonne partie de la journée. Des courts textes, des études littéraires. (Libération, 05.08.2008)

В сфере симметрических парцеллятных отношений было установлено, что парцелляции не подвергаются следующие типы отношений:

- следствия;
- условия;
- уступки;
- прикомпаративно-объектные, даже в условиях ряда;
- координационно-пояснительные;
- подчинительно-сопоставительные.

Парцеллятная граница не проводится в конструкциях с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью, после коррелятов *celui, ce, тот, такой*, например:

*Это была не та подлинная жизнь. Которая нас окружала.

4.2.2. Модели парцеллем

4.2.2.1. Принципы парцелляции: линейный, параллельный и комбинированный

Анализ корпуса убеждает в том, что членение конструкции происходит не всегда по одной и той же схеме, зависит от количества парцеллят, типа парцеллятных отношений и других параметров.

Проанализируем характер парцеллирующего членения во французских и русских конструкциях. Сравним следующие примеры:

- При обыске у парня **нашли** 12 компакт-дисков с компьютерными играми-стрелялками. *И большой набор видеокассет, в основном боевиков. (1) С убийствами. (2).* (Московский комсомолец, 4.12.2002)

- Акция «Грязные деньги на свободу! И совесть чиста...» **воспринимается** в республике неоднозначно. *Напряженно(1). И очень часто без юмора(2).* (Российская газета, 21.07.2001)

В первом примере каждый последующий конституент зависит от предыдущего: первый парцеллят *И большой набор видеокассет, в основном боевиков.* подчиняется глаголу-сказуемому нашли, расположенном в основе, а второй парцеллят *С убийствами.* выступает в качестве несогласованного определения, относящегося к существительному боевиков, расположенного в первом парцелляте. Обратимость или опущение предшествующего парцеллята невозможны, т.к. он содержательно и синтаксически предопределяет последующий сегмент.

Такой принцип членения назовем **линейным**, что отражает последовательный характер подчинения сегментов в линейном ряду.

Во втором примере оба парцеллята *Напряженно. И очень часто без юмора.* выполняют одну и ту же функцию в предложении – это обстоятельства образа действия, относящиеся к сказуемому воспринимается. Парцелляты зависят от той части конструкции, которая содержит подчиняющее их слово, что иллюстрируют тип членения, который можно назвать **параллельным**. Обратимость или элиминация предшествующего парцеллята в большей части случаев возможна. В этой группе мы выделили два типа парцеллятов:

1) **синтаксически идентичные**. В этом типе членения воплощена сущность синтаксического параллелизма, то есть такого положения компонентов синтаксической структуры, когда ее члены синтаксически не зависят друг от друга и имеют совпадающие линии синтаксических связей, подчиняются одному и тому же слову в основе или координируют с ней:

- Le hic dans ce type de fête, c'est la frontière entre vie privée et vie professionnelle. *La crainte d'y dévoiler une partie de soi qui échappe à l'environnement professionnel. Le risque qu'entre un canapé au saumon et trois coupes de champagne, on laisse tomber son masque.* (La Tribune, 22.12.2013)

- И ведь это только те примеры, когда, вооружаясь духом римского мифа, создавали новую реальность почти из ничего. *Из колоний. Из зависимых данников.* (АиФ, 01.04.2014)

2) **синтаксически неидентичные**. Парцелляты подчинены разным словам или одному и тому же слову (в этом случае морфологически разнородны) в основе или координируют с ней:

- La série de portraits, emboîtés les uns dans les autres, que Marcel Cohen dessine ici, comme avec des crayons cassés, donne à voir une famille. *La sienne. Dont la plupart des membres ont été déportés dans les camps de la mort et n'en sont pas revenus* (Le Monde, 28.03.2013)

- В знатном столичном парке пошли навстречу безобразникам - поставили у каждой лавочки не по одной, а по две урны. *Слева и справа. Но ожидания не оправдались* (АиФ, 04.06.2014)

Анализ корпуса дает основания для выделения еще одного типа членения. Проиллюстрируем это утверждение следующим примером:

Voilà un star. Disponible, sincère, fidèle à elle-même et à son public, souvent drôle, toujours émouvante.(1) Et sa voix de l'or en barre. (2) Puissante et douce à la fois, rassurante, grave, chaude.(3) (Le Parisien, 22.03.2001)

Парцеллят (1) *Disponible, sincère, fidèle à elle-même et à son public, souvent drôle, toujours émouvante.* представляет собой ряд однородных определений, отчлененных при помощи линейного принципа. Парцеллят (2) *Et sa voix de l'or en barre.* также связан с основной частью, но парцеллирован параллельно. Парцеллят (3) *Puissante et douce à la fois, rassurante, grave, chaude.* вновь парцеллируется по линейному принципу, но уже от парцеллята (2), так как представляет собой ряд однородных согласованных определений к существительному *sa voix*.

Таким образом, парцелляты могут быть разнофункциональны и подключаться как линейно, так и параллельно в различных комбинациях. Данный принцип членения назовем «комбинированное членение». Комбинированная парцелляция возможна только в полипарцеллятных конструкциях, например:

- Россию никогда не понять, если не знать, что же пережил наш народ во время войны. *Какой он приобрел опыт на фронте и в тылу.(1) Не понять наше особое отношение к армии и защитникам Отечества.(2) Не осознать, откуда у наших блокадников привычка собирать черствый хлеб.(3) Откуда у нашего народа такая ненависть к войне.(4) И откуда родилась фраза, которую так часто повторяют наши старики, а за ними и молодые люди: «лишь бы не было войны».(5)* (Российская газета, 23.06.2001)

Первый, второй и третий парцелляты отчленены в соответствии с параллельным принципом членения (оба типа), а четвертый и пятый – линейно, поддерживают симметрические отношения с третьим парцеллятом.

Итак, в обоих корпусах имеются конструкции, которые построены при помощи линейного, параллельного и комбинированного принципов парцеллирующего членения.

Следующим этапом анализа будет сопоставление статистических данных по частотности принципов членения в двухпарцеллятных и полипарцеллятных конструкциях.

Таблица 15. Типы членения в двухпарцеллятных структурах.

Принципы членения	Французский корпус, %	Русский корпус, %
Линейный принцип	59,79	70,85
Параллельный принцип	40,21	29,15

Как показывает таблица, **сходство** между корпусами проявляется в том, что ведущим принципом парцеллятного членения является линейный принцип (59,79% и 70,85%), реже используется параллельный принцип (40,21% и 29,15%). Однако их количественное распределение в корпусах, как видим, довольно значительно **различается**: линейный принцип более свойственен русскому корпусу ($\Delta = 11,06\%$), а параллельный – французскому ($\Delta = 11,06\%$).

Таблица 16. Типы членения в полипарцеллятных структурах.

Принципы членения	Французский корпус, %	Русский корпус, %
Линейный принцип	25,8	27,77
Параллельный принцип	48,38	22,23
Комбинированный принцип	25,8	50

Данные таблицы свидетельствуют о **различиях** в типах парцеллятного членения. В этой области наблюдается иная картина: линейный принцип теряет свою ведущую позицию. Во французском корпусе преобладают

парцеллемы, построенные по параллельному типу парцелляции (48,38%), а в русском – по комбинированному (50%). «Удельный вес» французских парцеллем, построенных в соответствии с линейным и комбинированным принципами совпадает – 25,8%. В русском корпусе линейный принцип применяется чаще (27,7%), чем параллельный (22,23%).

4.2.2.2. Инвариантная модель парцеллемы

В работах по теории и методам сопоставительных исследований часто отмечается, что при изучении синтаксических единиц языка необходимо вычленять их модели, что особенно важно в работах, выполняемых в сопоставительном русле (см., например, [Попова 1980: 5]). Моделирование признается «формой познания и репрезентации действительности возможностями языка», которая «получает в современной науке широкое применение» [Шаталова 2012: 140]. С чем, конечно, нельзя не согласиться.

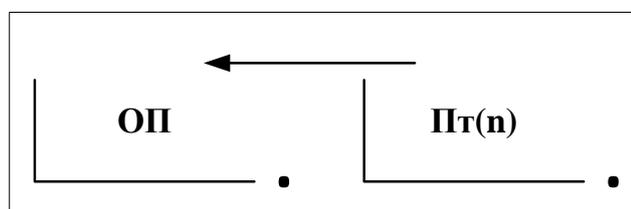
Модель объекта является объектом-заместителем, воспроизводящим интересующие исследователя свойства и характеристики объекта-оригинала [Горячев 2010: 58], а также способом компактного и одновременно системного описания некоторого множества лингвистических объектов. Моделирование синтаксических объектов опирается на инвариантно-вариативные соотношения синтаксических структур, являющимися общим свойством языковой системы в целом [Блох 1977: 3]. Инвариант воспринимается как некая абстракция, извлеченная из некоторой суммы вариантов [Солнцев 1984: 32-34], метаязыковое понятие, в котором отражается наличие постоянных элементов и которое лежит в основе выделения прототипических понятий. Модель при этом подходе рассматривается как метаязыковая реализация инварианта, реализующаяся в реальной речи через определенный набор структурно-семантических вариантов [Бурдаева 2002: 48]. Под вариантом, следовательно, понимается речевая (коммуникативно-ситуативная) реализация языковой единицы.

Выделение вариантов может опираться на различные типы модификаций: только грамматические (Н.Ю. Шведова, О.И. Москальская), грамматические и конструктивные (М.Я. Блох), конструктивные (Р. Якобсон) и т.д. В нашем исследовании при различении модификаций парцеллем мы принимаем во внимание грамматические и конструктивные особенности парцелляции (локализация, количественный признак, семантический тип парцеллятных отношений и типы парцеллирующего членения).

Под *моделью парцеллемы* мы понимаем отвлеченный схематический образ, то, в чем заключается ее тождество с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов. Различия в структуре модели были установлены с помощью внутрипарадигматического противопоставления, анализа постоянных элементов.

В самом общем виде модель, свойственная всем парцеллемам, как мы уже установили, выглядит следующим образом.

Схема 13. Инвариантная модель парцеллемы

Используются следующие обозначения:

ОП - основа парцеллемы,

Пт - парцеллят,

(n) - возможное множество парцеллятов,

← - направление синтаксической зависимости;

• символизирует расчленение синтагматической цепи парцеллографемой (точкой или иными парцеллографемами). Парцеллят оформляется с заглавной буквы.

Данная модель является инвариантной. Ее разновидности имеют свои отличительные особенности, но всегда вписываются в общую инвариантную

модель: основа + парцеллят (парцелляты в двухпарцеллятных и полипарцеллятных конструкциях).

В номинациях моделей используются следующие символы:

- цифры **1** и более означают количество парцеллятов в пределах одной конструкции;

- заглавные буквы **A** и **B** соответствуют используемым принципам парцеллирования: **A** – линейное членение, **B** – параллельное членение. Их порядок отражает порядок применяемых принципов;

- прописные буквы **a** и **b** соответствуют принципам членения последнего(их) парцеллята(ов) при комбинированной парцелляции.

Выделенные модели конструкций показывают, какие общие закономерности, специфические черты и различия существуют в структурной организации французских и русских парцеллем.

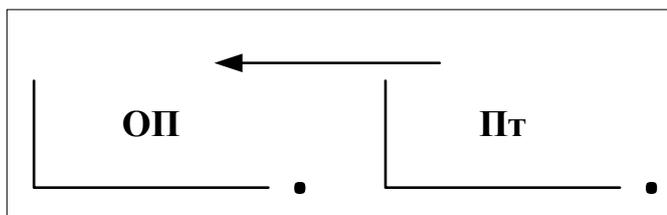
4.2.2.3. Модели однопарцеллятных конструкций

Модель 1А

Сущностью модели является парцеллема с одним парцеллятом. Имеется три разновидности:

1) модель с ретроспективным парцеллятом, строящаяся по следующей схеме.

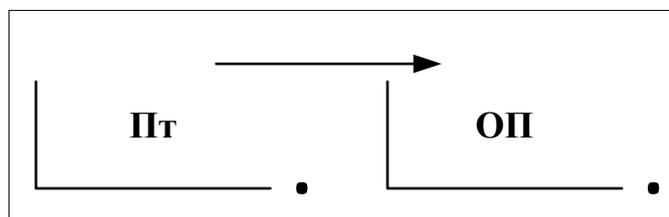
Схема 14. Модель 1А с ретроспективным парцеллятом

Приведем примеры «материального воплощения» этой модели:

- Et puis il y a eu une espèce de défilé de gens, d'officiels qui venaient me féliciter. *En plein match!* (Humanité, 17.09.2002)
 - A l'hôpital, hier soir, Bastien, Olivier, Martin et Sylvain ont goûté à leur premier repas chaud depuis lundi. *Un potage aux légumes dans une chambre sans courant d'air glacial.* (Le Figaro, 07.01.2003)
 - Edmilson est attendu de retour de vacances le 21 juillet. *Avec Lyon.* (Humanité, 08.07.2002)
 - Вместе с Вульфом в бой за свободу ринулись его коллеги из СПС – Александр Баранников и Владимир Семенов. *Втроем.* (Московский комсомолец, 09.05.2002)
 - Руководители уральских СМИ проявили все свои бизнес-качества, намекнув, что согласны позиционировать работу власти и информировать население о ее достижениях. *Но, конечно, не из любви к президенту, а за отдельную плату.* (Коммерсантъ, 03.10.2002)
 - В России всегда с симпатией относились к несправедно обиженным властями. *Тем более обиженным властями другого государства.* (Российская газета, 23.05.2002)
- 2) «зеркальная» модель с перспективным парцеллятом (см. параграф 4.2.1.1.).

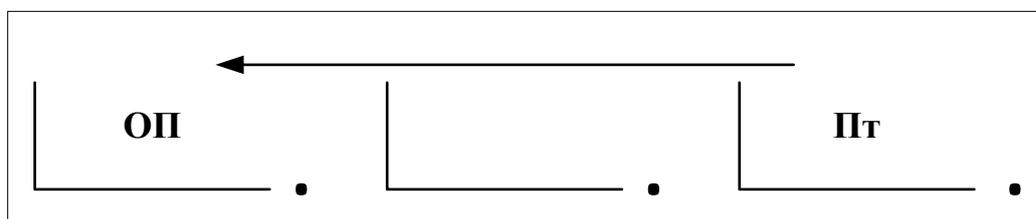
Схема 15. Модель 1А с перспективным парцеллятом

- *Chicorée, alchémille, pastel, chélidoine, thym, mais aussi épinard ...* Une centaine d'espèces de plantes et de légumes vous attendent aujourd'hui au jardin des plantes de la base de loisirs de Bois-le-Roi. (Le Monde, 09.06.2002)

3) модель с дистантно расположенным парцеллятом (см. параграф 4.2.1.3.).

Схема 16. Модель 1А с дистантным парцеллятом

- On voulait faire un livre hybride, dont le sujet principal serait la trace", précise Mathias Enard. Pari réussi. *Trace de la guerre elle-même ou trace d'avant le grand saccage* (Le Monde, 30.05.2013)

- В Минэкономразвития имен и явок не называют. Не их профиль. *Но перечисляют отрасли-аутсайдеры*. (Московский комсомолец, 10.02.2014)

Наложение фильтров «дистантный парцеллят» и «перспективный парцеллят» в программе показало, что данная модель может реализовываться только в парцеллятах с ретроспективными парцеллятами.

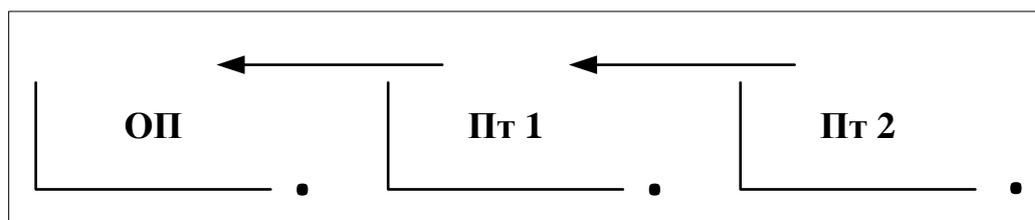
4.2.2.4. Модели парцеллем с двумя парцеллятами

Модель 2А

Данная модель представляет собой конструкцию с линейным парцеллированием компонентов. В основе модели лежит Модель 1А. Ее сущность составляет расчленение конструкции дважды путем углубления его синтаксической перспективы. Второй парцеллят синтаксически и семантически согласуется с первым, а не с основой. Предыдущий парцеллят предопределяет последующий, что делает невозможным их перестановку или опущение.

Схема принимает следующий вид:

Схема 17. Модель 2А

Проверка в программе позволила установить, что, в отличие от модели 1А, вариант с проспективным парцеллятом невозможен.

Приведем пример парцеллемы, построенной по выявленной модели:

- Они весьма активно участвовали в событиях 93-го года. *Проникнув в Белый дом, уничтожив там документы.(1) И компромат на Ельцина и К°, собранный оппозиционерами.(2)* (Московский комсомолец, 28.06.01)

В данном случае в качестве первого парцеллята выступает обстоятельство образа действия, выраженное деепричастными оборотами, а второй парцеллят выполняет функцию однородного прямого дополнения и подчиняется неличной глагольной форме *уничтожив*.

Продемонстрируем реализацию этой модели на следующих примерах:

- En juillet 1997, les chercheurs du Roslin Institut (Edinburgh, Ecosse), financés par la firme PPL Therapeutics, annonçaient la naissance de Polly. *Une agnelle clonée à partir d'une cellule adulte.(1) Avec dans ses chromosomes, un petit détail de plus: un gène gouvernant la synthèse d'une protéine humaine.(2)* (Le Monde, 05.03.1998)

- Actuellement 56e au classement mondial, elle espère franchir bientôt pour la première fois la barre psychologique des 50. *En attendant mieux. (1) Par exemple à Roland-Garros. (2)* (Le Figaro, 15.01.2003)

- Edouard Balladur m'a proposé de m'aider, et j'ai reçu deux appels amicaux, l'un de Michel Barnier, l'autre de Patrick Stefanini. *Et aussi une lettre du président de la République. (1) Une lettre gentille, mais ne lettre-type, avec le «Cher Philippe» et le «Amicalement» écrits de sa main. (2)* (Le Monde, 30.04.1998)

- Тридцать две палочки в записной книжке. Каждая ее палочка – это звонок. *И маленький шажок в сторону обоюдной зависимости. (1) То есть в сторону интервью. (2)* (Московский комсомолец, 24.10.2002)

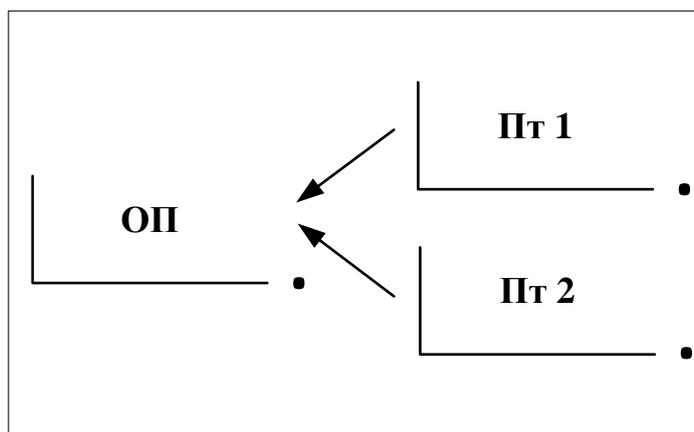
- Сейчас стараюсь читать классику. *Исторические вещи. (1) Философские. (2)* (Российская газета, 23.02.2001)

Модель 2В

Данная модель воплощается в парцеллеме с параллельным парцеллированием членением.

Схема выглядит следующим образом:

Схема 18. Модель 2В

Примерами материального воплощения схемы могут являться:

- Cet homme-là revient de tout. *De défaites mémorables et de victoires éclatantes, des quolibets et des éloges.*(1) *Et, depuis hier, d'une tentative d'attentat.*(2) (Le Figaro, 15. 07.2002)

- Il y a Caroline aussi. *L'animal de campagne.*(1) *Une tortue.*(2) (Le Figaro, 16.05. 1999)

Здесь в первом примере оба парцеллята находятся в симметрических координативных отношениях с основой и связаны с ней субординатными отношениями. Во втором случае первый и второй парцелляты находятся в метатекстовых (пояснительно-уточняющих) симметрических отношениях с основой.

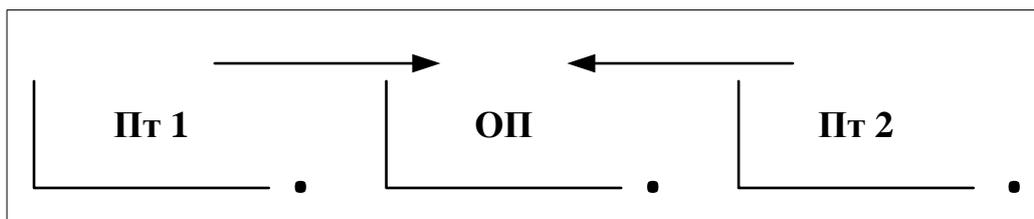
- Можно вспомнить и другие фильмы. *Поразительную картину Ульриха Зайдля «Собачья жара». (1) Или наше «Место на земле» Артура Аристакияна. (2) (АиФ, 19.05.2002)*

- *Поезжайте на лето в Таиланд. Или в Сочи.(1) Или в любое другое место. (2) (Московский комсомолец, 28.06.2001)*

В первом примере оба парцеллята связаны между собой альтернативными отношениями и подчинены глаголу-сказуемому *вспомнить*, а во втором - *Поезжайте*.

Вариантом данной модели выступает «зеркальная» модель с проспективно-ретроспективным парцеллятом:

Схема 19. Модель 2В с проспективно-ретроспективным парцеллятом

Например:

- *Quant à Camus...(1) Comme la plupart des jeunes de ma génération, je l'avais lu en classe de terminale. Mais je n'en gardais pas un souvenir important.(2) (Le Monde, 19.08.2014)*

- *Брошенная в лицо тряпка, разбитая тарелка с «такими-помоями-только-свиней-кормить», гадкие слова, презрительный взгляд...(1) Насилие многогранно. И ломает оно не столь тело, сколь душу.(2) (АиФ, 25.11.2013)*

4.2.2.5. Модели полипарцеллятных конструкций

В корпусе были проиндексированы две группы моделей парцеллирующего членения, строящихся по следующим принципам:

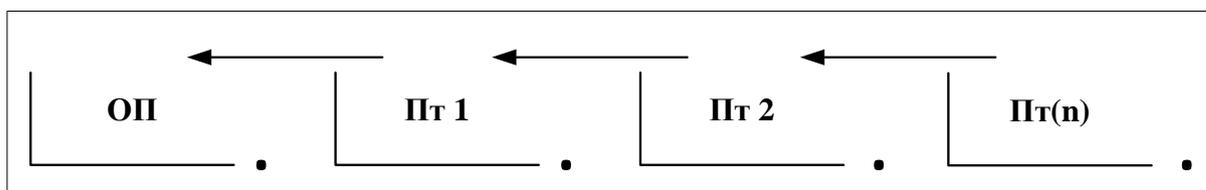
- 1) углубление синтаксической перспективы по моделям двухпарцеллятных структур (Модели 2А или 2В);
- 2) комбинация моделей линейного и параллельного членения.

Модели парцеллем с синтаксической перспективой

Модель (n)А

Линейная модель (n)А воплощается в парцеллеме с линейным членением компонентов (Пт1, Пт2, Пт3 и т.д.). Сущностью этой модели является расчленение предложения путем углубления его синтаксической перспективы.

Схема 20. Модель (n)А

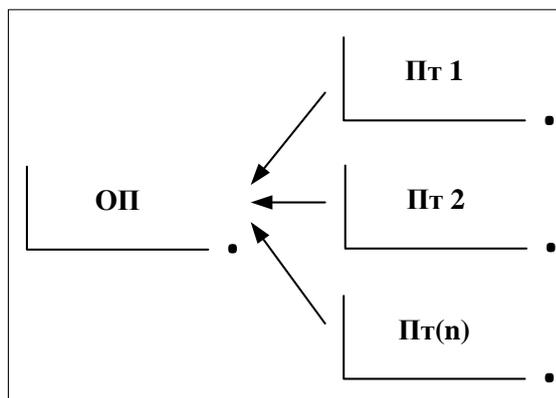
- Cette frénésie, un homme clé l'orchestre. *Un sous-préfet, fidèle, précieux* (1). *Qu'il faut protéger à tout prix* (2). *Comme ce 15 mai 2012* (3). (Le Monde, 05.06.2014)

- Да, есть умные родители, есть талантливые учителя. *Те, кто обучают думать* (1). *Думать системно* (2). *Понимая, что надо всматриваться в причины и следствия, что решений может быть много, что не для всех задач существуют ответы* (3). (АиФ, 28.01.2014)

Модель (n)В

Сущностью данной модели является парцелляция по параллельному принципу симметрических отношений (чаще всего, членов синтаксически параллельного ряда, подчиненных одному главному члену) по типу Модели 2В. Данный тип конструкций укладывается в следующую модель:

Схема 21. Модель (n)В

Количество парцеллятов в данной модели может достигать до 7.

- Il a souvent raconté la soirée fatale du meurtre de la parlementaire. *Au juge Rolland.*(1) *Aux amis de Yann Piat.*(2) *A d'innombrables journalistes de la presse écrite et audiovisuelle.*(3) (Libération, 26.05.1998)

- L'article conclut que le régime Gbagbo crie à l'agression extérieure. *Pour pouvoir massacrer les travailleurs burkinabé.*(1) *Et faire intervenir l'armée française, obligée de porter assistance à la Côte d'Ivoire en cas d'agression étrangère.*(2) *Pour mater une rébellion.*(3) (Le Figaro, 01.10.2002)

- Se consacrant à l'édification de son pouvoir personnel, Nicolas Sarkozy a évité les dossiers majeurs tout en déployant un rideau de fumée législative censée satisfaire l'appétit conservateur de ses électeurs et provoquer l'ire bien pensante de la gauche. *Un paquet fiscal entre trop et trop peu* (1). *Une peine plancher pour la récidive, étendard répressif dénué d'efficacité sur le fond* (2). *Une réforme de l'université qui est une occasion manquée* (3). *Un service minimum qui ne satisfait personne tout en inquiétant les syndicats pour la suite* (4). *Un épisode libyen pour le moins obscur, où on aura compris que Nicolas Sarkozy n'a pas directement traité avec Khadafi mais par l'intermédiaire du Qatar* (5). (Libération, 23.08.2007)

- В число предлагаемых и осуществляемых мер вошли: снижение курса рубля, что приводит к росту цен на импорт, разгону инфляции, что обесценивает вклады населения. *Рост тарифов на продукцию и услуги госмонополий, что уже осуществили в 2013 году* (1). *Перекладывание*

решений проблемы энергосбережения на население путем введения скудных энергопайков (2). Отмена материнского капитала (3). Продолжающийся рост непомерных для экономики страны затрат на спортивные мероприятия и другие второстепенные мегапроекты (4). (Московский комсомолец, 28.08.2013)

- Информвойна - это пропаганда своих интересов через разговор о таких вот стаканах. *Банальная подтасовка фактов (1). Пропаганда, если хотите (2). Когда СМИ получают темники с описанием тем, образов и правил их интерпретации (3). (АиФ, 08.05.2014)*

- Это страх. *Страх взять на себя и только на себя ответственность за собственную жизнь (1). Страх не справиться с жизнью и начать винить себя (2). Страх, что «не сбудется мечта» или «сбудется, но не так» (3). (АиФ, 20.12.2013)*

Выделенные парцелляты в приведенных примерах представляют собой симметрический тип парцеллятов.

Модели конструкций комбинированного типа

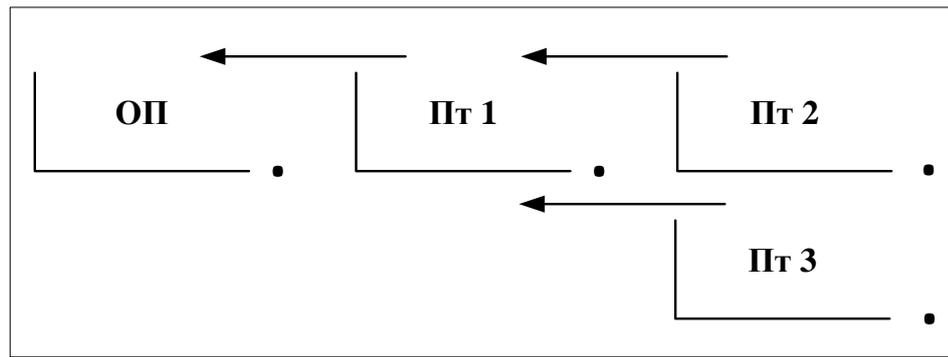
Парцеллированные конструкции, воплощающие комбинацию моделей линейного и параллельного членения компонентов, проявляют достаточно большое разнообразие. Наш корпус содержит конструкции, представляющие собой варианты комбинации типов членения.

Приведем некоторые примеры.

Модель 3АВв

Данная модель строится по линейному принципу в первом парцелляте (Пт1) и по параллельному принципу во втором в третьем парцелляте (Пт2 и Пт3).

Схема 22. Модель 3АВв

- Roman d'apprentissage, La Sourde Violence des rêves embarque le lecteur dans un voyage à plusieurs voix. Il y a celle de Tshepo, d'abord, qui « filme » et raconte ses errances - de l'asile psychiatrique aux hôtels luxueux de Camp Bay, en passant par les townships et leurs enfants cruels -, évoquant les viols collectifs, les braquages et les agressions, qui font l'ordinaire des Sud-Africains les plus pauvres. *Mais il y aussi l'inoubliable Mmabatho, amoureuse et bourrue, en quête d'elle-même, comme Tshepo(1). Et le mutique Zebron, au passé criminel, dont le duo/duel avec une vieille psychiatre afrikaner est un modèle de finesse (2). Sans oublier le doux Karel, Sebastian le rêveur et les ignobles Chris ou Jacques...(3)* (Le Monde, 20.02.2014)

- Прежде всего стоит понять, что развитие - это не конечный факт, заканчивающийся после окончания школы, колледжа или института, а бесконечный процесс, который начинается с рождения и заканчивается со смертью. *Понять, что стоит не только получать знания, но и развивать в себе способность к критическому, системному мышлению (1). Что развивать эмоциональную сферу стоит не только «потребляя» искусство, но и прислушиваясь к своим чувствам, учась их выражать, пробуя творить самостоятельно (2). Что воля нужна нам не только для борьбы с трудностями, но и для достижения того, что нам хотелось бы, о чём мечтается (3).* (АиФ, 28.01.2014)

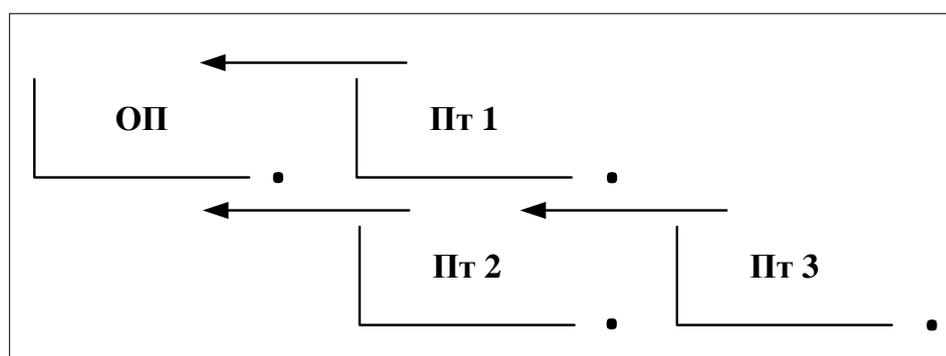
- Пожалуй, лишь в кавээновском выступлении прошла бы реприза Владимира Вольфовича величать Путина Владимир Первый. *Потому что*

*догадливая молодёжь углядела бы, что Владимир Второй - это он сам!(1)
Жириновский! (2) И оценила бы юмор по достоинству (3).* (АиФ, 20.08.2014)

Модель 3ВВа

Сущностью модели является комбинация параллельного членения (Пт1 и Пт2) и линейного членения (Пт3).

Схема 23. Модель 3ВВа

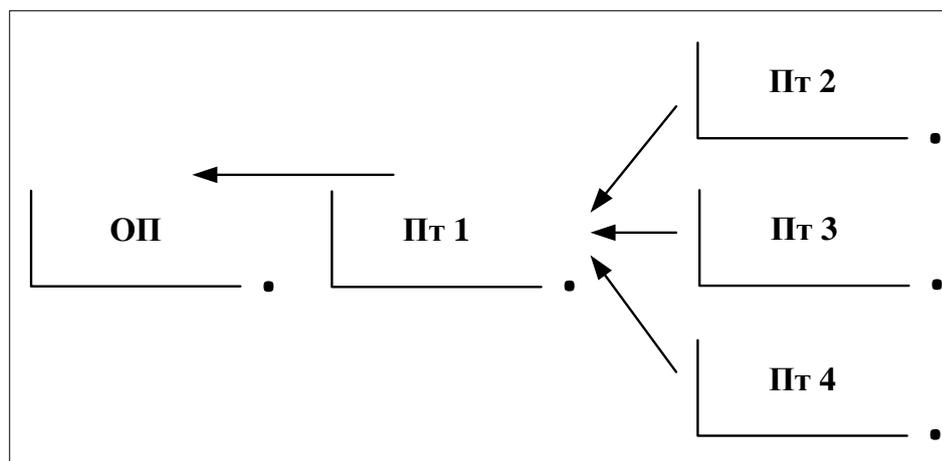

- Правда, тут важно не впасть в другую крайность. *В брюзжащий нигилизм (1). В отрицание всего и вся (2). Хотя, если присмотреться, это просто «вывернутая наизнанку матрица» (3).* (АиФ, 13.01.2014)

- Мне ближе камерная музыка. *Живая и свободная (1). Когда друзья и единомышленники вокруг (2). Такие же живые и свободные. (3)* (Московский комсомолец, 21.07.2014)

Модель 4АВВб

Сущностью модели является комбинация последовательного членения (Пт1) и параллельного членения (Пт2, Пт3 и Пт4):

- En même temps, l'auteur ne cesse pas de regarder au-delà des apparences. *De chercher à débusquer partout les signes d'un sens général.*(1) *Comme dans cette image d'une nouvelle race de grands-parents, affublés de ridicules vêtements de sport. (2) Ou dans l'impression de chaos organisé des images à la télévision. (3) Ou encore dans les manifestations de quelques penchants notoires de l'époque.*(4) (L'Humanité, 11.10.2002)

Второй парцеллят представляет собой часть сложного глагольного сказуемого, первая часть которого расположена в основе. Второй, третий и четвертый сегменты представляют собой симметрические парцелляты альтернативного типа, имеющие семантическое значение сравнения и подчиняющиеся глаголу *débusquer*. Таким образом, первый парцеллят отчленен линейно, а остальные – параллельно.

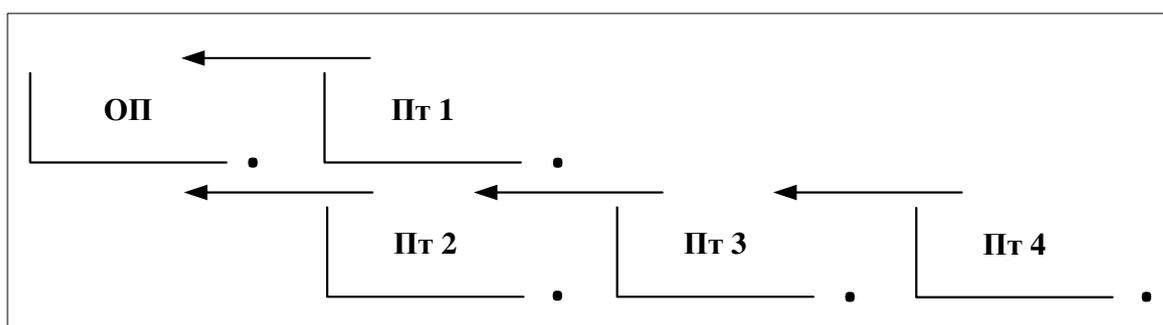
Модель 4ВВАа

Рассмотрим следующий пример:

- Иной раз кажется, что виной всему происходящему - элементарное бескультурье. *Вернее, малый культурный багаж той или иной нации (1). Другими словами, варварство в том самом смысле, что в это слово вкладывали древние греки и римляне (2). Но потом спохватываешься (3). Потому что налицо явное несоответствие (4).* (АиФ, 09.05.2014)

Симметричные парцелляты *Вернее, малый культурный багаж той или иной нации (1)*. Другими словами, варварство в том самом смысле, что в это слово вкладывали древние греки и римляне (2). Отчленены по параллельному типу. Парцелляты *Но потом спохватываешься (3)*. Потому что налицо явное несоответствие (4). Отчленены линейно. Данный случай представляет следующую модель.

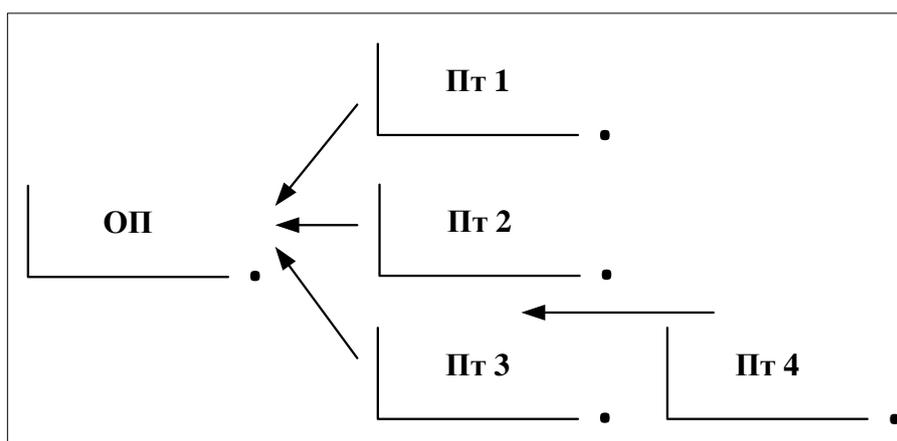
Схема 25. Модель 4ВВАа

Модель 4ВВВа

Данная модель включает комбинацию первых трех парцеллятов, отчлененных параллельно и линейного четвертого парцеллята.

Схема 26. Модель 4ВВВа

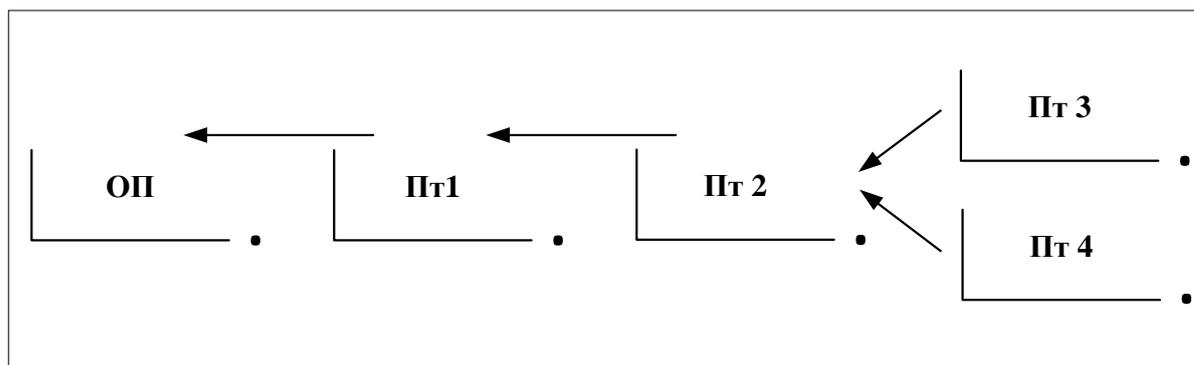
- Avec leurs derniers euros de bienfaiteurs incompris, je leur suggère d'ouvrir une salle où l'on passerait les grands films qu'on ne revoit plus qu'en petit. *Lawrence d'Arabie en copie neuve, le Parrain, Deer Hunter, en boucle (1)*. Le

Guépard, Johnny Guitare (2). Et Jeanne d'Arc d'Orson Besson (3). Pour le contraste (4). (Libération, 30.06.2007)

Модель 4AABb

Сущность данной модели воплощена в следующей схеме.

Схема 27. Модель 4AABb

- Il semblerait que l'époque morose, des mois de crise et une tension exacerbée, aient fait naître le besoin de se lâcher. *Ou du moins de se retrouver à partager quelques bulles de champagne (1). Car ce rituel de Noël est, de tous, le seul à permettre un resserrement des liens, un apaisement des conflits, voire, dans l'idéal, un pardon (2). D'abord à cause de son sens symbolique d'échange de dons (3). Ensuite par son message de transition et de redémarrage (4).* (La Tribune, 22.12.2013)

Модели пяти и более парцеллятных структур использует те же схемы в различных вариациях. Одни рекуррентны во французских СМИ, другие – в русских (квантитативные данные см. в Таблице 17). Приведем некоторые примеры:

Модель 5BВaBb

- «Кардиополитика» - точный документ своей эпохи. *Не такой радикальный по форме и содержанию, как фильм «Срок» Александра Расторгуева, Павла Костомарова и Алексея Пивоварова - хроника поражения лидеров протестного движения 2011-2012 годов в Москве,*

ставящая под сомнение саму возможность перемен в русской жизни.(1) Но достаточно тонкий и взвешенный, чтобы разглядеть нашу историю спустя сто лет.(2) Историю, в которой документальные события так похожи на вымысел и наоборот.(3) В которой справедливость относительна и недоступна, как горизонт, зато подлость и благородство, трусость и смелость всегда конкретны и видны как на ладони.(4) И в которой каждый раз все забывается - и повторяется снова. (5) (Московский комсомолец, 21.07.2014)

Модель 5AABBa

- *В душе слишком многих народов сейчас происходит именно такой «разговор». И его громкость в последние четверть века возрастает как раз к тому дню, который мы пока ещё считаем Днём Победы.(1) Победы над варварством, над тиранией, над жестокостью и бескультурьем.(2) Над агрессивным невежеством.(3) Над примитивной первобытностью, в конце концов.(4) Потому что фашизм в его «культурных» проявлениях, будь то сожжение книг или снос памятников, и есть скатывание в самую дремучую, кровавую первобытность.(5) (АиФ, 09.05.2014)*

Модель 5AABVb

- *Плясали там яростно. Задрал к небу зады и имея в руках какой-нибудь садово-шанцевый инструмент типа лопаты или тяпки.(1) Потому что «а как же картошечки к зиме».(2) Или «сами же потом будете пальчики облизывать».(3) Или «зато своё, не покупное, без нитратов».(4) Или «а как же ещё иначе, вон как цены-то растут».(5) (АиФ, 30.04.2014)*

Модель 5BBVAa

- *Репин, судя по его воспоминаниям, явно хотел передать мощную экспрессию. Трепет.(1) Волнение.(2) Восторг.(3) Но действовал заведомо негодными, академическими методами.(4) Поскольку считал тех же импрессионистов жуликами, а их приёмы – мазнёй.(5) (АиФ, 06.03.2014)*

6AABVAa

- «Je vis avec beaucoup de fantômes, disait Chéreau, toujours dans Libération. *Ceux des morts, c'est relativement facile, c'est à la portée de tout le monde.*(1) *Mais mes fantômes sont souvent ceux de gens vivants.*(2) *Des gens qui se sont éloignés, auxquels je pense toujours.*(3) *Des gens que j'ai aimés.»*(4) *Exactement ce qu'il parvient à projeter dans Rêve d'automne.*(5) *Jusqu'à cette image finale des hommes gisants et des femmes quittant le cimetière, ensemble mais seules.*(6) (Libération, 06.10.2010)

Модель 6ААВААВ

- Вот только «кровавая помойка» по сравнению с тем, что стало, теперь кажется чем-то вполне респектабельным. *А «то, что стало», рухнуло в такие кровавые и зловонные тартарары, что не во всяком кино увидишь.*(1) *Не во всяком.*(2) *Но Алексей Герман нам это кино показал.*(3) *И показал, чем кончаются забавы любителей джаза.*(4) *Тех, кто хотел как лучше.*(5) *Тех, кто «хотел странного».*(6) (АиФ, 06.03.2014)

Модель 6ВВВВВа

- La foule est quadrillée de militaires: des troufions, des policiers, des tueurs, beaucoup de tueurs, connus en certaines circonstances ou reconnaissables aux écussons de leurs uniformes. *Des paysans qui ont garé leurs tracteurs derrière les bus.*(1) *Des retraités, des femmes qui pleurent très souvent à l'évocation de leur avenir.*(2) *Des gens qui, selon l'expression, «ne savent plus où ils habitent».*(3) *Qui ne comprennent pas ce qui leur tombe sur la tête.*(4) *Qui l'expriment comme Ana, une lycéenne, originaire de Dobrinja, à deux kilomètres de là, réfugiée dans l'appartement d'une famille inconnue, qui répète entre chaque phrase: «On ne nous avait jamais dit ça.»*(5) *Sans pouvoir expliquer ce qui aurait changé, si on le lui avait dit.*(6) (Libération, 30.12.1995)

Подведем итоги.

Таблица 17. Модели парцеллем во французском и русском корпусах

Модели парцеллем	Французский корпус, %	Русский корпус, %
Модель 1А	86,54	79,97
Модель 2Аа	6,02	9,9

Модель 2Bb	4,05	4,07
Модель 3AAa	0,66	2,23
Модель 3BBb	0,88	0,96
Модель 3BbA	0,11	0,48
Модель 3ABb	0,33	0,48
Модель 4AAAa	0	0,4
Модель 4AABb	0,11	0,08
Модель 4ABBb	0,11	0
Модель 4BBBb	0,55	0,08
Модель 4BBbA	0,11	0,24
Модель 4BBAb	0	0,08
Модель 5AAAAa	0	0,16
Модель 5AAABb	0,11	0
Модель 5AABbA	0	0,08
Модель 5AABBb	0	0,16
Модель 5BBBBb	0,11	0,16
Модель 5BBAbb	0	0,08
Модель 5BBbAA	0	0,08
Модель 5BBbAa	0	0,08
Модель 6AAAAAa	0	0,08
Модель 6AABbAA	0,11	0
Модель 6ABBAbb	0	0,08
Модель 6BBBBbA	0,11	0
Модель 6BBbABb	0	0,08
Модель 7BBBBBBb	0,11	0

Результаты сопоставительного анализа данных, приведенных в таблице, позволяют сделать вывод о том, что наиболее продуктивной моделью является Модель 1А (86,54% во французском корпусе и 79,97% - в русском).

Проявляются также следующие **сходства**:

1) преобладание в обоих корпусах модели двухпарцеллятных структур, построенных по принципу синтаксической перспективы - Модели 2Аа (6,02% и 9,9%), при этом ее частотность в русском корпусе выше; Модель 2Bb встречается реже (4,05% и 4,07%) и, как видим, ее частотность в обоих корпусах совпадает.

2) в области полипарцеллятных структур фиксируем большое разнообразие и малую частотность (<1% каждой модели во французском и русском корпусах, за исключением Модели 3ААа в русском корпусе – 2,23%).

Статистический анализ позволяет выявить следующие **различия**:

1) русские парцеллемы, построенные по Модели 2А, встречаются в корпусе в 1,6 раза чаще (6,02% и 9,9%), по Модели 3ААа – в 3,4 раза чаще (0,66% и 2,23%);

2) в целом, полипарцеллятные модели по типу В (параллельное членение) встречаются во французском корпусе чаще, чем в русском;

3) частотность Модели 1 А различается: 86,54% во французском корпусе и 79,97% - в русском;

4) в русском корпусе наблюдается бóльшее разнообразие полипарцеллятных моделей, чем во французском, что говорит, как мы полагаем, о бóльшей гибкости грамматической системы русского языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Парцеллема есть сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной (словесной) и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации. Переплетение этих двух семиотических систем, смешение свойств их знаков позволяет адресанту передавать сообщение в компактной форме, а адресату - распознавать широкий диапазон контекстуально-обусловленных смыслов.

Под парцеллемой понимаем, во-первых, эмическую единицу, идеализированный объект, соответствующий классу однородных реальных объектов – конструкций с парцелляцией; во-вторых, проявление этой абстрактной языковой единицы, ее материальное воплощение в дискурсе. В этом воплощении парцеллема содержит в своем составе особый элемент – парцеллографему - знак, языковым значением которого является «наиболее важное, новое в текущем выражении». Это стабильная часть семантики данного знака. В дискурсе парцеллографема приобретает конкретные

дискурсивные смыслы (переменная часть семантики знака), связанные с актуализацией ее языкового значения и дискурсивной интерпретацией. Материально-графическое воплощение парцеллема получает благодаря парцелляции – специальной графической операции, расчленяющей единую структуру предложения на конstituенты. Результатом парцелляции является трехчастная структура, включающая основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конstituентом – парцеллятом. Именно инкорпорирование парцеллографем в семиотический комплекс высказывания приводит к усложнению семантической структуры и формированию сложного парцеллятного знака, в котором вербальная знаковая система выступает в качестве отдельного уровня, коррелирующего с уровнем невербальной семиотической системы.

Вслед за когнитивными психологами, мы полагаем, что парцеллятный разрыв не остается незамеченным, он деавтоматизирует и стимулирует внимание к отчленяемому сегменту и способствует его лучшему запоминанию. Таким образом, парцелляция является эффективным средством перераспределения внимания в высказывании, свидетельствует об осознанном выборе и размещении в аттенциональном фокусе какого-либо аспекта информации о референтной ситуации.

Полагаем, что парцелляция является одним из эффективных способов снижения искажений при передаче информации, повышении помехоустойчивости вербального кода. Парцеллографема при этом выступает в качестве дополнительного кода, находящегося в отношениях комплементарности по отношению к основному (доминирующему) вербальному коду. Смещение кодов необходимо продуценту для повышения надежности передаваемого сообщения, в котором дополнительный код служит своеобразной защитой от «шумов», искажений при кодировании и декодировании.

Парцеллографема, намеренно включенная адресантом в структуру текста, позволяет увеличить семантическую емкость текстового компонента,

а адресату декодировать те интенции, которые остаются непередаваемыми посредством естественного языка. Парцеллографемы обеспечивают создание отдельного информационного канала, служащим одновременно и каналом связи между адресантом и адресатом. Для адресанта это продуктивное средство организации в тексте концептуальной информации, распределения фокусов внимания. Для адресата – инструкция к корректному восприятию данного конкретного высказывания. Парцеллографемы семантически обогащают текст и повышают его познавательную ценность.

Корпусное исследование позволило провести сопоставительный анализ французских и русских парцеллем в двух измерениях: синтаксическом и семантическом. Для фиксации сходств и расхождений мы построили принципиальную схему сопоставления, в которую включили следующие параметры, проиндексированные в корпусе:

- 1) тип парцеллятной сетки;
- 2) локализация парцеллята;
- 3) дистанция между основой и парцеллятом;
- 4) тип парцеллемы по количеству парцеллятов;
- 5) типы семантики парцеллятов;
- 6) модели парцеллятного членения.

Результаты корпусной статистики по размеченным параметрическим деревьям размещены в *Приложениях 3 и 4*.

Инвентарь парцеллографем включает ряд финальных синграфем – символов конца предложения: точку, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие. Парцеллографемы вкупе с постпарцеллятными знаками образуют специфическую парцеллятную сетку, определенным образом «программирующую» восприятие парцеллемы. Анализ корпуса позволил выделить два типа парцеллятной графики: единую и комбинированную. Единая парцеллятная сетка (ЕПС) характеризуется единообразной, бесконфликтной с позиции целевого назначения и эмоциональной окраски аранжировкой парцеллемы. Наиболее распространенной является ЕПС с

точками, частотность которой в корпусах примерно одинакова. То же касается и ЕПС с вопросительными знаками. Корпусный сопоставительный анализ позволил выделить два типа ЕПС, которые свойственны русскому, но отсутствуют во французском материале: ЕПС с восклицательными знаками и многоточиями. Группа парцеллем с комбинированной парцеллятной сеткой (КПС) объединяет две подгруппы: а) комбинацию точки с другими знаками и б) комбинацию знаков без точки. Разнообразные варианты этих комбинаций составляют примерно 1/10 часть корпусных массивов и характеризуются многообразием. К сходствам относим аранжировку парцеллем КПС точка + вопросительный знак и КПС разные знаки. В остальных типах наблюдаются значительные расхождения. Специфику русского корпуса составляет КПС вопросительный знак + точка. Как было установлено, пунктуационное оформление парцеллем в точности следует общим тенденциям в использовании финальных синграфем в газетных текстах.

Анализ использования парцеллем во французских и русских текстах приводит к выводу о том, что плотность и частотность французских парцеллем ниже по сравнению с русскими в 1,5 раза.

Анализ конструктивного устройства парцеллем (*синтаксическое измерение*) дал основание для выделения трех типов парцеллятов по их локализации по отношению к основе. Наиболее распространенными в обоих корпусах являются ретроспективные парцелляты, размещающиеся постпозиционно. Проспективные парцелляты располагаются препозиционно по отношению к парцеллемы; проспективно-ретроспективные - возможны только в двухпарцеллятных структурах и представляют собой оригинальное пре- и постпозиционное «обрамление» основы. Выбор размещения фокусной информации в тот или иной тип парцеллята – индивидуально-авторская стратегия, регулируемая определенными синтаксическими ограничениями. В проспективный парцеллят могут быть вынесены только номинальные координативные синтагмы. Проспективные и проспективно-ретроспективные парцелляты более свойственны французскому корпусу; в русском корпусе их

примеры единичны. Каждому из выделенных типов соответствует одноименная техника аттенциального фокусирования.

Протяженность парцеллята является параметром, который, на наш взгляд, влияет на восприятие парцеллята и, ретроспективно, всей парцеллемы. Размер парцеллята и соотносимый с ним размер основы как количественная характеристика перерастает в дискурсе в характеристику качественную, влияющую на распределение и перераспределения аттенциального фокуса, регулирует степень салиентности и, как следствие, восприятие и запоминаемость вычленяемой в парцелляте информации. Парцелляты малой протяженности легко обозреваются и идентифицируются, что облегчает их декодирование. Такие парцелляты динамичны, экспрессивны и часто эмоциональны. Равнообъемные с основой парцелляты представляют собой переходный тип, в котором парцелляция ощущается не так резко. Важное значение имеет размер основы и самой парцеллемы: чем она более протяженная, тем более сглажен разрыв. Парцелляты значительной протяженности превосходят в размерах основу. В этом случае продуцент речи «играет» на контрасте визуальной громоздкости парцеллята и малой протяженности основы и, в итоге, становится не менее эффективным средством распределения внимания. В области двух- и полипарцеллятных структур были выявлены парцеллемы с единой протяженностью парцеллятов и их комбинациями. При сопоставительном анализе типов протяженности парцеллятов было выявлено значимое **сходство**: наибольшее распространение имеют парцелляты малой протяженности, что подтвердило наше предположение, выдвинутое в Главе 2. Сходства проявляются также и в распределении частотности типов парцеллятов. Различия состоят в размере выделенных групп: во французском корпусе частотность парцеллятов значительной протяженности выше, чем в русском, а равнопротяженных – ниже. Различие наблюдается также в двухкомпонентных и поликомпонентных парцеллемах: парцелляты разной протяженности встречаются в два раза чаще в русском корпусе, чем во французском.

По параметру «удаленность от основы» были выделены две группы парцеллятов: примыкающие (включающие контактные, псевдоконтактные и свободные) и дистантные парцелляты. Первые расположены в непосредственной близости от основы, вторые являются проявлением синтагматической дисконтинуальности - отделены от основы другим предложением, как правило, комментирующим, разъясняющим авторскую оценку или позицию. Сопоставительный анализ выявил практически полное сходство в распределении примыкающих и дистантных парцеллятов. В обоих корпусах фиксируется преобладание примыкающих парцеллятов и малая частотность дистантных парцеллятов, очевидно, связанная со сложностью, подчеркнутой расчлененностью данного построения, осложнением отношений между ее компонентами и расчлененностью восприятия.

Количественный параметр характеризует способность парцеллемы к регулированию направленности аттенциального фокуса на один парцеллят или его двойному и многократному расщеплению. По данному параметру, таким образом, выделены однопарцеллятные, двухпарцеллятные и полипарцеллятные структуры. Сопоставительный анализ корпусов приводит к выводу о наличии значительного количества сходств у французских и русских парцеллем по этому параметру: безусловное преобладание однопарцеллятных структур, более высокая частотность двухпарцеллятных структур при сравнении с полипарцеллятными. Различия заключаются в ощутимо меньшей частотности полипарцеллятных конструкций во французском корпусе при сравнении с русским.

Новые грани парцелляции открываются при анализе семантики парцеллятов (*семантическое измерение*). Были выделены две группы парцеллятов, реализующие разные семантико-синтаксические программы: асимметрические (17 групп), характеризующиеся введением новых когнитивных представлений, и симметрические (22 группы), специфика которых заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении /исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений

о контексте дискурса, а также группу двухпарцеллятных и полипарцеллятных структур, парцелляты которых реализуют программы обоих типов.

В асимметрических парцеллятах в обоих корпусах аттенциальный фокус выделяет чаще всего каузальный аспект конструируемой ситуации. Французские асимметричные парцеллемы высвечивают также темпоральную характеристику описываемой продуцентом речи ситуации, способы и характер совершения действий. Несколько реже в фокус внимания выдвигаются компоненты со значением цели и характеристики объектов или субъектов ситуации. Русские парцелляты чаще других аспектов выводят в фокус уступку, цель предпринимаемых действий, характеристики объектов или субъектов ситуации, реже – следствие и способы и характер совершения действий. Примерно одинаково в корпусах представлены пространственные и условные парцелляты. Специфическим является отсутствие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации, парцеллятов-дискурсивных слов во французском корпусе.

Среди симметрических парцеллятов в обоих корпусах преобладают координативные, чаще всего оформленные союзом *но*, вводящим информацию, контрастирующую с когнитивными представлениями о контексте дискурса. Парцелляция данного типа построений призвана нарушить относительное равновесие ее частей и сфокусировать внимание на их субъективно значимой неравноправности. При этом важную роль играет семантика союза, оформляющего парцеллят. Во французском корпусе преобладают симметрические парцелляты со значением объектов конструируемых ситуаций, процент которых был невелик в группе асимметрических парцеллятов. В русском – предикативные парцелляты (части полипредикативных построений, сообщающих о нескольких ситуациях, характеризующихся одним субъектом, обозначенным в основе). К сходствам отнесем малую частотность (менее 5%) каузальных, темпоральных, целевых, пространственных, компаративных и некоторых

других типов парцеллятов, а также отсутствие следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах. Различия наблюдаются в области разнородных парцеллятов сложных парцеллем: в русском корпусе они встречаются значительно чаще. Специфическими чертами являются наличие рестриктивных парцеллятов, оформляемых союзом *sauf que*, во французском корпусе и наличие координационно-пояснительных парцеллятов в русском корпусе.

Сопоставительный анализ позволил выявить следующую закономерность: в обоих корпусах преобладают симметрические парцелляты, значительно реже используются асимметрические, еще более редки разнородные парцелляты в составе сложных парцеллем. Различия сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов: они более частотны во французском корпусе, и разнородных парцеллем, преобладающих в русском корпусе.

Было установлено, что вопреки устоявшемуся мнению, потенциал парцелляции ограничен. Парцеллятному членению не могут подвергаться:

- в области асимметрических парцеллятов - сложные именные сказуемые, прямообъектные парцелляты, во французском корпусе также предикативные парцелляты;

- в сфере симметрических конструкций – парцелляты со значением следствия, условия, уступки, прикомпаративно-объектные, координационно-пояснительные, подчинительно-сопоставительные.

Парцеллятная граница не проводится также в конструкциях с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью, после коррелятов *celui, ce, тот, такой*.

Анализ корпусов дал основание для выделения инвариантной модели парцеллемы, включающей основу и парцеллят (парцелляты в двухпарцеллятных и полипарцеллятных построениях). Разновидности данной модели опираются на три принципа парцеллирующего членения:

- линейный, реализующийся в парцеллемах любой структуры;

- параллельный, реализующийся в двух- и более сложных парцеллемах;
- комбинированный, свойственный лишь полипарцеллятным структурам.

При выделении моделей учитывались также ранее выявленные конструктивные особенности парцеллем. Наиболее частотной в обоих корпусах является Модель 1А. В области двухпарцеллятных построений преобладает Модель 2А, построенная по принципу синтаксической перспективы. Среди полипарцеллятных структур фиксируется большое разнообразие и малую частотность. Двух- и полипарцеллятные построения по моделям линейного членения несколько чаще встречаются в русском корпусе, а полипарцеллятные построения по модели типа В (параллельное членение) - во французском корпусе. Важным различием является также то, что в русском корпусе наблюдается большее разнообразие полипарцеллятных моделей, чем во французском.

Итак, сопоставительный анализ корпусных массивов позволяет сделать вывод о том, что в целом французские и русские парцеллемы проявляют больше конструктивных сходств, чем различий. Последние сконцентрированы в основном на периферии явления парцелляции. Следует отметить ощутимую гибкость и большее разнообразие типов и моделей в русском корпусе. Выявленные в ходе анализа различия и специфические черты, на наш взгляд, обусловлены особенностями пунктуационной и грамматической систем исследуемых языков, а также национальными особенностями мировосприятия.

Применение парцеллографемы является результатом креативной деятельности создателя текста (адресанта), находящегося в поиске средств для решения коммуникативно-прагматических задач. Мы считаем, что парцеллографемы используются в качестве самостоятельного канала передачи информации, являются невербальным способом кодирования информации и своеобразной инструкцией к ее расшифровке. Парцеллятная

«упаковка» меняет характер восприятия и обеспечивает высокую пропускную способность информационных каналов.

Очевидно, что изучение аттенциального фокуса в парцеллеме должно включать прагматический аспект и учитывать контекст ее использования, как локальный, так и макроконтент – текст, являющийся сферой ее бытования, что и будет рассмотрено далее (см. Глава 5).

ГЛАВА 5. ДИСКУРСИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Большинство работ, выполненных в русле когнитивной лингвистики, нацелены на исследование языка как средства хранения и упорядочивания информации – явлений off-line: категорий, концептов, лексической семантики, метафор и других. Однако, как справедливо замечает А.А. Кибрик, когнитивный подход также продуктивен в изучении явлений on-line, т.е. процессов построения и понимания дискурса, в исследованиях динамического использования структур, их употребления в дискурсе [Кибрик 2003: 24-25]. Ученый пишет: «при описании любого языкового явления важно стараться понять, в какой мере его форма определяется его функцией, а в какой мере имеющаяся форма, каким-то образом кристаллизованная в языке, ограничивает возможности употребления» [Кибрик 2003: 26]. Распределение внимания относится к когнитивным феноменам типа on-line, ответственным за использование языка в режиме реального времени и связанными с коммуникативной функцией языка – функцией передачи информации.

Одним из типичных и наиболее ярких средств аттенциального фокусирования в языке в формате предложения, как мы полагаем, является парцелляция (см. Глава 3).

Когнитивно-дискурсивный ракурс исследования позволяет перейти от описания парцеллемы с позиции ее внутренней организации (статический аспект), к ее изучению с точки зрения участия в построении более крупных, глобальных структур дискурса – абзаца и текста, где раскрывается лингвокреативный потенциал парцелляции и ее дискурсивные свойства (динамический, функциональный аспект). В дискурсивном формате, как мы увидим, парцелляции представляются широкие возможности для манипулирования аттенциальным фокусом.

Изучение парцелляции под указанным углом зрения требует предварительного уточнения понятия «дискурс» в его отношении к тексту. В научной литературе «дискурс» предстает как расплывчатое понятие, наполнение которого в значительной степени зависит от научного направления и исследовательской программы. Поскольку нет единой точки зрения на определение и соотношение названных понятий, представим те их дефиниции, которые принимаются в настоящем исследовании. Вслед за Н.Д. Арутюновой, дискурс понимаем как *связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами: прагматическими, социальными, психическими и др.*, как «речь, погруженную в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1988: 136–137], который, «преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством» [Алефиренко 2016: 49]. Текст является единицей, продуктом дискурса. Дискурс – это «одновременно и семиотизация культурно-исторического события, и речевая деятельность, ее продукт (текст)» [Алефиренко 2005: 9]. В такой трактовке дискурс выходит за рамки чисто лингвистических параметров. Для его адекватного описания необходимо учитывать как вербальную составляющую, продукт речемыслительной деятельности - текст, так и экстралингвистическую.

Данный ракурс допускает множество измерений дискурса:

- прагмалингвистическое;
- психолингвистическое;
- когнитивно-семантическое;
- лингвостилистический;
- структурно-лингвистическое;
- лингвокультурное;
- социолингвистическое.

Эти измерения, как пишет В.И. Карасик, не являются взаимоисключающими [Карасик: эл.изд.], допускают комбинирование. На

наш взгляд, при анализе дискурса оно неизбежно, поскольку, по справедливому замечанию У. Чейфа, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [Chafe 1996: 49].

В нашем исследовании используется комплексная методика анализа, объединяющая когнитивный, структурно-лингвистический и прагмалингвистический подходы. Позиция когнитивного подхода позволяет нам рассматривать парцелляцию и ее результат – парцеллему как материализованную репрезентацию аттенциального фокусирования в сознании и языке. Структурно-лингвистический компонент методики позволит выявить потенциал парцеллемы в зависимости от ее локализации в глобальных структурах дискурса (тексте и абзаце), а также участие в обеспечении когерентности дискурса. Прагмалингвистический ракурс позволит учитывать интерактивный характер дискурса, его эмоциональную и информационную составляющие, прагматические свойства и отношения, существенные для адекватного восприятия и понимания текстов. Во втором параграфе будет привлечен также стилистический аспект. В ходе анализа мы также в ряде случаев будем прибегать к иным дискурсивным «измерениям» парцеллемы, объясняющим то или иное ее применение.

Важным понятием, требующим раскрытия для дальнейшей работы, является «когерентность», которая определяется как фундаментальное свойство текста / дискурса, его семантическая (внутренняя) целостность. Когерентность – это не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические, функциональные и т.д.) аспекты смысловой и интерактивной, локальной и глобальной связности дискурса [Макаров 2003: 195; Клушина 2008: 53; Алефиренко 2016: 54; Казаченко 2009: 89; van Dijk 1977: 10; 1981: 124; Brown, Yule 1983: 223; Tannen 1984: 151-154; Werth 1984: 93].

Когерентность реализуется в трех измерениях: вертикальном, горизонтальном и глубинном [Комиссаров 1988]. Вертикальное измерение

создается формально-тематическим содержанием начиная с темы текста, которая разворачивается во все более мелких фрагментах; горизонтальное – формальными и смысловыми связями между высказываниями; глубинное – «отражает процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. Языковые средства, которые говорящий использует для передачи задуманного сообщения, служат своего рода «кирпичиками смысла», и в каждом высказывании они отбираются и организуются таким образом, чтобы интерпретировать значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности», при этом степень понимания будет для каждого реципиента различной [Казаченко 2009: 89].

Понятие когерентности тесно связано с когезией. Под когезией понимается линейная внутренняя организация текста посредством различных средств языка. Она охватывает формально-грамматические аспекты связи высказывания внутри текста (структурная, линейная связность). Когерентность воспринимается как свойство текста, а когезия как свойство элементов текста. Таким образом, когерентность шире когезии. С позиций когнитивной лингвистики когезия как формальная связность текста соотносится с когерентностью функционально, поскольку служит репрезентации категорий информативности и целостности текста [Алефиренко 2016: 54, Жаббарова 2011: 759]. Р. Лонгакр указывает на две функции когезии: 1) ретроспективную референцию и 2) перспективную организацию информации [Longacre 1989]. Первая функция позволяет осуществлять связь между предложениями или абзацами, вторая обеспечивает «перспективное связывание».

Данный подход позволяет вскрыть дискурсивные свойства парцелляции и перейти от вопросов ЧТО есть парцелляция, того, КАК распределяется в парцелле фокус внимания и ПОЧЕМУ это происходит, к вопросу о том, ЗАЧЕМ, с какой целью продуцент речи прибегает к парцелляции в дискурсе, использует ее в дискурсивных структурах (блоках).

Особое внимание мы уделим тому, как это употребление различается во французском и русском газетном дискурсе; тому, как какие сходства и различия существуют в корреляциях формы и функции парцеллятного знака и чем они специфичны. Это сопоставление будет опираться на статистические данные, полученные при помощи компьютерной программы Linguistica.

Анализ использования парцеллем в газетном дискурсе позволил выявить их различную локализацию: она встречается как в сильных позициях, так и внутри текстов (интротекстовые позиции). Большая часть парцеллем встречается, разумеется, в самих текстах. Во всех выделенных позициях наблюдается определенная корреляция между локализацией парцеллемы в структуре текста / дискурса и ее функциональным назначением.

5.1. Парцелляция в сильных позициях текста

Под сильной позицией текста понимаем композиционный блок, имеющий специфическую смысловую и структурную организацию и обеспечивающий установление значащих связей между элементами текста. К сильным позициям газетного текста традиционно относятся заголовок, лид (вводка), концовка. С позиций лингвокогнитологии сильные позиции представляют собой когнитивные опоры при восприятии и понимании текста.

Прежде всего, обратимся к статистическим данным.

Таблица 18. Квантитативные показатели текстовой парцелляции

Типы текстовой парцелляции	Французский корпус, %	Русский корпус, %
Пц в тексте ⁹⁵	84,47	81,5
Пц в заголовке ⁹⁶	0	7,8

⁹⁵ В эту группу включены тексты, в которых парцелляция не встречается в сильных позициях.

⁹⁶ Заголовочная парцелляция, как и все остальные нижеследующие типы не исключают внутритекстовой парцелляции.

Пц в лиде	5,46	3,85
Пц в концовке	8,39	4,5
Пц в лиде и концовке, включая кольцо	1,78	1,44
Сквозная Пц	0	0,1

Как показывает статистика, в области текстовой парцелляции наблюдаются как существенные **различия**, так и **сходства**:

1) общим является преобладание внутритекстовой парцелляции в обоих корпусах, но несколько чаще она встречается во французском корпусе (84,47% и 81,5%);

2) далее по частотности в русском корпусе следует заголовочная парцелляция (7,8%), концевочная (4,5%), в лиде (3,85%), парцелляция в лиде и концовке (1,44%);

3) во французском корпусе фиксируем аналогичное распределение, которое следует тому же порядку: концевочная парцелляция (8,39%), затем в лиде (5,46%) и в лиде и концовке (1,78%);

4) специфической чертой русского корпуса является парцелляция заголовка, составляющая 7,8% текстового корпуса;

5) редким типом текстовой парцелляции является сквозная парцелляция⁹⁷ (0,42%), также составляющая специфику русского корпуса;

Полагаем, что выявленные расхождения и специфика в использовании того или иного типа текстовой парцелляции связаны с национальными традициями оформления газетного текста.

5.1.1. Заголовочная парцелляция

Заголовок является наиболее сильной позицией, это «**сильный текстовый знак**⁹⁸, обязательная часть текста с фиксированным положением» [Плаксина, Кусова 2011: 118] (см. также [Лукин 1993: 59]).

⁹⁷ Под сквозной текстовой парцелляцией мы понимаем парцелляцию подзаголовков, которые составляют единую парцеллему (см. пример в Приложении 6).

⁹⁸ Разрядка наша (Ю.Б.)

Отражая в сжатой форме содержание текста, заголовок привлекает внимание, координирует или моделирует координаты описываемого мира, а также представляет собой своего рода ее рекламу [Чудинов 2005: 156]. Заголовок – своеобразная «закрученная пружина», «раскрывающая свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин 1981: 133], точка отсчета и ключ к концептуальной структуре статьи.

Как правило, заголовок визуально выделен супралингвистическим средством - курсивом и/или полужирным шрифтом, отвечающим в этой позиции метатекстовым нормам, отражающим «социально отработанные закономерности графического оформления текста на внешнем уровне» [Шубина 2006: 181].

Квантитативный анализ показал, что в данной позиции парцелляция встречается исключительно в русском корпусе. Факт отсутствия парцеллятных заголовков во французском газетном дискурсе говорит, на наш взгляд, не столько о различиях в языках, сколько имеет социально-дискурсивную природу. Если в российской медиапрактике парцелляция газетного заголовка является конвенционально закрепленным способом «упаковки» данной сильной позиции текста, то во французском, видимо, считается неприемлимой, о чем и свидетельствует цифра «0» в соответствующей графе. Исследователями отмечалось, что существуют определенные традиции построения и оформления газетных текстов (см., например, [Дроняева 2004: 308]). Эти различия могут иметь национальный характер, что в частности проявляется и в презентации заголовка.

Рассмотрим особенности употребления парцеллемы в качестве заголовка российских газет. Приведем несколько примеров:

- Лернер хочет сидеть в кнессете. *А не в тюрьме.* (Коммерсантъ, 27.01.1999)
- Судьба нефтяников — в секретном компьютере. *У Маслюкова.* (Коммерсантъ, 04.02.1999)

- Нефть будет взята под госконтроль. *Рыночными методами.* (Коммерсантъ, 17.10.1992)
- Борис Ельцин реабилитирован. *Генпрокуратурой и швейцарским банком.* (Коммерсантъ, 31.10.2000)
- Снесем Алешу - займеем базу. *Натовскую.* (Российская газета, 26.11.1999)
- "Газпром" избавит "Роснефтегаз" от сетей. *Выкупив акции газораспределительных организаций.* (Коммерсантъ, 11.03.2013)
- Минфин идет на SWIFT. *Чтобы обезопасить банки от санкций* (Коммерсантъ, 28.04.2014)

Как видим, парцеллятная сетка четко выделяет границы фокусированной зоны. Проанализируем парцеллятный заголовок на конкретном примере.

Новости

**Номер 190 от 11-10-2000
Полоса 002**

**"Транссиб" дотянут до Сеула
Если не застрянут в Пхеньяне**

Продолжается визит в Москву премьер-министра Республики Корея Ли Хан Дона (Lee Hang-dong). Вчера он встретился с представителями корейской диаспоры и призвал ее помогать развитию российско-южнокорейских отношений. А сегодня входящий в южнокорейскую делегацию министр транспорта Ким Юн Ги (Kim Yung-gi) проведет переговоры об участии России в проекте соединения железнодорожных путей Северной Кореи с Транссибирской магистралью.

Выступая вчера в отеле "Рэдиссон-Славянская" перед представителями проживающей в России корейской диаспоры, господин Ли Хан Дон прежде всего объяснил цель своего визита — отпраздновать десятую годовщину установления дипломатических отношений между РК и РФ и "призвать к дальнейшему развитию и укреплению двусторонних партнерских отношений". За десять лет они, по мнению корейского премьер-министра, достигли большого развития, и в первую очередь благодаря тому, что Сеул и Москва стремятся к утверждению общих ценностей демократии и рыночной экономики, опираясь на взаимодополняемый характер экономик двух стран.

Вчера же господин Ли Хан Дон встретился со спикером Совета федерации Егором Строевым. Выступая после встречи перед журналистами, южнокорейский премьер-министр сообщил о совместных проектах по строительству индустриального комплекса в Находке и освоению газового месторождения в Иркутской области совместно с Китаем.

Еще один конкретный проект сотрудничества будут обсуждать сегодня южнокорейский и российский министры транспорта Ким Юн Ги и Николай Аксененко. Речь идет о соединении железных дорог Кореи с "Транссибом". Это позволит Южной

Корее возить свои грузы в Европу не морем, что очень дорого, а по железной дороге через Россию. Возможность осуществить такой проект появилась лишь после исторической июньской встречи в Пхеньяне лидеров КНДР Ким Чен Ира (Kim Jong-il) и Республики Корея Ким Дэ Чжуна (Kim Dae-Jung). До сих пор Южная Корея была фактически отрезана от материка территорией Северной Кореи.

Встречаясь в сентябре с российскими журналистами, среди которых был корреспондент Ъ, в правительственном комплексе под Сеулом, министр транспорта Ким Юн Ги продемонстрировал неплохое знание трудностей, которые придется преодолеть, связывая корейскую железнодорожную ветку с "Транссибом": повергнув в некоторое смущение переводчицу, он рассказал известный исторический анекдот о том, почему ширина колеи российских железных дорог больше европейских (в Корее дороги строились по европейским стандартам). Эта проблема южных корейцев не пугает. Гораздо большие трудности могут возникнуть на территории Северной Кореи, где многие ветки не электрифицированы. Сейчас северокорейская сторона готова самостоятельно провести разминирование своего 12-километрового участка дороги от южнокорейской границы до города Кэсон (мины были заложены сразу после окончания Корейской войны в 1953 году), но сил на модернизацию всего железнодорожного пути от Кэсона к Пхеньяну и оттуда к границе с Россией у нее не хватит. Сегодня на переговорах с господином Аксененко его южнокорейский коллега должен обсудить и степень российского участия в этом процессе. Проект сулит немалую выгоду для России — в 2005 году Южная Корея надеется перевозить по Транссибу до 630 тысяч контейнеров груза в год.

АНДРЕЙ Ъ-ИВАНОВ

Расположенный по центру парцеллят высвечивает медиадискурсивный замысел автора – уже в заголовке указать на принципиальное условие жизнеспособности проекта, развернутое в третьей части статьи. Первая часть статьи вводит фон: приезд премьер-министра Республики Корея с делегацией в Россию, его встреча с представителями корейской диаспоры и со спикером Совета Федерации. Вторая часть освещает предмет договоренностей: соединение железных дорог Кореи с «Транссибом», которое будет обсуждаться корейским и российским министрами транспорта (расшифровка основы парцеллемы). В третьей части автор вводит в дискурс еще одно событие – встречу корейского министра транспорта с российскими журналистами, состоявшуюся недавно в Сеуле. Это позволяет уточнить препятствия, которые стоят на пути проекта: различная ширина железнодорожной колеи, необходимость ее ремонта и модернизации на северокорейском участке, до сих пор местами не электрифицированном. Все это потребует серьезных совместных усилий и немалых капиталовложений. Судьба чрезвычайно выгодного для России и Южной Кореи проекта (акцентировано в концовке) зависит от того, «не застрянет» ли он в Северной

Корее. Таким образом, заголовок задает проекцию главного с точки зрения автора условия проекта.

Обращают на себя внимание следующие моменты:

1) Вынесение в парцеллят придаточного условного, которое при нейтральном порядке следования компонентов сложного предложения должно находиться в начальной позиции. Такое перемещение компонента из дефокусированной позиции в приоритетную фокусную говорит о том, что автор расценивает описываемый им элемент ситуации как наиболее значимый. С когнитивно-семиотической позиции выделение информации в парцеллят, заключенный в графически отмеченные границы, кодирует информацию о «точке обзора», занимаемой продуцентом текста.

2) Процесс приписывания свойства салиентности при конструировании фрагмента реальности – процесс субъективный, протекающий с учетом того, как оно будет воспринято адресатом речи. В данном случае автор учитывает следующие факторы: во-первых, привлекает внимание адресата, так как последний может не отреагировать на очередную, ничем не выделяющуюся из ряда подобных, статью. Во-вторых, автор облегчает задачу адресата, размечая границы фокусной зоны, где размещена наиболее существенная информация, и снижая таким образом когнитивные затраты читателя на переработку информации в формате статьи.

3) В лингвокреативный процесс создания заголовка «втянуты» имена собственные «Транссиб», «Сеул» (в основе парцеллемы) и «Пхеньян» (в парцелляте), под которым понимается не сам город, а северокорейский участок железной дороги (вторичный семиозис), активизирующие фоновые знания адресата и подключающие более широкий интердискурс. Следует также отметить контрастно выделяющуюся на общем фоне лексему «застрять», имеющую здесь разговорную окраску и участвующую в выполнении общей функции привлечения внимания и его направлении на определенный аспект.

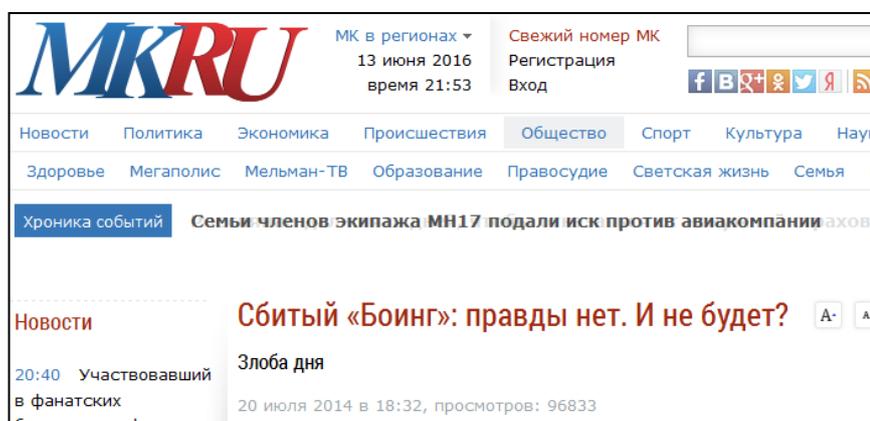
4) Манипулятивный эффект поддерживается интенциональной недосказанностью - полным дефокусированием агенса, кодирующимся глаголами в неопределенно-личной форме «дотянут», «не застрянут». Вербализация субъектов-производителей действия происходит в следующих строках – в лиде и затем в тексте, что поддерживает динамичность заголовка и его семантическую и референциальную связь с последующим текстом.

Еще пример создания заголовка при помощи парцелляции:

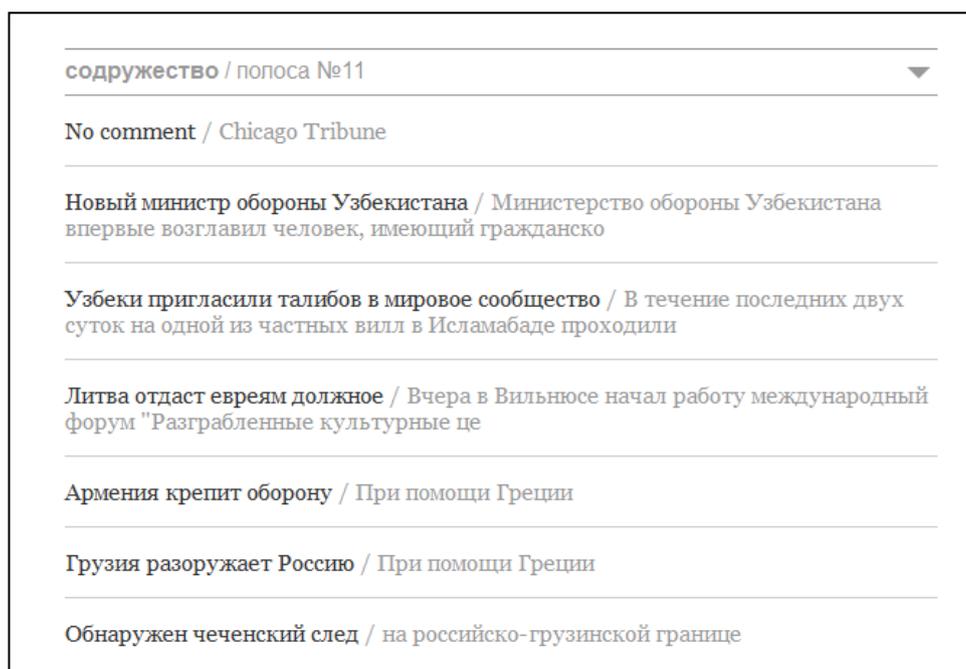
Приведенный заголовок сделан к статье, отражающей проблемы российских университетов и трудности в их развитии, которые препятствуют включению в мировые рейтинги. Помимо описанных выше (имена собственные, неопределенно-личная форма глагола), здесь особо обыгрывается недосказанность, заключенная в метонимических значениях имен «Азия», «Европа», которые становятся понятными только при переходе к лиду: речь идет об азиатских и европейских университетах. Процесс вторичного семиозиса в данном случае обусловлен следующим: номинация происходит по смежности. Метонимическая схема подобного типа с использованием имен собственных, и особенно топонимов (названия городов, государств, континентов и т.д.) довольно часто обыгрывается в этой сильной позиции. В подобных случаях метонимия запускает прагматически ориентированный, культурно окрашенный процесс инференции, реинтерпретации, основанной на принципе ассоциации.

Фокусирование поддерживается комбинированной парцеллятной сеткой, включающей точку и вопросительный знак, довольно частотной в заголовочной позиции полемических и проблемных статей. Назначение такой КПС заключается в повышении диалогичности заголовка. Адресант вводит себя и адресата в пространство совместной коммуникации, побуждает к дискуссии. То есть ситуация конструируется как такая, которая требует ответа на поставленный вопрос. При этом основная часть выступает как асертивный акт, а парцеллят апеллирует к некоему собеседнику. Ср. в следующем примере:

Аттенциальный фокус, смещающийся с основной части на парцеллят, свидетельствует о повышенной значимости выделяемого фрагмента для адресанта. В данном случае, салиентным оказывается инферируемое отношение субъекта к описываемой ситуации, а точнее, сильная обеспокоенность по поводу того, что ни российская, ни мировая общественность так никогда и не узнают правды о случившемся.

Игра с фокусом, материализуемым парцелляцией, порой эффективна для организации семиотического пространства оглавления номера, доступного на сайте газеты, как например, в следующем случае:

(Коммерсантъ, 04.10.2000)⁹⁹

Полагаем, редактор скомпоновал эту страницу таким образом не случайно. Общий заголовочный парцеллят «*При помощи Греции*» связывает две разные статьи, имеющих нечто общее – решающую роль Греции, в первом случае, способствующей укреплению обороны Армении, а во втором - готовой продать военную технику Грузии, что может повлиять на дальнейшую судьбу российских баз в этом регионе.

Следует признать, что в подобных случаях заголовочная парцелляция представляет собой весьма успешный лингвокреативный прием формирования определенного, прагматически обусловленного, ментального образа медиасобытия с четко выделенной фокусной зоной. Данный прием преследует следующие цели:

- 1) рекламную, т.е. используется для привлечения внимание адресата. прием эффективен в разножанровых газетных текстах, как в малоформатных рядовых новостных заметках, так и в проблемных статьях;
- 2) фокусирует значимый аспект макротемы медиасообщения;
- 3) задает ракурс восприятия и интерпретации;
- 4) позволяет с большей точностью прогнозировать содержание текста.

⁹⁹ Наклонная черта (/) означает перенос в следующую строку.

Заголовочная позиция накладывает определенные ограничения на используемые модели и типы парцеллем. Парцеллятный заголовок:

- 1) строится только по Модели 1А (включает 1 парцеллят);
- 2) ретроспективен;
- 3) преимущественно малой протяженности;
- 4) не может быть дистантным;
- 5) в два раза чаще представляет собой симметрический парцеллят;
- 6) использует преимущественно единую парцеллятную сетку (86%), но допускает также и КПС (14%).

В корпусе был зафиксирован окказиональный случай, а именно: 1 двухпарцеллятный заголовок, который можно квалифицировать как экспериментальный случай, как сознательное нарушение конвенции, принятой относительно конструктивных характеристик заголовочной парцелляции.

5.1.2. Парцелляция в лиде

Лид - резюме статьи, располагающееся между заголовком и текстом. Лид поясняет заголовок и в емкой форме раскрывает основной смысл или сюжетную канву освещаемого события; ознакомление с ним помогает читателю принять окончательное решение по поводу чтения статьи. Парцелляция доступна как русским, так и французским лидам.

В целом, назначение парцелляции в лиде видится в выделении значимых и более конкретных аспектах медиасообщения их уточнении и детализации.

Рассмотрим на примерах. Проанализируем следующий лид, размещенный под заголовком «Je mesure la tâche qui m'attend», представляющий собой цитату из выступления французского президента Фр. Олланда, произнесенного в Тюлле в 2012 г.:

Dans sa première déclaration prononcée à Tulle, le nouveau président de la République a annoncé sa volonté d'agir vite : « le changement, c'est

maintenant ». **Et rappelé l'ampleur de la tâche qui l'attend.** Son agenda international est très chargé. Et des décisions doivent être prises très rapidement au plan interne. Plusieurs mesures (augmentation de l'allocation de rentrée scolaire, retraite à 60 ans pour les salariés ayant commencé à travailler à 18 ans...) pourraient être actées dès le mois de mai (La Tribune, 06.05.2012)

Контекст статьи: избранный в 2012 году президент-социалист, чей лозунг «Перемены – сейчас», обещает изменить в лучшую сторону жизнь французского народа, усилить социальную политику, провести реформирование налоговой и банковской систем и многие другие меры, причем действовать собирается «быстро». Трудная экономическая ситуация, в которой находится Франция, усложняет поставленную задачу и требует проведения ряда тщательно продуманных серьезных мер; перечень некоторых из них освещен в статье.

Лид содержит 2 парцеллемы. Первый выделенный в парцелляте фрагмент частично дублирует слова президента, вынесенные в заголовок (*la tâche qui l'(m')attend*). Акцент переносится на масштаб проблем, ожидающих решения. Это детализирует, уточняет заголовок (Ср. «Я осознаю сложность задачи, которая ожидает меня»). Во втором случае парцелляте фокусирует внимание на срочности принятия решений по внутренним делам в самое ближайшее время. Основа парцеллемы «Его график международных встреч очень загружен» выполняет роль фона; международным делам противопоставлена важность проблем «внутреннего плана», имеющих в авторском видении приоритет, что и оформляется в парцеллятной аранжировке. Парцелляция является средством помещения в фокус внимания тематически значимых сущностей (масштаб задачи и проблемы внутреннего плана), которые последовательно разворачиваются в последующем дискурсе. На содержательном уровне это передается перечнем разнообразных мер, которые предстоит провести в жизнь, и конкретных сроков, а на языковом - употреблением рядов однородных членов, отглагольных существительных *blocage des prix des carburants, plafonnement et suppression de niches fiscales,*

modulation de l'impôt sur les sociétés au bénéfice des PME et des entreprises qui réinvestissent leurs bénéfices, surtaxe sur les banques et les sociétés pétrolières, retour au barème de l'ISF, suppression de l'exonération sur les grosses successions, taxation des revenus du travail comme ceux du capital, tranche d'imposition à 75% au dessus de 1 million d'euros..., дублирующихся парцеллятов *Tout comme le rétablissement de la retraite à 60 ans ...*, *Tout comme le doublement du plafond du livret A et du livret épargne industrie...*, и т.д.).

Парцеллемы в лиде несут важную информацию об авторском понимании отношений между явлениями, их оценке и позволяют адресату прогнозировать содержание статьи.

В статье «Как Владимир и Людмила Путины поделят имущество?» в лид вынесено:

Официально супруги Путины еще не подавали заявления о разводе, но, по всей видимости, вскоре президент России может стать завидным женихом. Безусловно, его политическое и моральное влияние не поддается оценке, но материальное благополучие по нынешним меркам является весьма скромным. *Даже по сравнению с коллегами.* (Московский комсомолец, 07.06.2013)

Аттенциальный фокус перемещается с оценки материального благополучия В. Путина как «весьма скромного» на объективность этой оценки, мерилom которой выступает благосостояние его коллег в Кремле. Величина достатка – понятие относительное, дать оценку которой можно только при сравнении с чем-либо, и, к тому же, индивидуально-окрашенное. Автор задействует сравнение, которое можно трактовать как когнитивный механизм переработки субъектом опыта познания, направленного на выявление актуальных характеристик ментальной репрезентации [Денисова 2006: 42-43]. В статье этот механизм ложится в основу стратегии формирования образа президента и убеждение читателя в его материальной «скромности». Очевидно, автору этот эталон сравнения представляется

объективным, как и та информация, которая сообщается в статье (или он хотел бы представить ее таковой): зарплата 500 тыс. рублей в месяц, квартира 77 м², 3 машины отечественного производства, в том числе раритетная «Волга», участок в Подмосковье и автоприцеп «Скиф». Доходы членов Правительства, приведенные в статье, значительно превосходят президентские: Н. Трутнев – 22 млн. в год, И. Шувалов – 226 млн. в год и т.д.

Автор успешно играет с таким свойством аттенциального фокуса как его подвижность¹⁰⁰ по ходу статьи: в заголовке он сосредоточен на разделе имущества при разводе президентской пары, в лиде же он соскальзывает на уровень материального благополучия В. Путина и его «объективную» скромность, которую автор раскрывает и доказывает далее. Становится очевидным, что основная тема статьи была в заголовке дефокусирована, сознательно выведена из фокуса, как и одна из основных ее задач: сформировать образ нашего политического лидера как человека скромного, честного, не стремящегося к наживе. Необходимую когнитивную проекцию, программирующую содержание статьи, отчасти эксплицитно («даже по сравнению с ...»), отчасти имплицитно задает парцеллят.

Таким образом, ключевыми функциями парцеллятной «упаковки» лида являются:

- 1) уточнение фокуса макротемы в том случае, если он выражен недостаточно эксплицитно в заголовке;
- 2) эксплицирование значимого аспекта макротемы, если он не освещен в заголовке;
- 3) детализация макротемы, заключающаяся в помещении в парцеллят фокусных микротем;
- 4) включение в парцеллят информации о стратегии развертывании макротемы.

Ограничения, касающиеся конструктивных особенностей парцеллемы в лиде, не столь многочисленны, как в заголовках: они могут быть различной

¹⁰⁰ Ср. «Главное свойство фокуса <...> состоит в перемене фокуса» [ван Дейк 1978: 322]

протяженности, но только ретроспективны и примыкать к основе, содержать не более 3 парцеллятов и строиться преимущественно по линейному принципу (тип А), а также быть «упакованными» в любую парцеллятную сетку.

В целом, мы бы отметили такие очень важные черты, свойственные парцелляции в заголовке и лиде, как высокая, бóльшая, чем в других позициях текста, контекстозависимость в интерпретации парцеллемы, дискурсивный смысл которой становится более понятным после прочтения всего текста. В отличие от заголовочной позиции, парцеллят в лиде детализирует, специфицирует, задает более конкретную(ые) перспективу(ы) для реконструирующего медиасобытия адресата. В этом контексте мы бы хотели сослаться на мысль Р. Лонгакра: «Сама идея дискурса как структурного единства требует, чтобы некоторые части дискурса были более заметными, чем другие» [Longacre 1983]. Эти части становятся «поисковым стимулом», «ключом» в процессах языковой обработки информации.

5.1.3. Парцелляция в концовке

Концовка газетной статьи – это сильная позиция, в которой суммируются или обобщаются впечатления, оценки и мнения, подводятся итог или делаются выводы. Особый акцент, яркое впечатление может создать в этой позиции парцеллема.

Перейдем к анализу примеров из корпуса.

Рассмотрим следующий пример концовки статьи под названием «Nicolas Sarkozy sonne l'heure du rassemblement». Статья посвящена возвращению Николя Саркози к политической жизни, которое официально состоялось 19 сентября 2014 г., после проигрыша на выборах 2012 г. Бывший президент объявил о своем намерении стать кандидатом на пост президента в 2017 г. и о новой политике, которая будет направлена на «преодоление раскола между правыми и левыми». В статье журналист анализирует предпринимаемые

Саркози действия и в концовке подытоживает свои наблюдения и размышления:

- Reste la question du positionnement politique, qui reste la clé de la reconquête. Patrick Buisson, l'inspirateur de la tonalité droitière de la campagne de 2012, étant hors jeu depuis le scandale des enregistrements, et M. Sarkozy étant dans une logique de rassemblement, il s'engage à adopter une ligne plus modérée. *Mais les contours de celle-ci restent flous* (Le Monde, 13.09.2014)

Итак, «контуры» предлагаемой политики представляются на данный момент «неясными». Таков вердикт автора, изучившего деятельность Саркози и его политической позиции, убедительная финальная нота, на которой заканчивается текст.

Парцеллят в концовке – средство указания на самый важный результат, вывод, ради которого и писалась статья. Каким бы видом концовки (обобщающая, оценочная, с открытой перспективой, проблемная и т.д.) не воспользовался бы автор, в фокус внимания благодаря парцелляции попадает субъективно-значимый информационный компонент.

Примерами могут служить следующие концовки:

- Des zones d'ombre subsistent néanmoins, qui exigent un effort spécifique de la part des sciences sociales. *Notamment sur les massacres intrareligieux, les églises ayant été le deuxième lieu de l'exécution du génocide, après les collines.* (Le Monde, 07.04.2014)

- Plus enlevé dans la deuxième partie (trois heures avec entracte !), le spectacle ne cède jamais au malaise, à l'effroi qui perce sous les répliques. *Sauf à la toute fin, dans la scène du banquet final, qui s'apparente bien à un sacrifice.* (Libération, 25.10.2006)

- Il s'alignait aux côtés d'un des deux Jensen, dont les frasques ont fait plus de bruit que les résultats. *Beaucoup de bruit pour rien.* (Libération, 31.10.1996)

- Je considère pour ma part que le débat est d'ores et déjà bien engagé. *Sur des bases très encourageantes.* (Humanité, 29.06.1999)

•Une fin inquiétante, certes, mais où le dernier mot n'est pas dit. *Comme si la Chine, sous la plume des romanciers français, gardait toujours une porte ouverte.* (Le Monde, 14.03.2007)

•Именно эти показатели необходимо учитывать в отчётах о деятельности миграционной службы и правоохранителей. *А не число задержанных или количество составленных протоколов.* (АиФ, 13.12.2013)

•Таким образом, ЦБ погнавшись за двумя зайцами: снижение инфляции и удешевление кредитов - не догнал обоих. *И проморгал падение рубля.* (Московский комсомолец, 15.02.2014)

•Правда, нужно учесть, что, сколь бы беспристрастны ни были компьютеры НИИ АА, исходные данные в них будут вводить живые люди. *Искренне благодарные первому вице-премьеру за выгодный заказ.* (Коммерсантъ, 04.02.1999)

•Патриотизм воспитывают не уроки, а жизнь. *В том числе и примеры взрослых.* (АиФ, 09.05.2014)

Структура парцеллятной концовки может достаточно сложной и представлять поликомпонентную структуру с множественными фокусами, где парцелляция позволяет автору расставить необходимые акценты:

•Pour être adoptée par l'Europe, la proposition requiert une adoption à l'unanimité. *A moins que la France ne décide de passer outre (1). Et d'appliquer, sur son territoire, une telle taxe (2). En attendant que l'Allemagne, ou le reste des pays de l'Union, la rejoigne (3).* (Libération, 08.01.2012)

Подобные концовки играют очень важную роль в формировании ментальных репрезентаций, которые остаются в сознании реципиента после чтения газетного текста. Парцелляция в этой позиции позволяет очертить границы наиболее существенного с точки зрения адресанта аспекта, который предназначен для хранения в долговременной памяти адресата.

Ограничений на типы парцеллятов в этой функции практически нет.

Анализ корпусного массива показал возможность использования парцелляции одновременно и в лиде, и в концовке, т.е. сразу в двух сильных

позициях. В ряде случаев такое применение парцелляции становится композиционно-стилистической фигурой - кольцом. Например, в статье о деле Андерса Брейвика используются различные виды парцеллем в начале и конце текста:

- в лиде: Пока в Норвегии судят Андерса Брейвика, в российской блогосфере судят Норвегию. *Пишут про кризис гуманизма. Про тупик западной толерантности. Про суицид западной цивилизации. Про все то, чего у нас нет и что у них якобы доказало свою несостоятельность.*

- в концовке: Единственное, в чем, на мой взгляд, норвежское общество продемонстрировало свою уязвимость, так это в неспособности предотвратить преступление. *Обезопасить себя от зла.* (Российская газета, 19.04.2012)

Такая «кольцевая» парцелляция создает своеобразную композиционно-речевую гармонию и усиливает воздействующий эффект, так как в особых – сильных – позициях оказывается ключевая информация, специально выделяемая автором.

Примером также может служить кольцевая парцелляция в статье, посвященной Ф. Черенкову. В концовке автор дробит высказывание на трехпарцеллятное построение: В статье «Такой парень... был» в лид вынесено:

•Фёдор Черенков — самый народный футболист страны. *Ушёл, проиграв решающий матч. За жизнь.* «Умер в 55 лет после тяжёлой болезни», — сообщают в сводках.

В концовке:

•Это сейчас чуть что — игроки за ножку хватаются и кричат на весь стадион. *А он переносил боль в себе. Всю жизнь. Которая оказалась такой короткой.* (АиФ, 07.10.2014)

В сильных позициях текста парцеллемы играют особую роль – «зацепить» внимание потребителя информации, обеспечить его

заинтересованность в прочтении статьи и сформировать определенное отношение к обсуждаемому вопросу.

5.2. Интротекстовые позиции парцеллемы

Участие парцеллемы в построении дискурса заметно при анализе ее расположения в структуре абзаца, который мы, вслед за А.А. Кибриком, рассматриваем как глобальную структуру (блок, компонент) дискурса, границы которого наглядно графически маркированы [Кибрик 2003: 4, 32].

Как показывает исследование, парцеллема может быть использована в различных частях абзаца и абзацного комплекса. Для анализа мы выделили начально-абзацную, внутриабзацную, финально-абзацную и межабзацную позиции, которые определяют специфику выполняемых парцеллемой функций.

Обратимся к анализу парцеллированной конструкции в начальном абзацном расположении.

Как отмечают Дж. Браун и Дж. Юл, переход к новому абзацу вызван сменой топика [Brown, Yule 1983: 95], что говорит о снижении связности - совокупности общих для фрагмента дискурса характеристик (референциальной, пространственной, временной и событийной [Givón 1984: 896]). На стыке абзацев прогнозируется разрыв хотя бы одного из этих видов связности, что мы и можем наблюдать в приведенном ниже примере:

Brigitte Sibona, ex-responsable des opérations de HSBC Private Bank, ne fait pas mystère des intentions de la banque: «L'intérêt du client est qu'il évite la taxe ESD et la banque a réalisé une marge en vendant des sociétés offshore, dit-elle aux enquêteurs. La finalité pour la banque, c'est de garder le client.»

C'est donc forts de ces divers éléments que les juges Daïeff et Bilger se sont résolus à poursuivre la banque elle-même. Au risque d'entrer en conflit avec la justice suisse. En effet, l'office fédéral de la justice a peu apprécié que les juges

français aient directement convoqué HSBC, le 1er août, par voie postale, en vue d'une mise en examen. (Le Monde, 03.11.2014)

В данном примере заметен прежде всего локальный сдвиг: действие переносится из швейцарского банка во французский правоохранительный орган, происходит смена точки перспективы, с которой автор предлагает смотреть на описываемую ситуацию. Также происходит референциальный (меняются субъекты действий), временной и событийный сдвиги. В начальной позиции абзаца парцеллема создает определенную коммуникативно-прагматическую «напряженность», выводя в парцеллят информацию, ключевую для всего абзаца и требующую последующей расшифровки (Почему возможен конфликт со швейцарским правосудием? Почему это связано с риском? Что предшествовало описываемым событиям? Уже имелся прецедент?). Таким образом, парцеллят в данном положении является темой, раскрываемой в абзаце, задает правосторонний вектор ее дальнейшего развития. Такие парцелляты выполняют проспективную функцию и обеспечивают таким образом развитие прежде всего горизонтальной содержательной структуры текста.

Подобные парцелляты частотны и в русском корпусе. Например:

У нас в Одессе в саду завелась белка, ела сливы, абрикосы, самое неожиданное, что это был белка-мужчина. Уже седой, одинокий, холостой, незапасливый. Никого не боится - одинокие вообще никого не боятся: детей нет, жизни не жалко, на кота плюёт огрызками, на пса замахнулся. Передним ходом сбегал вниз, задним ходом вверх, потом опять опустился вниз и что-то сказал псу, потом опять задним ходом вверх, пёс умолк и отвалил. Белка уже пожилой, лет 5-6, абсолютно одинокий. От этого злопамятный. Урожай слив и абрикосов то бывает, то нет. И белка такой - то жирный, то тощий. (АиФ, 15.11.2014)

В фокусной зоне начальнабзацной парцеллемы размещен парцеллят, содержащий такие характеристики белки как возраст, отсутствие семьи, неумение запасаться, которые более подробно раскрываются в абзаце. Такие

парцелляты «высвечивают» фокус новой микротемы и нацелены на выполнение проспективной функции.

Рассмотрим функционирование внутриабзацной парцеллемы:

Le procureur de Paris, François Molin, décide de l'ouverture d'une enquête préliminaire. Le dossier Cahuzac devient alors officiellement une «affaire judiciaire». François Molins a été successivement directeur de cabinet de Michèle Alliot-Marie puis de Michel Mercier, il connaît par cœur les rouages de la Chancellerie. **La tradition non écrite veut que le procureur de Paris informe le cabinet, outre la direction des affaires criminelles et des grâces. Et que le cabinet lui-même traite directement avec l'Élysée...** Le dossier Cahuzac fait partie de ces dossiers «signalés» qui sont suivis en temps réel ou presque par la Chancellerie. Christiane Taubira en connaît donc personnellement tous les rebondissements. (La Tribune, 15.03.2010)

Основная часть парцеллемы опирается на анафорический элемент les rouages de la Chancellerie, под которым подразумеваются политические и бюрократические тонкости работы в Министерстве Юстиции, раскрывает его значение, а парцеллят фокусирует необходимость учета иерархических отношений и согласования каждого шага расследования с вышестоящими структурами (метонимия *Élysée* – Елисейский дворец), на что «работает» каждый элемент парцеллята. Парцеллятная комбинированная сетка с многоточием указывает на особый подход, требуемых в делах, подобных делу Жерома Каюзака, министра финансов, ушедшего в отставку из-за скандала, разразившегося по поводу его незадекларированных многомиллионных счетов в швейцарском банке и находящимся в настоящее время под следствием (следующее предложение). Многоточие кодирует многозначительную паузу. Парцеллят звучит предупреждающе. Последствия несоблюдения «неписанной традиции» могут отразиться на самом министре Юстиции, Кристиане Тобира (последнее предложение абзаца). Реконструкция смыслов возможна при условии знания реалий и «погруженности» в дискурсивную среду, созданную в связи с этим делом.

Обратимся к еще одному примеру.

Предвыборная борьба в Воронеже, Москве, Екатеринбурге, Ярославле и других городах и регионах в очередной раз демонстрирует обоюдный правовой нигилизм, как со стороны государства, так и оппозиции. В ФЗ и региональных законах загодя были приготовлены лазейки для власть имущих, позволяющие им не покидать свои посты на время предвыборных компаний. **И на полную мощь использовать административный ресурс.** Вертикаль законы пишет и принимает для себя. (Московский комсомолец, 28.08.2013)

Парцеллема, занимающая промежуточное абзацное расположение, таким образом, активно участвует в семантической прогрессии текста, всегда выполняет ретроспективно-перспективную функцию.

Конец глобального дискурсивного компонента, как и начало, – сильная позиция текста. В *финально-абзацной позиции* парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, которая представляется автору наиболее значимой:

Ces éléments, évoqués tant par Eliane Houlette, la procureure nationale financière, que par Philippe Lagauche, avocat général à la cour d'appel de Paris, dans leurs rapports du 26 février brandis imprudemment par Christiane Taubira, mercredi 12 mars, attestent que la justice dispose d'éléments tangibles dans cette affaire. **Les juges Patricia Simon et Claire Thépaut, forts des mails et documents saisis lors des perquisitions du 4 mars, vont donc continuer leur enquête. Sous haute pression.** (Le Monde, 13.03.2014)

Приведем пример из русского корпуса. На вопрос журналиста о возможности усыновления ребенка однополрой семьей, уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов отвечает:

Позиция России выражена в наших базовых законах, в Конституции и Семейном кодексе. Там прямо указано, что, во-первых, браком считается союз мужчины и женщины. Во-вторых, у нас усыновление возможно только семейными парами. **В исключительных случаях допускается, когда одиночка берет ребенка. Но для этого должны быть какие-то определенные обстоятельства. Например, родственное усыновление.** (Российская газета, 04.02.2013)

Первый парцеллят фокусирует внимание на ограничении возможности усыновления ребенка одиноким человеком, второй – на примере этого ограничения. Тема абзаца раскрыта полностью, следующий абзац открывает новую тему.

Приведем еще один интересный пример, демонстрирующий возможности финальноабзацной парцелляции. Основная часть выполняет здесь двойственную функцию: 1) дублируя промежуточный заголовок (*conclusions édifiantes*), повторно фокусирует внимание на значимости, обоснованности выводов доктора Кьезельбака относительно недостаточного учета человеческого фактора при анализе неэффективных реструктуризаций предприятий; 2) вместе с парцеллятом прогнозирует содержание следующего, «правого» абзацного компонента. Его функцию здесь можно определить как ретроспективно-перспективную:

Des conclusions édifiantes

Que 25 scientifiques aient étudiés, sous la houlette du professeur Dr Thomas Kieselbach de l'université de Brême, l'impact des décisions prises en comité de direction sur des bataillons entiers de salariés, impact physique et psychologique, voilà qui reste inédit. **Leurs conclusions sont édifiantes. Et malheureusement toujours d'actualité!**

60% à 75% des restructurations se traduisent par un échec imputable non pas à la stratégie mais à la dimension humaine. Ne pas comprendre que chaque personne faisant partie de l'organisation montre des réactions différentes vis-à-vis du changement est une grave erreur. (La Tribune, 06.12.2013)

Завершая абзац, парцеллема подготавливает дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступени, т.е. включает проекцию будущего абзаца, раскрывающего актуальность этой научной работы. Таким образом осуществляется вертикально-ступенчатый принцип смысловой организации. Семантические связи конструкции с «правым» компонентом достаточно сильны, но автор оставляет конструкцию в сильной финальной позиции, усиливая выделенность парцеллята, заключенного в комбинированную парцеллятную

сетку с восклицательным знаком, а ее «расшифровку» помещает в следующий графически маркированный компонент. На наш взгляд, имеет место субъективный, эмоциональный подход к определению границ абзаца, оправданный в данном случае содержательной структурой текста и его прагматической направленностью. В этом контексте весьма интересно обратиться к результатам эксперимента А.А. Кибрика, в ходе которого ученый установил, что границы абзацев «не являются простой графической условностью, они маркируют границы между компонентами глобальной структуры дискурса, и носители языка с 90-процентной вероятностью сходятся в том, где эти границы находятся». Однако восприятие «существенности» разрывов связи различно, а это означает, что «границы между абзацами не полностью выводимы из прочей формы текста. То, как их расставляет редактор или автор, несет самостоятельную семантическую информацию» [Кибрик 2003: 33].

Наиболее ярким примером приращения семантической и прагматической информации при абзацировании являются *межабзацные парцеллемы*, парцеллят которых вынесен в отдельный, новый абзац. Специфика парцеллирования заключается здесь в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень – в следующую глобальную структуру:

M. Sarkozy n'a pas réussi à obtenir un score soviétique et à s'imposer comme le candidat naturel de son camp pour la présidentielle. Résultat: celui qui s' imagine comme le chef incontesté de son camp n'a pas les pleins pouvoirs. **Le successeur de Jean-François Copé va devoir composer avec ses rivaux.**

Et en premier avec Bruno Le Maire, qui est l'autre gagnant du scrutin interne. En obtenant plus 29,18%, le député de l'Eure a réussi son pari: il a émergé en portant le thème du «*renouveau*». (Le Monde, 30.11.2014)

Высокая выделенность межабзацного парцеллята обуславливает его функцию в организации содержательной структуры текстового пространства

– максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом:

К счастью для УГМК, запал хозяек иссяк, а Сандрин Груда вновь взяла игру на себя. Ее быстрый отрыв на последней минуте остановить удалось только за счет фолла. **Груда оба броска исполнила точно и фактически поставила точку в матче - 63:58.**

А заодно и в сезоне, по ходу которого УГМК выиграл три турнира из четырех, в которых участвовал. Речь помимо победы в чемпионате России идет о выигрыше Кубка России (четвертый раз подряд) и Суперкубка Европы. Единственной осечкой стало поражение в полуфинале Евролиги, которую УГМК выиграл в прошлом сезоне. (Коммерсантъ, 30.05.2014)

Парцеллят на новой абзацной ступени – значимый компонент все той же разворачиваемой макротемы (успехи команды УГМК), но задающий новую перспективу (переход от персональных успехов С. Груда к командным). Этот прием необычен, в силу чего его частотность в газетном дискурсе остается невысокой.

Анализ материала также дает основания для выделения еще одного типа парцеллем – полноабзацных:

Le hic dans ce type de fête, c'est la frontière entre vie privée et vie professionnelle. **La crainte d'y dévoiler une partie de soi qui échappe à l'environnement professionnel. Le risque qu'entre un canapé au saumon et trois coupes de champagne, on laisse tomber son masque.** (La Tribune, 22.12.2013)

Каждый может удостовериться - документы подлинные. **С ошибками, кляксами, входящими номерами. Иной раз трудночитаемые. И не только из-за клякс...** (АиФ, 09.04.2014)

В приведенных примерах размер парцеллемы равняется размеру абзаца. Выделение парцеллемы в отдельный дискурсивный блок обусловлен прагматической установкой автора – визуально маркировать особую значимость того знания, которое он хочет донести до адресата.

В ряде случаев размер парцеллемы может разрастаться до нескольких абзацев, что представляет собой достаточно редкое явление и зафиксировано только в русском корпусе:

Самый поверхностный мониторинг сайта Госдумы показывает, что депутаты прислушались к совету трёхвековой давности. **И попытались запретить всё. Или почти всё.**

Детские конкурсы красоты, продажу «антироссийских» компьютерных игр, курение, хождение долларов, усыновление российских детей иностранцами, продажу энергетических напитков несовершеннолетним, употребление алкоголя на борту самолёта, бесплатное скачивание фильмов и музыки из интернета...

Использование обсценной лексики в личных сетевых дневниках, суррогатное материнство, выезд «уклонистам от армии» за границу, пропаганду сепаратизма, оскорбление чувств верующих, сомнительную и коллаборационистскую символику... (АиФ, 21.03.2014)

Во французском корпусе с небольшой частотностью встречается еще один оригинальный тип интротекстовой парцелляции - парцелляция через подзаголовки, например:

Loin de s'offusquer, Hassan II « est parti d'un grand éclat de rire et a quitté la pièce en se bidonnant ».

PLAISANTERIES SALACES

Jusqu'au jour où le roi ne rit plus. Non pas à cause du bouffon et de ses blagues vulgaires. Mais à cause de son fils, un humoriste lui aussi, prénommé Hassan (comme le roi), un gagne-petit qui anime les soirées privées « de l'élite ». (Le Monde, 29.05.2014)

Confronté par les policiers à Guy Alvès, l'autre patron de Bygmalion, qui l'accuse sur procès-verbal d'avoir autorisé les fausses factures, il continuera à nier.

RÉUNIONS

Mais les enquêteurs disposent d'éléments nouveaux. (Le Monde, 06.10.2014)

Обратимся к статистике корпуса.

Таблица 19. Квантитативные показатели использования парцеллемы в интротекстовых позициях французского и русского газетного дискурса

Интротекстовые позиции	Французский корпус, %	Русский корпус, %
начальноабзацная	22,05	18,35
внутриабзацная	42,82	37,17

финальноабзацная	24,49	27,9
полноабзацная	4,49	12,27
разноабзацная	0	0,28
межабзацная	4,49	4,02
через подзаголовков	1,67	0

Сопоставительный анализ корпусной статистики дает основания для следующих выводов.

Сходства в использовании парцелляции в интротекстовых позициях:

- 1) преобладание внутриабзацных парцеллем в обоих корпусах (42,82% и 37,17%), с небольшой разницей $\Delta = 5,65\%$;
- 2) порядок убывания по частотности финальноабзацных (24,49% и 27,9%), начальнаабзацных (22,05% и 18,35%) и полноабзацных парцеллем (4,49% и 12,27%);
- 3) наиболее редкий тип – парцелляция через подзаголовков (1,67% и 0,09%).

В ходе анализа были зафиксированы следующие **различия**:

- 1) преобладание русских финальноабзацных парцеллятов ($\Delta = 3,41\%$) и французских начальнаабзацных парцеллятов ($\Delta = 3,7\%$);
- 2) преобладание полноабзацных парцеллем в русском корпусе: разница в 2,7 раза;

Специфической чертой русского корпуса является такой тип парцелляции как разноабзацный, не востребованный во французской прессе. Специфика русского корпуса – в отсутствии парцелляции через подзаголовков.

5.3. Парцеллятная конвергентная зона

В предыдущем параграфе мы неоднократно констатировали тот факт, что парцелляция поддерживается, взаимодействует с различными стилистически окрашенными лексико-семантическими и синтаксическими средствами, усиливающими выделенность сегмента, расположенного в

парцелляте, особенно в сильных позициях дискурса. Значительное место в этом ряду занимают стилистические фигуры и тропы, способствующие повышению выразительности и/или изобразительности парцеллятного сегмента и, как следствие, увеличение прагматического потенциала парцеллемы. К этим средствам относятся: метафора и метонимия, градация, зевгма, сравнение, фигуры интертекста, различные виды повторов, антитеза, полисиндетон и другие фигуры, а также самые разнообразные варианты их комбинаций. Способность парцелляции к этому взаимодействию мы называем ее конвергентным потенциалом, понимая под конвергенцией стремление различных разноуровневых языковых средств к сближению и взаимодействию в дискурсе для выполнения единой функции. Для обозначения их сосредоточения в парцелляте будем пользоваться понятием «парцеллятная конвергентная зона».

Сопряжение стилистического и когнитивного ракурсов исследования позволит нам выявить своеобразие конвергентного потенциала парцелляции в газетном дискурсе как сфере, продуцирующей все новые комбинации приемов речевого воздействия.

На первом этапе мы очертим круг стилистических средств, способных к регулярной конвергенции с парцелляцией во французском и русском газетном дискурсе. На втором – обратимся к дискурсивно-когнитивному анализу механизма конвергенции на примере комбинации парцелляции и метафоры как наиболее распространенного типа парцеллятной конвергенции. Задачей третьего этапа будет анализ взаимодействия парцелляции и фигур, основанных на использовании прецедентных феноменов – прецедентного имени (антономасия) и высказывания (фигуры интертекста).

5.3.1. Конвергентный потенциал парцелляции

Круг стилистических средств, с которыми может сочетаться парцелляция, ограничен. Крайне редки контакты парцелляции с парантезой,

кольцом, сравнением (при этом парцелляция обстоятельств сравнения встречается довольно часто), литотой, гиперболой и т.д., примеры которых в нашем корпусе единичны (квантитативные данные представлены в Приложениях 3, 4).

К частотным типам конвергенции относится комбинирование парцелляции с метафорой, повтором, градацией, синтаксическим параллелизмом и некоторыми другими фигурами, усиливающими аттрактивный¹⁰¹ эффект парцеллемы.

Индексирование в корпусе проходило не с целью выявить все фигуры и тропы, которые входят в конвергенцию с парцелляцией, поскольку их комбинации многочисленны и разнообразны, а для возможности получить конкорданс и работать с примерами.

Парцелляция и градация. Совместно с градацией парцелляция может вывести в фокус внимания члены ряда, расположенные по нарастающей смысловой или эмоциональной значимости, при этом происходит расщепление одного фокуса на множество фокусов, причем равных по значимости. Каждый парцеллят «высвечивает» новый значимый элемент эмоционально насыщенной, транслирующей субъективно-оценочные смыслы, градационной цепочки:

- Mais le plus beau c'est que je skie depuis ce week-end. **Un peu. Doucement. Précautionneusement. Amoureusement.** (*Le Figaro*, 15.01.2014)

Элементы, попадаемые в аттенциальные фокусы, последовательно уточняют свойства образа референта. Участие в этом механизме субъективно-окрашенной, оценочной лексики приводит к наращиванию эмоциональной оценочности, максимально воплощающейся в последнем парцелляте.

В парцеллятной конвергентной зоне градация может «притягивать» и другие фигуры и тропы:

¹⁰¹ Аттрактивность мы рассматриваем под психологическим углом зрения, как «свойство объекта «привлекать», «притягивать» внимание, вызывать интерес» [Большой психологический словарь 2003]

- Есть было нечего. *Буквально. СОВСЕМ нечего.* (АиФ, 9.05.2013)

Парцеллированная нисходящая градация усиливается повтором "нечего" и использованием графона¹⁰² "СОВСЕМ", перцептивно выделяющимся на общем фоне, что переводит повтор в частично дефокусированную позицию.

Взаимодействие парцелляции и градации часто также сопровождается метафоризацией:

- D'abord refusée par les grands éditeurs britanniques, la série de J. K. Rowling, où le héros grandit au même rythme que ses premiers lecteurs, a été un événement majeur, de l'avis de tous les professionnels du secteur. *Un séisme dans le paysage littéraire* (Le Monde, 26.11.2014)

Прямая номинация *événement* в структуре восходящей градации дополняется и обогащается эмотивно-оценочными, личностно-значимыми смыслами во вторичной номинации *séisme*.

Парцелляция и антитеза. Сущность антитезы заключается в «подчеркивании различия между элементами противопоставления через их разделение» [Плотникова 2012: 27]. Взаимодействие парцелляции и антитезы в газетном тексте позволяет привлечь внимание к актуальным сторонам денотативной ситуации либо акцентировать внимание на противоречивой сущности референта, например:

- *Et comme Auvinen n'est pas très bon, eh bien... il sera promu, le cher ange. Sur la terre comme au ciel... A moins que ce ne soit l'inverse.* (Le Monde, 22.05.2014).

- Рафаэль Надаль не сразу начал. *Но быстро закончил* (Коммерсантъ, 27.06.2012)

В статье автор описывает игру известного спортсмена Р. Надаля, который обыграл соперника, но заставил болельщиков понервничать.

Еще пример:

¹⁰² Под графоном понимаем средство зрительного выделения психологически акцентированного слова. Вслед за А.П. Сковородниковым, считаем, что графон представляет собой фигуру речи, стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или орфографической нормы [Сковородников 2009: 106-109].

- В советской школе подневольно изучали «Как закалялась сталь» про героическую и трудную жизнь Павла Корчагина. *А после уроков дети с азартом читали «Двенадцать стульев» про весёлую и мошенническую - Остапа Бендера* (АиФ, 17.12.2014)

Характеризуя школу советского времени, автор выводит на передний план контраст между школьной программой и действительными литературными интересами учащихся. Противопоставление создается парной антитезой *подневольно - с азартом* и *про героическую и трудную жизнь – про веселую и мошенническую*. Парцелляция поддерживает этот контраст, делает его более ярким и позволяет сфокусировать внимание на дистанции между тем, что происходило «в школе» и «после уроков».

Парцелляция и зевгма. Парцелляция может взаимодействовать с зевгмой, усиливая ее экспрессивность, передавать концентрацию мысли на определенных ключевых моментах.

Парцеллирование может проходить как перед зевгматической конструкцией, так и между ее семантически разноплановыми частями:

- Как раз до сих пор сажали мало... *Особенно людей и сельхозпродукты* (АиФ, 15.11.2014)

- Вице-президент интересуется пропашными культурами. *И коррупцией* (Коммерсантъ, 27.10.1992)

В данном примере речь идет об Александре Руцком, который посетил Ставропольский край, особо заинтересовавшись внедрением французской технологии переработки пропашных культур, а также максимально используя свои поездки «с сельскохозяйственным уклоном» и для того, чтобы изучить и этот аспект экономической деятельности. В данном случае вынесение второй части зевгматической конструкции в парцеллянтную зону создает эффект неожиданности и привлекает внимание реципиента.

Экспрессивный потенциал зевгмы и ее способность к образованию каламбура поддерживается парцелляцией для создания ярких, «цепляющих» внимание заголовки:

- Ковалев опять парится. *Теперь в Бутырке* (Коммерсантъ, 04.02.1999)
- Леонид Маевский вышел в поле. *Стал собственником Сибирского аграрного холдинга* (Коммерсантъ, 04.03.2013).

- Член ГКЧП ждет приговора. *Врачей* (Коммерсантъ, 10.10.1992)

- Аэрофлот поменял курс. *На 240 рублей* (Коммерсантъ, 09.10.1992)

Парцелляция **риторических вопросов** повышает диалогизацию, создает иллюзию непосредственного общения:

- Может, стоит начать говорить и о мудрости души? *Об образовании души?* (АиФ, 26.10.2013).

Риторический вопрос - яркое средство создания субъективности публицистического дискурса. Поддерживаемый парцелляцией, он приобретает особую эмоциональную напряженность и выражает богатый набор субъективно-модальных значений.

В следующем примере посредством конвергенции **парцелляции риторического вопроса и эпифорического повтора** публицист добивается высокой экспрессивизации текста:

- Как за последние десятилетия факт детской стрельбы стал из фантастики - реальностью? *Пугающей, ошеломляющей, но реальностью* (АиФ, 05.11.2014)

Здесь парцеллированный повтор фокусирует внимание читателя на второй части антитезы «фантастика – реальность», которая охарактеризована автором яркими эпитетами с негативной семантикой «пугающая», «ошеломляющая». Конвергенция этих приемов позволяет эффективно воздействовать на восприятие читателя, заставляет задуматься о поднятой автором проблеме.

Парцелляция и хиазм. Хиастические конструкции предполагают двойной повтор с обратным синтаксическим параллелизмом и обменом синтаксическими функциями у повторяющихся элементов [Береговская 2004: 175] (антиметабола по [Хазагеров, Ширяева 1999: 203]). Хиазм - достаточно редкая фигура, особенно в газетном дискурсе. Мы обнаружили несколько

примеров конвергенции парцелляции и хиазма с небольшим отклонением от структурной и семантической симметрии:

- Peut-être que seules les femmes blanches pouvaient faire de leur servante leur confidente? *Ou forcer leur servante de couleur à écouter leurs confidences ?* (Le Monde, 13.02.2014)

- Стоит только представить, что в Америке выбирают «Девушка Нью-Йорк», и многое станет ясно. *Но – немногим.* (АиФ, 09.07.2014).

В этих случаях стилистический эффект усиливают риторический вопрос (французский пример) и эллипсис (русский пример).

Парцелляция и полисиндетон. Специфической чертой русского корпуса является группа конструкций, в которых парцелляция взаимодействует с полисиндетоном, фигурой, основанной на преднамеренном многократном использовании союзов. Такие конструкции используются либо для изображения устойчивых эмоциональных состояний, либо для подчеркивания различных деталей социальной или политической жизни:

- Тут **и** нищий бюджет, **и** разрушенные дороги, **и** изношенная инфраструктура. **И** застойная отсталая промышленность, что по прямому профилю А. Гусева. **И** низкие зарплаты у учителей, врачей, работников культуры. (МК, 28.08.2013)

Следует отметить, что значительную группу в нашем материале составляют конструкции, в рамках которых реализуется конвергенция **парцелляции с фигурами, построенными по принципу синтаксического параллелизма**, которые часто входят в конвергенцию с анафорическим повтором, лексико-синтаксическим повтором, эллипсисом, антитезой и т.д.:

- Il tient sa revanche. *Sur l'Ukraine, ainsi amputée d'une de ses régions, parce qu'elle a eu le culot de vouloir signer un accord commercial avec l'Union européenne. Sur les Occidentaux, parce qu'ils ont le toupet de soutenir les nouvelles autorités ukrainiennes.* (Le Monde, 20.03.2014)

- Au Bangladesh, on fait des projets, mais la plupart du temps, ils n'aboutissent pas. *Alors qu'aux Etats-Unis on fait des projets et ils se réalisent.* (Le Monde, 13.02.2014)

- Миф оказался сильнее реальности. *А римская риторика сильнее оружия.* (АиФ, 01.04.2014)

- «Химки» взяли группу. *А «Жальгирис» - чемпионат.* (Коммерсантъ, 06.03.2013)

- Нам угрожают радиоактивные коровы. *А американцам – радиоактивные муравьи.* (Коммерсантъ, 23.01.1999)

Парцеллятная конвергентная зона «наследует» свойственные фигурам синтаксического параллелизма функции (строевую и экспрессивную [Кузнецова 2003: 11]), позволяет акцентировать внимание на выделенном сегменте и вывести на первый план существенные, значимые для продуцента оттенки значений.

Парцелляция и повтор являются наиболее частотным типом взаимодействия.

Парцелляции могут подвергаться как контактные повторы (анадиплозис или стык), так и дистантные. Первые выступают эффективным средством концентрации внимания читателя на ключевом слове высказывания. Подобные примеры довольно многочисленны в обоих корпусах:

- Régis Mailhot boit pour oublier. *Oublier cette époque "moralisatrice" où "la franchise" serait devenue "un acte de délinquance", où les "inquisiteurs" de la bien-pensance seraient "partout" et où la "glorification de la différence" serait érigée en dogme* (Le Monde, 21.03.2014)

Они, как и многие школьные учителя, действительно стараются сделать как лучше. И поэтому выработали чёткую и недвусмысленную стратегию. *Стратегию коврового запрета.* (АиФ, 21.03.2014)

Почти в два раза чаще контактных в обоих корпусах встречаются дистантные повторы (подхваты), которые имитируют спонтанность развития

авторской мысли, дают возможность читателю проследить за ходом ее развития:

- Nous devons donc négocier avec eux. Mais il y a aussi les politiques qui prennent le relais par méconnaissance de ce qu'est notre droit. *Méconnaissance non seulement de ce qu'est la Sacem mais de toutes les sociétés d'auteurs, en particulier européennes, qui sont unies dans ce domaine.* (Humanité, 31.01.2014)

Распространение ключевого слова *Méconnaissance* более точно и полно очерчивает рамки его значения.

Еще один вид повтора – кольцевой, достаточно редко встречающийся в газетной речи. Повторяемые слова *polémique, удивили* находятся в начале основной части конструкции, а повтор – в конце парцеллята:

(1) « Une polémique ayant été entretenue sur la validité de ce règlement et quelle qu'en soit la réalité, je ne puis la laisser prospérer », écrit encore M. Sarkozy. *Mais l'affaire dite « des pénalités » ne saurait se résumer à une simple « polémique »* (Le Monde, 04.12.2014)

(2) Приятно удивили сборные Алжира, Франции и Голландии. *A vot rossiyane никак не удивили* (Московский комсомолец, 14.07.2014)

В конвергентной зоне парцелляции кольцевые повторы выводят в аттенциальный фокус уверенность, незыблемость оценки или же противоречивость того или иного явления, становятся средством противопоставления (2), выражением иронического или саркастического (1) отношения автора.

Конвергенция парцелляции и анафорического повтора свойственна как французским, так и русским газетным текстам:

- Il y aurait donc deux Beyoncé. D'un côté, la reine des abeilles. *Celle qui pollinise une féminité fière, militante et émancipée depuis le début des années 2000, lorsqu'elle officiait au sein du "girl's band" Destiny's Child, dont elle repêche ici le tube Survivor - coffre profond, léger vibrato. Celle qui vocalise pour l'investiture de Barack Obama, guinche avec Michelle pour lutter contre l'obésité, organise une collecte de vêtements pour Emmaüs avant ses concerts parisiens.*

Celle qui, casquette queer vissée à la tête, se targue de ne compter, hormis une paire d'aimables acrobates français, que des femmes sur scène à ses côtés : une dizaine de musiciennes, une dizaine de danseuses. (Le Monde, 27.04.2013)

В настоящую черную дыру мировой политики превратился юго-восток Украины. *Дыру, где не действуют никакие нормы и правила. Дыру, где понятия «логика» и «здравый смысл» попросту не существуют. Дыру, которая обладает способностью высасывать весь позитив из нашей жизни* (Московский комсомолец, 22.07.2014)

Данная комбинация позволяет ввести полную, исчерпывающую характеристику референта (референтной ситуации), сделав акцент на каждом парцеллированном элементе и подчеркнув его многогранность и сложность.

В области конвергенции парцелляции и повторов наблюдаются существенные различия, касающиеся типов повторов, их структуры и морфологических особенностей.

Специфической чертой русского корпуса являются примеры **нераспространенных повторов**. В этом случае автор дважды фиксирует внимание на важном для него фрагменте, например:

- И насколько я понимаю, у Хиллари Клинтон и Лаврова очень хорошие отношения. *Очень хорошие отношения.* (Российская газета, 03.07.2012)

И все родители хотят любить своего хорошего ребёнка. *Хорошего...* (АиФ, 12.11.2013)

Парцеллированный повтор «очень хорошие отношения» использован в внутриабзацной позиции. В данном дискурсивном контексте дублирование компонента и его размещение в конвергентной парцелляционной зоне несут имплицитную информацию об авторской оценке отношений между политиками, которая и вынесена в аттенциальный фокус. Происходит «настройка» угла зрения и вводится соответствующая микротема.

Во втором примере конвергенция парцелляции и повтора «хорошего» позволяет подчеркнуть и вывести на первый план одну из ключевых идей

публикации: для родителей их ребенок всегда хороший, даже если он стал преступником. Они всегда найдут оправдание его поведению. На значимость парцеллята и имплицитного смысла, который он несет, указывает и комбинированная парцеллятная сетка с многоточием.

В фокусе подобных парцеллированных повторов – пространство говорящего, его ментальное состояние, оценки или отношение к чему-либо. Данный прием позволяет в свернутой, компрессионной форме выразить смысл целого высказывания, сосредоточить мыслительные усилия реципиента на выделенном сегменте, часто - создать интригу.

Во французском корпусе зафиксированы примеры парцелляции **повтора** – **указательного местоимения**, дублирующего существительное и согласующееся с ним в роде и числе:

- Ce qu'elles partagent, c'est l'angoisse de l'échec, la crainte lancinante de ne pas réussir à reproduire les codes. *Ceux du maître blanc*. (Le Monde, 13.02.2014)

- Cela n'empêche pas la rage. *Celle d'une finale de Coupe de France, face à Sedan*. (Le Figaro, 16.05.1999)

Парцеллятные местоименные повторы позволяют выстраивать протяженные и поликомпонентные конструкции, строящиеся по Модели (n)ABb и включающие до шести парцеллятов:

- Derrière ces pas de danse se tient l'autre Beyoncé. La fusée fuselée. *Celle qui propulse, du haut de ses talons aiguilles, les archétypes d'une certaine Amérique rutilante, gentiment croyante et phallocrate. Celle qui chanta, le 31 décembre 2009, pour la famille Kadhafi, ou, en février dernier, à la mi-temps du Superbowl. Celle qui a baptisé sa tournée The Mrs. Celle qui simule en combinaison dentelée, sur Naughty Girl, un peep show de pacotille, et fait rugir les lance-flammes tous azimuts. Celle, encore, qui entrecoupe sa prestation d'extraits du documentaire qu'elle a réalisé pour HBO, Life is But a Dream, ode un brin édifiante à l'épanouissement familial, avant de promener des landaus zébrés. Celle, enfin, qui grimpe les tonalités crescendo sur Love on Top, hit jacksonnien en*

diable de son quatrième et dernier album à ce jour, 4 (2011) (Le Monde, 27.04.2013)

Парцелляция местоименного повтора позволяет сфокусировать внимание реципиента на том или ином свойстве референта или элементе описываемой ситуации, неоднократно перенастраивая фокус, направленный на одного и того же референта и его свойства. При снятии парцелляции местоимение оказалось бы в дефокусированной позиции. В сложных поликомпонентных конструкциях парцелляция призвана также решить проблему плотности синтаксического ряда, который при расчленении становится менее громоздким и более приемлимым для восприятия. Следует также отметить, что в русском корпусе максимальное количество парцеллятов-повторов не превышает трех. Полагаем, что именно использование указательного местоимения дает возможность выстраивать такие сложные парцеллемы.

Местоименные повторы демонстрируют грамматическую (морфологическую) вариативность парцеллированного повтора наряду с **изменением артикля при повторенном слове:**

- 25% d'entre eux, en primaire, bénéficient **du** retour de la semaine de quatre jours et demi. *Un retour qui devrait être salué tant l'organisation précédente, sur quatre jours, était l'exception française décriée par tous les acteurs et les experts, les politiques de droite comme de gauche.* (Libération, 06.10.2013)

В данном случае происходит замена определенного артикля *le* в основной части на неопределенный *un* в парцелляте, что подчеркивает характер отношения между частями парцеллированной конструкции с повтором. Прослеживается определенная закономерность в употреблении артиклей перед повторяемым существительным в парцелляте. Если в основной части определенный артикль выступает в генерализующей функции, а неопределенный – в выделительной, то при повторе реализуется индивидуализирующая функция этих артиклей. Это соответствует

функциональной направленности парцеллята – значению уточнения, сосредоточения внимания на важной с точки зрения автора детали.

Редкие случаи **эпифорического повтора** зафиксированы только в русском корпусе. Подобные парцелляты подчеркивают непреложность конечного вывода, результата, который чаще всего носит пессимистическую или отрицательную окраску, как наглядно иллюстрирует следующий пример:

- Я отчетливо увидел, что, взрослея, мы много теряем. *Что-то обретаем, но очень-очень много теряем.* (АиФ, 26.04.2013)

В фокус внимания читателя попадает парцеллированный повтор «много теряем», усиленный двойным наречием со значением интенсификации «очень». Его воздействующий эффект также возрастает за счет парцеллятной антитезы «обретать - терять». Автор стремится донести до читателя, что с возрастом человек теряет все же больше, чем приобретает на своем жизненном пути. Эпифорический повтор в парцелляте транслирует чувство сожаления и нацелен на то, чтобы вызвать у читателя эмоциональный резонанс. Говорящий апеллирует к опыту, общей базе фоновых знаний и интересов. Повтор и парцелляция взаимодействуют таким образом, чтобы создать имитацию звучащей речи и ее особый плавный ритм, настраивающий на доверительное общение.

Спецификой русской корпуса являются также **поликомпонентные парцеллемы с повторами, подключающимися по линейному принципу** (Модель 2А):

- А вот теперь - как и обещано, почему лично для меня фильм кажется цельным. *Более того, не просто цельным, а внятным, легко читаемым предсмертным посланием Алексея Германа. И не просто посланием, а посланием покаянным* (АиФ, 06.03.2014)

Уточняющие парцелляты-повторы структурируют парцеллемы, выводя на первый план существенные для говорящего элементы. Посредством данного приема автор последовательно расставляет акценты, поочередно вводя в центр внимания характеристики важных элементов.

5.3.2. Конвергенция парцелляции и метафоры

Одним из наиболее эффективных «партнеров» парцелляции в конвергенции является метафора, которая, наряду с метонимией, в стилистике определяется как один из главных тропов [Хазагеров, Ширина 1999: 243], обладающий яркой внутренней формой, эмотивностью и образностью, а в когнитологии – как одна из ведущих моделей непрямой (вторичной) номинации [Киосе 2015: 62]. Приведем некоторые примеры:

- Сигаретные магнаты объединяются. *Чтобы дать прикурить конкурентам* (Коммерсантъ, 19.01.1999)

- En reportant l'ensemble du projet de loi sur la famille, le président de la République fâche la gauche, contente la droite et légitime un camp réactionnaire. *Sans pouvoir prédire où s'arrêtera ce jeu de dominos.* (L'Humanité, 04.02.2014)

- Mediapart a publié depuis déjà dix jours le contenu d'un message téléphonique où une voix, présentée comme celle de Jérôme Cahuzac, évoque un compte en Suisse. *Et l'Élysée entre dans la danse.* (Le Figaro, 11.04.2013)

- Bettencourt, Karachi, Tapie, Kadhafi, sondages de l'Élysée, écoutes Buisson, trafic d'influence à la Cour de cassation... L'avalanche d'« affaires » dans lesquelles apparaît le nom de Nicolas Sarkozy donne le vertige (Le Monde, 08.03.2014)

- Возможно, он хотел поломать жанр художественного фильма как таковой. *Об коленку* (АиФ, 06.03.2014)

Нередки случаи применения развернутой метафоры (метафоры-выражения или метафоры-предложения [Хахалова 1998: 120]), имеющей сложную синтаксическую организацию и реализующейся как в основной части, так и в парцелляте:

- Авторынок выехал из кризиса. *Но на этом и забуксовал* (Коммерсантъ, 16.01.2013)

- В московские аэропорты налетели консультанты. *Но не всем разрешили посадку* (Коммерсантъ, 24.12.2012)

•Подполковник ВДВ отливал на сторону. *Пока жена прыгала с бумажным парашютом* (Коммерсантъ, 19.08.2000)

Анализ совместного функционирования парцелляции и метафоры в дискурсе должен строиться, на наш взгляд, не только рассмотрением их взаимодействия в точке конвергенции, т.е. локально, в месте сосредоточения, но и с учетом их участия в структуре продукта дискурса – тексте.

Рассмотрим механизм конвергенции парцелляции и метафоры и ее роль в текстообразовании на примере статьи Константина Смирнова (полный текст статьи см. в Приложении), в названии которой используется гибрид метафоры и метонимии «Курс рубля – в Марианскую впадину. Что дальше?» (Московский комсомолец, 15.02.2014). Броский заголовок задает тон и метафорическую стратегию развертывания макротемы «Резкое падение курса рубля». Статья насыщена метафорами: «план по спасению рубля», «играть против рубля», «пожертвовать национальной промышленностью», «вздуть ставки кредитов» и т.д. Первая часть статьи посвящена введению в контекст описываемого «положения дел»: к 14 февраля 2014 г. рубль резко упал по отношению и к доллару, и к евро, и к бивалютной корзине. Однако во второй половине дня 15 февраля во время торгов на Московской бирже «рубль развернулся в обратную сторону». Причиной изменения ситуации стала новая политика ЦБ России, оформленная в полноабзацной парцеллеме:

Вчера ЦБ вообще решил ничего не объяснять. Видимо, руководство мегарегулятора сейчас само не видит панацеи от обвала курса. Однако там сдаваться не собираются.

Нашли все-таки две микстуры. Горькие и противные. Но в ЦБ надеются на их эффективность.

Для начала предложена так называемая «тонкая настройка». Как поясняет пресс-служба ЦБ, с 17 февраля этого года инструменты денежно-кредитной политики дополняют операциями по «абсорбированию ликвидности», которые будут проводить в форме «деPOSITных аукционов» ЦБ. Максимальная ставка по этим операциям - не более ключевой ставки.

В метафорической номинации «микстуры» (ментальное пространство Лекарства) кодируется смысл «*средства защиты курса рубля*», декодирование которого опирается на предыдущий контекст: ЦБ решения проблемы пока не видит, но «там сдаваться не собираются», результатом чего является «нашли все-таки...». Левый микроконтекст содержит словосочетание «панацея», значения которого:

панацея, -и, жен. (книжн. ирон.). Средство от всего плохого, от всех бед [первонач. всеисцеляющее лекарство, к-рое пытались изобрести алхимики]. *П. от всех зол.* [Ожегов, Шведова 1992: эл.изд.]¹⁰³.

За счет первичного использования номинации «панацея» ускоряется актуализация значения вторичной номинации «микстуры». При конструировании образа референта значение лексемы сужается, фокусируется элемент «средство от падения рубля». Этот элемент поддерживается в тексте словосочетаниями «снижение курса рубля», «план по спасению рубля», «обвал рубля» и др.

Далее следуют качественные прилагательные «Горькие и противные», которые совместно с вторичной номинацией «микстуры» формируют вторичный номинативный комплекс, который и подвергается парцелляции. Парцеллят является оценочно-характеризующим; в нем проецируются вкусовые свойства средства, оба – негативно-окрашенные и намеренно подчеркивающие одну и ту же деталь. В основной фокус выводится инферируемый смысл «крайне неприятные».

Прием реинтеграции в основу компонента, содержащегося в парцелляте, позволяет заключить, что в депарцеллятной презентации он попадает в дефокусированную зону (вторичный фокус). Очевидно, для автора эта характеристика имеет важное значение для акцентирования свойств в образе

¹⁰³ [<http://enc-dic.com/ushakov/Panaceja-44417.html>] (дата обращения: 25.04.2016). Ср. также Панацея. С латинского: Panacea. Перевод: Вселечное. Название умозрительного, несуществующего чудо-лекарства, которое, как предполагается, равно хорошо устраняет все болезни. Употребляется, как правило, иронически и в составе словосочетания «панацея от всех зол» — средство для решения всякого рода проблем — всех и сразу [Серов 2003: эл.изд].

референта, в его намерения входит выдвижение данного смысла на передний план, в связи с чем применяются операции дислокации и парцелляции.

Парцеллятная аранжировка следующего сегмента диктуется двумя причинами:

1) прежде всего синтаксическими, поскольку снятие парцеллограммы приведет к построению аграмматичной структуры:

*Нашли все-таки две микстуры. Горькие и противные, но в ЦБ надеются на их эффективность.

2) необходимость вывода в фокус дополнительной, но важной для публикации микротемы «надежда на эффективность применяемых средств».

В концовке встречаем конкретные прямые номинации – расшифровку «двух микстур»:

Таким образом, ЦБ, погнавшись за двумя зайцами: снижение инфляции и удешевление кредитов - не догнал обоих. И проморгал падение рубля (1). И, судя по всему, выписанные лекарства не спасут больного (2).

Автор обыгрывает в парцеллеме пословицу – трансформированное прецедентное высказывание «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймашь»¹⁰⁴ и имеющий тот же оценочный модус глагол «проморгать»¹⁰⁵. Текстовая цепочка номинаций, используемых для означивания того же референта «*средства защиты курса рубля*», продолжается номинацией «зайцы» (ментальное пространство Животные). В силу нетривиальности используемой метафорической проекции продуцент прибегает к его экспликации в виде пояснительного перечисления прямых номинаций: «снижение инфляции и удешевление кредитов».

Вернемся к вторичной номинации «зайцы». В фокус попадает одно из онтологически существенных свойств этого животного – способность быстро

¹⁰⁴ (разг.) Пытаться одновременно достичь двух различных целей, выполнить два разных дела [Быстрова, Окунева, Шанский 1997: [<http://phraseologiya.academic.ru/252/B8>] (дата обращения: 25.04.2016)

¹⁰⁵ (разг.) Упустить, пропустить, прозевать. Проморгать удобный случай. [Серов 2003: [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/135624>] (дата обращения: 25.04.2016)

передвигаться, что и легло в основу пословичного выражения. Это помогает реципиенту установить нужные инференции: используемые ЦБ средства подобны зайцам → зайцы быстро разбегаются, догнать их невозможно → применяемые средства не могли дать и не дали нужного результата. Надежда на эффективность принятых мер не оправдалась.

В парцеллят (1) вынесен предикат «проморгал», попадающий в фокус внимания за счет своей стилистической окраски: *сниж.-разг.* [Ефремова 2000: эл.изд.], *прост.* [Ожегов, Шведова 1992: эл.изд.], *разг.* [Энциклопедический словарь 2009: эл.изд.]¹⁰⁶. Его связь с основной осуществляется при помощи сочинительного союза «и», соединяющего действия, с которыми не справился ЦБ (метонимически – руководство ЦБ): не догнал «зайцев» и проморгал падение рубля. Акцентирование внимания на предикате и его принадлежность к стилистически сниженной лексике – средства реализации тактики обвинения руководителей ЦБ в случившемся.

Финальное метафорическое предложение¹⁰⁷ (2) «И, судя по всему, выписанные лекарства не спасут больного» содержит непрямые номинации «лекарства» (см. выше) и «больной» (о курсе рубля). В фокусе – авторская оценка к конструируемой ситуации – ее безнадежность. Выделенная в отдельный абзац (полноабзацная), в сильной текстовой позиции, парцеллема «ставит диагноз больному» - подводит категорично-пессимистичный итог статьи.

Данный компонент парцеллятной конфигурации вполне мог бы функционировать самостоятельно, без союза «и». На наш взгляд, это – псевдопарцеллят, мимикрирующий под парцеллят-часть сложносочиненного предложения. Дублирующийся союз «и» создает, во-первых, видимость сочинительной связи, во-вторых, определенный ритм. Очевидно, автор сделал это намеренно, желая воспользоваться ингерентным свойством

¹⁰⁶ [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/230013>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/189546>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/135624>] (дата обращения: 25.04.2016)

¹⁰⁷ Под метафорой-предложением понимаем «предикативные знаки метафорического характера вторичной номинации» [Хахалова 1998: 120]

парцелляции – выводу информационного отрезка в основной аттенциальный фокус. Такой креативный ход – конвергенция парцелляции, метафоры и композиционного решения - делает данный компонент, расположенный в сильной финальной позиции, прагматически еще более «солидным», убедительным.

Таким образом, фокусы образов референта в тексте трансформируют его структуру, происходит постоянное перефокусирование элементов. В этом процессе участвуют не только прямые и не прямые (вторичные) номинации образа референта, т.е. лексические средства, но и грамматические. Активную роль при этом может играть парцелляция, которая находится с метафорой в отношениях взаимной поддержки. Парцелляция, регулирующая распределение внимания в формате предложения, «наводит» аттенциальный фокус на существенные, приоритетные (имеющие интенционально-обусловленную когнитивно-дискурсивную значимость) для продуцента элементы.

Приведенный пример конвергенции парцелляции и метафоры иллюстрирует возможности взаимодействия разных когнитивных механизмов и языковых средств и их роли в реализации авторских интенций в формате дискурса.

5.3.3. Конвергенции парцелляции и фигур интертекста

В данном параграфе мы обратимся к анализу конвергенции парцелляции, антономазии и фигур интертекста. Объединение последних продиктовано их принадлежностью к группе прецедентных феноменов. Вслед за группой московских ученых (Д. Б. Гудковым, В. В. Красных, Д. В. Багаевой, И. В. Захаренко) под прецедентными понимаем феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и

эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных 1997: 9]. Прецедентные высказывания, как и прецедентные имена, - это «важная часть национальной культуры и языковой картины мира, яркий показатель специфики народного самосознания, рефлексии нации по поводу собственной истории и культуры» [Нахимова 2013: 48].

Антономазию относят к тропам, представляющим собой гибрид перифразы и метафоры или перифразы, метафоры и метонимии, основанным на использовании имен собственных вместо нарицательных [Хазагеров, Ширина 1999: 208-209]. Семантические модификации, происходящие с именами собственными при тропеическом использовании интересны в когнитивно-семиотическом плане.

Имена собственные относятся к индексальным знакам, остенсивно указывающих на некий объект. В функции нарицательного существительного, в непрямой номинации, они «обладают индексальностью прототипического личного антропонима или топонима и сохраняют способность устойчиво ассоциироваться с единичным объектом. В то же время они расширяют свою референтную базу и начинают указывать на некую группу объектов по единому признаку (талантливый, умный, богатый и др.)» [Ирисханова 2015: 150], превращаясь в знак-символ. Семиотическое усложнение сопровождается концептуальным. То есть фактически антономазия относится к гибридным семиотическим сущностям, совмещающих индексальную и культурно-символическую знаковые функции [Ирисханова 2015: 150, 151].

Рассмотрим пример:

- И вот его правитель, некто князь Иван, довольно-таки нагло начинает именовать себя ни много ни мало, а царём. *То есть, натурально, Цезарем.* (АиФ, 01.04.2014)

В фокус внимания попадает онтологически важный признак: князь Иван – правитель, Цезарь – знаменитый государственный и политический деятель, остальные значения (полководец, писатель и др.) дефокусируются. Парцелляция не только способствует «высвечиванию» данного значения, но и поддерживает иронически-шутливый тон, взятый рассказчиком.

Приведем примеры из французского корпуса:

- Le sixième président de la Ve République ne croit qu'à l'offensive, qu'à la vitesse, qu'à la surprise, qu'à la rupture et qu'à son propre charisme. *Comme Bonaparte durant son quinquennat consulaire (1799-1804)*. (Libération, 07.11.2007)

- Disons, qu'il les a mis en mots de manière particulièrement pugnace. Et il est vrai que cette pugnacité manque aujourd'hui. *Mais pas seulement la sienne. Celle de Coluche, celle de Desproges, aussi*. (Libération, 18.12.2007)

Приемы, построенные на интертекстуальных ассоциациях, вслед за В.П. Москвиным, мы рассматриваем как фигуры интертекста [Москвин 2007: 795].

Интертекстовые фигуры создаются с помощью приема использования фрагментов прецедентных текстов, прецедентных высказываний. В когнитивной лингвистике прецедентное высказывание определяется как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание как таковое; прецедентное высказывание неоднократно воспроизводится в речи» [Захаренко 1997: 83]. К числу прецедентных высказываний относятся цитаты из текстов различного характера, а также пословицы, поговорки [Красных 2002: 47]. Исследуя функции интертекста, Н.А.Фатеева пишет о том, что «интертекст создает подобие тропеических отношений на уровне текста, а интертекстуализация обнаруживает свою конструктивную, текстопорождающую функцию» [Фатеева 1997: 12].

Прецедентное высказывание используются либо в исходном – каноническом виде (без изменения структуры), либо в трансформированном. В последнем случае прецедентное высказывание становится «строительным материалом» сообщения. Под трансформацией понимаем творческую переработку исходного прецедентного высказывания, намеренное изменение его структуры и семантики для адаптации к целям публикации [Богоявленская, Чудинов 2015: 21]. Трансформируя высказывание, автор опирается на презумпцию равенства его знания адресатом [Лисоченко 2007]. В противном случае, закладываемые им оттенки значений будут «не прочитаны» адресатом, ограничены горизонтальным контекстом [Миронова 2013: 227].

Использование прецедентного высказывания является эффективным средством активизации внимания читателя и оптимизации аттрактивных свойств публикации. Как отмечает С.И. Сметанина, газетная речь напоминает игровое поле, а чтение газетных статей с прецедентными текстами «превращается в увлекательную забаву по разгадыванию связей между «сброшенными» на одно поле фишками из разных игр». «Журналист, переводя действие в разряд игры, рассчитывает на участие в ней читателя-партнера, разбрасывает по тексту знаки, вовлекающие в процесс чтения и увлекающие красотой игры» [Сметанина 2002: 19, 31].

Анализ корпуса позволяет утверждать, что конвергенция парцелляции и фигур интертекста проявляется чаще всего в заголовочной позиции. Как правило, это трансформированные прецедентные высказывания, выполняющие креативную, игровую функции, накладывающиеся на функцию рекламную (привлечения внимания). Парцелляции подвергаются пословицы, поговорки, фразы из песен или кинофильмов, высказываний известных людей и т.д.:

- Faire venir ses vieux parents et convaincre son époux de les accueillir n'est pas une mince affaire. *Mais le jeu en vaut la chandelle*, suggère ce roman *doux-amer, au charme ambigu*. (Le Monde, 13.02.2014) – поговорка, значение

которой: *Cela vaut le coup, le résultat justifie le sacrifice consenti* [Reverso: эл.изд.]¹⁰⁸

- Похороны VHS не за горами. *А за морями* (Коммерсантъ, 10.10.2000) – апелляция к вступительному четверостишию сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок»: «За горами, за лесами, за широкими морями....»[Википедия: эл.изд.]¹⁰⁹

- Французам сказали, кто виноват. *Но не говорят, что делать* (Коммерсантъ, 10.05.2012) – апелляция к романам А.И. Герцена «Кто виноват?» и Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

В следующем примере обыгрывается поговорка «В огороде бузина, а в Киеве дядька», причем эксплуатируется не значение этой поговорки: *Народн. Шутл.-ирон.* О полной бессмыслице, чепухе, нелогичности чьих-л. рассуждений. [Мокиенко, Никитина 2007: эл.изд.]¹¹⁰, а ее удобная, легкоузнаваемая структура, содержащая сопоставление, которая «фаршируется» автором нужным смыслом. Парцелляция здесь применяется не столько для очерчивания фокусной зоны, сколько для привлечения внимания к парцеллеме в целом:

- В Душанбе закрыт аэропорт. *А в Киеве бастуют дядьки* (Коммерсантъ, 16.10.1992)

В ряде случаев парцелляция направлена на создание эффекта неожиданности и контраста:

- Таможня дает «добро». *На вывоз нефти и металлов* (Коммерсантъ, 15.10.1992)

Выражение, составляющее основу парцеллемы, «Таможня дает «добро»» - известная всем фраза из кинофильма «Белое солнце пустыни». Контраст создается за счет шутливо-иронического характера [Серов 2003:

¹⁰⁸ [http://dictionnaire.reverso.net/francais-definition/le_jeu_en_vaut_la_chandelle] (дата обращения: 20.04.2016)

¹⁰⁹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/За_горами,_за_лесами] (дата обращения: 20.04.2016)

¹¹⁰ [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/34315/B>] (дата обращения: 20.04.2016)

эл.изд.]¹¹¹ основы и «серьезности» парцеллята. Здесь парцеллят способствует созданию интригующего заголовка, фокусирует внимание и задает тематику статьи, в которой речь пойдет об установлении жесткого таможенного контроля на границах Ленинградской области и Эстонии. Несмотря на постановление на всем протяжении границы продолжается незаконный вывоз из России металлов, нефтепродуктов и продуктов питания, так как таможня и пограничники контролируют только основные транспортные магистрали.

Примером конвергенции парцелляции и творчески переработанного прецедентного высказывания может служить следующая парцеллема:

- Cerutti повернется лицом к спорту. *К Голливуду задом* (Коммерсантъ, 15.10.1992),

которая апеллирует ко всем известным с детства словам персонажа русских сказок Бабы Яги: «Избушка, избушка на курьих ножках, повернись к лесу задом, ко мне передом! (присказка)» [Даль 1989: эл.изд.]¹¹².

В статье речь идет о продаже контрольного пакета акций известнейшего итальянского модного дома Черутти, который перед этим успешно сотрудничал с ведущими голливудскими кинокомпаниями. Его покупателем стал крупный итальянский концерн, настроенный изменить стратегию модного дома и освоить агрессивный спортивный стиль, ибо «только так можно чего-то добиться в моде в наши дни». Сложный комбинированный прием позволяет автору в оригинальной, яркой, иронично-грубоватой форме выразить свое несогласие с новыми владельцами Черутти, сожаление по поводу отказа от их знаменитых классических линий и транслировать эту позицию читателю.

Некоторые выражения неоднократно обыгрываются парцелляцией. В качестве примера можно привести известное прецедентное выражение, приписываемое генералу наполеоновской армии Пьеру Камбронну, которые,

¹¹¹ Из кинофильма «Белое солнце пустыни» (1970), снятого режиссером Владимиром Мотылем (р. 1927) по сценарию Валентина Ивановича Ежова (р. 1921) и Рустама Ибрагимбекова (р. 1939). Используется как шутивно-иронический комментарий по поводу чьего-либо согласия, разрешения на что-либо и т. п. [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2673/Таможня] (дата обращения: 20.04.2016)

¹¹² [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/19458/Избушка] (дата обращения: 20.04.2016)

по легенде, он произнес на поле сражения в 1815 г. в Ватерлоо в ответ на предложение англичан сдаться и, таким образом, сохранить жизнь оставшимся в живых солдатам: «La garde meurt mais ne se rend pas» / «Гвардия умирает, но не сдается!» (см. [Bogoyavlenskaya, Nakhimova, Chudinov 2016]):

- Liberté de la presse meurt. *Mais ne se rend pas*. (Le Figaro, 03.01.2011)
- La City plie. *Mais ne se rend pas*. (Le Monde, 25.11.2014)
- Массовый игорный бизнес доживает в России последние дни. *Но без боя не сдается*, придумывая варианты, как продлить свое существование. (Российская газета, 25.07.2007)

- Октябрьская революция оставила его вне дипломатической службы. *Но Чиркин не сдается*. (Российская газета, 06.04.2014)

Таким образом, при конвергенции с антономазией и фигурами интертекста, вторичными знаковыми образованиями, кодирующими культурно-исторический опыт, в парцеллярной упаковке особым образом высвечиваются этноязыковые аспекты значения этих знаков.

В целом, «партнерство» с данными фигурами значительно расширяет конвергентный потенциал парцелляции, повышает креативность и привлекательность газетного текста.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 5

Рассмотренный материал дает основания сделать следующие выводы.

Регулируя внимание реципиента в глобальном формате дискурса, сосредотачивая его на фокусной зоне, парцеллярная конфигурация кодирует наиболее существенную и тематически значимую для последующего развертывания информацию.

Функции парцеллятного знака в дискурсе можно разделить на общие и частные, связанные с их локализацией (см. ниже). К общим функциям относятся следующие:

1) парцелляция четко очерчивает границы фокусной зоны, тем самым несет информацию об иерархизации информации в формате предложения, облегчает понимание самого сообщения и целого комплекса дискурсивных (инферированных) смыслов;

2) создает ракурс реконструирования адресатом референтного медиасобытия, представленного в тексте, его интерпретации;

3) кодирует информацию об интенциях, установках адресанта, его эмоциях и отношении к описываемому событию;

4) активизирует фоновые знания и представления адресата, стимулирует построение инференций, которые будут подтверждены или опровергнуты при чтении текста.

В дискурсе парцелляция может иметь различную локализацию, обуславливающую ее функциональное предназначение. В процессе анализа были выделены две группы локализации парцеллем: в сильных позициях текста (заголовочная, концовочная, в лиде, в лиде и концовке, сквозная) и интротекстовые позиции. Сопоставительный анализ позволил выявить ряд существенных сходств и различий в этой области. Сходства проявляются в преобладании интротекстовых позиций парцелляции и достаточно высокой частотности парцелляции в лидах и концовках. Специфику русского корпусного массива составляют сквозная и заголовочная парцелляция. Отсутствие парцеллем-заголовков во французском газетном дискурсе говорит, на наш взгляд, не столько о различиях в языках, сколько имеет социально-дискурсивную природу: в российской медиапрактике парцелляция газетного заголовка является конвенционально закрепленным и продуктивным способом «упаковки» данной сильной позиции текста, во французском же используются иные способы распределения внимания.

Парцелляция заголовка рассматривается нами как лингвокреативный прием формирования определенного, прагматически обусловленного, ментального образа медиасобытия с четко выделенной фокусной зоной. Проведенное исследование показало, что данный типа парцелляции предназначен для:

- привлечения внимания потребителей информации;
- фокусирования значимого аспекта макротемы медиасообщения;
- формирования ракурса восприятия и интерпретации;
- прогнозирования содержания текста.

Заголовочная позиция накладывает определенные ограничения на используемые модели и типы парцеллем. Парцеллятный заголовок строится по Модели 1А, ретроспективен, преимущественно малой протяженности, не может быть дистантным, в два раза чаще представляет собой симметрический парцеллят и преимущественно использует единую парцеллятную сетку.

Ключевыми функциями парцеллятной «упаковки» лида являются уточнение фокуса макротемы в том случае, если он выражен недостаточно эксплицитно в заголовке; эксплицирование значимого аспекта макротемы, если он не освещен в заголовке; детализация макротемы, заключающаяся в помещении в парцеллят фокусных микротем; включение в парцеллят информации о стратегии развертывании макротемы.

Конструктивные ограничения парцеллемы в лиде менее значительны: они могут быть различной протяженности, но только ретроспективны и примыкать к основе, быть «упакованными» в любую парцеллятную сетку, но содержать не более 3 парцеллятов и строиться преимущественно по линейному принципу.

Концовочная парцеллема суммирует или обобщает впечатления, оценки и мнения, подводит итог текста. Парцелляция в этой позиции позволяет очертить границы наиболее существенного с точки зрения адресанта аспекта,

который предназначен для хранения в долговременной памяти адресата. Ограничений на типы парцеллятов в этой функции практически нет.

Обрамление статьи кольцевой парцеллемой (в лиде и концовке) – эффективный композиционно-стилистический прием, создающий своеобразную композиционно-речевую гармонию и усиливающий воздействующий эффект, так как в данных сильных позициях оказывается ключевая информация, особо выделяемая автором.

Парцеллографемы, своеобразные «флажки» на границах фокусной зоны, действуют как некие дискурсивные инструкции, направляющие интерпретацию в «правильное» русло. Они сигнализируют о пласте имплицитной информации и требуют когнитивных затрат на ее освоение, но эти усилия в последующем компенсируются их экономией.

В глобальном дискурсивном блоке – абзаце – парцелляция может занимать различные позиции. Начальноабзацные парцеллемы наводят аттенциальный фокус на новую микротему и нацелены на выполнение проспективной функции. Внутриабзацные парцеллемы участвуют в семантической прогрессии текста, выполняя ретроспективно-проспективную функцию. В финальноабзацной позиции парцеллемы часто выполняют роль промежуточных итогов, резюмируют содержание абзаца. Парцеллят фокусирует в таких случаях ретроспективно существенную деталь или аспект события, который представляется автору наиболее значимым. Однако финальноабзацная парцелляция может выполнять и ретроспективно-проспективную функцию, подготавливать дальнейшее развитие текста, находящегося на новом отрезке тематического движения, на новой ступени, т.е. включать проекцию будущего абзаца. Специфичность межабзацных парцеллем состоит в том, что на основной части конструкции завершается горизонтальный уровень синтагматики абзаца, а синсематичный парцеллят перенесен на следующую самостоятельную ступень – в следующую глобальную структуру. Функция межабзацной парцелляции заключается в организации содержательной структуры текстового пространства –

максимальная деавтоматизация внимания, осмысление семантических связей с последующим текстом.

Кроме перечисленных, в корпусах были зафиксированы также полноабзацные, разноабзацные и парцеллемы через подзаголовок, которые объединяет выделенность парцеллята в отдельный дискурсивный блок. Данный прием обусловлен прагматической установкой автора – визуально маркировать особую значимость того знания, которое он стремится донести до адресата.

Сходства, выявленные в процессе сопоставительного анализа корпусов, заключаются в преобладании внутриабзацных парцеллем и соотносимой частотности финальноабзацных, начальнoабзацных и полноабзацных парцеллем. Различия состоят в различной встречаемости выделенных типов в корпусах. Наличие разноабзацных парцеллем является отличительной чертой русского корпуса. Французский корпус отличают парцеллемы через подзаголовок.

Парцелляция сопровождается и взаимодействует с различными языковыми средствами (лексическими и синтаксическими) распределения внимания, с различными стилистически окрашенными средствами, усиливающими выделенность парцеллятного сегмента, особенно в сильных позициях дискурса. Способность парцелляции к этому взаимодействию отражает ее конвергентный потенциал. Под конвергенцией при этом понимаем стремление различных разноуровневых языковых средств к сближению и взаимодействию в дискурсе для выполнения единой функции.

Как показало исследование, парцелляция активно взаимодействует с повтором, градацией, антитезой, синтаксическим параллелизмом и некоторыми другими фигурами и тропами, усиливающими аттракционный эффект парцеллемы. Одним из наиболее эффективных «партнеров» парцелляции в конвергенции является метафора. Анализу взаимодействия разных когнитивных механизмов и языковых средств и их роли в реализации авторских интенций в формате дискурса посвящен отдельный параграф,

иллюстрирующий как в конкретном тексте парцеллятные фокусы образов референта трансформируют его структуру, как происходит постоянное перефокусирование элементов. В этом процессе участвуют не только прямые и не прямые (вторичные) номинации образа референта, т.е. лексические средства, но и грамматические. Активную роль играет парцелляция, которая находится с метафорой в отношениях взаимной поддержки.

В последнем параграфе диссертации проводится анализ конвергенции парцелляции, антономазии и фигур интертекста. Объединение последних продиктовано их принадлежностью к группе прецедентных феноменов. Антономазия относится к гибридным семиотическим сущностям, совмещающих индексальную и культурно-символическую знаковые функции. Конвергенция с антономазией усложняет когнитивно-семиотический план парцелляции позволяет направлять аттенциальный фокус на конкретные дискурсивные значения, дефокусируя остальные.

Интертекстовые фигуры создаются с помощью приема использования фрагментов прецедентных текстов и высказываний. Конвергенция парцелляции и фигур интертекста является эффективным средством активизации внимания читателя и оптимизации аттрактивных свойств публикации. Парцелляции подвергаются пословицы, поговорки, фразы из песен или кинофильмов, высказываний известных людей и т.д. Это взаимодействие проявляется чаще всего в заголовочной позиции. Как правило, парцелляции подвергаются трансформированные прецедентные высказывания, выполняющие креативную, игровую, фатическую функции, накладывающиеся на функцию привлечения внимания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена сопоставительному когнитивно-семиотическому и когнитивно-дискурсивному исследованию парцелляции на материале французско-русского корпуса газетных текстов. Интегрированная методология, разработанная в рамках работы, позволила решить ряд проблем, связанных с выявлением природы парцелляции, когнитивных, конструктивных и семантических свойств, проявляющихся в формате предложения и дискурса, установлением межъязыковых сходств, различий и национальной специфики.

Теоретическое осмысление парцелляции в контексте существующих подходов к ее изучению выявило, с одной стороны, многоаспектность и полифункциональность данного языкового феномена, с другой – дискуссионность в определении его сущности и границ, статуса отчленимого сегмента и всего построения, разнородность предлагаемых в современной лингвистике классификаций. Установлен фрагментарный характер существующих сопоставительных исследований, а также работ, выполненных в русле когнитивно-дискурсивного направления; выявлено отсутствие работ, опирающихся на данные корпусов. Вышесказанное обусловило необходимость создания комплексной методологии, интегрирующей следующие подходы: когнитивно-дискурсивный, корпусный и сопоставительный.

Данный ракурс позволил разработать и обосновать когнитивно-семиотическую концепцию парцелляции, опирающуюся на исследования, выполненные в русле когнитивной и экспериментальной психологии. Полученные результаты подтверждают наше исходное положение о том, что парцелляция является одним из оптимальных средств распределения внимания в формате предложения и дискурса, средством аттенциального фокусирования. Парцелляция также рассматривается нами как специальная визуально-графическая операция, расчленяющая единую структуру

предложения на конститuentы: основу парцеллемы, парцеллографему, создающую визуальный разрыв между основой и третьим конститuentом – парцеллятом. Финальная синграфема в роли парцеллографемы и заглавная буква являются устойчивыми маркерами предложения и в данной конфигурации становятся экзогенным фактором (внешним стимулом), управляющим распределением внимания адресата посредством смещения аттенциального фокуса на парцеллят.

В работе устанавливается, что результат парцелляции - парцеллема - представляет собой сентенциональный знак, денотатом которого выступает сущность неязыковой онтологии - фрагмент реальной или вымышленной действительности (ситуации, положения дел). По своей природе парцеллема - сложный гибридный знак, план выражения которого сплетен из элементов вербальной и невербальной семиотической систем (парцеллографемы), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в вербальной коммуникации.

Парцелляция является результатом когнитивно-семиотической деятельности, свидетельствующей о том, как продуцент речи конструирует в сознании и, соответственно, в языке описываемую сцену, какие именно составляющие и свойства сцены являются для него салиентными и какой он хочет представить ее адресату. Для продуцента это - осознанный и контролируемый отбор и размещение в аттенциальном фокусе какого-либо значимого свойства объекта /ситуации. Способность управления вниманием наряду с коммуникативной релевантностью и интенциональной обусловленностью признана нами имманентными характеризующими признаками всех парцеллем вне зависимости от их типов.

В результате обработки теоретического и эмпирического материала были разработаны классификации парцеллем в рамках семиотических измерений: синтактики, семантики и, в дискурсивном формате, прагматики. Для обработки массивов газетных текстов была разработана специальная компьютерная программа *Linguistica*, позволившая создать лингвистический

двухязыковой корпус, индексировать его по выстроенным параметрическим (классификационным) деревьям и получить статистические отчеты и конкордансы. Программа прошла тестирование и была зарегистрирована в Роспатенте: свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014 (Реферат, описание программы и свидетельство о регистрации представлены в Приложениях 1, 2, 3).

Данный технологический инструмент позволил провести комплексный анализ обширного эмпирического материала (около 0,5 млн. словоупотреблений) и выявить статистически значимые результаты, давшие основания для выявления как сущностных качественных характеристик парцелляции, так и ее значимых сходств, различий и специфики в исследуемых языках. Концепция созданного при помощи программы сопоставительного объектно-ориентированного французско-русского корпуса опирается на четыре критерия: 1) репрезентативности, 2) сбалансированности, 3) сопоставимости, заимствованного нами из зарубежной корпусной лингвистики и уточненного в контексте предпринятого исследования, и 4) введенного нами принципа обзримости текстов – необходимого, на наш взгляд, требования к корпусу, на материале которого производится дискурсивный анализ. С целью объективной оценки репрезентативности корпуса была разработана методика верификации достоверности полученных при индексировании корпуса результатов, валидность которой была проверена в ходе апробации. Также была разработана специальная методика сопоставительно-параметрического анализа с применением программы *Linguistica*, предусматривающая выполнение следующих этапов: эвристического, технического, аналитического, коррекционного, интерпретационного, заключительного. Таким образом, мы можем утверждать, что исследованный массив, проиндексированный в корпусе, является достаточной базой для верификации предложенной нами концепции и формулировки достоверных, обоснованных выводов о современном состоянии изучаемого феномена.

Синтаксическое измерение парцеллемы позволило установить следующие особенности ее конструктивной организации.

По параметру *«локализации парцеллята по отношению к основе»* в обоих языках преобладают ретроспективные парцелляты (98,91% и 99,6%), размещаемые постпозиционно по отношению к основной части. Редким типом являются проспективные парцелляты (0,77% и 0,32%), направляющих мысль адресата на то, что будет сообщено далее, но не раскрывающих структуры ситуации и ее участников. К окказиональному типу относятся проспективно-ретроспективные парцелляты (0,33% и 0,08%), воплощающие специфику первых двух типов. Два последних типа несколько более частотны во французском языке. Каждому типу соответствует одноименная техника аттенциального фокусирования.

Размер парцеллята и соотносимый с ним размер основы парцеллемы влияют на распределение и перераспределение фокуса внимания, регулируют степень салиентности и, следовательно, восприятие и запоминаемость. Корпусная статистика подтвердила сделанное нами в начале исследования предположение о преимущественно малом размере парцеллятов: сопоставление по параметру *«протяженность»* показало доминирование парцеллятов малой протяженности (62,14% и 59,86%), визуально обозримых, быстрее идентифицируемых и легче декодируемых. Переходный тип - равнопротяженные парцелляты, в которых парцеллятный разрыв ощущается не так резко, оказались более распространены в русском корпусе (8,97% и 15,88%), а парцелляты значительной протяженности – во французском (25,16% и 18,04%). Свойством последних является визуальная громоздкость, которая входит в контраст с более краткой основой, что и обеспечивает необходимый эффект. Парцелляты разной протяженности, встречающиеся в полипарцеллятных построениях, более свойственны русскому корпусу (3,72% и 6,23%).

Обнаружены сходства в классификации по параметру *«степень удаленности от основы»*: ведущим типом выступают примыкающие

парцелляты, находящиеся в непосредственном контакте с основой (98,47% и 97,77%); дистантные парцелляты, удаленные от основы и являющиеся ярким проявлением синтагматической дисконтинуальности, относятся к редкому типу (1,53% и 2,23%). Сегмент, отделяющий парцеллят от основы, выступает часто в функции парантезы, комментирующей, разъясняющей или дающей оценку парцеллятному сообщению.

Классификационная группа по параметру «*количество парцеллятов*» обнаруживает сходства в распределении частотности выделенных типов и представлена преимущественно однопарцеллятными построениями (86,54% и 79,97%), менее частотными двухпарцеллятными (10,07% и 13,97%) и более редкими полипарцеллятными (3,39% и 6,06%). Два последних типа репрезентируют такой вид парцеллятной «упаковки», для которой характерно расщепление фокуса внимания: парцеллема кодирует двукратное или многократное выделение значимых элементов ситуации или характеристик объекта / ситуации.

Внутрипарадигматическое противопоставление исследуемых объектов позволило выявить инвариантную модель парцеллемы - отвлеченный схематический образ, отражающий ее тождество с другими парцеллемами, оставшееся после вычета из нее всех ее переменных или индивидуальных элементов. Варианты модели описываются в классификационной группе «*модели парцеллем*», учитывающей тип парцеллирующего членения (линейный, параллельный, комбинированный) и выявленные выше характеристики синтаксического измерения. Установлено, что в области однопарцеллятных построений языки проявляют сходство: Модель 1А является наиболее частотной (86,54% и 79,97%). В области двухпарцеллятных построений, строящихся по принципу синтаксической перспективы (линейной – тип А или параллельной – тип В), языки проявляют как сходство, заключающееся в преобладании парцеллем типа А над В (6,02% и 4,05% во французском корпусе; 9,9% и 4,07% - в русском), так и различия в частотности: французские парцеллемы типа А встречаются в 1,5

раза реже, чем русские. Среди полипарцеллятных построений наиболее представленными во французском корпусе являются трех и четырехпарцеллятные структуры типа В, остальные модели реализуются окказионально; для русского – характерны как модели типа А, так и В, а также чаще распространены их разнообразные комбинации.

Ключевую роль в организации парцеллемы играет парцеллографема – особый элемент, который делает обычный сентенциональный знак парцеллятным. Под парцеллографемой понимаем финальную синграфему, используемую для операции парцелляции. Парцеллографема является знаком, языковое значение которого можно сформулировать как «наиболее важное, новое в текущем выражении». Было установлено, что арсенал парцеллографем включает такие финальные синграфемы как «точка», «вопросительный знак», «восклицательный знак» и «многоточие». В конструировании парцеллемы участвуют, как минимум, два знака: левосторонний знак после основы – парцеллографема и правосторонний, постпарцеллятный знак. Парцеллографемы и постпарцеллятные знаки образуют парцеллятную «сетку», накладывающуюся на вербальные знаки, влияющую на их иерархизацию и регулиующую их восприятие. Инвентаризация парцеллятных сеток позволила выделить две классификационные группы: единую парцеллятную сетку – ЕПС (90,92% и 87,55%) и комбинированную парцеллятную сетку – КПС (9,08% и 12,45%), встречающиеся в обоих языках и проявляющие как сходства, различия, так и специфические черты, свойственные только одному языку.

В группе ЕПС наблюдается значимое сходство в частотности ЕПС с точками (98,44% и 96,54%) и вопросительными знаками (1,56% и 1,64%). Зона КПС демонстрирует преимущественно расхождения между языками по всем выделенным типам, за исключением КПС точка + вопросительный знак (13,25% и 12,18%) и КПС разные знаки (8,43% и 8,97%). Яркой спецификой русского корпуса является возможность реализации ЕПС с

восклицательными знаками (1,55%), многоточиями (0,27%), а также КПС вопросительный знак + точка (7,69%).

Нами было установлено, что наложение парцеллятной сетки следует общим тенденциям в использовании пунктуационных знаков в газетных текстах: случаи применения финальной синграфемы «точка» составляют 90% во французском корпусе; в парцеллятах ЕПС с точками - 89,5%. Та же тенденция прослеживается и в русском корпусе: частотность точки в газетных текстах составляет 86%, а ЕПС с точками – 84,52%. На остальные знаки в разных комбинациях приходится 10,5%.

Анализ частотности использования парцеллем в газетных текстах демонстрируют существенные расхождения: плотность использования во французских текстах ниже по сравнению с русскими (средний показатель частотности во французском тексте – 3,8 парцеллем, в русском – 5,22). При пересчете на объем текстов, исчисляющихся словоупотреблениями, были получены аналогичные результаты: во французском корпусе на 1 парцеллему приходится 255,3 словоупотребления, в русском – 133,4, т.е. частотность русских парцеллем и по этому параметру значительно выше.

Индексирование параметров *семантического измерения* парцеллем дает следующие результаты.

В ходе анализа были выделены асимметрические (17 групп), характеризующиеся введением новых когнитивных представлений, и симметрические парцелляты (22 группы), специфика которых заключается в пояснении, уточнении, конкретизации, включении /исключении, усилении, развитии уже заданных когнитивных представлений о контексте дискурса, а также группа разнородных, асимметрично-симметричных структур, наследующая свойства обеих групп.

Установлено, что в асимметрических парцеллятах в обоих корпусах аттенциальный фокус выделяет чаще всего каузальный аспект конструируемой ситуации (17,73% и 21,79%). Французские асимметричные парцеллемы высвечивают также темпоральную характеристику описываемой

продуцентом речи ситуации (16,26%), способы и характер совершения действий (14,29%). Несколько реже в фокус внимания выдвигаются компоненты со значением цели (7,39%) и характеристики объектов или субъектов ситуации (8,87%). Русские парцелляты чаще других аспектов выводят в фокус уступку (15,08%), цель предпринимаемых действий (10,06%), характеристики объектов или субъектов ситуации (12,29%), реже – способы и характер совершения действий (6,15%). Примерно одинаково в корпусах представлены пространственные (3,45% и 3,35%) и условные (5,41% и 5,59%) парцелляты. Специфическим является наличие предикативных парцеллятов, а также парцеллятов, указывающих на источник информации, парцеллятов-дискурсивных слов в русском корпусе.

В группе симметрических парцеллятов в обоих корпусах преобладают координативные, чаще всего оформленные союзом *но* (25%), вводящим информацию, контрастирующую с когнитивными представлениями о контексте дискурса. Во французском корпусе доминируют симметрические парцелляты со значением объектов конструируемых ситуаций (15,88%), процент которых был невелик в группе асимметрических парцеллятов. В русском - превалируют предикативные парцелляты (17,59%). Сходства проявляются в малой частотности (менее 5%) каузальных, темпоральных, целевых, пространственных, компаративных и некоторых других типов парцеллятов, а также отсутствие следственных, условных, уступительных парцеллятов в обоих корпусах. Различия наблюдаются в области разнородных парцеллятов сложных парцеллем: в русском корпусе они встречаются значительно чаще (5,34% и 9,2%). Специфика французского корпуса заключается в наличии рестриктивных парцеллятов (0,74%); русского - в наличии координационно-пояснительных парцеллятов (0,1%).

Полученные количественные данные позволили обнаружить следующую закономерность: в обоих корпусах преобладают симметрические парцелляты (73,74% и 78,93%), значительно реже используются асимметрические (22,21% и 14,29%), еще менее частотны разнородные парцелляты в составе

сложных парцеллем (4,05% и 6,78%). Различия сосредоточены в распределении асимметрических парцеллятов: они более частотны во французском корпусе, и разнородных парцеллем, преобладающих в русском корпусе.

Оценивая полученные результаты, отметим, что русские парцеллемы проявляют несколько большее разнообразие и гибкость конструктивного устройства и семантики; французские – несколько большую сбалансированность в распределении частотности выделенных типов и моделей.

Было установлено, что вопреки устоявшемуся мнению, потенциал парцелляции ограничен. В области асимметрических парцеллятов парцеллятному членению не могут подвергаться сложные именные сказуемые, прямообъектные парцелляты, во французском корпусе – предикативные парцелляты. Сфера симметрических конструкций исключает парцелляцию сегментов со значением следствия, условия, уступки, а также прикомпаративно-объектных, координационно-пояснительных и подчинительно-сопоставительных парцеллятов. Также исключается парцелляция конструкций с местоименно-относительной ориентированной анафорической связью, после коррелятов *celui, ce, тот, такой*.

Прагматическое дискурсивное измерение парцеллемы дало следующие результаты.

Дискурсивный анализ приводит к выводу о том, что парцелляция способна кодировать наиболее существенную и тематически значимую для последующего развертывания информацию. В дискурсе общие функции парцелляции заключаются: в четком очерчивании границ фокусной зоны, что несет информацию об иерархизации информации в формате предложения; в создании ракурса реконструирования адресатом референтного медиасобытия; в кодировании информации об адресанте и его ментальном состоянии; стимуляции к построению инференций. Выполнение частных функций зависит от локализации парцелляции в дискурсе, от взаимодействия

с другими средствами аттенциального фокусирования, типа и реализуемой модели, а также конкретного наполнения.

По параметру «*локализация в дискурсе*» были произведены две классификации. Первая классификационная группа объединила случаи парцелляции в сильных позициях текста, вторая – в интротекстовых позициях.

Сопоставительный корпусный анализ выявил как межъязыковые расхождения в частотности парцелляции в сильных дискурсивных позициях (лиде, концовке), так и яркие отличительные черты русского корпуса: оригинальная сквозная парцелляция, относящаяся к окказиональному типу (0,1%), а также применение парцелляции в заголовке (7,8%), представляющее собой эффектный лингвокреативный прием формирования определенного, прагматически обусловленного, ментального образа медиасобытия с визуально выделенной фокусной зоной. Ключевыми функциями парцелляции в лиде являются: уточнение фокуса макротемы или ее детализация за счет размещения в парцелляте фокусных микротем, эксплицирование одного из значимых аспектов макротемы, включение в парцеллят информации о стратегии развертывания макротемы, заданной в заголовке. Парцелляция в концовке призвана сформировать определенные ментальные репрезентации, которые остаются в сознании читателя после чтения газетного текста. В этой позиции парцелляция очерчивает границы наиболее существенного с точки зрения адресанта аспекта, который предназначен для хранения в долговременной памяти адресата.

Во второй классификационной группе наблюдается значительное количество сходств в «поведении» парцеллемы в начальнoабзацной (22,05% и 18,35%), внутриабзацной (42,82% и 37,17%), финальнoабзацной (24,49% и 27,9%) и межабзацной (4,49% и 4,02%) позициях. Различия проявляются в частотности полноабзацной позиции (4,49% и 12,27%). Специфично отсутствие парцелляции в разноабзацной позиции во французском корпусе и парцелляции через подзаголовки – в русском. В работе выявляется

функциональный потенциал парцелляции в каждой из выделенных выше позиций.

В дискурсе парцелляция сопровождается и взаимодействует с различными языковыми средствами распределения внимания, стилистически окрашенными средствами, усиливающими выделенность парцеллятного сегмента, что отражает ее способность к конвергентности. На примере анализа конвергенции парцелляции и некоторых средств вторичного семиозиса, осложняющих ее когнитивно-семиотический план (метафоры, антономазии, фигур интертекста) показывается, каким образом это взаимодействие разворачивается в дискурсе, как оно становится эффективным средством активизации и регулирования внимания, оптимизации аттрактивных свойств.

Подытоживая полученные результаты, констатируем, что выдвинутая гипотеза об обусловленности парцеллятного конструирования сообщения субъективными, социальными, прагматическими факторами и спецификой языка нашла свое подтверждение в ходе настоящего исследования.

Проведенное исследование показало, что парцеллемы являются универсальным языковым и дискурсивным средством аттенциального фокусирования, средством организации дискурса, проявляющим преимущественно сходства в конструктивном и семантическом устройстве, наборе моделей реализации, когнитивной и функциональной нагрузке в таких разносистемных языках как французский и русский.

Считаем, что перспективным и важным в теоретическом и практическом аспектах является исследование феномена парцелляции в социолингвистическом и диахроническом аспектах, а также на материале других языков и дискурсов. Предлагаемая методология может быть применена при исследовании других средств фокусирования синтаксического и дискурсивного формата. Методика верификации достоверности результатов может быть использована для оценки репрезентативности любого специализированного корпуса. Разработанная

программа также обладает свойством универсальности и может уже на данном этапе использоваться для изучения любых лингвистических объектов и в любых языках; в перспективе она может быть дополнена анализаторами разных языков, встроенным расчетом индекса достоверности, расширенным и усовершенствованным инструментарием ввода данных, полезными и удобными для исследователя-пользователя инструментами и функциями.

ЛИТЕРАТУРА

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / О.С. Ахманова. – URL: http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
3. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998; последняя редакция 2014 г. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
4. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998; последняя редакция 2014 г. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 684 с.
6. Быстрова, Е.А., Окунева, А.П., Шанский, Н.М. Учебный фразеологический словарь русского языка /Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – М.: АСТ, 1998. – 304 с.
7. Гак, В.Г., Ганшина, К.А. Новый французско-русский словарь / В.Г. Гак, К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 2000. – 1195 с.
8. Гринева, Е.Ф., Громова, Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы). – М.: Цитадель, 1997. – 638 с.
9. Даль, В.И. Пословицы русского народа (в 3 томах) / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 1989.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – URL: <http://dal.slovaronline.com>.

11. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – URL: <http://www.efremova.info/>
12. Живой словарь Abbyu Lingvo Live [Электронный ресурс]. – URL : <https://lingvolive.com/ru-ru>
13. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак-т МГУ им. Ломоносова, 1996. – 245 с.
14. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
15. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Общая и частная классификации. Терминологический словарь / В.П. Москвин. – М.-Л.: НАНД, 2006. – 2-е изд. – 376 с.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
17. Никитина, С.Е., Васильева, Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов / С.Е. Никитина, Н.В. Васильева. – М., 1996. – 172 с.
18. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 9. Кл-Ку. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 718 с.
19. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова, предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. – М.: Астрель, 2002. – 432 с.
20. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1992. – 944 с.
21. Русская грамматика [Электронный ресурс]. – М.: ИРЯ РАН СССР, 1980. – URL: <http://rusgram.narod.ru>.
22. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003. – 880 с.

23. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.
24. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Фёдоров. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
25. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy
26. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губского. – М.: Инфра-М, 2003. – 576 с.
27. Щерба, Л.В., Матусевич, М.И. Русско-французский словарь / Л.В. Щерба, М.И. Матусевич. – М.: Русский язык, 1993. – 837 с.
28. Dictionary of the English Language: Fifth Edition. – Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011. – 2084 p.
29. Dictionnaire de la langue française. – Paris: Editions de la Connaissance, 1995. – 511 p.
30. Dictionnaire des expressions françaises [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.expressions-francaises.fr/annuaire-expressions-francaises.html>
31. Dictionnaire des mots nouveaux. – Paris: Hachette–Tchou, 1971. – 572p.
32. Dictionnaire Reverso [Электронный ресурс]. – URL : <http://dictionnaire.reverso.net/>
33. Dictionnaire Universel: 5ème éd. – Hachette Edicef, 2008. – 1555 p.
34. Dictionnaires français en ligne Lexilogos [Электронный ресурс]. – URL : http://www.lexilogos.com/francais_langue_dictionnaires.htm
35. Dictionnaire français en ligne L’Internaute [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/>
36. Encyclopédie Larousse [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.larousse.fr/encyclopedie>
37. Greimas, A.J., Courtés, J. Sémiotique, dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.J. Greimas, J. Courtés. – Paris: Hachette, 1979. – 454 p.
38. Le Petit Larousse illustré. – Paris: Larousse, 1998. – 1787 p.

39. Le Petit Robert des noms propres 2010: 40000 noms propres : dictionnaire illustré. – 2009. – 2470 p.

40. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. – Paris: Dictionnaires le Robert, 2012. – 2837 p.

41. Les dictionnaires [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.le-dictionnaire.com/>

42. Nouveau dictionnaire des difficultés du français moderne. – Paris, Editions Duculot, 1991. – 1031 p.

43. Ricalens-Pourchot N. Dictionnaire des figures de style. – Paris: Armand Colin, 2011. – 218 p.

ИСТОЧНИКИ

Французские периодические издания:

1. L'Humanité [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.humanite.fr/>

2. La Tribune [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.latribune.fr/>

3. Le Figaro [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lefigaro.fr/>

4. Le Monde [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lemonde.fr/>

5. Libération [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.liberation.fr/>

Российские периодические издания:

1. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aif.ru/>

2. Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/>

3. Московский комсомолец [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mk.ru/>

4. Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <http://rg.ru/>

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Абрамова, А.Е. Парцелляция как прием поэтики психологизма в повести Г. Бакланова «Пядь земли» / А.Е. Абрамова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10. – С. 114 – 118.
2. Авласевич, М.А. О парцелляции в современном русском литературном языке / М.А. Авласевич // Вестник Белорусского университета. Серия 4. – 1973. – № 1. – С. 15 – 23.
3. Азарова, Н.Д. Лингвопоэтические, семиотические и коммуникативные основы английской пунктуации : автореф. дис. ... канд.филол.наук : 10.02.04 / Н.Д. Азарова. – М., 2001. – 24 с.
4. Азовцева, А.А. Коммуникативно-стилистическая вариантность на уровне высказывания (обособление и парцелляция) / Н.Д. Азарова // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – Т. 55. – 1970. – С. 3 – 7.
5. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М.: Высшая школа, 1990. – 168 с.
6. Акимова, Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке / Г.Н. Акимова // Вопросы языкознания. – 1981. – № 6. – С. 109 – 120.
7. Акыжанова, А.Т. Структурные особенности парцеллированных предложений в современном казахском языке / А.Т. Акыжанова // Universum: филология и искусствоведение. – 2014. – № 3 (5). – С. 8.
8. Александрова, Е.М., Астафьева, О.А. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический приём расчленения текста (на материале коротких анекдотов) / Е.М. Александрова, О.А. Астафьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6-1 (48). – С. 13 – 17.
9. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О.В. Александрова. – М.: Высшая школа, 1984. – 211 с.
10. Александрова, О.В. Синтаксические диеремы в системе речи (на материале английского языка): автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / О.В. Александрова. – М., 1982. – 33 с.

11. Александрова, О.В. Соотношение устной и письменной речи и язык СМИ / О.В. Александрова // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. – М., 2004. – С. 160 – 172.
12. Александрова, О.В., Тер-Минасова, С.Г. Английский синтаксис (коллигация, коллокация, речь) / О.В. Александрова, С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 188 с.
13. Алексеенко, И.В. Парцелляция как грамматическая структура речи: на материале произведений английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.В. Алексеенко. – М., 2006. – 26 с.
14. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивная семиология: истоки, становление и перспективы развития / Н.Ф. Алефиренко // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2007. – № 1-2. – С. 143 – 152.
15. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивные основания лингвосомиозиса / Н.Ф. Алефиренко // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. – Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. – S. 379 – 395.
16. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
17. Алефиренко, Н.Ф. Дискурс как смыслопорождающая категория (дискурс и вторичное знакообразование)/ Н.Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. науч. альманах / под ред. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – Вып. 3. – С. 5 – 13.
18. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории / Н.Ф. Алефиренко // Вестник ВятГГУ. – 2008. – № 2 (1). – С. 75 – 78.
19. Алефиренко, Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность / Н.Ф. Алефиренко // Медиалингвистика. – 2016. – №1 (11). – С. 49 – 58.

20. Алефиренко, Н.Ф. Методологические проблемы современного языкознания / Н.Ф. Алефиренко // Современные проблемы науки о языке. Ч. 4. – М.: Флинта. Наука. – 2009. – С. 314 – 397.
21. Алиев, А.А. Явление парцелляции в языке современной азербайджанской художественной прозы / А.А. Алиев // Советская тюркология. – 1985. – № 3. – С. 45 – 54.
22. Алимжанова, Г.М. Сопоставительная лингвокультурология: сущность, принципы, единицы : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Г.М. Алимжанова. – Алматы, 2010. – 300 с.
23. Андрианова, Е.К., Бобровская, Е.Н. Семантический анализ структур с парцелляцией / Е.К. Андрианова, Е.Н. Бобровская // Проблемы лингвистической семантики. – Грозный, 1977. – С. 12 – 19.
24. Андриевская, А.А. Явление «сепаратизации» в стилистическом синтаксисе современной французской художественной прозы / А.А. Андриевская // Филологические науки. – 1969. – № 3. – С. 77 – 83.
25. Андриевская, А.А. Синтаксис современного французского языка / А.А. Андриевская. – Киев, 1973. – 190 с.
26. Андросова, Ф.С. Пунктуационные знаки в парцеллированных конструкциях / Ф.С. Андросова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64) – Т. 4. – С. 14 – 17.
27. Андросова, Ф.С. Роль пунктуации в формировании текстовых стратегий / Ф.С. Андросова // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 6-2. – С. 37 – 40.
28. Аникеева, Е.С., Прохорова, Л.П. Интермедиаальный поэтический текст как сложный семиотический знак [Электронный ресурс] / Е.С. Аникеева, Л.П. Прохорова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12187> (дата обращения: 24.03.2016).

29. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Academia, 2003. – 128 с.
30. Апетян, М.К. Парцеллированные конструкции в английской литературе / М.К. Апетян // Молодой ученый. – 2015. – № 3 (83). – С. 941 – 943.
31. Апресян, Ю.Д., Богуславский, И.М., Иомдин, Б.Л. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Б.Л. Иомдин [и др.] // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 193 – 214.
32. Арапиева, Л.У. Теория и практика системы знаков препинания в современном английском языке : дис. ... канд.филол.наук : 10.02.04 / Л.У. Арапиева. – М., 1985. – 177 с.
33. Арязмова, О.В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века / О.В. Арязмова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (267). – С. 156 – 159.
34. Арутюнова, Н.Д. О номинативном аспекте предложения / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 6. – С. 63 – 73.
35. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М., 1988. – 338 с.
36. Астапова, Г.М. Парцеллированные структуры с повтором в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.М. Астапова. – Л., 1975. – 216 с.
37. Астапова, Г.Н. О соотношении положительного и отрицательного планов в парцеллированной структуре / Г.Н. Астапова // Проблемы лингвистической семантики. – Грозный, 1977. – С. 38 – 42.

38. Астафьева, И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.01 / И.М. Астафьева. – М., 1964. – 14 с.
39. Астафьева, О.А. Стилистические функции парцелированных конструкций в романе В.Д. Дудинцева «Белые одежды» / О.А. Астафьева // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – Т. 2. – № 2. – С. 1 – 9.
40. Атаджанова, О.О. Парцелляция текстов жанра массовой коммуникации / О.О. Атаджанова. – М., 1988. – 151 с.
41. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
42. Балова, И.М., Будаева, Л.А., Щербань, Г.Е. Проявление синтаксического аналитизма в прозе постмодерна / И.М. Балова, Л.А. Будаева, Г.Е. Щербань // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2015. – № 1 (63). – С. 244 – 251.
43. Бао, Хун Синтаксис и семантика парцелированных конструкций / Хун Бао // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 2. – М, 1998. – С. 65 – 67.
44. Бао, Хун Экспрессивный синтаксис с точки зрения коммуникативной прагматики / Хун Бао // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященных юбилею Г.А. Золотовой. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 512 с.
45. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М., 2007. – 360 с.
46. Баранов, А.Н. Проблема репрезентативности корпуса данных (на примере политической метафористики) [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов // Диалог 2001: труды Международного семинара. – Аксаково, 2001. – URL: http://www.dialog-21.ru/Archive/2001/volume2/2_5.htm (дата обращения: 24.02.2016).

47. Баранов, А.Н., Паршин, П.Б. Возействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1990. – С. 41 – 115.

48. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Электронный ресурс] / Р. Барт / пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – URL:<http://ihavebook.org/books> (дата обращения: 05.02.2016).

49. Бартенева, М.Ю. Синтаксические и семантико-стилистические средства организации текста современной-художественной прозы: на материале произведений В. Токаревой и Т. Толстой : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.Ю. Бартенева. – Махачкала, 2000. –160 с.

50. Барулина, Н.Н. Роль знаков препинания при актуализации высказывания / Н.Н. Барулина // Русский язык в школе. – 1982. – № 3. – С. 44 – 52.

51. Басырова, Г.А. Присоединение как специфическая особенность башкирской разговорной речи / Г.А. Басырова // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15. – № 3-1. – С. 973 – 976.

52. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.

53. Беликов, В.И., Копылов, Н.Ю., Пиперски, А.Ч., Селегей, В.П., Шаров, С.А. Корпус как язык: от масштабируемости к дифференциальной полноте / В.И. Беликов, Н.Ю. Копылов, А.Ч. Пиперски, В.П. Селегей, С.А. Шаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 12 (19). – Том 1. – 2013. – С. 84 – 95.

54. Беликов, В.И., Копылов, Н.Ю., Селегей, В.П., Шаров, С.А. Дифференциальная корпусная статистика на основании неавтоматической метатекстовой разметки / В.И. Беликов, Н.Ю. Копылов, В.П. Селегей, С.А. Шаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 13 (20). – Том 1. – 2014. – С. 54 – 67.

55. Беликов, В.И., Селегей, В.П., Шаров, С.А. Прологомены к проекту Генерального интернет-корпуса русского языка / В.И. Беликов, В.П. Селегей, С.А. Шаров // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 11 (18). – М.: Издательство РГГУ, 2012. – С. 37 – 50.

56. Белкина, Е.М. Стилистическое использование присоединительных и парцелированных конструкций в текстах публицистической и художественной литературы / Е.М. Белкина. – М.: Изд-во МГЛУ, 1993. – 13 с.

57. Белоусов, В.Ю. Интонация как основной аспект разграничения парцелиации и смежных с ней конструкций в кинодиалоге гангстерского фильма / В.Ю. Белоусов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 12-1. – С. 274 – 276.

58. Белоусов, В.Ю. Структурные особенности парцелированных конструкций в кинодиалоге гангстерского фильма (на материале художественных фильмов американской кинематографии 30-х годов) / В.Ю. Белоусов // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – 2014. – С. 17 – 21.

59. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Электронный ресурс] / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с. – URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/benvenist.htm> (дата обращения: 15.01.2016).

60. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э.М. Береговская. – М., 2004. – 208 с.

61. Беседина, Н. А. Методологические аспекты современных когнитивных исследований в лингвистике / Н.А. Беседина // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». – 2010. – № 20 (91). – Вып. 14. – С. 31 – 37.

62. Бехтель, Э.Е., Бехтель, А.Э. Контекстуальное опознание / Э.Е. Бехтель, А.Э. Бехтель. – СПб.: Питер, 2005. – 336 с.

63. Блох, М.Я. К проблеме присоединительных связей предложений / М.Я. Блох // Ученые записки МГПИ им. Ленина. – 1969. № 367. – С. 49 – 56.

64. Блох, М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса (на материале англ.яз.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / М.Я. Блох. – М., 1977. – 34 с.

65. Блохина, Н.Г. Явления изоморфизма в парадигматических и синтагматических отношениях на разных лингвистических уровнях / Н.Г. Блохина // Вестник ТГУ. – 2004. – №3. – С. 95 – 104.

66. Богданова, С.Ю. Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач / С.Ю. Богданова // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №2 (18). – С.47 – 53.

67. Богоявленская, Ю.В. Парцеллированные конструкции как синтаксический экспликатор субъективно-модальных значений (на материале газетных текстов) / Ю.В. Богоявленская // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 130 – 136.

68. Богоявленская, Ю.В. Парцелляция как средство интеллектуального и эмоционального воздействия / Ю.В. Богоявленская // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 1. – С. 43 – 47.

69. Богоявленская, Ю.В., Чудинов, А.П. Функционирование прецедентных высказываний во французском медиадискурсе / Ю.В. Богоявленская, А.П. Чудинов // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 29. – С. 20-35.

70. Богоявленская, Ю.В., Буженинов, А.Э. Сопоставительная медиалингвистика как новое направление современной сопоставительной лингвистики / Ю.В. Богоявленская, А.Э. Буженинов // Вестник Нижегородского лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 31. – С. 11 – 19.

71. Богоявленская, Ю.В., Нелюбина, М.С. Абсолютная причастная конструкция и смежные явления во французском языке / Ю.В. Богоявленская, М.С. Нелюбина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 27 – 36.

72. Богоявленская, Ю.В., Нелюбина, М.С. Корпусное исследование французских абсолютных причастных конструкций / Ю.В. Богоявленская, М.С. Нелюбина // Гуманитарный вектор. Серия Филология. Востоковедение. – 2015. – № 4 (44). – С. 39 – 48.

73. Богоявленская, Ю.В., Чудинов, А.П., Нахимова, Е.А. Корпусное исследование национальных особенностей восприятия прецедентности / Ю.В. Богоявленская, А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 2. – С. 187 – 194.

74. Боевец, И.А. Сложное синтаксическое целое в современном французском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.А. Боевец. – Л.: ЛГПИ, 1971. – 23 с.

75. Боевец, И.А., Винтман, Ж.А. Присоединительные конструкции в современном французском языке / И.А. Боевец, Ж.А. Винтман. – Л.: ЛГПИ, 1971. – 80 с.

76. Бойков, В.В., Жукова, Н.А., Романова, Л.А. Распределение длины слов в русских, английских и немецких текстах [Электронный ресурс] / В.В. Бойков, Н.А. Жукова, Л.А. Романова. – URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-006.htm (дата обращения: 11.12.2015).

77. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – Либроком, 2009. – 144 с.

78. Болдырев, Н.Н. Функционально-семиологический подход к анализу языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: материалы докладов международной научной конференции – Ч.1. – Минск: МГЛУ, 1998. – С. 7 – 9.

79. Болотская, М.П. Экспрессивный синтаксис в изображении мира и человека в современной русской литературе / М.П. Болотская // Пушкинские чтения-2014. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст / под ред. проф. В. Н. Скворцова. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 366 – 373.

80. Бонч-Осмоловская, А.А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях: конструкции с предикативами и дативным субъектом [Электронный ресурс] / А.А. Бонч-Осмоловская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2015. – URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Bonch-Osmolovskaya_AA.pdf (дата обращения: 17.11.2015).

81. Борисова, Е.В. Коммуникативно-прагматические особенности парцелированных конструкций в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.В. Борисова. – Барнаул, 2003. – 22 с.

82. Брунер, Дж. Онтогенез речевых актов / Дж. Брунер // Психолингвистика: сборник статей / под ред. А.М. Шахнаровича. – М.: Прогресс, 1984. – С. 21 – 49.

83. Будаев, Э. В., Чудинов, А. П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 19.08.2013).

84. Будниченко, Л.А. Экспрессивная пунктуация в публицистическом тексте (на материале языка газет) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Л.А. Будниченко. – СПб, 2004. – 283 с.

85. Бурак, Л.И. Присоединение в современном белорусском литературном языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02 /Л.И. Бурак. – Минск, 1979. – 36 с.

86. Бурдаева, Т.В. Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.В. Бурдаева. – Самара, 2002. – 211с.

87. Бурло, В.Д., Степанова, А.Н. О некоторых нарушениях синтаксической нормы французского языка и роли подлежащего / В.Д. Бурло, А.Н. Степанова // Функционирование и развитие языковых систем. – Минск: Высшая школа, 1990. – С. 4 – 8.

88. Быкасов, С.В. Парцелляция как средство членения высказывания / С.В. Быкасов // Вестник Камчатского государственного технического университета. – 2009. – № 9. – С. 129-132.
89. Валгина, Н.С. Присоединительные конструкции в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М., 1964. – 32 с.
90. Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 1991. – 439 с.
91. Валгина, Н.С. Трудные вопросы пунктуации / Н.С. Валгина. – М.: Просвещение, 1983. – 176 с.
92. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
93. Валгина, Н.С. Пути вхождения разговорных конструкций в письменную речь / Н.С. Валгина // Филологические науки. – 1997. – № 6. – С. 22 – 32.
94. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
95. Валгина, Н.С. Эффективность письменного сообщения и знаки препинания / Н.С. Валгина // Филологические науки. – 1982. – № 4. – С. 42 – 47.
96. Ванников, Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю.В. Ванников. – М.: Русский язык, 1979. – 296 с.
97. Ванников, Ю.В. Явление парцелляции в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Ванников. – М., 1965. – 529 с.
98. Ванников, Ю.В. Парцелляция, связанная с разрывом интенциональных связей структуры предложения / Ю.В. Ванников // Вопросы сопоставительного и общего языкознания. Труды УДН им. П. Лумумбы. – 1969. – Т. 43. – Вып. 5. – С. 3 – 27.
99. Ванников, Ю.В. Психолингвистический аспект явления парцелляции / Ю.В. Ванников // Труды Университета дружбы народов им. П.Лумумбы. – Т. XXIX. – М., 1968. – С. 45 – 61.

100. Ваулина, Т.Л. К вопросу о разграничении присоединения и парцелляции/ Т.Л. Ваулина // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал / под ред. М. Г. Абрамзона. – Вып. XXII. – Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. – С. 458 – 464.

101. Ваулина, Т.Л. Присоединительные конструкции в языке современной газеты: структурные, семантические, функциональные особенности : автореф. дис. ... канд.филол.наук : 10.02.01 / Т.Л. Ваулина. – Челябинск, 2011. – 20 с.

102. Ваулина, Т.Л. Экспрессивная функция знаков препинания в организации присоединительных конструкций / Т.Л. Ваулина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 26. – С. 141 – 147.

103. Веденина, Л.Г. Французская пунктуация и ее роль в построении предложения : автореф. дис. канд.филол.наук : 10.02.05 / Л.Г. Веденина. – М., 1980. – 47 с.

104. Вежбицкая, А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» / А. Вежбицкая // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 15-42.

105. Венцов, А.В., Грудева, Е.В., Касевич, В.Б., Сведенцова, Е.А., Слепокурова, Н.А. О морфологии в Национальном корпусе русского языка / А.В. Венцов, Е.В. Грудева, В.Б. Касевич, Е.А. Слепокурова // Материалы XXXIII Международной филологической конференции (15–20.03.2004). – Вып. 24. – Ч. 2. – СПб: ОНУТ Филол. ф-та СПбГУ, 2004. – С. 3 – 8.

106. Венцов, А.В., Касевич, В.Б., Ягунова, Е.В. Корпус русского языка и восприятие речи [Электронный ресурс] / А.В. Венцов, В.Б. Касевич, Е.В. Ягунова // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2003. – № 6. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Jagunova.htm> (дата обращения: 10.10.2015).

107. Веселовская, Т.М. Парцелляция в синтаксисе газетно-публицистического текста / Т.М. Веселовская // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 1 (212). – С. 34 – 47.

108. Вильчицкая, Е.А. Коммуникативно-прагматические функции парцелляции и присоединения в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Е.А. Вильчицкая. – Минск, 1991. – 153 с.

109. Виноградов, А.А. Функциональные типы лексического повтора в расчлененных присоединительных конструкциях (на материале русского, венгерского и чешского языков) / А.А. Виноградов // Филологические науки. – 1984 а. – № 1. – С. 58 – 65.

110. Виноградов, А. А. К вопросу о дифференциации явлений парцелляции и динамического присоединения / А.А. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1981. – № 3. – С. 98 – 110.

111. Виноградов, А.А. Структура и функции присоединительных конструкций в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Виноградов. – М., 1984 б. – 18 с.

112. Виноградова, В.Б., Кукушкина, О.В., Поликарпов, А.А., Савчук, С.О. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века: создание, категоризация, автоматизированный анализ языковых особенностей / В.Б. Виноградова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов, С.О. Савчук // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001. – С. 398.

113. Винтман, Ж.А. Присоединительные конструкции, имеющие форму членов предложения в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ж.А. Винтман. – Ленинград, 1972. – 259 с.

114. Власенко, Г.М. К вопросу о разграничении неполных, односоставных, эллиптических и парцеллированных структур (на материале французского языка) / Г.М. Власенко // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 6-5. – С. 43 – 48.

115. Водясова, Л.П. Парцеллят как средство связи компонентов сложного синтаксического целого в прозе К.Г. Абрамова / Л.П. Водясова // Филология и литературоведение. – 2014. – № 9 (36). – С. 23 – 29.

116. Волков, В.С. Коммуникативно-семантические маркеры парцелляции высказывания / В.С. Волков // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 1 (75). – С. 205 – 212.

117. Волкова, С.С. К вопросу об обязательности и факультативности придаточных предложений : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С.С. Волкова. – Киев, 1970. – 19 с.

118. Волкова, С.С. Парцелляция или эллипсис? / С.С. Волкова // Исследования по романской и германской филологии. – Киев: КГУ, 1977. – С. 36 – 40.

119. Волокитина, А.И., Баранова, Н.В. Тенденции в употреблении парцеллированных конструкций в стилизованной разговорной речи 18-го и 20-го веков / А.И. Волокитина, Н.В. Баранова // Язык и культура: межвузовский сборник научных статей. – Самара, 1999. – С. 80 – 87.

120. Волоскович, А.М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.М. Волоскович. – Москва, 2012. – 181 с.

121. Ворошилова, М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 180 – 189.

122. Ворошилова, М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М.Б. Ворошилова. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.

123. Вяльяк, К.Э. Возможности парцелляции при экспликации коммуникативной организации высказывания / К.Э. Вяльяк // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 46 – 48.

124. Гаврилова, В.В. Присоединительные конструкции и их стилистическое использование в произведениях современной немецкой

художественной литературы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.В. Гаврилова. – Л., 1961. – 21 с.

125. Гаибова, М.Т. Присоединительные конструкции и их стилистические функции в художественной прозе (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.Т. Гаибова. – М., 1973. – 176 с.

126. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М., 1998. – С. 243 – 263.

127. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике / В.Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15.– М.: Прогресс, 1989 а. – С.5-18.

128. Гак, В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – М.: Русский язык, 1975. – 278 с.

129. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1989 б. – 288 с.

130. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1981. – 208 с.

131. Гак, В.Г., Розенблит, Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков / В.Г. Гак, Е.Б. Розенблит. – М.: Высшая школа, 1965. – 378 с.

132. Галив, У.Б. Парцелляция как доминанта поэтического синтаксиса Лины Костенко (на основе исторических романов в стихах «Берестечко» и «Маруся Чурай») / У.Б. Галив // Гуманітарна освіта у технічних вищих навчальних закладах. – 2014. – Т. 1. – № 29. – С. 47 – 56.

133. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.

134. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.

135. Гаффаров, А.А. Синтаксическая деривация парцеллированных и присоединительных конструкций в современном узбекском языке : автореф.

дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А.А. Гаффаров. – Самарканд, 1997. – 26 с.

136. Гвишиани, Н.Б. Практикум по корпусной лингвистике: учебное пособие по английскому языку / Н.Б. Гвишиани. – М.: Высшая школа, 2008. – 191 с.

137. Генералова, Л.М. О преимуществах ономаσιологического подхода к теории моделирования предложения / Л.М. Генералова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 10. – С. 61 – 65.

138. Гжаниянц, Э.М., Астапова, Г.М. Сравнительно-сопоставительный анализ повтора в парцелированных структурах английского и русского языков / Э.М. Гжаниянц, Г.М. Астапова // Семантико-стилистические исследования текста и предложения. – Л., 1980. – С. 31 – 37.

139. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: URSS, 2010. – 224 с.

140. Гильмуллин, Р.А., Невзорова, О.А., Хакимов, Б.Э. Корпус татарских текстов: проблема репрезентативности / Р.А. Гильмуллин, О.А. Невзорова, Б.Э. Хакимов // Корпусная лингвистика – 2011: труды международной конференции. 27-29 июня 2011 г. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2011. – С. 125 – 130.

141. Глебская, Т.Ф. Присоединительные конструкции в газетном тексте (на материале «Российской газеты» за 2012-2014 гг.) / Т.Ф. Глебская // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6 (159). – С. 107 – 112.

142. Гоготишвили, Л.А. Непрямое говорение / Л.А. Гоготишвили. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 720 с.

143. Голикова, Н.Н. Функциональные свойства явления присоединения в немецком языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.Н. Голикова. – Минск, 1986. – 183 с.

144. Головина, И.В. Использование изолированных придаточных предложений в функции заголовков немецких газет / И.В. Головина // Университет XXI века: исследования в рамках научных школ: материалы научной конференции научно-педагогических работников, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2015. – С. 54 – 57.

145. Голубева, И.В., Губарь, И.А. Конструкции экспрессивного синтаксиса в лирике Бориса Пастернака / И.В. Голубева, И.А. Губарь // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3 (50). – С. 63 – 66.

146. Горбунова, Л.Г. К вопросу о функционально-семантическом поле присоединения [Электронный ресурс] / Л.Г. Горбунова. – URL: http://old.kuzspa.ru/diss/conf_27_28/2_gorbunova.doc (дата обращения: 24.12.2015)

147. Горбунова, Л.Г., Лияскина, Т.Н. Участие «Я»-субъекта в формировании высказываний с присоединением / парцелляцией / Л.Г. Горбунова, Т.Н. Лияскина // Огарёв-Online. – 2015. – № 6 (47). – С. 9 – 15.

148. Горячев, А.А. Моделирование речевого воздействия в речевой коммуникации : дис. ... канд.филол.наук : 10.02.19 / А.А. Горячев. – СПб, 2010. – 296 с.

149. Григорьева, Н.О. Особенности парцеллирования конструкций со словом «чтобы» / Н.О. Григорьева // Известия РГПИ. – 1998. – Вып. 1. Филология. – С. 16 – 23.

150. Григорьева, Н.О. Полифункциональные служебные слова в конструкциях с парцелляцией / Н.О. Григорьева // Известия Южного федерального университета. – Филологические науки. – 2010. – № 3. – С. 116 – 121.

151. Гринштейн, Т.Д. К вопросу о синтаксической природе парцеллятов / Т.Д. Гринштейн // Вариативность единиц разных уровней языковой структуры. – Орджоникидзе, 1978. – С. 34 – 38.

152. Гришина, Е. А. Корпус «История русского ударения» / Е.А. Гришина // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 150 – 174.
153. Грудева, Е.В. Корпусная лингвистика / Е.В. Грудева. – М.: Флинта, 2012. – 165 с.
154. Гуревич, С. М. Номер газеты / С.М. Гуревич. – М. : Аспект Пресс, 2002. –192 с.
155. Гурьева, Н.Н. Парцелляция как средство синтаксической компрессии в публицистической речи / Н.Н. Гурьева // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога: материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей и студентов. – 2013. – С. 164 – 168.
156. Гурьева, Н.Н. Парцелляция как средство трансформации узуальных синтаксических конструкций в публицистической речи / Н.Н. Гурьева // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник трудов международной научной конференции. Тверь, 2-3 ноября 2010 г. – Тверь, 2010. – С. 12 – 22.
157. Гурьева, Н.Н. Парцелляция как стратегия авторского дискурса в печатных СМИ / Н.Н. Гурьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 3. – С. 216 – 223.
158. Гурьева, Н.Н. Парцелляция как экспрессивно-стилистическое средство в языке современных СМИ / Н.Н. Гурьева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2013. – № 3. – С. 163 – 169.
159. Гурьева, Т.Н. О структурно-семантической характеристике парцелляции второстепенных членов предложения в чувашском языке / Т.Н. Гурьева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 3 (75). – С. 45 – 48.
160. Гусаров, В.М., Кузнецова, Е.И. Статистика / В.М. Гусаров, Е.И. Кузнецова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 479 с.

161. Гусейнова, И.А. Когнитивно-прагматические основания гибридизации в институциональном дискурсе / И.А. Гусейнова // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы международной научной конференции, Москва, 17-18.11.2011. – М.: ИПК МГЛУ Рема, 2011. – С. 38 – 39.
162. Дедковская, Д.М. Постпозитивные номинативные конструкции в функциональном аспекте / Д.М. Дедковская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4-1. – С. 125 – 128.
163. Дейк Ван, Т.А. Вопросы прагматики текста / Т.А. Ван Дейк // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики: сборник статей. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 192 с.
164. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
165. Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В.З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 39 – 77.
166. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17 – 33.
167. Денисова, Г.Л. Когнитивные основания анализа сравнения (на материале немецкого языка) / Г.Л. Денисова // Мир лингвистики и коммуникации. – 2010. – № 21. – С. 41 – 52.
168. Дмитриева, М.И. Семантико-прагматические и стилеобразующие характеристики экспрессивных единиц языка (на материале авторских текстов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.И. Дмитриева. – Н.Новгород, 2000. – 168 с.
169. Добровольский, Д.О., Кретов, А.А., Шаров, С.А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования / Д.О.

Добровольский, А.А. Кретов, С.А. Шаров // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 263 – 296.

170. Добродомов, И.Г. Парцеллированные (присоединительные) конструкции как неполные предложения монологического типа / И.Г. Добродомов // Проблемы семантики предложения: Выраженный и невыраженный смысл. – Красноярск, 1986. – С. 109 – 115.

171. Добрычева, А.А. Особенности синтаксической организации прозы Сергея Довлатова / А.А. Добрычева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2011. – Т. 4. – № 33-1. – С. 57 – 60.

172. Добрычева, А.А. Парцеллированные конструкции в тексте / А.А. Добрычева // Филологический журнал. – 2010. – Вып. 17. – С. 95 – 96.

173. Добрычева, А.А. Парцелляция в прозе С. Довлатова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.А. Добрычева. – Владивосток, 2012. – 21 с.

174. Добрычева, А.А. Парцелляция осложняющих компонентов предложения в прозе Сергея Довлатова / А.А. Добрычева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 6. – С. 19 – 23.

175. Дроняева, Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста / Т.С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Часть 2. – М.: Изд-во Московского университета, 2004. – С. 307 – 326.

176. Дудик, П.Р. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення / П.Р. Дудик. – Київ, 1975. – 288 с.

177. Дулалаев, Ю.С. К вопросу о лингвистических и экстралингвистических условиях парцелляции сложноподчиненных предложений / Ю.С. Дулалаев // Вопросы теории и методики изучения русского языка. – Казань, 1971. – С. 46 – 49.

178. Дулалаев, Ю.С. К вопросу о присоединительных и парцеллированных конструкциях / Ю.С. Дулалаев // Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка. – Вып. 2. – Ульяновск, 1976. – С. 84 – 93.

179. Дуринова, Н.Н. Грамматико-стилистические особенности использования парцелляции в авторской речи (на материале английского романа 60-70-х XX века) / Н.Н. Дуринова // Сборник МГПИИЯ. – Вып. 189. – М., 1982. – С. 11 – 22 .

180. Дяговец, И.И. Некоторые аспекты парцелляции придаточных предложений с синкретичной семантикой: к постановке вопроса / И.И. Дяговец // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. – 2009. – Вип. XX. – С.521 – 527.

181. Дяговец, И.И. Типология русских придаточных предложений нетипичного построения (Синтаксические единицы с отклоняющейся структурой) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / И.И. Дяговец. – Донецк, 2006. – 316 с.

182. Евдошенко, А.П. Сопоставительный синтаксис разносистемных языков / А.П. Евдошенко. – Кишинев: Штиинца, 1981. – 150 с.

183. Евтушенко, Т.Г. Пунктуационно-графические средства в современных русских научных текстах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.Г. Евтушенко. – Томск, 2012. – 160 с.

184. Еливанова, А.М. Парцелляция однородных членов предложения во французской прозе / А.М. Еливанова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 1. – С. 189 – 193.

185. Ерёменко, Т.С. Экспрессивные синтаксические конструкции в языке газеты (на примере парцелляции) / Т.С. Ерёменко // Тенденции формирования науки нового времени: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 4 частях /отв. ред. А.А. Сукиасян. – 2014. – С. 157 – 159.

186. Ефремов, А.Ф. Язык Н.Г. Чернышевского / А.Ф. Ефремов // Ученые записки Саратовского гос. пед. ин-та. Кафедра рус.яз. – 1951. – Вып. 14. – С. 74 – 81.

187. Ефремова, Н.А., Степанова, А.А. Специфика синтаксических конструкций в произведениях Н. Габышева (на материале книги «Сто

рассказов») / Н.А. Ефремова, А.А. Степанова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – № 3. – С.103 – 110.

188. Жайворонок, В.В. Сложноподчинительная конструкция в украинской устной и письменной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / В.В. Жайворонок. – Киев, 1970. – 21 с.

189. Жилина, С.И., Трошина, Н.В. Подчинительные и парцелированные конструкции в произведениях Евгения Гришковца / С.И. Жилина, Н.В. Трошина // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-2. – С. 250 – 254.

190. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 156 с.

191. Загнитко, А.А., Черных, С.В. Парцелляция как семантико-синтаксическая категория / А.А. Загнитко, С.В. Черных // Донец. гос. ун-т. – Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 39058 от 28.07.1989. – Донецк, 1989. – 23 с.

192. Загорюлько, М.Ю., Кононенко, И.С., Сидорова, Е.А. Система семантической разметки корпуса текстов в ограниченной предметной области [Электронный ресурс] / М.Ю. Загорюлько, И.С. Кононенко, Е.А. Сидорова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – 2012. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/94.pdf> (дата обращения: 30.11.2014).

193. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – 1997. – Вып. 1. – С. 82 – 103.

194. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебно-методическое пособие / В.П. Захаров. – СПб, 2005. – 48 с.

195. Захаров, В.П., Богданова, С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник / В.П. Захаров, С.Ю. Богданова. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.

196. Зверева, Е.С. Логическая функция парцелированных конструкций в поэтических текстах / Е.С. Зверева // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 1997. – № 5. – С. 11 – 14.

197. Зверева, Е.С. Функции парцелированных конструкций / Е.С. Зверева // Проблемы анализа текста: сборник научных статей. – Харьков: Изд-во Харьковск. гос. пед. ун-та, 1994. – С. 20 – 23.

198. Зверева, Е.С. Функционирование парцелированных конструкций в современной русской поэтической речи (в сопоставлении с украинской) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е.С. Зверева. – Киев, 1998. – 18 с.

199. Зелепукин Р.О. Парцелляция в прозе Виктории Токаревой / Р.О. Зелепукин // Русская речь. – 2007. – № 2. – С. 36 – 40.

200. Зелепукин, Р.О. Конструкции с парцелляцией подчинения в художественной прозе В. Токаревой / Р.О. Зелепукин // Вопросы филологических наук. – 2006. – № 6. – С. 11 – 12.

201. Зелепукин, Р.О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Р.О. Зелепукин. – М., 2007. – 27 с.

202. Зелепукин, Р.О. Экспериментальное психологическое исследование восприятия парцелляции / Р.О. Зелепукин // Вестник МГОПУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2007. – №1. – С. 34 – 39.

203. Зельцер, В.И. Текстовая актуализация частей сложноподчиненного предложения в современном русском языке / В.И. Зельцер. – Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1973. – 188 с.

204. Зоидзе, Э.А. Роль парцелированных конструкций в аналитическом газетном тексте (на материале русского и английского языков) / Э.А. Зоидзе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 5. – С. 67-72.

205. Золотарёва, Т.Н., Саутина, Е.В. Функционирование парцелированных конструкций в речи современных СМИ / Т.Н. Золотарёва,

Е.В. Саутина // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2011. – № 4. – С. 128 – 131.

206. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К.Онипенко, М.Ю. Сидорова. М., 1998. – 528 с.

207. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: УРСС: Едиториал, 2003. – 366 с.

208. Ибраев Л.И. К проблеме генезиса знаков и их классификации / Л.И. Ибраев // Философские науки. – 1984. – № 5. – С. 30 – 39.

209. Иванов, Вяч.Вс. Очерки по предыстории и истории семиотики / Вяч.Вс. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. I. – М., 1998. – С. 605 – 811.

210. Иванова, В.И. Предложение, высказывание: системно-функциональный аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / В.И. Иванова. – Тверь, 2001. – 37 с.

211. Иванова, Е.Ю. Конструкции экспрессивного синтаксиса в современном болгарском языке / Е.Ю. Иванова. – СПб.: Амфора, 1999. – 156 с.

212. Иванова, Е.Ю. О некоторых спорных вопросах в изучении парцелляции / Е.Ю. Иванова // Научни трудове / Пловдивски Университет «П.Хилендарски». – Т. 36. – Кн. 1: Филологии. 1998. – С. 45 – 58.

213. Иванова, Е.Ю. Парцелляция распространяющего повтора в болгарском языке / Е.Ю. Иванова // Славянская филология: сборник статей / под ред. Г.И. Сафонова, Г.А. Лилич. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – Вып. 8. – С. 87 – 94.

214. Иванчикова, Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения / Е.А. Иванчикова // Мысли о современном русском языке. – М., 1969. – С. 126 – 139.

215. Иванчикова, Е.А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции / Е.А. Иванчикова // Русский язык

и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968. – С. 277 – 299.

216. Иеронова, И.Ю. Развитие парантезы во французском литературном языке в период с XVI по XX вв. (на материале эпистолярных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / И.Ю. Иеронова. – СПб., 1993. – 17 с.

217. Иеронова, И.Ю. Семиотический статус пунктемы «скобки» в системе параграфемных средств французского языка / И.Ю. Иеронова // Проблемы семантики и прагматики: сборник научных трудов / Калининградский университет. – Калининград, 1996. – С. 33 – 38.

218. Илия, Л.И. Очерки по грамматике современного французского языка / Л.И. Илия. – М.: Высшая школа, 1970. – 176 с.

219. Илия, Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка / Л.И. Илия. – М.: Высшая школа, 1979. – 215 с.

220. Ильинова, Е.Ю. Когнитивно-семиотический подход к изучению приемов информирования в элетронных СМИ / Е.Ю. Ильинова // Коммуникативные практики речевой деятельности: сборник научных статей / отв.ред. Е.Ю. Ильинова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. – с. 56 – 72.

221. Ингве, В. Гипотеза глубины / В. Ингве // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей: перевод с англ., нем. и франц. языков. – Вып. 4. / сост. В. А. Звегинцев. – 1965 . – С. 126 – 138.

222. Иноземцева, Н.В. Парцелляция как основная синтаксическая модель заголовков англоязычных статей по методической проблематике / Н.В. Иноземцева // Вестник ОГУ. – 2011. – № 11 (130). – С.114 – 118.

223. Инфантова, Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи / Г.Г. Инфантова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского педагогического университета, 1973. – 135 с.

224. Инфантова, Г.Г. Снятие сочетаемости придаточного предложения с главным / Г.Г. Инфантова // Сочетаемость синтаксических единиц. – Ростов-на-Дону, 1984. – С. 89 – 101.

225. Ирисханова, О.К. О лингвокреативной деятельности человека / О.К. Ирисханова. – М.: Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.

226. Ирисханова, О. К. Коммуникативная стратегия эвфемизации как «Игры фокуса» в языке / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 617. – С. 172 – 184.

227. Ирисханова, О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. Выпуск VII. Типы категорий в языке: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 78 – 93.

228. Ирисханова, О.К. Гибриды – экзотика или универсальные ингредиенты семиотических систем? / О.К. Ирисханова // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 27-28.10.2011. – М.: ИПК МГЛУ Рема, 2011. – С. 62 – 63.

229. Ирисханова, О.К. Интерсубъектность конструирования событий в полимодальном дискурсе / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 17. – С. 31 – 41.

230. Ирисханова, О.К. О распределении внимания в нарративных текстах: анализ рассказа Дж. Апдайк «Daughter, last glimpses of» / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2013. – № 17 (677). – С. 18 – 36.

231. Ирисханова, О.К. О теории концептуальной интеграции / О.К. Ирисханова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 60. – № 3. – М.: Наука, 2001. – С. 44 – 49.

232. Ирисханова, О.К. О языковой гибридизации, лексических гибридах и фокусе внимания / О.К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 603 – С. 27 – 44.

233. Ирисханова, О.К. Семиотические гибриды как способ репрезентации знаний в дискурсе / О.К. Ирисханова // Проблемы представления (репрезентации) знания в языке. Типы и форматы знаний. – М., Калуга: Эйдос, 2007. – С. 271 – 278.

234. Казаченко, О.В. Когерентность и когезия текста / О.В. Казаченко // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 8 (27). Часть 2. – С. 88 – 90.

235. Калашникова, Г.Ф., Скоробогатова, Е.А. Парцеллированные полупредикативные конструкции как синкретичные образования / Г.Ф. Калашникова, Е.А. Скоробогатова // Разноуровневые единицы языка и их речевая реализация. – Ростов н/Д, 1997. – С. 63 – 71.

236. Калинин, А.Н. Синтагматика и синтаксис парцеллированных конструкций в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Калинин. – Самара, 2005. – 24 с.

237. Калинина, Л.Н. Явление парцелляции на уровне текста / Л.Н. Калинина. – Донецк: Изд-во ДГУ, 1985. – 45 с.

238. Калинкина, С.К. Парцелляция и присоединение компонентов бицентричной конструкции / С.К. Калинкина // Реализация грамматических категорий в тексте. – М., 1982. – С. 35 – 39.

239. Канеман, Д. Внимание и усилие / Д. Канеман / пер. с англ. И. С. Уточкина. – М.: Смысл, 2006. – 288 с.

240. Карасик, В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2012. – № 1. – С. 43 – 50.

241. Карасик, В.И. О типах дискурса [Электронный ресурс] / В.И. Карасик. – URL: <http://rus-lang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>

242. Каркошко, О.П. Парцелляция: структура, семантика, функция : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.П. Каркошко. – Майкоп, 2011. – 186 с.
243. Карпенко, М.В. Наблюдения над структурой присоединительных конструкций в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.В. Карпенко. – Черновцы, 1958. – 17 с.
244. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук в форме научного доклада : 10.02.19 / А.А. Кибрик. – Москва, 2003. – 90 с.
245. Кибрик, А.А. Мультимодальная лингвистика / А.А. Кибрик // Когнитивные исследования - IV. – М.: ИП РАН, 2010. – С. 134 – 152.
246. Ким, Г.В. Бессоюзные присоединительные конструкции в современном русском литературном языке (на материале драматических произведений советских писателей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.В. Ким. – Алма-Ата, 1965. – 18 с.
247. Киселева, Н.П. Стилистическая характеристика парцеллированных конструкций (на материале пьес Островского) / Н.П. Киселева // Язык и слог Островского-драматурга. – Ярославль, 1974. – С. 45 – 55.
248. Кобзев, П.В. Неполные предложения присоединительного типа в современном литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / П.В. Кобзев. – Ленинград, 1966. – 24 с.
249. Кожемякин, Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е.А. Кожемякин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (73). – Вып. 11. – С. 13 – 21.
250. Колесников, А.В. Подключенные конструкции в синтаксисе целого текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.В. Колесников. – М., 1971. – 24 с.
251. Колокольцева, Т.Н. Речевой портрет персонажа: синтаксический аспект / Т.Н. Колокольцева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 88-94.

252. Кольцова, Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л.М. Кольцова. – Воронеж, 2007. – 377 с.

253. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З.И. Комарова. – Екатеринбург, 2012. – 818 с.

254. Комиссаров, В.Н. Смысловая стратификация текста как переводческая проблема / В.Н. Комиссаров // Текст и перевод / под ред. А.Д. Швейцера. – М., 1988. – С. 6 – 17.

255. Кононенко, И.С., Сидорова, Е.А. Система семантической разметки корпуса текстов как инструмент извлечения экспертных знаний (на материале текстов по катализу) / И.С. Кононенко, Е.А. Сидорова // Корпусная лингвистика – 2011: труды международной конференции. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 193 – 198.

256. Константинов, Л.Н. Наблюдения над употреблением парцелированных конструкций в языке романа С. Залыгина «Соленая падь» / Л.Н. Константинов // Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка. – Барнаул, 1974. – С. 54 – 59.

257. Константинов, Л.Н. О повторе как лексическом (дополнительном) средстве связи частей парцелированного сложноподчиненного предложения / Л.Н. Константинов // Вопросы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе. – Вып. 1. – Краснодар, 1973. – С. 76 – 79.

258. Константинов, Л.Н. Расчлененные конструкции с подчинительными союзами, соотносительные с формулой сложноподчиненного предложения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Н. Константинов. – Новосибирск, 1969. – 23 с.

259. Коньков, В.И. Речевая структура газетного текста / В.И. Коньков. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. – 158 с.

260. Копнина, Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.А. Копнина. – Красноярск, 2001. – 27 с.

261. Копнина, Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Г.А. Копнина. – Красноярск, 2003. – 413 с.

262. Копотев, М.В., Гурин, Г.Б. Принципы синтаксической разметки Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов ХАНКО / М.В. Копотев, Г.Б. Гурин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог-2006». – М.: РГГУ, 2006. – С. 280 – 284.

263. Копотев, М.В., Гурин, Г.Б. Разметка синтаксической неполноты в корпусе / М.В. Копотев, Г.Б. Гурин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог-2007». – М.: РГГУ, 2007. – С. 307 – 309.

264. Кормилицына, М.А. Экспрессивные синтаксические конструкции в современной прессе / М.А. Кормилицына // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2003. – С. 54 – 65.

265. Косериу, Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение / Э. Косериу // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. – М.: Прогресс, 1989. – С. 63 – 82.

266. Кравченко, А.В. Естественнонаучные аспекты семиозиса / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 3 – 12.

267. Кравченко, А.В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3 – 9.

268. Красавина, О.Н. Корпусно-ориентированное исследование референции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.Н. Красавина.

– М., 2006. – 23 с.

269. Красных, В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – 1997. – Вып. 2. – С. 5 – 12.

270. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М.: РГГУ, 2001. – 299 с.

271. Крючков, С.Е. О присоединительных связях в современном русском языке / С.Е. Крючков // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 397-411.

272. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е. С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2009. – С. 11 – 24.

273. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 4. – С. 34 – 37.

274. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1986. – 159 с.

275. Кубрякова, Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров / РАН ИНИОН Центр гуманитарных научно-информационных исследований / отв. ред. Ромашко С.А. [и др.] – М., 2000. – С. 7 – 25.

276. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – М., 1994. – Т.53. – № 2. – С. 3 – 15.

277. Кубрякова, Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний. – М., 1992. – С. 4 – 38.

278. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

279. Кубрякова, Е.С., Демьянков, В.З. К проблеме ментальных репрезентаций / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2007. – № 4. – С. 8 – 16.

280. Кудряшева, Ф.С. Экспрессивная пунктуация в художественном тексте / Ф.С. Кудряшева // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. – № 3. – С. 909 – 914.

281. Кузнецов, В.В. Парцеллированные предложения и предложения с расширительным повтором в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.В. Кузнецов. – Калинин: Изд-во КГУ, 1986. – 16 с.

282. Кузнецов, В.Г. Функциональные стили современного французского языка (научный и публицистический) / В.Г. Кузнецов. – М.: Высшая школа, 1991. – 116 с.

283. Кузнецова, Н.Н. Средства создания экспрессивности в русской поэзии XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.Н. Кузнецова. – Москва, 2011. – 594 с.

284. Кузорова, С.А. Синтаксические конструкции как средство выразительности в рекламе туризма / С.А. Кузорова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2014. – № 27. – С. 83 – 87.

285. Кузьмина, Т.Е. Парцелляция как средство достижения экспрессивности высказывания / Т.Е. Кузьмина // Стилистика текста. Языковые средства экспрессивности текста. – Уфа: БГУ, 1989. – С. 23 – 29.

286. Кунова, М.Д. Парцелляция и парцеллированные конструкции в адыгейском языке / М.Д. Кунова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 4. – С. 127 – 130.

287. Кустова, Г.И., Ляшевская, О.Н., Падучева, Е.В., Рахилина, Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы / Г.И. Кустова, О.Н. Ляшевская, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. Результаты и перспективы. – М., 2005. – С. 155 – 174.
288. Лаптева, О.А. Русский разговорный синтаксис / О.А. Лаптева. – М.: Наука, 1976. – 400 с.
289. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – М.: КомКнига, 2005. – 368 с.
290. Летучева, В.П. Парцелляция и прочие формы нарушения состояния синтаксического покоя в русском предложении / В.П. Летучева // Экспрессивность в языке и речи. – Смоленск, 1993. – С. 17 – 23.
291. Лисиченко, Р.П. Парцелляция и ее интонационные характеристики (экспериментально-фонетическое исследование) / Р.П. Лисиченко // Проблемы теории и прикладной фонетики и обучение произношению. – М., 1973. – С. 190 – 193.
292. Лисиченко, Р.П. Интонационные характеристики парцелляции в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Р.П. Лисиченко. – М., 1972. – 35 с.
293. Лисоченко, О. В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке и в речи: учебное пособие / О.В. Лисоченко. – Ростов-на-Дону, 2007. – 318 с.
294. Литвиненко, Е.В. Семантическое и синтаксическое осложнение структуры предложения в результате обособления и парцелляции его компонентов: опыт диахронического исследования : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.20 / Е.В. Литвиненко. – Киев, 1984. – 401 с.
295. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк / пер. с англ. А.Н. Савина // Сочинения в 3 т. / под ред. И.С. Нарского. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 520 с.

296. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 198 с.
297. Ломтев, Т.П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) / Т.П. Ломтев // Общее и русское языкознание. – М.: Наука, 1976. – С. 124 – 139.
298. Лотман Ю.М. К современному понятию текста / Ю.М. Лотман // Учен.зап. Тарт. Гос. Ун-та, 1986. – Вып. 736. – С. 5 – 23.
299. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
300. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) / В.А. Лукин // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 63 – 86.
301. Ляшевская, О.Н., Плунгян, В.А., Сичинава, Д.В. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка / О.Н. Ляшевская, В.А. Плунгян, Д.В. Сичинава // Национальный корпус русского языка: 2003 – 2005. Результаты и перспективы. – М., 2005. – С. 111 – 135.
302. Магеррамов, И.А. Расчленённые и сегментированные синтаксические конструкции в медиатекстах / И.А. Магеррамов // Риторика в контексте образования и культуры: материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 100-летию РГУ имени С.А. Есенина / отв. редактор И.Ю. Нефедова; Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина. – 2015. – С. 311 – 315.
303. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
304. Макарова, Ю.А. Функции парцелляции как средства экспрессивного синтаксиса (на материале романа Уве Тимма «на примере моего брата») / Ю.А. Макарова // Эволюция современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015. – С. 69 – 71.

305. Максимов, Л.Ю. Присоединение, парцелляция и текст / Л.Ю. Максимов // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 80 – 83.
306. Малинович, Ю.М. Эмоционально-экспрессивные элементы синтаксиса немецкого языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Ю.М. Малинович. – Иркутск, 1990. – 401 с.
307. Мальченко, А.А. Синтаксические конвергенции с повтором в составе парцеллированных конструкций / А.А. Мальченко // Вопросы английской и французской филологии. – Тула, 1974. – С. 79 – 83.
308. Мамедов, А.Н. Парцеллированные конструкции - стилистический прием «позиционирования» товара/услуги в текстах немецкоязычной рекламы / А.Н. Мамедов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 15 – 24.
309. Марич, С.Н. Парцеллированные конструкции в современном украинском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / С.Н. Марич. – Киев, 1988. – 31 с.
310. Маркасова, Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» / Е.В. Маркасова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Вып. 7 (14) / гл. ред. А. Е. Кибрик. – М., 2008. – С. 352 – 355.
311. Марышова, М.А. Функционирование приема парцеллирования в английском языке / М.А. Марышова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 16. – С. 71 – 79.
312. Марьина, О.В. Взаимодействие дезинтеграционных синтаксических процессов в русских художественных текстах, созданных в 1980-2000-е годы / О.В. Марьина // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – № 5-2. – С. 118 – 123.
313. Марьина, О.В. Дезинтеграционные процессы в синтаксисе русских художественных текстов рубежа XX - XXI веков (к постановке проблемы) / О.В. Марьина // Филология и человек. – 2010. – № 3. – С. 19 – 28.

314. Марьина, О.В. Расчлененные парцелированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX-XXI веков / О.В. Марьина // Филология и человек. – 2009. – № 3. – С. 55 – 62.
315. Маслов, Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л., 1978. – С. 4 – 44.
316. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
317. Маслова, В.Н. Параметры экспрессивности текста / В.Н. Маслова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – С. 179 – 205.
318. Мельничук, О.А. Повествование от первого лица, интерпретация текста: на материале современной франкоязычной литературы: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 / О.А. Мельничук. – М., 2002. – 323 с.
319. Мельничук, О.А., Андросова, Ф.С., Еливанова, А.М. Художественный дискурс: синтаксис, экспрессивность, стратегии / О.А. Мельничук, Ф.С. Андросова, А.М. Еливанова. – Якутск, 2013. – 195 с.
320. Менджерицкая, Е.О. Когнитивный синтаксис художественной литературы / Е.О. Менджерицкая. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 141 с.
321. Менджерицкая, Е.О. Роль непредикативных конструкций в синтаксической организации дискурса / Е.О. Менджерицкая // Филология и человек. – 2010. – № 4. – С. 125 – 137.
322. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2008. – 432 с.
323. Мильк, В.Ф. Интонация присоединения в современном английском языке в сравнении с русским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.Ф. Мильк. – М.-Л., 1958. – 180 с.
324. Миронова, Д.А. Трансформированные прецедентные высказывания в онлайн-газетах: прием обманутого ожидания / Д.А.

Миронова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). Филология. Искусствоведение. – Вып. 73. – С. 225 – 229.

325. Миронова, М.В. Двоеточие в газетных заголовках англоязычных и русскоязычных газет / М.В. Миронова // Вестник педагогического опыта. – 2005. – № 25. – С. 71 – 73.

326. Молош, Н.К. Прагматическая детерминация имени в единицах малого синтаксиса (парцеллятах и присоединениях) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н.К. Молош. – Минск, 1994. – 15 с.

327. Мордовин, А.Ю. К вопросу о понятии о репрезентативности корпуса текстов / А.Ю. Мордовин // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 1. Серия: Филология. – С. 31 – 37.

328. Моррис, Ч. Основания теории знаков / Ч. Моррис // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37 – 89.

329. Москальская, О.И. Проблема системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) / О.И. Москальская. – М., 1981. – 173 с.

330. Москвин, В.П. О приемах смыслового акцентирования / В.П. Москвин // Русская речь. – 2006. – № 2. – С. 30 – 42.

331. Моторкова, И.В. Языковая организация дневникового повествования / И.В. Моторкова // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2013. – № 4 (36). – С. 102 – 106.

332. Мутовкин, Л.А. Печатные СМИ. Типология современной прессы / Л.А. Мутовкин. – Воронеж, 1997. – 140 с.

333. Мясищева, Н.Н. Лексический аспект парцеллирования в системе художественной речи / Н.Н. Мясищева // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 5-6. – С. 67 – 72.

334. Мясищева, Н.Н. Разговорный синтаксис как источник языкового обновления современной художественной прозы и место в нем парцелляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Н.Н. Мясищева. – СПб., 1993. – 18 с.

335. Нахимова, Е.А. Использование корпусной методологии при

сопоставительном изучении прецедентных имен / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3. – С. 48 – 56.

336. Нахимова, Е.А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3. – С.107 – 114.

337. Нахимова, Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 408 с.

338. Нашхоева, М.Р. Особенности пунктуации в сетевых текстах форумов и блогов (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.Р. Нашхоева. – СПб., 2012. – 248 с.

339. Невижина, З.В. Парцелляция и виды сверхфразовых единств / З.В. Невижина // Исследования по романской и германской филологии. – Киев, 1975. – С. 56 – 64.

340. Немзер, У. Проблемы и перспективы контрастивной лингвистики / У. Немзер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 128 – 144.

341. Нестерова, Н.М. Сепарированные конструкции, омонимичные придаточным предложениям, в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.М. Нестерова. – М., 1974. – 20 с.

342. Нефедова, Л.А. Когнитивные особенности представления имплицитности в художественном тексте / Л.А. Нефедова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013 – №24 (315). – С.31–34.

343. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения / М.В. Никитин. – М.: Высшая школа, 1988. – 168 с.

344. Никифорова, О.П. Функционирование знаков препинания в произведениях удмуртской художественной литературы / О.П. Никифорова // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию удмуртского поэта

Флора Ивановича Васильева. ФГБОУ ВПО Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко. – Глазов, 2014. – С. 129 – 131.

345. Норман, Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности / Б.Ю. Норман. – Минск: Вышэйшая школа, 1978. – 151 с.

346. Норман, Б.Ю. Грамматика говорящего / Б.Ю. Норман. – СПб.: Изд-во СПб Ун-та, 1994. – 228 с.

347. Нуралиева, К.З. Специфика функционирования парцеллированных синтаксических конструкций в художественном тексте (на материале художественных произведений первой половины XX в.) / К.З. Нуралиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (25). – С. 83 – 87.

348. Омаева, З.Я. Парцелляция как одно из свойств аффективного синтаксиса (на материале произведений В. Набокова) / З.Я. Омаева // Влияние качества образования и обучения на формирование личности: материалы региональной научно-практической конференции 28-29 мая 2004. – Махачкала: ДГПУ, 2004. – С. 201 – 202.

349. Омаева, З.Я. Прагматические функции парцелляции в художественном тексте / З.Я. Омаева // Коммуникативно-прагматическая лингвистика // Труды кафедры теории и истории русского языка Даггоспедуниверситета. – Махачкала: ДГПУ, 2005. – С. 96 – 99.

350. Омаева, З.Я. Синтаксические конструкции экспрессивного типа как средство выражения авторских интенций (на материале художественных произведений В.В. Набокова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / З.Я. Омаева. – Махачкала, 2006. – 28 с.

351. Онькова, Л.А., Лоскутова, Ю.А. Роль парцелляции в структурной организации текста / Л.А. Онькова, Ю.А. Лоскутова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2014. – № 10. – С. 92 – 95.

352. Орехова, Н.Н. Парцелляция однородных сказуемых в произведениях Ф. Абрамова / Н.Н. Орехова // Пушкинские чтения - 2000: материалы науч. межвуз. конф., 6 июня 2000 г. – СПб, 2000. – С. 66 – 71.

353. Орехова, Н.Н. Функции парцелляции в рекламе / Н.Н. Орехова // Вестник международного Института управления. – 2012. – № 3-4. – С. 127 – 130.

354. Паршина, О.Н. Расчленение высказывания как прием экспрессивного синтаксиса в политической речи / О.Н. Паршина // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 110 – 115.

355. Петрашевская, Ж.Е. Парцелляция простого предложения в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ж.Е. Петрашевская. – М., 1973. – 177 с.

356. Петрашевская, Ж.Е. Соотношение парцеллированной конструкции с простым непарцеллированным предложением / Ж.Е. Петрашевская // Реализация грамматических категорий в тексте. – М., 1982. – С. 98 – 104.

357. Петренко, Т.Ф., Слепакова, М.Б. Парцелляция в новеллах А. Сомон как проявление кинематографичности текста / Т.Ф. Петренко, М.Б. Слепакова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 3-4. – С. 121 – 124.

358. Петрова, О.Л. Синтаксические приёмы актуализации высказывания в художественном тексте / О.Л. Петрова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2-18. – С. 4088 – 4092.

359. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

360. Пимшина, В.В., Матвеева, Н.В. Языковые средства привлечения внимания в англоязычных рекламных текстах / В.В. Пимшина, Н.В. Матвеева // Современная наука: теоретический и практический взгляд: материалы I Международной научно-практической конференции. ООО «НОУ «Вектор науки». – Москва, 2014. – С. 131 – 134.

361. Пинегина, Я.Н. Парцеллированные конструкции и их коммуникативно-прагматические функции в современных медиа-текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Я.Н. Пинегина. – Ростов-на-Дону, 2005. – 22 с.

362. Пинегина, Я.Н. Проблема разграничения парцелляции и присоединения / Я.Н. Пинегина // Проблемы лингвистики текста в культурологическом освещении: межвузовский сборник научных трудов. – Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2001. – С. 59 –70.

363. Пиотровский, Р.Г. Доказательно-экспериментальные черты новой лингвистической парадигмы / Р.Г. Пиотровский // Прикладная лингвистика в науке и образовании: материалы III международной конференции 16-17.03.2010г. – СПб., 2006. – С. 131 – 140.

364. Пиотровский, Р.Г. Информационные параметры русского текста / Р.Г. Пиотровский // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Секция XX. Прикладные, компьютерные и квантитативные аспекты моделирования русского языка. МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007 г. – М., 2007. – С. 625.

365. Пиперски, А.Ч. Генеральный интернет-корпус русского языка и понятие репрезентативности в корпусной лингвистике [Электронный ресурс] / А.Ч. Пиперски // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №5. – URL: <http://www.science-education.ru/111-9895> (дата обращения: 15.09.2015).

366. Пирс, Ч.С. Начала прагматизма / Ч.С. Пирс. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 155 – 181.

367. Пирс, Ч.С. Элементы логики. Grammatica Speculativa / Ч.С. Пирс // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 165 – 227.

368. Плаксина, Е.Б., Кусова, М.Л. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и

французской прессы) / Е.Б. Плаксина, М.Л. Кусова // Политическая лингвистика. – 2011. – Выпуск № 4 (38). – С. 117 – 120.

369. Платонова, М.А. Присоединительные конструкции в языке Л.Н. Толстого (на материале писем и романа «Анна Каренина») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.А. Платонова. – Ленинград, 1973. – 20 с.

370. Плещенко, Т.П. Присоединение как один из видов синтаксической связи в современном русском литературном языке (присоединение с союзами сочинительного характера) : 10.02.01 / Т.П. Плещенко. – Минск, 1960. – 24 с.

371. Плотников, Б.А. Семиотика текста. Параграфемика: учебное пособие / Б.А. Плотников. – Минск, 1992. – 190 с.

372. Плунгян, В.А. Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? [Электронный ресурс] / В.А. Плунгян // Отечественные записки. - М., 2005. – № 2 (23). – URL: <http://philology.ru/linguistics2/plungyan-05.htm> (дата обращения: 02.09.2015)

373. Плунгян, В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс] / В.А. Плунгян // Стенограмма публичной лекции 01.10.2009 в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру» <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (дата обращения: 30.09.2015).

374. Покусаенко, В.К. К вопросу о парцелляции сложных предложений / В.К. Покусаенко // Вопросы синтаксиса русского языка. – Ростов-на-Дону, 1973. – С. 98-106.

375. Попова, З.Д. Об актуальных направлениях развития современного сопоставительного языкознания / З.Д. Попова // Актуальные вопросы развития науки: сборник статей международной научно-практической конференции. 14.02.2014. – Ч. 4. – Уфа, 2014. – С. 98-100.

376. Попова, З.Д. Теоретический и практический аспекты сопоставительного изучения языков / З.Д. Попова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1980. – С. 3 – 8.

377. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М.-Л., 1958. – 535 с.

378. Прияткина, А.Ф. Русский язык: синтаксис осложненного предложения: учебное пособие для филол. спец. вузов / А.Ф. Прияткина. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

379. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Культура речи: учебное пособие / А.Ф. Прияткина. – Владивосток: Изд-во Владивостокского университета, 2005. – 165 с.

380. Прияткина, А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А.Ф. Прияткина. – М., 1977. – 28 с.

381. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 736 с.

382. Рачковская, Л.А. Функционирование парцелированных структур в художественных текстах современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.А. Рачковская. – М., 2002. – 172 с.

383. Резанова, З.И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: типологически релевантные параметры сбалансированности и репрезентативности / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 1 (33). – С. 38 – 50.

384. Реферовская, Е.А. Лингвистические исследования структуры текста / Е.А. Реферовская. – М.: Наука, 1983. – 216 с.

385. Реферовская, Е.А. Синтаксис французского языка / Е.А. Реферовская. – Ленинград: Наука, 1969. – 237 с.

386. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А. Реформатский; отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

387. Ринберг, В.Л. Конструкции связного текста в современном русском языке / В.Л. Ринберг. – Львов: Вища школа, 1987. – 165 с.

388. Роднева, Е.К. Парцеллированные конструкции в русских переводах американских писателей XX века (в сопоставлении с оригинальными текстами) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.К. Роднева. – СПб., 2005. – 235 с.

389. Рожкова, Е.Н. Способы выражения экспрессивности в синтаксисе (на материале немецкого языка) / Е.Н. Рожкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 11. – № 18 (113). – С. 151 – 156.

390. Рубенкова, Т.С. Парцелляты и инпарцелляты в поэтической речи XIX-XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.С. Рубенкова. – Белгород, 1999. – 21 с.

391. Русская грамматика. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – 717 с.

392. Руцаков, В.А. Основания перевода и сопоставления языков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / В.А. Руцаков. – СПб, 1997. – 506 с.

393. Рыбакова Г.Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г.Н. Рыбакова. – Ростов-на-Дону, 1969. – 20 с.

394. Рыжикова, Л.Н. Явление парцелляции в современной французской художественной прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.Н. Рыжикова. – Киев, 1978. – 26 с.

395. Рыков, В.В. Корпус текстов как отражение состояния русского языка / В.В. Рыков // Труды Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». – Москва: МГУ, 2001. – С. 99 – 112.

396. Рысаева, А.Н. Структурные и семантико-синтаксические особенности парцеллированных конструкций в современном башкирском литературном языке / А.Н. Рысаева // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 3. – С. 126 – 130.

397. Рычкова, И.А. Текстобразующие возможности простого парцеллированного предложения / И.А Рычкова // Предложение в текстовом аспекте: сборник статей. – Вологда, 1995. – С. 87 – 93.
398. Рябкова, Л.Ф. Парцелляция элементарного и цельного предложения (на материале современного немецкого и русского языков) / Л.Ф. Рябкова. – Новгород, 1988. – 15 с.
399. Сабурова, В.А. Парцелляция в публицистических произведениях И. Андроникова / В.А. Сабурова // Филологический журнал. – 2012. – № 1 (19). – С. 25 – 29.
400. Савцова, М.П. Речення як семантико-ситуативна ієрархічна структура / М.П. Савцова // Іноземна філологія. – 1969. – № 18. – С. 18 – 24.
401. Савченко, В.В. Парцеллированные конструкции в современном русском языке / В.В. Савченко // Вестник Воронежского института высоких технологий. – 2008. – № 3. – С. 181 – 183.
402. Садовникова, О.Э. Прямое и косвенное использование корпусов в зарубежной лингводидактике / О.Э. Садовникова // Magister Dixit. – 2013. – №2. – С.152 – 161.
403. Садченко, В.Т. Вторичный семиозис в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 13 (151).– Вып 31. – С. 106 – 121.
404. Садченко, В.Т. Вторичный семиозис в художественном тексте : дис.... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.Т. Садченко. – Хабаровск, 2009. – 355 с.
405. Самигуллина, А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / А.С. Самигуллина. – Уфа, 2008. – 363 с.
406. Сарбасова, А.Е. О языковом статусе парцеллированных конструкций / А.Е. Сарбасова // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Серия «Филология». – 2008. – № 2 (19) – С. 113 – 119.

407. Сарбасова, А.Е. Парцеллированные конструкции: история изучения / А.Е. Сарбасова // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия «Филология» – 2008. – № 4 (112). – С. 169 – 172.

408. Сарбасова, А.Е. Парцеллированная конструкция и парцеллят: лингвистическая природа / А.Е. Сарбасова // Вестник Университета Кайнар. – 2009. – № 3/2 (72). – С. 78 – 81.

409. Сарбасова, А.Е. Функционально-прагматический аспект парцеллированных конструкций в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А.Е. Сарбасова. – Алматы, 2010. – 26 с.

410. Саурбаев, Р.Ж. Структурно-семантический анализ парцеллированных конструкций (на материале английского и татарского языков) / Р.Ж. Саурбаев // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – Т. 1. – № 118. – С. 231 – 235.

411. Сафиуллина, Ф.С. Явление парцелляции в современном татарском языке / Ф.С. Сафиуллина // Советская тюркология. – 1974. – № 4. – С. 15 – 23.

412. Севрюгина, Е.В. Присоединение-парцелляция / Е.В. Севрюгина // Наука и школа. – 2012. – № 5. – С. 31 – 34.

413. Севрюгина, Е.В. Присоединённые и парцеллированные конструкции в структуре медиатекста / Е.В. Севрюгина // Преподаватель XXI век. – 2014. – Т. 2. – № 3. – С. 300 – 304.

414. Севрюгина, Е.В. Присоединительные конструкции и особенности их реализации в современной художественной прозе / Е.В. Севрюгина // В мире научных открытий. – 2010. – № 6-3. – С. 130 – 132.

415. Семенова, М.В. Textoобразующая роль присоединенного компонента в английском языке / М.В. Семенова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – № 11. – С. 39 – 43.

416. Сербина, Т.Г. Парцелляция как особое синтаксическое явление в языке современных газет : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т.Г. Сербина. – Львов, 1988. – 188 с.

417. Сержан, Л.С. Смысловое членение парцеллированных сверхфразовых единств современного французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.С. Сержан. – М., 1973. – 31 с.

418. Сибгатова, Э.И. Парцеллированные конструкции как средство выражения экспрессии в романе В.Аксенова «Остров Крым» / Э.И. Сибгатова // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 22. – С. 188 – 191.

419. Сидорова, Е.Г. Парцеллированные конструкции как средство реализации конструктивно-стилевого вектора современного газетного текста / Е.Г. Сидорова // Вестник ВолГУ. – 2007. – № 6. – С. 40 – 46.

420. Сидорова, Е.Г. Присоединительные конструкции в системе современного русского языка / Е.Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 57– 62.

421. Симонова, О.Е., Башлыкова, О.В. Специфика использования средств речевой выразительности в рекламе женских глянцевого журналов / О.Е. Симонова, О.В. Башлыкова // Nauka-Rastudent.ru. – 2014. – № 12-2 (12). – С. 16.

422. Скаличка, В. Типология и сопоставительная лингвистика / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 27 – 32.

423. Сковородников, А.П. О соотношении понятий «парцелляция» и «присоединение» (на материале русского литературного языка) / А.П. Сковородников // Вопросы языкознания. – 1978 а. – № 1. – С. 118 – 129.

424. Сковородников, А.П. Графон / А.П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А.П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 106 – 109.

425. Сковородников, А.П. О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке / А.П. Сковородников // Филологические науки. – 1978 б. – № 2. – С. 58 – 67.

426. Сковородников, А.П. О критериях эллиптичности в русском синтаксисе (по материалам современной советской лингвистической литературы) / А.П. Сковородников // Вопросы языкознания. – 1973. – № 3. – С. 114 – 123.

427. Сковородников, А.П. О функциях парцелляции в русском языке / А.П. Сковородников // Русский язык в школе. – 1980. – № 5. – С. 86 – 91.

428. Сковородников, А.П. Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет / А.П. Сковородников // Русская речь. – 2004. – № 6. – С. 68 – 76.

429. Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А.П. Сковородников. – Красноярск, 1982. – 362 с.

430. Сковородников, А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования / А.П. Сковородников. – Томск: Томский университет, 1981. – 255 с.

431. Скоробогатова, Е.А. Парцелляция полипредикативного высказывания в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.А. Скоробогатова. – Харьков, 1990. – 23 с.

432. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций / Т.Г. Скребцова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. – 253 с.

433. Скрелина, Л.М. О концептуальной схеме предложения // Проблемы синтаксиса простого предложения: межвузовский сборник научных трудов / науч. ред. Л.М. Скрелина. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 61 – 71.

434. Скрипка, М.А. Интонационно-смысловой аспект явления парцелляции в художественных текстах и языке СМИ / М.А. Скрипка // Текстология сегодня: итоги, проблемы, методы: материалы Всероссийской научной школы для молодежи. – М., 2010. – С. 97 – 101.

435. Сладкевич, Ж.Р. Метаграфемика в публицистике в свете процессов контактоподдержания и смыслообразования / Ж.Р. Сладкевич // Слово.ру: балтийский акцент. – 2012. – № 4. – С. 60 – 68.
436. Сладкова, В.С. Пунктуационно-графические особенности современных французских новеллистических текстов / В.С. Сладкова // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. – № 5-1. – С. 100 – 106.
437. Сметанина, С.И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / С.И. Сметанина. – СПб., 2002. – 378 с.
438. Смирнова, Т.В. Дистантная парцелляция в «Повести о Сонечке» М. Цветаевой / Т.В. Смирнова // Очерки по семантике. Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 50309 от 19.04.95. – Череповец, 1995. – С. 83 – 97.
439. Соколова, Л.И. Присоединение или парцелляция? / Л.И. Соколова // Вопросы грамматического варьирования: сборник научных трудов ИГПИИЯ им. Хо Ши Мина. – Иркутск, 1981. – С. 64 – 70.
440. Соколова, Л.И. Присоединительные конструкции в современном немецком языке как явление коммуникативного синтаксиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л.И. Соколова. – Л, 1977. – 20 с.
441. Солганик, Г.Я. Синтаксическая стилистика: сложное синтаксическое целое. – М.: Высшая школа, 1973. – 214 с.
442. Солганик, Г.Я. О языке и стиле газеты / Г.Я. Солганик // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 261– 268.
443. Солнцев, В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31– 42.
444. Солсо, Р.Л. Когнитивная психология : пер. с англ. / Р.Л. Солсо. – М.: Тривола, 1996. – 600 с.
445. Сонин, А.Г. Поколению ученых, выросших на «Кратком словаре когнитивных терминов»/ А.Г. Сонин // Человек в зеркале языка. Вопросы

теории и практики: сборник статей, посвященный памяти акад. И.И. Мещанинова. – Кн. 2. – М.: МГУ, 2005. – С. 360 – 365.

446. Сорокин, А.А. Автоматическая региональная классификация на основе словаря региональной лексики [Электронный ресурс] / А.А. Сорокин. – 2015. – URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2015/materials/pdf/Sorokin%D0%90%D0%90.pdf> (дата обращения: 13.09.2015)

447. Соснина, Е.П. Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку [Электронный ресурс] / Е.П. Соснина // Прикладная лингвистика: официальный сайт Ульяновского государственного технического университета / Е.П. Соснина. – URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/ (дата обращения: 21.05.2015).

448. Соссюр, Ф. де Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

449. Стексова, Т.И. Тенденция к «разорванности синтаксиса» на страницах современной прессы / Т.И. Стексова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 2. – С. 81 – 85.

450. Степаненко, В.А. Характеристики языка СМИ как выразителя языковой нормы / В.А. Степаненко // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2009. – Т. 1. – С. 18 – 24.

451. Степаненко, Л.Г. Стилистика немецкого языка: курс лекций / Л.Г. Степаненко. – М.: Изд-во Военного ин-та, 1979. – 163 с.

452. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

453. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика: монография / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 361 с.

454. Степанов, Ю.С. Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французского языка / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965 а. – 182 с.

455. Степанов, Ю.С. Французская стилистика / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965 б. – 355 с.

456. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

457. Степанова, И.И. Структурно-семантические и прагма-коммуникативные функции включений, парцеллятов и присоединений в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.И. Степанова. – Минск, 1993. – 213 с.

458. Стрельцов, В.И. О природе парцелляции / В.И. Стрельцов // Ученые записки МГПИ им. Н.К.Крупской. –1971. – Т. 249. – С. 238 – 249.

459. Стрельцов, В.И. Парцелляция в структуре сложноподчиненного предложения в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.И. Стрельцов. – М., 1974. – 24 с.

460. Ступакова, Л.И. Явление парцелляции в языке современной французской прессы (на материале газеты Humanité): дис... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.И. Ступакова. – Киев, 1974. – 185 с.

461. Ступичева, Н.Ю. К вопросу о функциях парцелляции / Н.Ю. Ступичева // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования: сборник статей международной конференции. – Барнаул, 2014 а. – С. 2324 – 2325.

462. Ступичева, Н.Ю. О взаимосвязи художественной детали с парцеллированными и присоединительными конструкциями / Н.Ю. Ступичева // Диалог культур - диалог о мире и во имя мира. – 2014 б. – № 2. – С. 179 – 182.

463. Ступичева, Н.Ю. Парцеллированные конструкции в художественной прозе В. Токаревой / Н.Ю. Ступичева // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых: сборник статей 3-й Международной

молодежной научной конференции / отв. ред. Горохов А.А. – 2014 в. – С. 415 – 418.

464. Ступичева, Н.Ю. Функциональные возможности парцелляции (на примере романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик») / Н.Ю. Ступичева // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г. – Тамбов, 2015. – С. 149 – 151.

465. Ступкина, М.О. Парцелляция и смежные синтаксические явления в болгарском языке / М.О. Ступкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 1-1. – С. 61 – 64.

466. Ступкина, М.О. Парцелляция в разных стилях речи / М.О. Ступкина // Материалы IX Державинских чтений «Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики». 15-20 марта 2004 г. – СПб., 2004. – С. 53 – 56.

467. Ступкина, М.О. Парцелляция в современном болгарском языке: на материале художественной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / М.О. Ступкина. – Санкт-Петербург, 2008. – 21 с.

468. Ступкина, М.О. Структурно-семантическая характеристика парцеллированных сегментов в авторской письменной речи (на материале современного болгарского языка) / М.О. Ступкина // VI Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы международной научной конференции 9-11 сентября 2004 г. – СПб, 2005. – С. 72 – 81.

469. Ступкина, М.О. Структурно-синтаксические возможности парцелляции в болгарском языке / М.О. Ступкина // Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики: материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. 1-17 марта 2001 г. Вып. 14. – СПб, 2001. – С. 51 – 55.

470. Супрун, А.Е. Лекции по теории речевой деятельности: пособие для студентов фил. фак. вузов / А.Е. Супрун. – М.: Белорусский фонд Сороса, 1996. – 287 с.

471. Суровенкова, Л.С. Присоединение и парцелляция в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л.С. Суровенкова. – М., 1982. – 185 с.

472. Сусов, И.П. Введение в языкознание [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – М.: Восток-Запад, 2006. – 382 с. – URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/1_07.htm (дата обращения: 21.04.2014).

473. Сусов, И.П. История языкознания [Электронный ресурс] / И.П. Сусов. – М.: Восток - Запад, 2006. – 295 с. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/History_of_linguistics.htm (дата обращения: 23.09.2014).

474. Сыроваткин, С.Н. Принципы и методы лингвистических исследований в свете семиотики: учебное пособие / С.Н. Сыроваткин / науч. ред. Р.Р. Гельгардт. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1979. – 92 с.

475. Сыроваткин, С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосемиотики: учебное пособие / С.Н. Сыроваткин / науч. ред. Е.В. Розен. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1978. – 84 с.

476. Тагабилева, М.Г., Березуцкая, Ю.Н. Словообразовательная разметка национального корпуса русского языка: задачи и методы / М.Г. Тагабилева, Ю.Н. Березуцкая // Диалог 2010: труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – URL : <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/html/73.htm> (дата обращения: 30.03.2014).

477. Талми, Л. Методы когнитивной лингвистики: предисловие / Л. Талми / пер. Ю.Ю. Леденева, Г.Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. – Вып. 5. – Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. – С. 22 – 34.

478. Таюпова, О.И. Способы синтаксической редукции структуры предложения в авторской речи / О.И. Таюпова // Человеческий фактор в языке и культуре: сборник научных статей. – Уфа, 2011. – С. 72 – 79.

479. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
480. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 350 с.
481. Тискова, О.В. Проблема влияния пунктуации на письменноречевые коммуникативные процессы : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Тискова. – Барнаул, 2004. – 160 с.
482. Токоев, Т.Т. Парцелляция в кыргызском языке (в аспекте простого предложения) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Т.Т. Токоев. – Бишкек, 1995. – 24 с.
483. Турбина, О.А. Норма в ряду категорий национального языкового сознания / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. – 2015. – Т. 12. – № 3. – С. 50 – 53.
484. Турбина, О.А. Основные тенденции развития синтаксиса французского предложения в доклассический период (XIV-XVI вв.) / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 14 – 22.
485. Турбина, О.А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. – 2013. – № 2. – С. 4 – 9.
486. Турбина, О.А. Формирование французского классического предложения: системный и структурный аспекты: монография / О.А. Турбина. – Челябинск, 1994. – 269 с.
487. Турсунов, Б. Парцелляция придаточного предложения в немецком и узбекском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Б. Турсунов. – Ленинград, 1975. – 22 с.
488. Турсунов, Б. Парцелляция сложноподчиненного предложения узбекского языка // Труды СамГУ. – 1978. – № 356. – С. 56 – 59.
489. Турсунов, Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи: дис. ... д-ра филолог. наук : 10.02.19. – СПб., 1993. – 465 с.
490. Усова, И.В. Использование парцеллированных конструкций в современном английском языке / И.В. Усова // Слово - образ - текст –

контекст: материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием / ред.-сост. Н.В. Летаева. – 2013. – С. 319 – 328 с.

491. Успенский, Б.А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство / Б.А. Успенский. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 320 с.

492. Устинов, А.М. Парцелляция придаточного причины / А.М. Устинов // Вопросы теории и методики русского языка: ученый записки Ивановского ГПИ. – 1970. – Т. 75. – С. 76 – 80.

493. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева; под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

494. Фадеева, Л.В. Функции парцеллированных конструкций в немецких художественных текстах / Л.В. Фадеева // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 1. – С. 249 – 254.

495. Фещенко, В.В. Autopoetica как опыт и метод, или О новых горизонтах семиотики / В.В. Фещенко // Семиотика и Авангард: Антология / ред.-сост. Ю.С. Степанов [и др.], под общ. ред. Ю.С. Степанова. - М.: Культура: Академический Проект, 2006. – С. 54 – 122.

496. Филонова, Н.К. Парцелляция полипредикативных высказываний в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.К. Филонова. – Л., 1982. – 189 с.

497. Филонова, Н.К. Коммуникативная организация парцеллированных высказываний. / Н.К. Филонова // Структурные и функциональные особенности предложения и текста. – Свердловск, 1989. – С. 31 – 38.

498. Фролова, Н.А. О соотношении парцеллированных и непарцеллированных предложений на синтаксическом и коммуникативном уровнях / Н.А. Фролова // Структура и семантика единиц номинации. – Л., 1986. – С. 114 – 122.

499. Фусян, В. Парцеллированные конструкции в современном русском языке / В. Фусян // Русский язык в школе. – 1988. – № 4. – С. 82 – 88.

500. Хабочкина, А.С. Структурно-семантическая характеристика парцелированных конструкций с лексическими повторами во французском языке / А.С. Хабочкина // Функционально-прагматический аспект в исследованиях романских языков: межвузовский сборник научных трудов. – М., 2015. – С. 82 – 86.
501. Хаджов, И.А. За някои свързвания в съвременната невезана българска реч / И. Хаджов // Помагало по български синтаксис. – София, 1979. – 230 с.
502. Хаджов, И.А. Просодия и парцелляция: учебное пособие / И.А. Хаджов. – М.: Высшая школа, 1968. – 198 с.
503. Хаймурзина, А.З. К вопросу парцелированных конструкций в современной лингвистической литературе // Объединенный научный журнал. – 2006. – № 13. – С. 38 – 42.
504. Хаймурзина, А.З. Прагматические аспекты парцелированных конструкций в художественном тексте: на материале короткого рассказа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.З. Хаймурзина. – М., 2008. – 27 с.
505. Ханутин, М.А. Языковая природа и особенности функционирования парцелляции как стилистического приема (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / М.А. Ханутин. – Ташкент, 1983. – 151 с.
506. Харитонова, Е.В. Динамика структуры синтаксиса современного русского языка: тенденции к экономичности и дистинктности: дис. ...канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В. Харитонова. – Волгоград, 2014. – 266 с.
507. Харитонова, Е.В. Тенденция к дистинктности в синтаксисе современного русского языка (на материале прессы) / Е.В. Харитонова // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 123 – 126.
508. Хатиашвили, Л.Г. Присоединительные связи в русском языке / Л.Г. Хатиашвили. – Тбилиси, 1963. – 28 с.

509. Хахалова, С.А. Метафора в аспекте языка, мышления и культуры: монография / С.А. Хахалова. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 1998. – 249 с.

510. Ходоренко, А.В. К проблеме соотношения понятий «референтное содержание» и «номинация» / А.В. Ходоренко // Вісник Дніпропетровського університету. – 2013. – Т. 21. Вип. 19 (1). – С. 292 – 298.

511. Хрипун, В.С. Функциональный аспект парцелляции в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.С. Хрипун. – Киев, 1985. – 185 с.

512. Хрисонопуло, Е.Ю. Знаковый статус служебного слова и функционирование высказывания в нарративном тексте (на примере сравнительных конструкций с предлогом like в романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд») / Е.Ю. Хрисонопуло // Пушкинские чтения. – 2012. – № XVII. – С. 387 – 394.

513. Хрисонопуло, Е.Ю. Служебное слово как знак мыслительной категоризации в поэтическом тексте сонетов У. Шекспира / Е.Ю. Хрисонопуло // Пушкинские чтения. – 2011. – № XVI. – С. 394 – 402.

514. Хрисонопуло, Е.Ю. Субъективный характер грамматического значения как когнитивно-семиотического образования / Е.Ю. Хрисонопуло // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тезисы международной научно-практической конференции. – 2001. – С. 64 – 65.

515. Хрупин, В.С. Функциональный аспект парцелляции в художественном тексте (на материале современной англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В.С. Хрупин. – Киев, 1985. – 24 с.

516. Худяков, А.А. Категориальное устройство языка в свете природы языковых категорий / А.А. Худяков // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (Грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории): материалы научной конференции 23-25 апреля 1998 г. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 153 – 154.

517. Худяков, А.А. Семиозис простого предложения: монография / А.А. Худяков. – Архангельск: Поморский гос.ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. – 272 с.

518. Цумарев, А.Э. Парцелляция в современной газетной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А.Э. Цумарев. – М., 2003. – 26 с.

519. Цумарев, А.Э. Парцелляция в современной русской речи (на материале газетной публицистики 1990-2000-х годов) / А.Э. Цумарев // Вопросы культуры речи: сборник статей. – 2007. – С. 303 – 314.

520. Цыганова, К.Л. Критерии разграничения присоединительных конструкций – членов предложения и неполных предложений (на материале сербохорватского языка) / К.Л. Цыганова // Исследования славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы: инф. материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21-22 окт. 2003 г. / под ред. В.П. Гудкова, А.Г. Машковой. – СПб., 2004. – С. 228 – 130.

521. Цыганова, К.Л. Присоединение и парцелляция в современных славянских языках / К.Л. Цыганова // II Славистические чтения памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И. Сафронова: материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – С. 34 – 38.

522. Цянь Сяо Вей О сходстве и различии между парцелляцией и присоединением / Сяо Вей Цянь // Вопросы филологических наук. – М., 2004. – № 5. – С.49 – 50.

523. Чардин, И.С. Лингвистические корпуса с синтаксической разметкой и их применение // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2003. – № 6. – С. 18 – 24.

524. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф: пер. с англ. Г.С. Щура; послесл. С.Д. Кацнельсона. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 424 с.

525. Чейф, У.Л. Память и вербализация прошлого опыта / У.Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 35 – 73.

526. Ченки, А. История отдельных направлений в лингвистике: современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68 – 78.

527. Чепиль, А.Р. История изучения приема парцелляции в трудах отечественных и зарубежных лингвистов / А.Р. Чепиль // Научные труды SWorld. – 2011. – Т. 23. – № 3. – С. 59 – 60.

528. Чепурных, В.И. О коммуникативно-прагматическом подходе к исследованию графических и стилистических средств в художественном тексте / В.И. Чепурных // Семантика и прагматика единиц в тексте. – Л., 1988. – С.147 – 153.

529. Черемисина, М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем / М.И. Черемисина. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1979. – 82 с.

530. Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения / М.И. Черемисина, Т.А. Колосова. – Новосибирск: Наука, 1987. – 198 с.

531. Чернобривец, С.Г. Разграничение парцелляции и присоединения на семантико-синтаксическом уровне / С.Г. Чернобривец // Исследования по семантике: сборник статей. – Симферополь, 1987. – С. 80 – 84.

532. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. № 2 (40). – Екатеринбург, 2012. – С. 53 – 59.

533. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов / Урал.гос.пед.ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 248 с.

534. Чухарев, Е.М. Лингвостатистические корреляты спонтанности в компьютерно-опосредованном дискурсе (на материале русскоязычного чата) : автореф. дис. ... канд.филол.наук : 10.02.21 / Е.М. Чухарев. – СПб., 2009. – 23 с.

535. Чухарев, Е.М., Худяков, А.А. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия / Е.М. Чухарев, А.А. Худяков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2-3. – С. 93 – 105.

536. Шаров С.А. Представительный корпус русского языка в контексте мирового опыта / С.А. Шаров // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 2003. – № 6. – С. 9 – 17.

537. Шаталова, О.В. Универсальность коммуникативно-прагматических возможностей синтаксических конструкций (на примере характеристики персонажа типа «обманщик») / О.В. Шаталова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 11 (91). – С. 29 – 37.

538. Шафиро, М.Е. Присоединение как явление речевого синтаксиса : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.021 / М.Е. Шафиро. – Саратов, 1965. – 23 с.

539. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 620 с.

540. Шведова, Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 77 – 93.

541. Шведова, Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М., 1960. – 377 с.

542. Шведова, Н.Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1968. – № 2. – С. 39 – 50.

543. Шевцова, О.Н. Оформление парцелляции знаками середины предложения в прозе В. Маканина / О.Н. Шевцова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2000. – № 3. – С. 70.

544. Шигаревская, Н.А. Новое в современном французском языке / Н.А. Шигаревская. – Л., 1977. – 103 с.
545. Шигаревская, Н.А. Основы французской пунктуации / Н.А. Шигаревская. – М.: Просвещение, 1975. – 110 с.
546. Шилихина, К.М. Использование корпусов в исследованиях дискурса // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 3. – С. 21 – 26.
547. Шимкова, М. Репрезентативность корпуса как лингвистическая проблема // Труды международной конференции «MegaLing – 2005». – СПб., 2005. – С. 130 – 139.
548. Шингарева, Е.А. Семиотические основы лингвистической информатики: учебное пособие / Е.А. Шингарова / науч. ред. Р.Г. Пиотровский. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1987. – 83 с.
549. Шипицына, Ю.Е. Семантико-грамматические процессы в современном художественном тексте (на материале повести Захара Прилепина «Санькя») / Ю.Е. Шипицына // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2011. – № 2. – С. 76 – 77.
550. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144 – 179.
551. Шубина, Н.Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания / Н.Л. Шубина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 184 – 192.
552. Шубина, Н.Л. Пунктуация современного русского языка: учебник / Н.Л. Шубина. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 256 с.
553. Шубина, Н.Л. Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Н.Л. Шубина. – СПб., 1999. – 455 с.

554. Шушлебина, О.В. Парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса / О.В. Шушлебина // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2012. – Т. 12. – № 5. – С. 39 – 41.

555. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М., 1928. – 188 с.

556. Щерба, Л.В. Пунктуация / Л.В. Щерба // Литературная энциклопедия. Т. 9. – М., 1935. – С. 366.

557. Щербатых, Ю. Общая психология: учебник / Ю. Щербатых. – СПб.: Питер, 2008. – 272 с. – URL: http://bookz.ru/authors/berbatih-urii/ob6aa-ps_770/1-ob6aa-ps_770.html (дата обращения: 12.06.2015).

558. Щербашина, И.В., Пазова, Л.М. Парцеллирование простого распространенного предложения (на примере произведения С. Довлатова «Чемодан») / И.В. Щербашина, Л.М. Пазова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2013. – № 3. – С. 69 – 76.

559. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

560. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.

561. Юнгерова, О.В. Дифференциация явлений парцелляции и присоединения / О.В. Юнгерова // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2010. – № 10. – С. 220 – 224.

562. Юсупов, У.К. Проблемы сопоставительной лингвистики / У.К. Юсупов. – Ташкент: Фан, 1980. – 135 с.

563. Якобсон, Р.О. В поисках сущности языка / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М.: Радера, 1983. – С. 102 – 117.

564. Якобсон, Р.О. Взгляд на развитие семиотики / Р.О. Якобсон // Язык и бессознательное. – М.: Прогресс, 1996. – С. 139 – 161.

565. Яковчук, Е.И., Сидорова, Е.А. Обобщенные семантико-синтаксические модели в задачах обработки текста / Е.И. Яковчук, Е.А. Сидорова // Научное программное обеспечение НПО-2011. Ершовская

конференция по информатике. – Новосибирск: ИСИ СО РАН, 2011. – С. 287 – 292.

566. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 111 с.

567. Ярцева, В.Н. О сопоставительном методе изучения языков / В.Н. Ярцева // Филологические науки. – 1980. – № 1. – С. 78 – 85.

568. Яцуга, Т.Е. Регулятивный потенциал стилистических фигур в поэтических текстах З. Гиппиус / Т.Е. Яцуга // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – № 5. – С. 118 – 123.

569. Afli, H., Barrault, L., Schwenk, H. Traduction automatique à partir de corpus comparables: extraction de phrases parallèles à partir de données comparables multimodales / H. Afli, L. Barrault, H. Schwenk // Actes de la conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL. Grenoble, 4-8 juin 2012. – Volume 2. – TALN, 2012. – PP. 447 – 454.

570. Allen, R. Punctuation / R. Allen. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 452 p.

571. Anis, J. Les linguistes français et la ponctuation / J. Anis // L'information grammaticale. – 2004. – № 102. – PP. 5 – 10.

572. Anis, J., Chiss, J.-L., Puech, C. L'écriture: théories et descriptions / J. Anis, J.-L. Chiss, C. Puech. – Bruxelles: De Boeck, 1988. – 334 p.

573. Antoine, G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain / G. Antoine // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. – T. 2. – Strasbourg, 1962. – PP. 443 – 451.

574. Arbach, N., Ali, S. Aspects théoriques et méthodologiques de la représentativité des corpus CORELA [Электронный ресурс] / N. Arbach, S. Ali // Statut et utilisation des corpus en linguistique. – 2014. – URL : <http://corela.revues.org/3029?lang=en> (дата обращения: 22.07.2013).

575. Armstrong, D.F., Stokoe, W.C., Wilcox, Sh.E. *Gesture and the nature of language* / D.F. Armstrong, W.C. Stokoe, Sh.E. Wilcox. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 260 p.

576. Arrivé, M., Normand C. *Saussure aujourd'hui* / M. Arrivé, C. Normand // Colloque de Cerisy. 12-19 août 1995. – Numéro spéciale de LINX, № 9. – Paris : Paris X, 1997. – PP. 231 – 254.

577. Aston, G. *Enriching the Learning Environment: Corpora in ELT* / G. Aston // Wichmann et al. (Eds.), *Teaching and language corpora*. – London: Longman, 1997. – P. 51-64.

578. Authier, J. *Parler avec des signes de ponctuation, ou de la typographie à l'énonciation* / J. Authier // DRLAV. – 1979. – № 21. – PP. 76 – 87.

579. Authier-Revuz, J. *Du dire "en plus" : dédoublement réflexif et ajout sur la chaîne* / J. Authier-Revuz // *Figures d'ajout : phrase, texte, écriture*; J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). – Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. – PP. 147 – 167.

580. Authier-Revuz, J. *Les non-coïncidences du dire et leur représentation méta-énonciative: Etude linguistique et discursive de la modalisation autonymique: thèse de doctorat d'Etat* / J. Authier-Revuz. – Université Paris VIII, 1992. – 342 p.

581. Authier-Revuz, J. *Ces mots qui ne vont pas de soi. Boucles réflexives et non-coïncidences du dire* / J. Authier-Revuz. – Lambert-Lucas, 2012. – 790 p.

582. Ballard, M. *Relations discursives et traduction* / M. Ballard. – Lille: Presses universitaires de Lille, 1995. – 297 p.

583. Bar, F. *Le rejet en fin de la proposition de l'élément significatif* / F. Bar // *Le français moderne*. – 1958. – № 4. – PP. 12– 19.

584. Barzilay, R., Lee, L. *Learning to paraphrase: An unsupervised approach using multiple-sequence alignment* / R. Barzilay, L. Lee // *HLT-NAACL*. – Edmonton, 2003. – PP. 16 – 23.

585. Basanta, P.C. *The Application of Data-driven Learning to a Small-scale Corpus: Using Film Transcripts for Teaching Conversational Skills* / P.C.

Basanta, M.E.R. Martin // The International Journal of Learning. – 2007. – № 8 (12). – P. 183 – 192.

586. Bassmanova, A.G., Tarassova, A.N. Syntaxe de la phrase française / A.G. Bassmanova, A.N. Tarassova. – Moscou: Vysšaja škola, 1986. – 208 p.

587. Baude, O., Abouda, L. Constituer et exploiter un grand corpus oral : choix et enjeux théoriques. Le cas des ESLO [Электронный ресурс] / O. Baude, L. Abouda. – 2006. – URL: http://icar.univ-lyon2.fr/ecole_thematique/idocora/documents/Abouda-Baude-ESLO.pdf (дата обращения: 23.11.2014).

588. Bechtel, W., Abrahamsen, A., Graham, G. The Life of Cognitive Science / W. Bechtel, A. Abrahamsen, G. Graham // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – PP. 167 – 189.

589. Benveniste, E. Formes nouvelles de a composition nominale / E. Benveniste // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. – 1966. – Т. 6. – PP. 82 – 95.

590. Bernardini, S. Corpora in the classroom. An overview and some reflections on future developments / S. Bernardini // J. Sinclair (ed.) How to use corpora in language teaching. - Amsterdam: Benjamins, 2004. – 307 S. / реферативный перевод А.Д. Плисецкой http://studiorum.ruscorporu.ru/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=128&tmpl=component&format=raw&Itemid=105 (дата обращения: 21.03.2013).

591. Bertrand, A., Garnier, P.-H. Psychologie cognitive / A. Bertrand, P.-H. Garnier. – Studyrama, 2005. – 199 p.

592. Biber, D. Representativeness in Corpus Design / D. Biber // Literary and Linguistic Computing. – 1993 a. – Vol. 8. – № 4. – P. 243 – 257.

593. Biber, D. Using register-diversified corpora for general language studies / D. Biber // Computational linguistics. – 1993 б. – № 19 (2). – PP. 219 – 241.

594. Bikialo, S., Pétilion-Boucheron, S. Les détours de la langue. Etude sur la parenthèse et le tiret double [Электронный ресурс] / S. Bikialo, S. Pétilion-Boucheron // Cahiers de praxématique. – 2004. – № 42. – URL : <http://praxematique.revues.org/2168> (дата обращения: 16.05.2014).
595. Bilger, M. Corpus. Méthodologie et applications linguistiques / M. Bilger // Actes du colloque de Perpignan. 12 mai 1998. – Paris: Champion, 2000. – PP. 45 – 56.
596. Blakesley, D., Hoogeveen, J. Writing: A Manual for the Digital Age / D. Blakesley, J. Hoogeveen. – Cengage Learning, 2011. – 640 p.
597. Bloomfield, L. Le langage / L. Bloomfield; trad. par J. Gazio. – Paris: Payot, 1970. – 524 p.
598. Bogoyavlenskaya, Yu.V., Nakhimova, E.A., Chudinov, A.P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2. – С. 39 – 48.
599. Bohan, J., Sanford, A.J. Semantic anomalies at the borderline of consciousness: An eye-tracking investigation / J. Bohan, A.J. Sanford // Quarterly Journal of Experimental Psychology. – 2008. – № 61. – PP. 232 – 239.
600. Bolinger, D. Degree Words / D. Bolinger. – The Hague, Paris: Mouton, 1972. – 212 p.
601. Bommier-Pincemin, B. Diffusion ciblée automatique d'informations : Conception et mise en œuvre d'une linguistique textuelle pour la caractérisation des destinataires et des documents : thèse de Doctorat / B. Bommier-Pincemin. – Université Paris IV Sorbonne, 1999. – 806 p.
602. Bonnard, H. Syntagme et pensée / H. Bonnard // Journal de psychologie. – 1964. – № 1– 2. – PP. 64 – 79.
603. Bordas, E. Figures d'ajout. Phrase, texte, écriture, textes / E. Bordas // Bulletin suisse de linguistique appliquée. Université de Neuchâtel. Institut de linguistique. – 2005. – № 81. – PP. 161– 164.

604. Bosredon, B., Tamba-Mecz, I. Aux marges de la phrase écrite : analyse d'unités typographiques autonomes / B. Bosredon, I. Tamba-Mecz // L'Information Grammaticale. – 2003. – № 98. – PP. 28 – 38.
605. Bowker, L., Pearson, J. Working with Specialized Language: A Practical Guide to Using Corpora / L. Bowker, J. Pearson. – London, N.Y.: Routledge, 2002. – 242 p.
606. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Padagogischdr Verlag Schwann, 1971. – 939 S.
607. Broekhuizen, E., van. Corpus Linguistics and Linguistic Theory / E. van Broekhuizen // Papers from the Twentieth International Conference on English Language Research on Computerized Corpora (ICAME 20). – Amsterdam; Atlanta, 1999. – PP. 341 – 359.
608. Brown G., Yule G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
609. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris, 1936. – 700 p.
610. Budor, D., Geerts, W. Le texte hybride / D. Budor, W. Geerts. – Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 2004. – 158 p.
611. Bureau, C. Syntaxe fonctionnelle du français / C. Bureau. – Québec, 1978. – 542 p.
612. Campione, E. Étiquetage semi-automatique de la prosodie dans les corpus oraux : algorithmes et méthodologie : thèse de Doctorat / E. Campione. – Aix-en-Provence, 2001. – 459 p.
613. Camus, J.-Fr. La psychologie cognitive de l'attention / J.-Fr. Camus. – Armand Colin, 1996. – 217 p.
614. Cappeau, P., Gadet, F. L'exploitation sociolinguistique des grands corpus / P. Cappeau, F. Gadet // Revue française de linguistique appliquée. – 2007. – Vol. 12 (1). – PP. 99 – 110.
615. Cartoni, B., Deléger, L. Découverte de patrons paraphrastiques en corpus comparable: une approche basée sur les n-grammes [Электронный ресурс] / B. Cartoni, L. Deléger // TALN. 27 juin – 1er juillet 2011. – Montpellier, 2011. –

URL : http://www.atala.org/taln_archives/TALN/TALN-2011/taln-2011-court-031.pdf (дата обращения: 1204.2013).

616. Catach, N. La ponctuation / N. Catach // Langue française. – 1980. – № 45. – Paris : Larousse. – PP. 16 – 27.

617. Catach, N. La ponctuation / N. Catach. – Paris: Presses Universitaires de France, 1994. – 128 p.

618. Catach, N. La Ponctuation et les systèmes d'écriture : dedans ou dehors ? / N. Catach // À qui appartient la ponctuation ? / J.-M. Defays, L. Rosier, F. Tilkin (éds). – Paris, Bruxelles : Duculot, 1998. – PP. 31 – 46.

619. Catach, N. Rôle historique de la ponctuation : la virgule et les propositions incidentes au XVIIIe siècle / N. Catach // Langages. – 1987. – № 88. – PP. 31 – 40.

620. Catach, N., L'Orthographe / N. Catach. – Paris : Presses Universitaires de France, 1978. – 127 p.

621. Chafe, W. Beyond beads on string and branches in a tree / W. Chafe // Conceptual structure, discourse and language. – Stanford, 1996. – PP. 49 – 66.

622. Chafe, W. Discourse, consciousness and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago University Press, 1994. – 392 p.

623. Chafe, W. The recall and verbalization of past experience / W. Chafe // Current Issues in Linguistic Theory [eds. P. Cole et al]. – 1977. – PP. 215 – 246.

624. Chevalier, J.-Cl., Blanche-Benveniste, Cl., Arrivé, M., Peytard, J. Grammaire Larousse du français contemporain / J.-Cl. Chevalier, Cl. Blanche-Benveniste, M. Arrivé, J. Peytard. – Paris, Librairie Larousse, 1964. – 495 p.

625. Chol, I. Enoncés fragmentés et systèmes ponctuels : l'exemple de Pierre Chappuis / I. Chol // Le Discours et la langue. – Bruxelles, 2011. – № 3. – PP. 139 – 158.

626. Cohen, M. Nouveaux regards sur la langue française / M. Cohen. – Paris, 1943. – 198 p.

627. Cohen, M. Encore des regards sur la langues française / M. Cohen. – Paris, 1966. – 311 p.
628. Cohen, M. Grammaire et style / M. Cohen. – Paris: Editions sociales, 1954. – 639 p.
629. Cohen, M. L’histoire d’une langue: le français / M. Cohen. – Paris, 1973. – 513 p.
630. Combettes, B. Aspects diachroniques des fragments après le point : cas d'ellipse ou ajouts ? / B. Combettes // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. – Berne: Peter Lang, 2013. – PP. 223 – 237.
631. Combettes, B. De la cohérence textuelle aux règles syntaxiques : le cas des constructions détachées / B. Combettes // Problèmes de cohésion syntaxique. J. Baudry et P. Caron (éds). – Limoges: Presses de l’Université de Limoges, 1998. – PP. 139 – 156.
632. Combettes, B. Discontinuité et cohérence discursive: le cas des ajouts après le point / B. Combettes // Cahiers de Praxématique. – 2007 a. – № 48. – PP. 111 – 134.
633. Combettes, B. Discursivité et structure informationnelle: le cas des «fragments» après le point / B. Combettes // Marquage des relations de discours. ENS Lyon 29-30 octobre 2012. – Lyon, 2012 a. – PP. 145 – 157.
634. Combettes, B. Hyperbate et structure informationnelle : le cas des ajouts après le point / B. Combettes // L’hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). – Paris: Presses de l’Université Paris-Sorbonne, 2011 a. – PP. 195 – 205.
635. Combettes, B. L’organisation du texte / B. Combettes. – Metz, Publications de l’Université de Metz, 1992. – 180 p.
636. Combettes, B. Les ajouts après le point: phénomène de décondensation? / B. Combettes // L’Information grammaticale. – 2011 б. – № 130. – PP. 24 – 29 .

637. Combettes, B. Les ajouts en fin d'énoncé dans les Nouvelles Récréations et Joyeux Devis de Bonaventure des Périers // L'Information Grammaticale. – 2009. – № 120. – PP. 23 – 27.

638. Combettes, B. Perspective fonctionnelle de la phrase et discoursivité : le cas des «fragments après le point» / B. Combettes // Perspective fonctionnelle de la phrase : L'apport du Cercle linguistique de Prague: colloque international. Nancy, les 24 et 25 octobre 2012. – Nancy, 2012 б. – PP. 76-79.

639. Combettes, B. Les ajouts après le point : aspect syntaxiques et textuels / B. Combettes // Parcours de la phrase / M. Charolles & al. eds. – Ophrys, 2007 б. – PP. 119 – 131.

640. Combettes, B., Kuyumcuyan A. Les enjeux interprétatifs de la prédication averbale dans un corpus narratif : énoncés nominaux et représentation fictionnelle de processus énonciatifs et cognitifs [Электронный ресурс] / B. Combettes, A. Kuyumcuyan // Discours [En ligne]. – 2010 а. – № 6. – URL : <http://discours.revues.org> (дата обращения: 19.02.2014).

641. Combettes, B., Kuyumcuyan, A. Entre macro-syntaxe et argumentation: la réfutation après le point / B. Combettes, A. Kuyumcuyan // A Contrario. De l'antonymie à la réfutation : colloque international organisé par le laboratoire CRISCO 24-26 mars 2010. – 2010 б. – PP. 28 – 30.

642. Crystal, D., Davy, D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – London: Longman, 1969. – 247 p.

643. Culo, O., Schirra, S.H., Neumann, S., Vela, M. Empirical studies on language contrast using the english-german comparable and parallel corpus / O. Culo, S.H. Schirra, S. Neumann, M. Vela // Proceedings of the LREC workshop on Comparable Corpora. – 2008. – PP. 47–51.

644. Dahlet, V. Ponctuation et énonciation / V. Dahlet. – Guyane: Ibis rouge éditions, 2003. – 128 p.

645. Daille, B., Morin, E. Compositonnalité et contextes issus de corpus comparables pour la traduction terminologique / B. Daille, E. Morin // Actes de la

conférence conjointe JEP-TALN-RECITAL 2012. – Vol. 2. – TALN: ATALA / AFCP, 2013. – PP. 141 – 154.

646. Dalbera, J.-Ph. Le corpus entre données, analyse et théorie [Электронный ресурс] / J.-Ph. Dalbera // Corpus [En ligne] – 2002. – №1. – URL : <http://corpus.revues.org/10> (дата обращения: 07.07.2013).

647. Damourette, J., Pichon, E. Des mots à la pensée / J. Damourette, E. Pichon. – T. VII. – Paris, 1943. – 467 p.

648. Dauzat, A. Le génie de la langue française / A. Dauzat. – Paris, 1943. – 435 p.

649. David, J. Pour une sémiologie de l'écrit, entre oralité et scripturalité [Электронный ресурс] / J. David // Le français aujourd'hui. – 2010. – № 3 (170). – PP. 31 – 49. – URL: www.cairn.info/revue-le-francais-aujourd-hui-2010-3-page-31.htm (дата обращения: 10.05.2014).

650. Déjean, H., Gaussier, E. Une nouvelle approche à l'extraction de lexiques bilingues à partir de corpus comparables [Электронный ресурс] / H. Déjean, E. Gaussier // Lexicometrica. – 2002. – URL: <http://lexicometrica.univ-paris3.fr/thema/thema6/Dejean.pdf> (дата обращения: 10.05.2014).

651. Deléger, L., Cartoni, B. Adjectifs relationnels et langue de spécialité : vérification d'une hypothèse linguistique en corpus comparable médical / L. Deléger, B. Cartoni // TALN. – 2010. – PP. 96 – 112.

652. Delofeu, H.-J. Peut-on établir un système de ponctuation des transcriptions de textes oraux linguistiquement fondé ? Les propositions du groupe Rhapsodie // Langue française. – № 172. – Paris : Armand Colin, 2011. – PP. 54 – 67.

653. Delorme, B., Lefeuvre, F. De la prédication seconde à la prédication autonome / B. Delorme, F. Lefeuvre // La phrase averbale : Délimitations et caractéristiques. – Verbum, 2004, XXVI. – PP. 281 – 297.

654. Delpech, E. Traduction assistée par ordinateur et corpus comparables : contributions à la traduction compositionnelle : thèse de Doctorat [Электронный

ресурс] / E. Delpech. – Université de Nantes, 2013. – URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/tel-00905930/> (дата обращения: 23.09.2013).

655. Derrida, J. Freud et la scène de l'écriture / J. Derrida // L'écriture et la différence. – Paris: Seuil, 1967. – PP. 293 – 340.

656. Di Pietro, R. Language structures in contrast / R. Di Pietro. – Rowley, Mass, 1971. – 112 p.

657. Dijk, T.A. van, Kintsh, W. Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories / T.A. van Dijk, W. Kintsh // Current Trends in textlinguistics. – Berlin: Walter Gruyter, 1979. – PP. 61 – 80.

658. Dijk, T.A. van Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T.A. van Dijk. – London; N.Y., 1977. – 292 p.

659. Dipper, S. Theory-driven and corpus-driven computational linguistics, and the use of corpora / S. Dipper // Corpus Linguistics: An International Handbook / ed. by A. Lüdeling, M. Kytö. – Vol. 1. – Berlin: Walter de Gruyter, 2008. – PP. 68 – 96.

660. Dubois, J. Le néofrançais. Réalité ou illusion? / J. Dubois // La pensée. – 1961. – № 96. – PP. 61 – 75.

661. Dubois, J., Jouannon, G., Lagant, R. Grammaire française / J. Dubois, G. Jouannon, R. Lagant. – Paris: Librairie Larousse, 1961. – 176 p.

662. Elhadad N., Sutaria K. Mining a lexicon of technical terms and lay equivalents / N. Elhadad, K. Sutaria // ACL BioNLP Workshop. – Prague, 2007. – PP. 49 – 56.

663. Emmott, C. Narrative Comprehension: A Discourse Perspective. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 159 p.

664. Emmott, C. Reading for pleasure: A cognitive poetic analysis of «twists in the tale» and other plot reversals in narrative texts / C. Emmott // Cognitive Poetics in Practice / J. Gavins, G. Steen (eds.). – London: Routledge, 2003. – PP. 145 – 159.

665. Emmott, C. Reference: Stylistic aspects / C. Emmott // Encyclopedia of Language and Linguistics / 2nd ed., Keith Brown (ed.). – Vol. 10. – Oxford: Elsevier, 2006. – PP. 441 – 450.

666. Emmott, C., Sanford, A.J. Noticing and not Noticing. What's in a Text: Attention, Depth of Processing and Text Interpretation / C. Emmott, A.J. Sanford // What's in a Text? / Głaz A., Kowalewski H., Weremczuk A. (eds). – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – PP. 6 – 19.

667. Emmott, C., Sanford, A.J., Morrow, L.I. Sentence fragmentation: Stylistic aspects / C. Emmott, A.J. Sanford, L.I. Morrow // Encyclopedia of Language and Linguistics / 2nd ed., Keith Brown (ed.). – Vol. 11. – Oxford: Elsevier, 2006. – PP. 241–251.

668. Emmott, C., Sanford, A.J., Morrow, L.I. Towards a theory of reading in the age of cognitive science: Cross-disciplinary perspectives on narrative from stylistics and psychology / C. Emmott, A.J. Sanford, L.I. Morrow // Belgian Journal of English Language and Literatures New Series. – 2003. – Vol. 1. – PP. 17 – 30.

669. Fairon, C., Paumier, S. Un corpus SMS est-il un corpus comme les autres? / C. Fairon, S. Paumier // 26ème International Conference on Lexis and Grammar (LGC'07) / C.C. Gallardo, M. Constant, A. Dister (eds). 2-6 October 2007. – PP. 209 – 216.

670. Fauconnier G. Domains and connections // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1. – № 1. – PP. 151 – 174.

671. Fauconnier, G. Mapping in Thought and Language / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 205 p.

672. Fauconnier, G. Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambriges, MA: MIT Press, 1994. – 240 p.

673. Fauconnier, G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. – 2006. – PP. 303 – 371.

674. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Meaning Construction* / G. Fauconnier, M. Turner. – Cambridge: Cambridge University press, 2000. – 318 p.

675. Favriaud, M. *Approches nouvelles de la ponctuation, diachroniques et synchroniques* / M. Favriaud // *Ponctuation(s) et architecturation du discours à l'écrit*. – 2011. – PP. 3 – 18.

676. Favriaud, M. *Le Traité moderne de ponctuation de Jacques Damourette : une théorie inachevée du sujet vocal dans le texte* / M. Favriaud // *De la grammaire à l'inconscient – dans les traces de Damourette et Pichon* / M. Arrivé, V. Muni-Toke, C. Normand (éds). – Limoges: Lambert-Lucas, 2010. – PP. 37 – 44.

677. Fayol, M. *Des idées au texte, psychologie cognitive de la production verbale, orale et écrite* / M. Fayol. – Paris: Presses universitaires de France, 1997. – 236 p.

678. Fillmore, C.J. *Frame semantics* / C.J. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL-1981*. – Seoul, 1982. – PP. 111 – 137.

679. Fish, M.N. *Peirce, Semeiotic, and Pragmatism* / M.N. Fish / K.L. Ketner, Ch.J.W. Kloesel (eds.). – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 301 p.

680. Fligelstone, S. *Some Reflections on the Question of Teaching, from a Corpus Linguistics Perspective* / S. Fligelstone // *ICAME Journal*. – 1993. – № 17. – PP. 97 – 109.

681. Flowerdew, J. *Concordancing as a Tool in Course Design* [Электронный ресурс] / J. Flowerdew // *System*. – 1993. – № 2 (21). – PP. 231 – 244. – URL: http://davies-linguistics.byu.edu/ling485/for_class/teaching/flowerdew.pdf (дата обращения: 24.08.2013).

682. Fludernik, M. *Towards a Natural Narratology* / M. Fludernik. – London: N.Y.: Routledge, 2002. – 472 p.

683. Fludernik, M. *The Fictions of Language and the Languages of Fiction* / M. Fludernik. – London, N.Y.: Routledge, 1993. – 431 p.
684. Fonagy, I. *Structure sémanique des signes de ponctuation* / I. Fonagy // *Bulletin de la société de linguistique de Paris*. – 1980. – № 75. – PP. 95 – 129.
685. Forsgren, M. *Apposition, attribut, épithète: même combat prédicatif* / M. Forsgren // *Langue française*. – 2000. – № 125. – PP. 30 – 45.
686. Frett, C.G., Lodge, H.C. *New Ways in English* / C.G. Frett, H.C. Lodge. – N.Y., 1968. – 234 p.
687. Fries, Ch.C. *Teaching and learning English as a foreign language* / Ch.C. Fries. – Ann Arbor: MI, University of Michigan Press, 1945. – 153 p.
688. Fung, P. *A Statistical View on Bilingual Lexicon Extraction* / P. Fung // *Parallel Corpora to Non-Parallel Corpora: conference of the association of Translation in the americas (AMTA)*. – 1988. – PP. 1 – 17.
689. Fung, P., McKeown, K. *Finding terminology translations from non-parallel corpora* / P. Fung, K. McKeown // *Proceedings of the 5th annual workshop on very large corpora (VLC 97)*. – Hong Kong, 1997. – PP. 192 – 202.
690. Gadet, F. *Saussure, une science de la langue* / F. Gadet. – Paris: Presses universitaires de France, 1987. – 190 p.
691. Garside, R. *Discourse Annotation: Anaphoric Relations in Corpora* / R. Garside, S. Fligelstone, S. Botly // *Corpus Annotation* / ed. by R. Garside, G. Leech, T. McEnery. – London, N.Y.: Routledge, 1997. – PP. 265 – 278.
692. Gautier, A. *Phrase et syntaxe: sur quelques aspects de l'intégration* / A. Gautier // *Langue française*. – 2014. – № 182. – PP. 27 – 41.
693. Gautier, A. *La pause et l'effet : Hyperbate et segmentation graphique* / A. Gautier // *L'Hyperbate. Aux frontières de la phrase* / A.-M. Paillet, C. Stolz (dir.). – Paris: PUPS, 2010 6. – PP. 103 – 116.
694. Gautier, A. *Syntaxe et ponctuation en conflit. Le point est-il une limite de la rection?* / A. Gautier // *Travaux de linguistique*. – 2010 a. – № 60. – PP. 91 – 107.

695. Gautier, A. Unité et discontinuité: une approche épistémologique et systématique de la phrase : thèse de Doctorat / A. Gautier. – Université Paris-Sorbonne, 2006. – 438 p.
696. Geeraerts D. Cognitive grammar and the history of lexical semantics / D. Geeraerts // Topics in Cognitive Linguistics / B. Rudzka-Ostyn (ed.). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. – 769 p.
697. Genette, G. Figures III / G. Genette // Discours du récit. – Paris: Seuil, 1972. – PP. 71 – 273.
698. GeorGIN, R. La prose d'aujourd'hui / R. GeorGIN. – Paris: Editions André Bonne, 1956. – 456 p.
699. Givón T. Syntax: A functional-typological introduction / T. Givón. – Vol. 2. – Amsterdam: Benjamins, 1984. – 406 p.
700. Givón, T. Bio-linguistics: The Santa Barbara Lectures / T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – 382 p.
701. Givón, T. Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication / T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – 285 p.
702. Givón, T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax / T. Givón // Iconicity in Syntax / J. Haiman (ed.). – Amsterdam: John Benjamins, 1985. – PP. 187 – 219.
703. Goeuriot, L. Découverte et caractérisation des corpus comparables spécialisés : thèse de Doctorat [Электронный ресурс] / L. Goeuriot. – Université de Nantes, 2009. – 152 p. – URL : www.tel.archives-ouvertes.fr/docs/00/47/44/05/PDF/these-lorraine-goeuriot.pdf (дата обращения: 19.03.2013).
704. Grammaire Larousse du français contemporain / J.-Cl. Chevalier (ed.). – Paris: Librairie Larousse, 1964. – 494 p.
705. Greenbaum, S. The Oxford English Grammar / S. Greenbaum. – Oxford: Oxford UP, 1996. – 672 p.
706. Greimas, A.J., Courtés J. Iconicité / A.J. Greimas, J. Courtés. – Paris: Hachette, 1986. – 117 p.

707. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui / M. Grevisse. – Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1959. – 1156 p.
708. Grunig, B.N. Charges mémorielles et prédictions syntaxiques / B.N. Grunig // Cahiers de Grammaire. – 1993. – № 18. – PP. 13 – 29.
709. Grunig, B.N. Conflits et instabilité dans les processus de production et d'interprétation d'ajouts / B.N. Grunig // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). – Paris, Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. – PP. 79 – 93.
710. Grunig, B.N. Délinéarisation et reformatage / B.N. Grunig // Langage et linéarité / P. Cotte (ed.). – Lille : Presses du Septentrion, 1999. – PP. 177 – 186.
711. Grunig, B.N. Inachèvements / B.N. Grunig // DRLAV. – 1986. – №34/35. – PP. 1 – 48.
712. Guidère, M. Introduction à la traductologie. Penser la traduction : hier, aujourd'hui, demain / M. Guidère. – De Boeck Université, 2010. – 176 p.
713. Habert, B. Des corpus représentatifs : de quoi, pour quoi, comment ? / B. Habert // Linguistique sur corpus. Études et réflexions / M. Bilger (éd). – Perpignan: Presses Universitaires de Perpignan, 2000. – PP. 11 – 58.
714. Halliday, M.A.K. An introducing to Functional Grammar / M.A.K. Halliday. – London: Edward Arnold Publishers, 1987. – 387 p.
715. Halverson, J. Punctuation puzzles & mazes / J. Halverson. – New York: Scholastic Professional Books, 2001. – 64 p.
716. Havu, E. Réflexions sur les segments fragmentaires dans deux types de corpus / E. Havu // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. – Berne: Peter Lang, 2013. – PP. 65 – 80.
717. Havu, E. , Lefeuvre, F. Les énoncés averbaux comme hyperbates / E. Havu, F. Lefeuvre // L'hyperbate. Aux frontières de la phrase / A.-M. Paillet, C. Stoltz (éds.). – Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2011. – PP. 179 – 192.

718. Hirotani, M., Frazier, L., Rayner, K. Punctuation and intonation effects on clause and sentence wrap-up: Evidence from eye movements / M. Hirotani, L. Frazier, K. Rayner // *Journal of Memory and Language*. – 2006. – № 54. – PP. 425 – 443.

719. Holmes-Higgin, P., Ahmad, K. Assembling and Viewing a Corpus of Texts: Self-organisation, Logical Deduction and Spreading Activation as Metaphors / P. Holmes-Higgin, K. Ahmad // *Euralex'96 Proceedings*. – Stockholm, 1996. – PP. 87 – 101.

720. Houdé, O. Vocabulaire de sciences cognitives: neuroscience, psychologie, intelligence artificielle, linguistique et philosophie / O. Houdé. – Paris: Presses Universitaires de France, 1998. – 417 p.

721. Huddleston, R., Pullum, G.K. *The Cambridge Grammar of the English Language* / R. Huddleston, G.K. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1860 p.

722. Hug, M. La loi de Menzerath appliquée à un ensemble de textes [Электронный ресурс] / M. Hug // *Lexicometrica*. – 2004. – № 5. – PP. 1 – 10. – URL : <http://lexicometrica.univ-paris3.fr/article/numero5/lexicometrica-hug.pdf> (дата обращения: 30.03.2013).

723. Hunston, S. Collection strategies and design decisions / S. Hunston // *Corpus linguistics: an international handbook* / A. Lüdeling, M. Kytö (eds.). – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. – PP. 154 – 168.

724. Illouz, G., Habert, B., Fleury, S., Folch, H., Heiden, S., Lafon, P. Maîtriser les déluges de données hétérogènes / G. Illouz, B. Habert, S. Fleury, H. Folch, S. Heiden, P. Lafon // *Corpus et traitement automatique des langues : pour une réflexion méthodologique* / A. Condamines & al. (ed.) – 1999. – PP. 37 – 46.

725. Imbs, P. Remarques sur la fonction épithète / P. Imbs. – Paris, 1951. – 197 p.

726. Imbs, P. Notes sur le syntaxe du français contemporain, d'après «Aurelien» d'Aragon / P. Imbs // Le français moderne. – 1948. – № 2. – PP. 191 – 202.
727. Jaffré, J.-P. À quoi sert la ponctuation ? / J.-P. Jaffré // Le français aujourd'hui. – 2014. – № 4 (187). – PP. 129 – 135.
728. Jakubiček M., Kilgarriff A., Kovař V., Rychly P., Suchomel V. The TenTen Corpus Family / M. Jakubiček, A. Kilgarriff, V. Kovař, P. Rychly, V. Suchomel // Seventh International Corpus Linguistics conference (CL2013). 23-26 July 2013. – Lancaster: Lancaster University, 2013. – PP. 125 – 126.
729. Jorna R.J. Wissensrepräsentation in Künstlichen Intelligenzen. Zeichentheorie und Kognitionsforschung / R.J. Jorna // Zeitschrift für Semiotik. – 1990. – Bd. 12. – H. 1-2. – SS. 9 – 23.
730. Just, M.A., Carpenter, P.A. A theory of reading: From eye fixations to comprehension / M.A. Just, P.A. Carpenter // Psychological Review. – 1980. – № 4 (87). – PP. 329 – 354.
731. Kaden, E.F. Unruhe um den deutschen Satz / E.F. Kaden // Sprachpflege. – 1965. – № 11. – SS. 56 – 63.
732. Katinskaya, A., Sharoff, S. Applying Multi-dimensional Analysis to a Russian Webcorpus: Searching for Evidence of Genres [Электронный ресурс] / A. Katinskaya, S. Sharoff // International Conference RANLP. – Hissar, 2015. – URL : <http://www.webcorpora.ru/publications#sthash.SJKZIUed.dpuf> (дата обращения: 25.09.2013).
733. Kilgariff, A. Comparing Corpora / A. Kilgariff // International Journal of Corpus Linguistics. – 2001. – № 6. – PP. 97 – 133.
734. King, G. Good Punctuation / G. King. – Glasgow: HarperCollins, 2004. – 184 p.
735. Korzen, H., Nølke, H. La linéarité dans la langue: du phoneme au texte // Langue française. – 1996. – № 111. – P. 3 – 13.
736. Kouznetsova, I.N. Grammaire contrastive du français et du russe / I.N. Kouznetsova. – Nestor Academic Publishers, 2009. – 272 p.

737. Kübler, N. Traduction pragmatique, linguistique de corpus, traducteur : un ménage à trois explosif ? [Электронный ресурс] / N. Kübler // Tralogy [En ligne], Tralogy II, Session 3 - Machine and Human Translation: Finding the Fit? / TA et Biotraduction. – 2014. – URL : <http://lodel.irevues.inist.fr/tralogy/index.php?id=288&format=print> (дата обращения: 23.04.2013).

738. Kuyumcuyan, A. Les compléments après le point, un problème de ponctuation? / A. Kuyumcuyan // Les linguistiques du détachement / D. Apothéloz & al., (éds.). – Berne: Peter Lang, 2009. – PP. 30 – 50.

739. Kuyumcuyan, A. Les séquences fragmentaires en contexte dialogal / A. Kuyumcuyan // Ellipse & fragment. Morceaux choisis. – Berne: Peter Lang, 2013. – PP. 143 – 154.

740. LaBerge, D. Attentional Processing: The brain's art of mildfulness / D. LaBerge. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1995. – 262 p.

741. Lado, B. Linguistics across cultures. Syntactic structures. (Applied linguistics for language teachers). – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. – 141 p.

742. Lagutin, M.B., Katinskaya, A.Y., Selegey, V.P., Sharoff, S., Sorokin, A.A. Automatic Classification of Web Texts Using Functional Text Dimensions [Электронный ресурс] / M.B. Lagutin, A.Y. Katinskaya, V.P. Selegey, S. Sharoff, A.A. Sorokin – 2015. – URL : <http://www.webcorpora.ru/publications#sthash.SJKZIUed.dpuf> (дата обращения: 12.08.2013).

743. Langacker, R.W. A Dynamic Usage-Based Model / R.W. Langacker // Usage-Based Models of Language / ed. by S. Kemmer, M. Barlow. – Stanford: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 2000 б. – PP. 1 – 64.

744. Langacker, R.W. Cognitive grammar. A basic introduction / R.W. Langacker. – N.Y.: Oxford University Press, 2008. – 562 p.

745. Langacker, R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p.
746. Langacker, R.W. *Culture, Cognition, and Grammar* / R.W. Langacker // *Language Contact and Language Conflict* / ed. by M. Pütz. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. – PP. 25 – 53.
747. Langacker, R.W. *Discourse in Cognitive Grammar* / R.W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. – 2001. – Vol. 12. – №. 2. – PP. 143 – 188.
748. Langacker, R.W. *Foundations of cognitive grammar. V.1: Theoretical prerequisites* / R.W. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
749. Langacker, R.W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Berlin, N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000 a. – 427 p.
750. Langacker, R.W. *Investigations in Cognitive Grammar* / R.W. Langacker. – Berlin: Walter de Gruyter, 2009. – 396 p.
751. Langacker, R.W. *Reference-Point Constructions* / R.W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. – 1993. – № 4. – PP. 1 – 38.
752. Leech G., Short M.H. *Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose* / G. Leech, M.H. Short. – London, N.Y.: Longman, 2007. – 425 p.
753. Leech, G. *Corpus Annotation Schemes* / G. Leech // *Literary and Linguistics Computing*. – 1993. – Vol. 8. – №. 4. – PP. 275 – 281.
754. Leech, G. *New resources or just better old ones? The Holy Grail of representativeness* / G. Leech // *Language and Computers*. – 2006. – № 1 (59). – PP. 133 – 149.
755. Leech, G. *Teaching and Language Corpora: A Convergence.* / G. Leech // *Teaching and language corpora* / Wichmann et al. (eds.). – London: Longman 1997. – PP. 1 – 23.
756. Leech, G. *The Distribution and Function of Vocatives in American and British English Conversation* / G. Leech // Hasselgård and Oksefjell (eds.). – 1999. – PP. 107 – 120.

757. Leech, G. The State of Art in Corpus Linguistics / G. Leech // English Corpus Linguistics / Aijmer K., Altenberg B. (eds.). – London, 1991. – PP. 8 – 29.
758. Leech, G., Deuchar, M., Hoogenraad, R. English Grammar for Today: A New Introduction / G. Leech, M. Deuchar, R. Hoogenraad. – London: Macmillan, 1985. – 224 p.
759. Lefevre, F. La phrase averbale en français / F. Lefevre. – Paris: L'Harmattan, 1999. – 352 p.
760. Lemaire, P. Abrégé de psychologie cognitive / P. Lemaire. – De Boeck Supérieur, 2006. – 137 p.
761. Lewis, D.M. La linguistique de corpus, chapter Corpus comparables et analyse contrastive: l'apport d'un corpus français/anglais de discours politiques à l'analyse des connecteurs adversatifs / D.M. Lewis. – Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2005. – PP. 179 – 190.
762. Linguistique contrastive: Actes du IIème Colloque franco-bulgare. Paris, 1-2 décembre 1982. – Paris: Institut d'Etudes slaves, 1985. – 290 p.
763. Lodge, H., Frett, G. New ways in English / H. Lodge, G. Frett. – N.Y., 1968. – 370 p.
764. Longacre, R.E. The Grammar of Discourse / R.E. Longacre. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – 362 p.
765. Louvel, L. L'oeil du texte. Texte et image dans la langue anglaise / L. Louvel. – Toulouse: Presse universitaire du Mirail, 1998. – 385 p.
766. Lüdeling, A., Kytö, M. Corpus Linguistics. An International Handbook / A. Lüdeling, M. Kytö (eds.). Volumes 1, 2. – Berlin, N. Y.: Walter de Gruyter, 2008. – URL : <http://alknyelvport.nytud.hu/muhelyek/elte.../HSK-Corpus-Linguistics.../file> (дата обращения: 23.04.2013).
767. Lukeman, N. The Art of Punctuation / N. Lukeman. – Oxford: University Press, 2006. – 269 p.
768. Mahmoudian, M. Pour enseigner le français / M. Mahmoudian. – Paris, 1976. – 245 p.

769. Maia, B. Sentence Structure and Thematization in Comparable and Parallel Texts / B. Maia. – 1997. – URL : <https://repositorio-aberto.up.pt/bitstream/10216/13998/2/sentencestructure000072811.pdf> (дата обращения: 14.05.2013).
770. Maia, B. What are comparable corpora? [Электронный ресурс] / B. Maia. – URL : <http://www.coli.uni-saarland.de/conf/muco03/maia.pdf> (дата обращения: 28.07.2013).
771. Manning, C., Schütze, H. Foundations of statistical natural language processing / C. Manning, H. Schütze. – Cambridge: The MIT Press, 1999. – 720 p.
772. Marandin, J.-M. Grammaire de l'incidence / J.-M. Marandin. – 1998. – 59 p. – URL : <http://www.llf.cnrs.fr/fr/Marandin> (дата обращения: 23.06.2014).
773. Marnette, S. La ponctuation du discours rapporté dans quelques manuscrits de romans en prose médiévaux / S. Marnette // Verbum – 2008. – № 1 (28). – PP. 29 – 46.
774. Marouzeau, J. Précis de stylistique française / J. Marouzeau. – Paris, 1959. – 467 p.
775. Martinet, A. Méthodes de la grammaire. Tradition et nouveauté / A. Martinet. – Paris, 1966. – 179 p.
776. Matlin, M.W. La cognition: Une introduction à la psychologie cognitive. – De Boeck Supérieur, 2001. – 790 p.
777. McEnery T., Hardy A. Corpus linguistics: Method, theory and practice / T. McEnery, A. Hardy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 294 p.
778. McEnery, T., Wilson, A. Corpus Linguistics. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. – 179 p.
779. McEnery, A., Xiao, Z. Parallel and comparable corpora: what is happening // A. McEnery, Z. Xiao / Incorporating Corpora: Translation and the Linguist. ed. / G. James; G. Anderman (eds). – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – PP. 18 – 31. – http://someya-net.com/104IT_Kansai_Initiative/corpora_and_translation.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

780. Mellet, S. Corpus et recherches linguistiques [Электронный ресурс] / S. Mellet // Corpus [En ligne]. – 2002. – № 1. – URL : <http://corpus.revues.org/7> (дата обращения: 15.06.2014)

781. Melnikova, E., Novakova, I., Kraif, O. Quels corpus pour l'analyse contrastive ? L'exemple des constructions verbo-nominales de sentiment en français et en russe [Электронный ресурс] / E. Melnikova, I. Novakova, O. Kraif // Actes du colloque 6ème Journées de la Linguistique de Corpus. Lorient, 10–12 septembre 2009. – URL : http://www.licorn-ubs.com/jlc6/ACTES/Melnikova_et_al_JLC09.pdf (дата обращения: 1.07.2014).

782. Meschonnic, H. La ponctuation, graphie du temps et de la voix / H. Meschonnic // La Licorne. – 2000. – № 52. – PP. 289 – 293.

783. Moles, A.A. Théorie de l'information et sémantique / A.A. Moles // Les Cahiers de la Publicité. – 1963. – Vol. 5. – № 1. – PP. 15 – 36.

784. Morin, E., Daille, B. Extraction de terminologies bilingues à partir de corpus comparables d'un domaine spécialisé / E. Morin, B. Daille // Traitement Automatique des Langues (TAL). – 2004. – № 3 (45). – PP. 103 – 122.

785. Mounin, G. Le problème des critères d'analyse dans la description linguistique fonctionnelle: la coordination / G. Mounin // De la théorie linguistique à l'enseignement de la langue. – Paris, 1974. – PP. 198 – 213.

786. Müller, R. She lisped and he said firmly: Strategies of Directing Attention in Narrated Speech Acts / R. Müller // Aesthetic Attention Theories, Models, Perspectives. 22-23 November 2013. – University of Mainz, 2003. – PP. 65 – 66.

787. Neveu, F. Détacher est-ce condenser ? Un regard sur les avant-postes de l'énoncé en français / F. Neveu // L'Information Grammaticale. – 2011. – № 130. – PP. 18 – 23.

788. Neveu, F. Études sur l'apposition. Aspects du détachement nominal et adjectival en français contemporain, dans un corpus de textes de J.-P. Sartre / F. Neveu. – Paris: H. Champion, 1998. – 104 p.

789. Neveu, F. L'apposition : concepts, niveaux, domaines / F. Neveu // Langue française. – 2000. – № 1 (125). – PP. 3 – 17.
790. Nickel, G. Contrastive linguistics and foreign language teaching / G. Nickel // Papers in contrastive linguistics /ed. by Gerhard Nickel. – Cambridge, 1971. – PP. 1 – 16.
791. Noailly, M. Apposition, coordination, reformulation dans les suites de deux GN juxtaposés / M. Noailly // Langue française. – 2000. – № 125. – PP. 46 – 59.
792. Noailly, M. L'ajout après un point n'est-il qu'un simple artifice graphique ? / M. Noailly // Figures d'ajout : phrase, texte, écriture / J. Authier-Revuz, M.-C. Lala (dir.). – Paris: Presses de la Sorbonne Nouvelle, 2002. – PP. 131 – 145.
793. Nurnberg, G. The linguistics of Punctuation / G. Nurnberg. – Stanford: CSLI, 1990. – 160 p.
794. Paumier, S. A Time-Efficient Token Representation for Parsers / S. Paumier // Proceedings of the EACL Workshop on Finite-State Methods in Natural Language Processing. – Budapest, 2003. – PP. 83 – 90.
795. Paumier, S. Nouvelles méthodes pour la recherche d'expressions dans de grands corpus / S. Paumier // Revue Informatique et Statistique dans les Sciences humaines. – 2000. – Vol. 36. – PP. 289 – 296.
796. Pearson, J. Terms in Content. Studies in Corpus Linguistics / J. Pearson. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. – 201 p.
797. Perrot, J. Ponctuation et fonctions linguistiques / J. Perrot // Langue française. – 1980. – № 1 (45), N. Catach (dir.). – PP. 67 – 76.
798. Péry-Woodley, M.-P. Quels corpus pour quels traitements automatiques ? [Электронный ресурс] // Traitement Automatique des Langues. – 1995. – № 1-2 (36). – PP. 213 – 232. – <http://w3.erss.univtlse2.fr:8080/index.jsp?perso=pery&subURL=articles/TALcorpus.pdf> (дата обращения: 12.06.2013).

799. Peters, C., Picchi, E., Biagini, L. Parallel and comparable bilingual corpora in language teaching and learning / C. Peters, E. Picchi, L. Biagini // Proceedings of Teaching and Language Corpora / S.P. Botley, A.M. McEnery, A. Wilson (eds). – 1996. – PP. 68 – 82.

800. Pétilion, S. Affectation de subjectivité: le point intempestif dans une configuration infrasyntagmatique. Le cas du syntagme nominal / S. Pétilion // L'information grammaticale. – 2011. – № 130. – PP. 30 – 37.

801. Pétilion, S. Parenthèse et tiret double : pour une polyphonie mouvante / S. Pétilion // L'information grammaticale. – 2004. – № 102. – PP. 46 – 50.

802. Pétilion-Boucheron, S. Les détours de la langue. Etude sur la parenthèse et le tiret double / S. Pétilion-Boucheron. – Louvain-Paris: Editions Peeters, 2003. – 367 p.

803. Piao, S. Word-alignment in English-Chinese parallel corpora / S. Piao // Literary and Linguistic Computing. – 2013. – № 2 (17). – PP. 207 – 230.

804. Pinchion, J., Morel, M.-A. Rapport de la ponctuation à l'oral dans quelques dialogues de romans contemporains / J. Pinchion, M.-A. Morel // Langue française. – 1991. – № 89. – PP. 5 – 19.

805. Pisarenka, A.M. Linguo-stylistic analysis of Ivan Ptashnikov's sketch «Irga kolosistaya» / A.M. Pisarenka // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. – 2012. – Т. 14. – № 2. – С. 170 – 176.

806. Pottier, B. Systématiques des éléments de relation / B. Pottier. – Paris, 1962. – 219 p.

807. Psychologie cognitive. – Editions Bréal, 2006. – 448 p.

808. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. A Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – London: Longman, 1985. – 1792 p.

809. Rapp, R. Automatic identification of word translations from unrelated english and german corpora / R. Rapp // Proceedings of the 37th annual meeting of the Association for Computational Linguistics on Computational Linguistics / R.

Dale, K. Church (eds). – Association for Computational Linguistics, 1999. – PP. 519 – 526.

810. Rasmussen, J. School of Economics and Business Administration Language Department / J. Rasmussen. Publ. 3. – Copenhagen, 1975. – PP. 126 – 149.

811. Rayner K., Kambe G., Duffy S.A. The effect of clause wrap-up on eye movements during reading / K. Rayner, G. Kambe, S.A. Duffy // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. – 2000. – № 4 (53A). – PP. 1061 – 1080.

812. Rayner K., Sereno S.C., Morris R.K., Schmauder A.R., Clifton C. Eye movements and on-line language comprehension processes / K. Rayner, S.C. Sereno, R.K. Morris, A.R. Schmauder, C. Clifton // *Language and Cognitive Processes*. – 1989. – № 4. – PP. 21 – 49.

813. Rayner, K., Warren, T., Juhasz, B.J. Liversedge, SP. The effects of plausibility on eye movements in reading / K. Rayner, T. Warren, B.J. Juhasz // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. – 2004. – № 6 (30). – PP. 1290 – 1301.

814. Référovskaja, E.A., Vassiliéva A.K. Essai de grammaire française. Cours théorique / E.A. Référovskaja, A.K. Vassiliéva. – Ленинград: Просвещение, 1973. – 430 с.

815. Reichle, E.D., Warren, T., McConnell, K. Using E-Z Reader to model the effects of higher-level language processing on eye movements during reading / E.D. Reichle, T. Warren, K. McConnell // *Psychonomic Bulletin & Review*. – 2009. – № 1 (16). – PP. 1 – 20.

816. Rey-Debove, J. Le métalangage / J. Rey-Debove. – Paris: Editions Le Robert, 1978. – 289 p.

817. Reynolds, J. Mastering Essential English Skills [Электронный ресурс] / J. Reynolds et al. / ed. by Laidlaw Brothers, 1977. – URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:eWs0cqWUAbkJ:www.learning2grow.org/2011/02/17/types-of-sentence-fragments/&hl=ru&gl=fr&strip=1&vwsr=0> (дата обращения: 02.05.2014).

818. Ricardou, J. Les retours de l'écrit dans l'incompensé de la parole et de la langue / J. Ricardou // Saussure aujourd'hui. Colloque de Cerisy, numéro spéciale de LINX. – Paris X, 1995. – PP. 395 – 421.

819. Roberts, P. Understanding Grammar / P. Roberts. – New York, 1964. – 298 p.

820. Roberts, P. English Sentences / P. Roberts. – N.Y.: Bantam Books, 1962. – 429 p.

821. Römer, U. Origin and history of corpus linguistics - corpus linguistics vis-à-vis other disciplines [Электронный ресурс] / U. Römer. – 2008. – URL: <http://www.degruyter.com/viewbooktoc/product/19320> (дата обращения: 27.09.2015).

822. Sadaf, A.R. Efficient corpus selection for statistical machine translation : thèse de Doctorat [Электронный ресурс] / A.R. Sadaf. – Le Mans, 2012. – URL : <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00732984/> (дата обращения: 17.02.2014).

823. Sanford, A.J., Sturt, P. Depth of processing in language comprehension: Not noticing the evidence / A.J. Sanford, P. Sturt // Trends in Cognitive Sciences. – 2002. – № 6. – PP. 382 – 386.

824. Sanford, A.J.S., Sanford, A.J., Molle, J., Emmott, C. Shallow processing and attention capture in written and spoken discourse / A.J.S. Sanford, A.J. Sanford, J. Molle, C. Emmott // Discourse Processes. – 2006. – № 2 (42). – PP. 109 – 130.

825. Sanford, A.J. Context, attention and depth of processing during interpretation / A.J. Sanford // Mind and Language. – 2002. – № 17. – PP. 188 – 206.

826. Sanford, A.J., Fay, N., Stewart, A.J., Moxey, L.M. Perspective in statements of quantity, with implications for consumer psychology / A.J. Sanford, N. Fay, A.J. Stewart, L.M. Moxey // Psychological Science. – 2002. – № 2 (13). – PP. 130 – 134.

827. Saralegi, X., Vicente, I.S., Gurrutxaga, I. Automatic extraction of bilingual terms from comparable corpora in a popular science domain / X. Saralegi, I.S. Vicente, I. Gurrutxaga // Proceedings of the LREC workshop on Comparable Corpora / P. Fung, P. Zweigenbaum (eds). – 2008. – PP. 33 – 38.

828. Scarpa, F. La traduction spécialisée. Une approche professionnelle à l'enseignement de la traduction: traduit et adapté par M.A. Fiola / F. Scarpa. – Ottawa: Presses de l'Université d'Ottawa, 2010. – URL : www.books.google.fr (дата обращения: 18.10.2015).

829. Schneider, W. Stilistische deutsche Grammatik. Die Stilwerte der Wortarten, der Wortstellung und des Satzes / W. Schneider. – Wien: Herder, 1959. – 522 S.

830. Seguin, J.-P. Enchaînement et usage du point / J.-P. Seguin // Evolution et variation en français préclassique. Etudes de syntaxe / B. Combettes (dir.). – Paris, Honoré Champion, 2003. – PP. 69-137.

831. Sellami, R., Sadatet, F., Hadrich, L. Belguith Traduction Automatique Statistique à partir de corpus comparables: Application au couple de langues arabe-français [Электронный ресурс] / R. Sellami, F. Sadatet, L. Hadrich // CORIA 2013. Neuchâtel, 3-5 Avril 2013. – URL : http://coria.unine.ch/coria/coria2013_46.pdf (дата обращения: 25.03.2013).

832. Semino, E. Corpus Stylistics: Speech, Writing and Thought Presentation in a Corpus of English Writing / E. Semino. – London, N.Y.: Routledge, 2004. – 272 p.

833. Shinyama, Y., Sekine, S. Paraphrase acquisition for information extraction / Y. Shinyama, S. Sekine // Proceedings of the second international workshop on Paraphrasing (IWP). – Sapporo, 2003. – PP. 65 – 71.

834. Shuster, E. A fresh look at Sentence Fragments / E. Shuster // English Journal. – 2006. – Vol. 95. – №. 5. – PP. 78 – 83.

835. Sinclair, J. Corpus and Text - Basic Principles. Developing Linguistic Corpora: a Guide to Good Practice / J. Sinclair. – 2004. – URL :

<http://www.ahds.ac.uk/creating/guides/linguistic-corpora/chapter1.htm> (дата обращения: 24.06.2013).

836. Sinclair, J. *Corpus, Concordance, Collocation* / J. Sinclair. – Oxford University Press, 1991. – 179 p.

837. Sinclair, J. Preliminary Recommendations on Text Typology [Электронный ресурс] / J. Sinclair // EAGLES Document EAG-TCWG-TTYP/P. – 1996. – URL : <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/texttyp/texttyp.html> (дата обращения: 25.06.2013)

838. Sorokin, A., Katinskaya, A., Sharoff, S. Associating Symptoms with Syndromes. Reliable Genre Annotation for a Large Russian Webcorpus [Электронный ресурс] / A. Sorokin, A. Katinskaya, S. Sharoff. – URL : <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2014/materials/pdf/SorokinAKatinskayaASharoffS.pdf> (дата обращения: 20.06.2013)

839. Stubbs, M. Conrad in the computer: Examples of quantitative stylistic method / M. Stubbs // *Language and Literature*. – 2005. – № 1 (14). – PP. 5 – 24.

840. Sweetser, E. Compositionality and Blending : Semantic Composition in a Cognitively Realistic Framework / E. Sweetser // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. *Cognitive Linguistic Research*. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – PP. 129 – 163.

841. Taboada, M. *Building Coherence and Cohesion: Task-oriented Dialogue in English and Spanish* / M. Taboada. – Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins, 2004. – 261 p.

842. Talmy, L. How language structures space / L. Talmy // *Spatial orientation: Theory, research, and application* / H. Pick, L. Acredolo (eds.). – N.Y.: Plenum Press, 1983. – P. 225 – 282.

843. Talmy, L. *Towards a Cognitive Semantics* / L. Talmy. – Vol. I: *Concept Structuring System*. – Cambridge: MIT Press, 2001. – 495 p. – URL : <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/TCS.html> (дата обращения: 15.08.2014).

844. Tannen, D. *Conversational Style: Analyzing Talk among Friends* / D. Tannen. – Norwood, 1984. – 272 p.
845. Taylor, J.R. *Linguistic categorization: Prototypes in Linguistic Theory* / J.R. Taylor. Oxford, 1995. – 331 p.
846. Teubert, W. *Comparable or parallel corpora?* / W. Teubert // *International Journal of Lexicography*. – 1996. – № 3 (9). – PP. 238 – 264.
847. Timsit-Berthier, M., Geron, A. *Manuel d'interprétation des potentiels évoqués endogènes* / M. Timsit-Berthier, A. Geron. – Editions Mardaga, 1997. – 58 p.
848. Tomlin, R., Russell, S. *Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study* / R. Tomlin, S. Russell // *Word order in discourse* / ed. P. Downing, M. Noonan. – Amsterdam: Benjamins, 1995. – PP. 517 – 554.
849. Tomlin, R., Russell, S., Forrest, L., Pu, M.M., Kim, M.H. *Discourse semantics* / R. Tomlin, S. Russell, L. Forrest, M.M. Pu, M.H. Kim /van Dijk (ed.). – 1997. – PP. 63 – 111.
850. Touratier, Ch. *Coordination et syntaxe* / Ch. Touratier // *L'information grammaticale*. – 1990. – № 46. – PP. 13 – 16.
851. Tournier, C. *Essai de définition de la ponctuation et classement des signes* / C. Tournier // *La Ponctuation : recherches historiques et actuelles*. – Paris: CNRS et Groupement de recherches sur les textes modernes, 1977. – PP. 223 – 243.
852. Tournier, C. *Histoire des idées sur la ponctuation, des débuts de l'imprimerie à nos jours* / C. Tournier // *Langue française*. – 1980. – № 45. – PP. 35 – 36.
853. Treisman, A. *L'attention, les traits et la perception des objets* / A. Treisman // *Introduction aux sciences cognitives* / D. Andler (ed.). – Paris: Editions Gallimard, 1992. – PP. 153 – 191.
854. Treisman, A. *Representing visual objects* / A. Treisman // *Attention and Performance XIV* / D. Meyer, S. Kornblum (eds). – 1993. – PP. 163 – 175.

855. Tuchais, S. La phrase nominale dans la presse contemporain française / S. Tuchais / Mémoire de maîtrise. – Université Paris-IV, UFR de Langue française, 1996. – 210 p.

856. Védénina, L.G. La transmission par la ponctuation du code oral avec le code écrit // L.G. Védénina // Langue française. – 1973. – № 19. – PP. 33 – 40.

857. Védénina, L.G. La triple fonction de la ponctuation dans la phrase : syntaxique, communicative et sémantique / L.G. Védénina // Langue française. – 1980. – № 45. La ponctuation / N. Catach (dir.). – PP. 60 – 66.

858. Védénina, L.G. Pertinence linguistique de la présentation typographique / L.G. Védénina. – Paris : Peeters/Selaf, 1988. – 170 p.

859. Visky, M. L'utilisation du corpus comparable dans l'enseignement de la traduction / M. Visky // Professional communication and translation studies. – 2013. – № 1-2 (6). – PP. 165 – 176.

860. Wagner, R.L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne / R.L. Wagner, J. Pinchon. – Paris, 1962. – 430 p.

861. Wårvik, B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding / B. Wårvik // Approaches to Cognition through Text and Discourse / T. Virtanen (ed.). – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – PP. 99 – 122.

862. Weinrich, H. Sprache in Texten/H. Weinrich. –Stuttgart, 1979. – 248p.

863. Werth, P. Focus, Coherence and Emphasis / P. Werth. – London: Croom Helm, 1984. – 293 p.

864. Wissik, T. Development and Use of Comparable Specialized Corpora of National German Varieties: the UNI-Corpus [Электронный ресурс] / T. Wissik // R. Xiao (ed.) Proceedings of The International Symposium on Using Corpora in Contrastive and Translation Studies. – 2010. – URL : www.lancs.ac.uk/fass/projects/corpus/UCCTS2010Proceedings/papers/Wissik.pdf (дата обращения: 19.03.2014).

865. Wonrich, G. Asthmadeutsch mit kleinen Mangeln / G. Wonrich // Sprachpflege. – Leipzig, 1965. – 98 s.

866. Zanettin, F. Bilingual corpora and the training of translators / F. Zanettin // *Meta*. – 1998. – № 4 (43). – PP. 616 – 630.

867. Zweigenbaum P., Habert B. Faire se rencontrer les parallèles : regards croisés sur l'acquisition lexicale monolingue et multilingue / P. Zweigenbaum, B. Habert // *Traitements automatisés des corpus spécialisés: contextes et sens*. – 2006. – № 8. – PP. 22 – 44. – URL : <http://www.univ-rouen.fr/dyalang/glottopol> (дата обращения: 20.03.2013).

868. Constanini, M. Le procès comme intersection [Электронный ресурс] / M. Constanini // *Les relations intersémiotiques: colloque de Lyon*. – URL : <http://sir.univ-lyon2.fr/LTI/index2.html> (дата обращения: 25.02.2013).

РЕФЕРАТ И ОПИСАНИЕ ПРОГРАММЫ LINGUISTICA

Реферат

Программа: Linguistica

Аннотация: Программа предназначена для получения статистических данных при проведении лингвистических исследований, прежде всего в области сопоставительной лингвистики. Функции программы: ввод и хранение в базе данных неограниченного количества текстов в двух корпусах; создание дерева текстовых признаков и признаков фрагментов; выделение в тексте значимых фрагментов для их последующего анализа; вывод как общей статистической информации по выделенным признакам, так и при наложении фильтров; сохранение статистических результатов в Excel. Программа обеспечивает возможность вывода на экран и копирование в буфер отфильтрованных фрагментов текста, поиска текста по ключевому слову и др.

Тип ЭВМ: IBM PC-совмест. ПК

Язык: DELPHI 2009

ОС: Microsoft Windows 2008 Server

Объем программы: 383 Кб

(исходного текста)

Описание программы Linguistica

Пользовательский интерфейс сопоставительного корпуса

Пользовательский интерфейс программы не сложен и ориентирован как на опытного, так и начинающего пользователя-лингвиста.

Интерфейс включает 6 закладок.

Первая закладка «Все тексты» отражает имеющиеся в корпусе массив текстов.

Рис. 1. Закладка «Все тексты»

ID	Тип текста (FR, PY)	Автор	Название газеты	Дата	Обработано	Кол-во фрагментов	Слов
152	Francais	Raphaelle Besse Desmoulières	Le Monde	16.05.2012	Да	6	1054
153	Francais	Raphaelle Besse Desmoulières	Le Monde	09.05.2012	Да	3	458
154	Francais	Jean-Dominique Merchet	Liberation	31.12.2005	Да	3	471
155	Francais	Béatrice Vallaeys	Le Monde	29.12.2005	Да	5	1077
156	Francais	Jean-Michel Thenard	Liberation	21.02.2005	Да	2	288
157	Francais	Emmanuel Poncet	Liberation	14.12.2005	Да	4	1215
158	Francais	Didier Hassoux	Liberation	07.12.2005	Да	4	524
159	Francais	Gérard Dupuy	Liberation	10.11.2005	Да	4	1718
160	Francais	Jean-Pierre Perrin	Liberation	10.11.2005	Да	7	1134
161	Francais	Pascal Riche	Liberation	24.10.2005	Да	2	1752
162	Francais	Mathilde La Bardonnie	Liberation	24.10.2005	Да	2	560
163	Francais	Mathilde La Bardonnie	Liberation	18.10.2005	Да	1	494
164	Francais	Edouard Launet	Liberation	17.10.2005	Да	8	1870
165	Francais	Quentin Girard	Liberation	17.12.2010	Да	1	358
166	Francais	Fabrice Drouzy	Liberation	17.12.2010	Да	3	1195
167	Francais	Lisette Gries	Liberation	06.12.2010	Да	4	614
168	Francais	René Solis	Liberation	06.10.2010	Да	2	715
169	Francais	Fabrice Drouzy	Liberation	06.10.2010	Да	2	329
170	Francais	Anne-Marie Fèvre	Liberation	28.10.2010	Да	3	750
171	Francais	Béatrice Vallaeys	Liberation	27.10.2010	Да	3	935
172	Francais	Vincent Noce	Liberation	19.10.2010	Да	1	741
173	Francais	Edouard Launet	Liberation	05.10.2010	Да	3	1227
174	Francais	Corinne Bensimon	Liberation	22.09.2010	Да	3	1148
175	Francais	Vincent Noce	Liberation	13.09.2010	Да	4	595
176	Francais	Dominique Quellé	Liberation	10.09.2010	Да	2	635
177	Francais	Vincent Noce	Liberation	04.09.2010	Да	10	2564
178	Francais	Ixchel Delaporte	Humanité	06.02.2003	Да	5	301

На данной закладке можно просмотреть:

- все тексты, введенные в программу (инструмент «все» слева)
- тексты, которые были введены пользователем в программу, но не были размечены. В этом случае тексты специально помечаются на странице «Ввод текста» (инструмент «заняться позже»);
- тексты, которые были частично обработаны, но разметка какого-либо фрагмента не была завершена. Для этого можно воспользоваться инструментом «анализ не завершен» на странице «Анализ», вход на которую осуществляется со страницы «Ввод текста»;
- тексты, в которых исследователь случайно не произвел полную или частичную разметку фрагмента или текста (инструмент «Ошибки»);
- в правом нижнем углу указан объем корпуса.

В блоке «Массив» отмечается подкорпус, с которым планирует работать исследователь.

Функция «Загрузить текст» позволяет открыть любой текст из массива. Пользователь также может получить список всех текстов в формате Excel, нажав на соответствующую кнопку.

Поисковые инструменты и их возможности описаны ниже (Поисковые системы и статистика).

На этой странице также расположена кнопка, которая активизирует проверку программой ошибок в разметке при перестроении параметрических деревьев (инструмент «Перепроверить на ошибки»).

Пользователь также может удалить текст из списка. При этом удаляются соответственно все связанные с ним фрагменты (инструмент «Удалить текст»).

На закладке «Ввод текста» осуществляется введение текста в корпус, его экстралингвистическая разметка и вход на страницу анализа.

Рис. 2. Закладка «Ввод текста»

После копирования текста на эту страницу (из документа любого текстового формата или прямо с сайта) пользователь заполняет **паспорт текста**, указывая подкорпус, в который следует его расположить, название источника, дату издания и автора. Введение этих метаданных производится

достаточно быстро, поскольку мы постарались максимально снизить трудоемкость данной процедуры.

Заполнение можно сделать несколькими способами, приемлимыми для пользователя: полностью вручную, копированием из самого текста (Ctrl+c и Ctrl+v), либо достаточно набрать первые буквы, программа сама предложит варианты заполнения (если это название или автор были уже ранее введены в программу). Дату можно заполнить либо из календаря, либо вручную, либо копированием:

Рис. 3. Выбор источника в паспорте текста Рис. 4. Выбор даты в паспорте текста

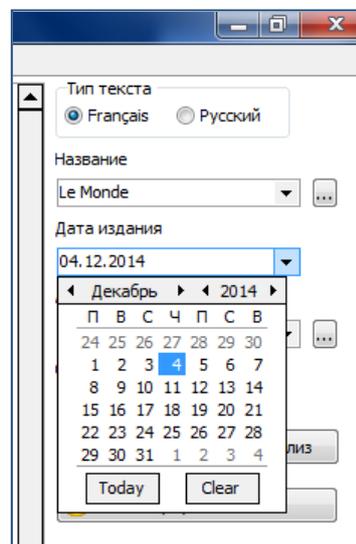
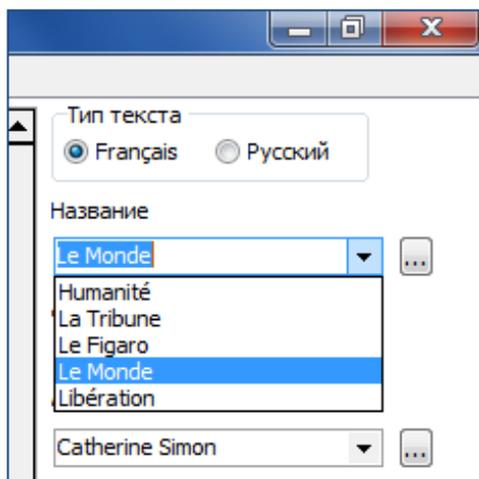
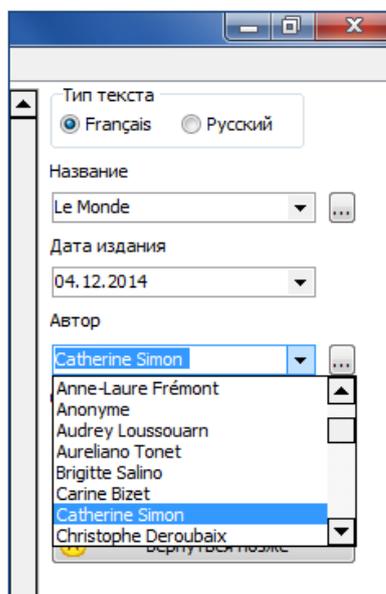
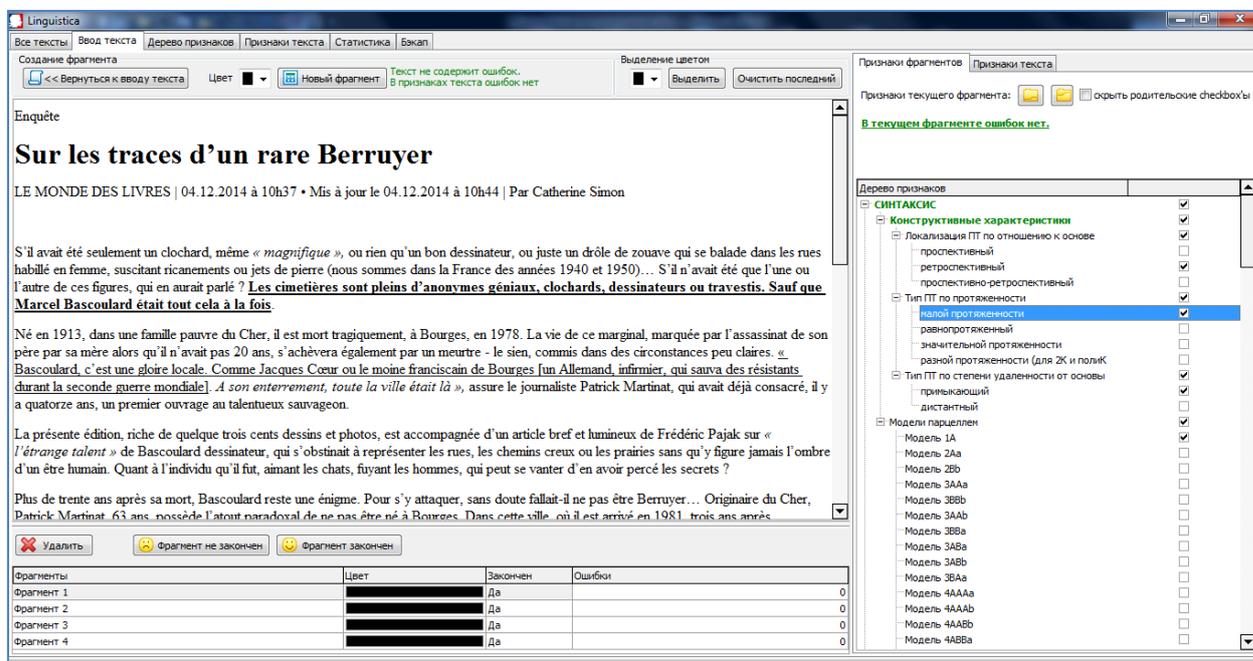

Рис.5. Выбор автора в паспорте текста

Под паспортом текста расположены инструменты «Сохранить текст», «Вернуться позже», выставляющий тэг незаконченности, и «Анализ» для перехода на страницу анализа.

Рис. 6. Страница анализа на закладке «Ввод текста»

Страница анализа состоит из трех блоков:

Блок 1 включает текст, в котором маркируются фрагменты с парцелированным конструкциями для последующей разметки (инструмент «Новый фрагмент» в верхней панели инструментов). Здесь же можно выбрать цвет текстового выделения. Для удобства пользователя есть функция сплошного выделения цветом (как в документах Word), если есть необходимость визуально маркировать какой-либо отрезок.

Блок 2, расположенный под блоком 1, содержит перечень выделенных и размеченных (колонка «Закончен») фрагментов. Программа отслеживает, завершена ли работа над фрагментом, все ли параметры заполнены. В случае, если разметка не произведена или сделана не полностью, программа уведомит об этом в правой колонке данного блока. Сигнал об ошибке

появится и в верхней панели инструментов. Сообщения зеленого цвета «Текст не содержит ошибок» и/или «В признаках текста нет ошибок» заменятся на «Текст содержит ошибки» и/или «В признаках текста есть ошибки». После корректировки разметки сообщения вернуться к прежнему виду.

Между блоками 1 и 2 есть дополнительная линейка инструментов: «Удалить» для удаления фрагмента, «Фрагмент не закончен» для тех случаев, когда работа над разметкой не закончена и «Фрагмент закончен» при ее завершении.

Границы между блоками подвижны, их можно перемещать вправо-влево (блоки 1 и 3) и вверх-вниз (блоки 1 и 2) для регулировки размеров блоков.

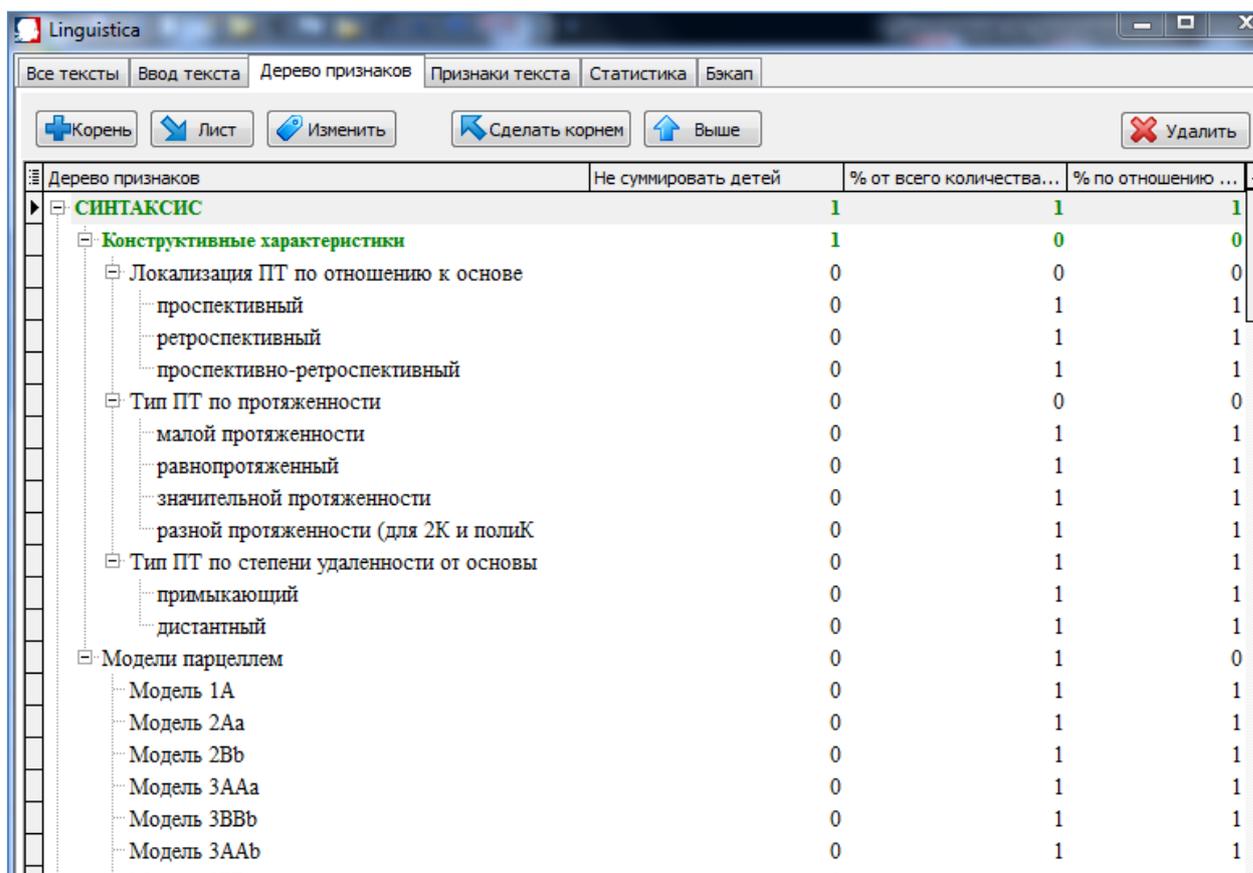
Блок 3 имеет две закладки, позволяющие работать с атрибутами (разметкой) фрагмента и текста. Именно здесь и осуществляется разметка нажатием на клетку соответствующей ветки дерева. Выделяются только ветки-дети, родительские ветки отмечаются программой автоматически.

Поскольку деревья могут содержать (при необходимости) сотни параметров, их «прокрутка» может занимать достаточное количество времени. Для его экономии и удобства работы с программой была введена функция свертывания и развертывания корней и родительских веток, которая активизируется нажатием на знак соответствующего корня или ветки-родителя.

Для возврата на страницу «Ввод текста» используется кнопка «Вернуться к вводу текста», расположенная в верхней панели инструментов слева.

Закладка «Дерево признаков» предназначена для формирования архитектуры параметрических деревьев.

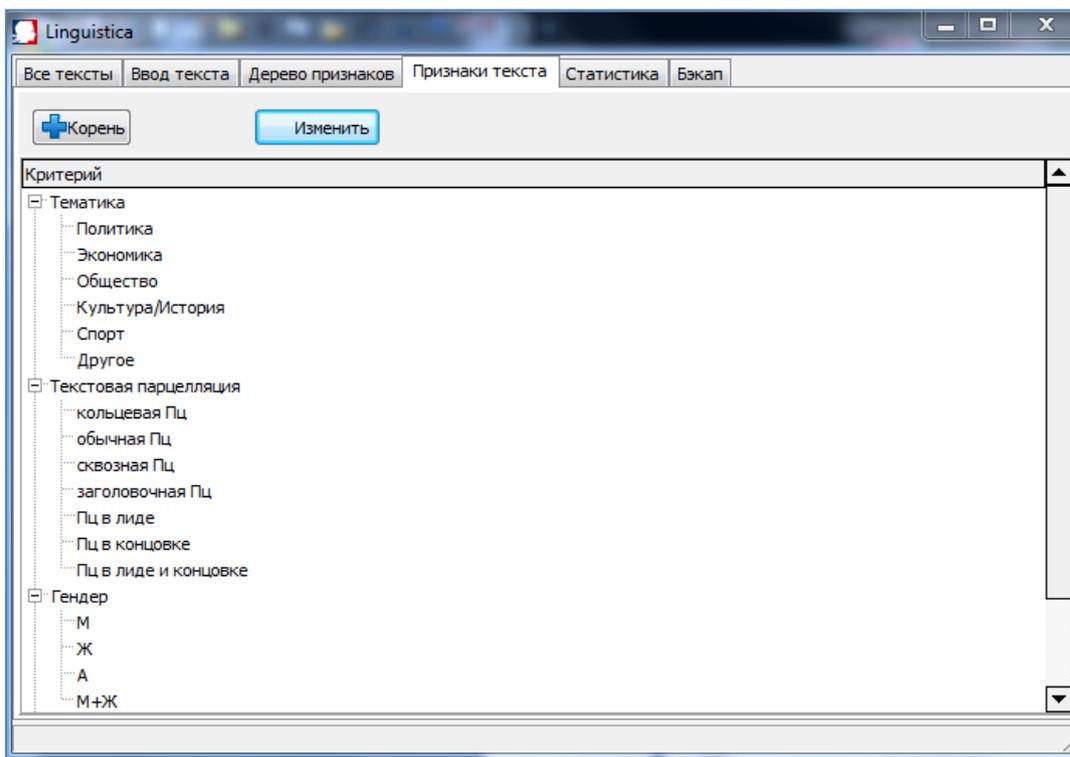
Рис. 7. Закладка «Дерево признаков»

Создать новое дерево можно нажатием на кнопку «Корень» в верхней панели инструментов. Ветки-дети создаются инструментом «Лист». Их названия корректируются при использовании функции «Изменить». Любую ветку можно сделать корнем («Сделать корнем») или изменить порядок веток при помощи «Выше». Ветки удаляются при помощи кнопки «Удалить». Также как и на странице анализа, корни и родительские ветки можно сворачивать и разворачивать. Инструменты «Раскрыть» и «Скрыть» служат для свертывания и разворачивания корней параметрического дерева. Алгоритм и принципы построения параметрических деревьев описаны в параграфе «Создание архитектуры параметрических деревьев».

Закладка «Признаки текста» содержит деревья признаков текста.

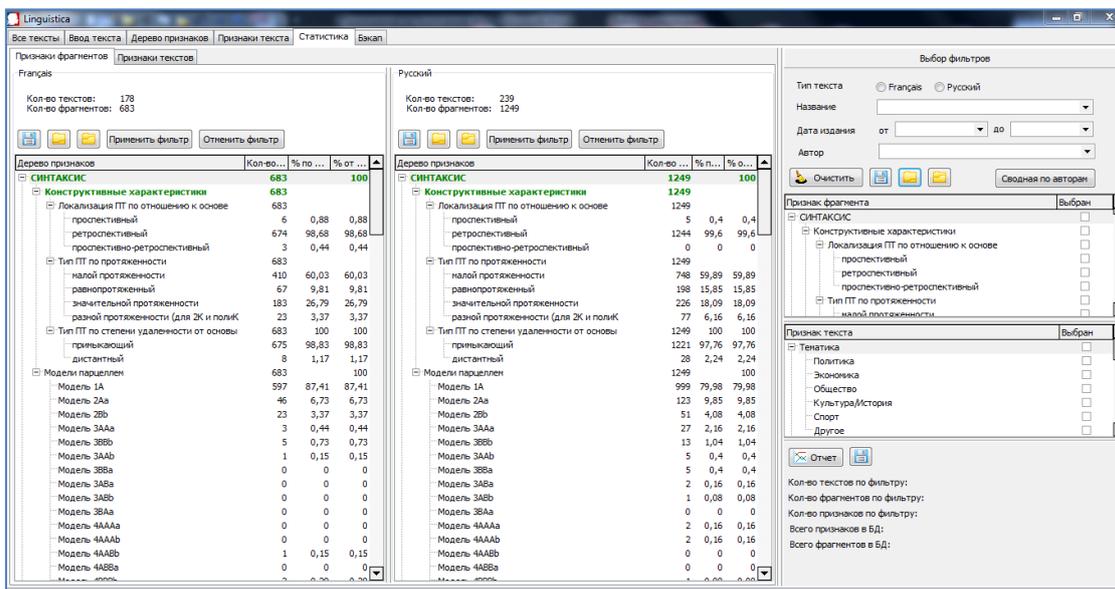
Рис. 8. Закладка «Признаки текста»

Практически тот же набор инструментов доступен и на странице, где формируются параметрические деревья для экстралингвистической и текстовой разметки: тематической, гендерной и т.д.

Закладка «Статистика» позволяет работать с полученными статистическими данными и выводить в отдельном окне запрашиваемые с учетом фильтров конкордансы.

Рис. 9. Закладка «Статистика»

Закладка разделена на три блока.

Блок 1 и Блок 2 содержат статистические данные по двум созданным подкорпусам на двух закладках: признаки фрагмента и признаки текста. Первая колонка представляет данные по абсолютному количеству, вторая – по относительному количеству ко всему материалу (в процентах), третья – по относительному количеству по отношению к родительской группе (в процентах). Поскольку корпус является сопоставительным, задача программы заключается не только в том, чтобы обчислить получаемые данные, но и представить их в удобном для исследователя виде. Таким образом пользователь имеет доступ к этой информации одновременно, что позволяет ему быстро в ней ориентироваться и проводить сопоставление.

В верхней панели размещена информация о количестве текстов, введенных в программу по каждому подкорпусу, и о количестве выделенных для разметки фрагментов. Нижняя часть панели включает инструменты «Сохранить» для сохранения данных в формате Excel, «Раскрыть» и «Скрыть» для разворачивания и сворачивания веток от корней и до корней соответственно, что обеспечивает удобство при просмотре, а также инструменты для работы с фильтрами (их функционал описан в Блоке 3).

Блок 3 «Выбор фильтров» предназначен для создания конкордансов и получения отфильтрованной статистики.

Рис. 10. Блок 3 «Выбор фильтров» на закладке «Статистика»

Признак фрагмента	Выбран
СИНТАКСИС	☐
Конструктивные характеристики	☐
Локализация ПТ по отношению к основе	☐
проспективный	☐
ретроспективный	☐
проспективно-ретроспективный	☐
Тип ПТ по протяженности	☐
малой протяженности	☐

Признак текста	Выбран
Пц в лиде и концовке	☐
Гендер	☐
М	☐
Ж	☐
А	☐
М+Ж	☐
Позиция продуцента в дискурсе	☐

Кол-во текстов по фильтру:	38
Кол-во фрагментов по фильтру:	127
Кол-во признаков по фильтру:	0
Всего признаков в БД:	175
Всего фрагментов в БД:	1932

Данный блок разделен на 4 панели:

Панель 1 «Паспорт текста». Для поискового запроса или фильтрации в данной панели можно выбрать языковой корпус («Тип текста»), источник фрагмента («Название»), дата публикации («Дата издания») и автора.

Панель 2 «Признак фрагмента». Здесь можно оформить поисковый запрос по любому параметру, введенному исследователем в программу.

Панель 3 «Признаки текста». Здесь выделяются признаки текста, введенные в программу.

Панель 4 «Общая информация и отчеты» содержит информацию по корпусу, по фильтру и обеспечивает доступ к сформированному конкордансу.

Для создания конкорданса по паспортной метаразметке можно воспользоваться верхней панелью (Панель 1). Подкорпус указывается в обязательном порядке. Для этого в верхней и/или центральной части блока выделяются интересующие исследователя параметры и активизируется функция «Отчет» в нижней панели. Программа отфильтрует нужные фрагменты и предоставит количественные данные: количество фрагментов и текстов. Нажатием на число в строке «Количество примеров по фильтру» пользователь получает доступ к конкордансу (подробнее в Поисковая система и статистика).

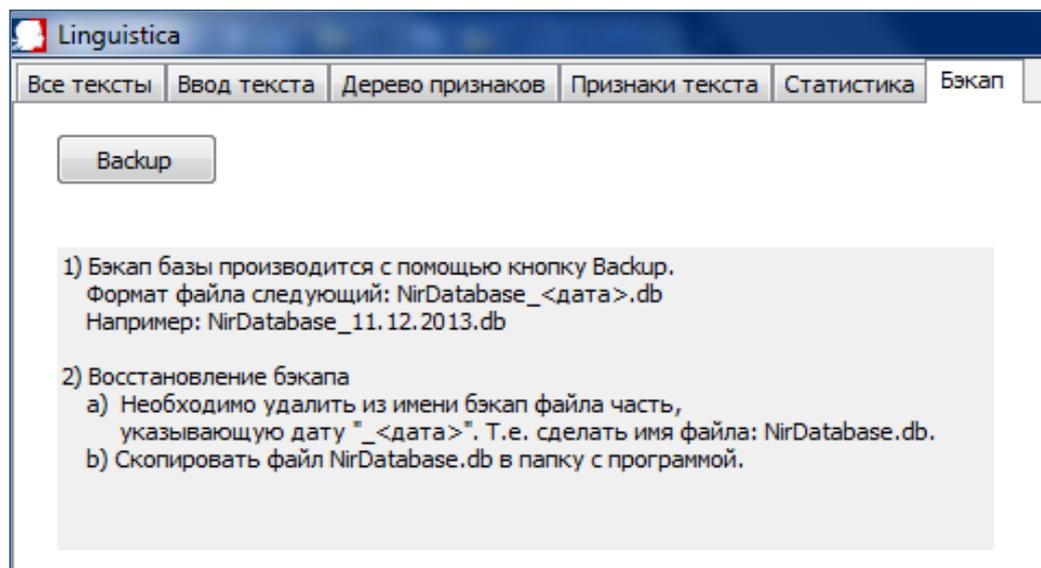
Межпанельная строка (между панелями 1 и 2) содержит такие инструменты как «Очистить» для обнуления предыдущих условий, «Сохранить» , «Раскрыть» , «Скрыть» и «Сводная по авторам». Последний инструмент позволяет автоматически составить список авторов, использующих парцелляцию, с указанием их гендерной принадлежности, показателем плотности, количества текстов и обработанных фрагментов в них, а также среднетекстового показателя парцелляции. Список сохраняется в формате Excel.

Вертикальные границы между блоками регулируются по усмотрению пользователя.

Закладка «Бэкап» предназначена для сохранения текущего состояния системы. Рекомендации программиста прописаны на странице. Если возникает необходимость вернуться к предыдущим состояниям (например, до неудачно произведенных изменений в параметрическом дереве),

достаточно удалить последний файл (или файлы) до файла интересующей даты.

Рис. 11. Закладка «Бэкап»

Создание архитектуры параметрических деревьев

Создание параметрического дерева отражает представление об иерархической системе признаков, где нулевая вершина (корень дерева и ветка-родитель) является фиктивным признаком, не требующим специальной разметки, она осуществляется, как уже было сказано, автоматически при разметке ветки-ребенка. Все ветки дерева могут одновременно выступать в качестве дочерних признаков и вершины новой родительской ветки признаков. Разветвленность дерева, количество нулевых вершин и веток-детей программой не ограничивается и выстраивается исследователем самостоятельно в соответствии с получаемыми результатами анализа речевого объекта¹¹³.

Строительство иерархического параметрического дерева имеет итеративный характер. На начальном этапе составляется схема дерева по уже известным исследователю признакам. Затем, по мере добавления в корпус нового тестового материала и непрерывного анализа данных, дерево

¹¹³ В известных нам корпусах, в т.ч. и НКРЯ, такой возможности нет. Конкорданс можно сформировать только по предложенным в интерфейсе признакам.

разрастается новыми ветками, результаты предыдущих этапов работы корректируются: при необходимости производится замена веток, их удаление, перенос в другие вершины дерева. Последние операции требуют проверки корректности переноса данных, что осуществляется посредством функции «Перепроверка на ошибки» на закладке «Все тексты». Если при переносе какие-либо данные были утеряны, программа выведет на экран список текстов, содержащих ошибки. При открытии текста в нижнем поле окна, содержащем список всех выделенных фрагментов текста, программа называет ветки, требующие новой разметки.

Введение каждой новой «порции» текстов, проставление разметки, работа по коррекции параметрического дерева и проверка для устранения возможных ошибок каждый раз представляет собой, таким образом, новую итерацию, которая позволяет совершенствовать архитектуру деревьев, повышать эффективность работы программного обеспечения и точность получаемых результатов. Описанный процесс представляет собой серию циклов (итерация 1, итерация 2, итерация 3 и т.д.), повторяемых до тех пор, пока исследователь не создаст удовлетворяющую его по высоте и содержанию архитектуру параметрического дерева.

Схема 27. Структура итерации при построении параметрического дерева

Итеративный подход в построении параметрических деревьев имеет ряд преимуществ:

- ***Гибкость в адаптации архитектуры дерева*** к обновляющейся в процессе исследования схеме анализа текстов и их фрагментов.
- ***Своевременная корректировка дерева***, интеграция новых корней и веток-детей, уточнение их перечня. Это очень важное достоинство, т.к. оставление корректировки на потом влечет большие затраты времени, поскольку потребуются обработка более крупного массива текстовых данных. Чтобы этого избежать, исследователь разбивает работу на небольшие итерации, каждая из которых заканчивается коррекцией архитектуры деревьев и качественной проверкой результатов, что сводит к минимуму дальнейшую переработку.
- ***Обнаружение ошибок*** позволяет свести их к нулю при каждом новом тестировании.
- ***Возможность полной или частичной перестройки дерева*** в любой итерации. Однако эти действия желательно осуществлять на начальных этапах работы, когда объем размеченных в корпусе фрагментов не превышает несколько сотен, тысячу или максимум несколько тысяч единиц.

Поисковая система и статистика сопоставительного корпуса

Программа снабжена специальной системой управления текстовыми и лингвистическими данными (корпус-менеджером), предназначенной для поиска данных в корпусе и получения статистики.

Программа позволяет запускать поисковый запрос двух типов: один из них осуществляется на странице, представляющей корпус, второй - на странице статистики. Функции этих поисковых запросов разные.

1) Поиск точной словоформы в текстах корпуса можно вести на странице «Все тексты». Расширить поиск, включив в него формы слова, можно при помощи символа *, который следует разместить после запрашиваемого слова. Эта функция позволяет системе отыскивать слова,

которые соответствуют поступившему запросу, с еще одним буквенным символом после заданной словоформы. Полезной возможностью является учет при поиске знаков препинания (искать слово до или после запятой, точки и других знаков препинания), а также учитывать регистр (заглавные или строчные буквы).

Рис. 12. Осуществление поиска на закладке «Все тексты»

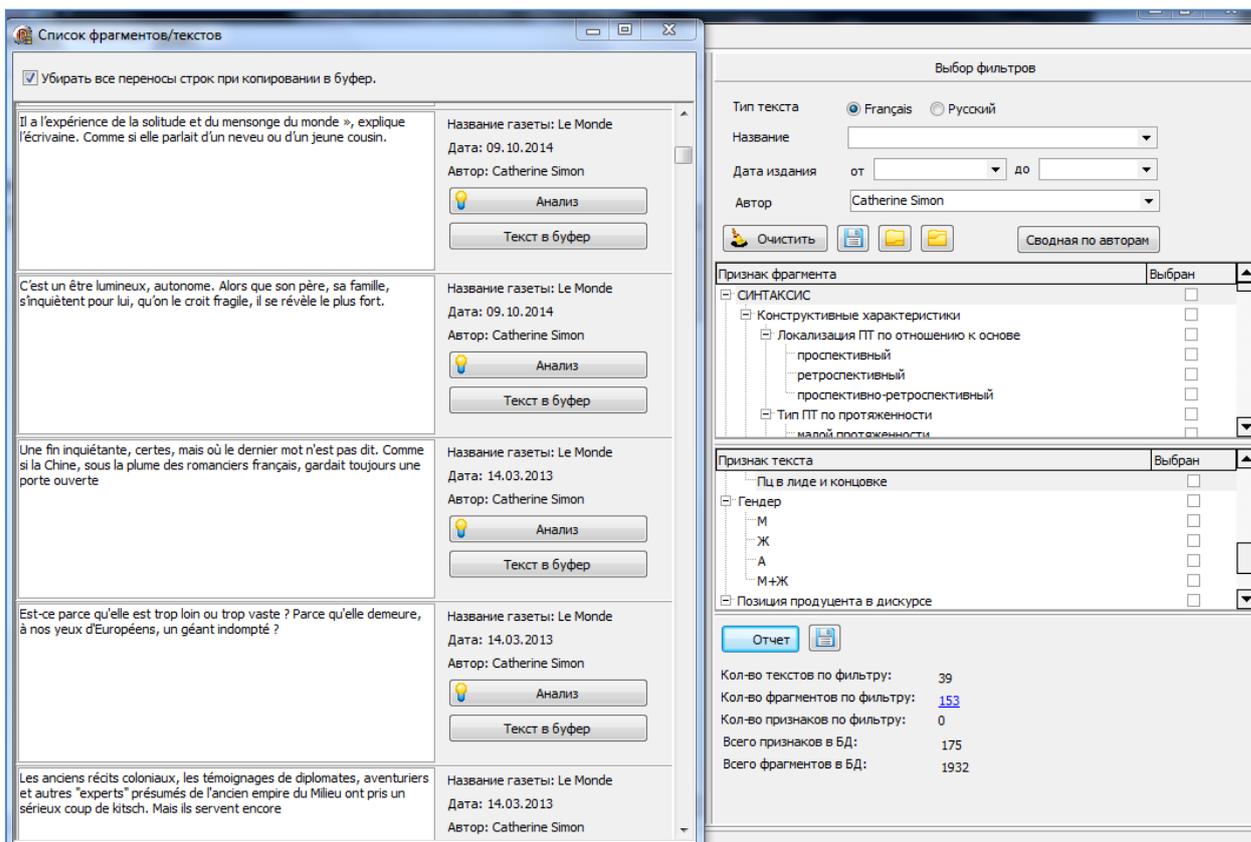
ID	Тип текста (FR,РУ)	Автор	Название газеты	Дата	Обработано	Кол-во фрагментов	Слов
1	Русский	Елизавета Кузнецова	Коммерсантъ	24.12.2012	Да	3	687
2	Русский	Кира Летушина	Российская газета	04.02.2013	Да	4	726
3	Русский	Владислав Воробьев	Российская газета	24.03.2014	Да	3	1121
4	Русский	Александр Габуев	Коммерсантъ	24.03.2014	Да	1	2146
5	Русский	Андрей Колесников	Коммерсантъ	25.02.2014	Да	9	1880
6	Русский	Кирилл Белячиков	Коммерсантъ	24.03.2014	Да	1	473
7	Русский	Федор Лукьянов	Коммерсантъ	24.03.2014	Да	5	1597
8	Русский	Елена Черненко	Коммерсантъ	23.03.2014	Да	5	914
9	Русский	Елена Егорова	Московский комсомолец	24.02.2014	Да	7	795
10	Русский	Ирина Григорьева	Московский комсомолец	19.09.2013	Да	2	522
11	Русский	Юрий Карчагин	Московский комсомолец	28.08.2013	Да	12	1626
12	Русский	Елена Егорова	Московский комсомолец	25.02.2014	Да	3	782
13	Русский	Марина Озерова	Московский комсомолец	13.07.2013	Да	4	336
14	Русский	Станислав Белковский	Московский комсомолец	10.06.2013	Да	8	602
15	Русский	Александр Кулибанов	Московский комсомолец	06.06.2013	Да	3	85
16	Русский	Юлия Калинина	Московский комсомолец	08.06.2013	Да	6	395
17	Русский	Сергей Егоров	Московский комсомолец	07.06.2013	Да	2	357
18	Русский	Лев Поничарев	Московский комсомолец	08.06.2013	Да	9	1146
19	Русский	Василий Колпаков	АиФ	10.04.2013	Да	3	266
20	Русский	Ирина Саттарова	АиФ	11.05.2013	Да	4	517
21	Русский	Вячеслав Костиков	АиФ	08.05.2013	Да	4	809
22	Русский	Танюся Бекбулатова	Коммерсантъ	11.01.2013	Да	3	622
23	Русский	Юрий Барсуков	Коммерсантъ	21.02.2013	Да	2	528
24	Русский	Елена Кольчева	Коммерсантъ	21.02.2013	Да	1	602
25	Русский	Ольга Мордющенко	Коммерсантъ	11.03.2013	Да	6	806
26	Русский	Ирина Нагорных	Коммерсантъ	13.03.2013	Да	1	711
27	Русский	Максим Иванов	Коммерсантъ	15.03.2013	Да	2	523
28	Русский	Максим Головановский	АиФ	08.05.2014	Да	12	867
							41754

2) Поиск по заданным параметрам также может осуществляться на странице статистики для получения конкорданса - списка выделенных фрагментов с парцеллированными конструкциями.

Наличие подобной функции позволяет значительно детализировать поиск в текстовой базе данных и, более того, предоставляет средства идентификации соответствующего документа - примеры выводятся на экран в отдельном окне выдачи (на рисунке слева) с метаданными: указанием на источник, автора и даты публикации.

Например, задаем поиск фрагментов с парцелляцией по автору Catherine Simon (справа). Программа генерирует список фрагментов и представляет их в отдельном окне (слева).

Рис. 13. Осуществление поискового запроса на закладке «Статистика»

Благодаря этой функции исследователь имеет возможность:

- просматривать отфильтрованные фрагменты, а также
- перейти в текст-источник, увидеть контекст употребления объекта исследования, при необходимости продолжить работу с этим текстом и фрагментами, корректировать проведенную разметку (кнопка «Анализ»). При этом можно свернуть окно выдачи (как в редакторе Word) и вернуться к работе с ним в любое время;
- копировать в буфер выбранный фрагмент с метаданными для последующей вставки в текст формата Word (кнопка «Текст в буфер»).

Приложение 2. СВИДЕТЕЛЬСТВО О ГОСУДАРСТВЕННОЙ
РЕГИСТРАЦИИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о государственной регистрации программы для ЭВМ

№ 2014660349

Linguistica

Правообладатель: *Богоявленская Юлия Валерьевна (RU)*

Автор: *Александров Степан Александрович (RU)*

Заявка № 2014616606

Дата поступления 07 июля 2014 г.

Дата государственной регистрации

в Реестре программ для ЭВМ 06 октября 2014 г.

Врио руководителя Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Л.Л. Курий

РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО ОБСЧЕТА ФРАНЦУЗСКОГО
КОРПУСА

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ДЕРЕВЬЯ		Кол-во фрагм ентов (парце ллем)	% по отнош ению к родите льской ветке	% от общег о колич ества
-	СИНТАКСИС	914		100
-	Конструктивные характеристики	914		
-	Локализация ПТ по отношению к основе	914		
	ретроспективный	904	98,91	98,91
	проспективный	7	0,77	0,77
	проспективно-ретроспективный	3	0,33	0,33
-	Тип ПТ по протяженности	914		
	малой протяженности	568	62,14	62,14
	значительной протяженности	230	25,16	25,16
	равнопротяженный	82	8,97	8,97
	разной протяженности (для 2К и полиК	34	3,72	3,72
-	Тип ПТ по степени удаленности от основы	914	100	100
	примыкающий	900	98,47	98,47
	дистантный	14	1,53	1,53
-	Модели парцеллем	914		100
	Модель 1А	791	86,54	86,54
	Модель 2Аа	55	6,02	6,02
	Модель 2Вb	37	4,05	4,05
	Модель 3ААа	6	0,66	0,66
	Модель 3ВВb	8	0,88	0,88
	Модель 3ВВа	1	0,11	0,11
	Модель 3АВb	3	0,33	0,33
	Модель 3ВАа	0	0	0
	Модель 4АААа	0	0	0
	Модель 4АААb	0	0	0
	Модель 4ААВb	1	0,11	0,11
	Модель 4АВВа	0	0	0
	Модель 4АВВb	1	0,11	0,11
	Модель 4ВВВb	5	0,55	0,55
	Модель 4ВВАа	0	0	0
	Модель 4ВВВа	1	0,11	0,11
	Модель 4ВВАb	0	0	0
	Модель 5ААААа	0	0	0
	Модель 5АААВb	1	0,11	0,11
	Модель 5ААВВа	0	0	0
	Модель 5ААВВb	0	0	0
	Модель 5АВВВа	0	0	0
	Модель 5ВВВВb	1	0,11	0,11
	Модель 5ВВВаВb	0	0	0
	Модель 5ВВВАа	0	0	0
	Модель 5ВВАВа	0	0	0

		Модель 6AAAAAa	0	0	0
		Модель 6AABAAb	0	0	0
		Модель 6AABVAa	1	0,11	0,11
		Модель 6ABVAVb	0	0	0
		Модель 6VVVVVb	0	0	0
		Модель 6VVVVVa	1	0,11	0,11
		Модель 6VVVAVa	0	0	0
		Модель 6VVVAVb	0	0	0
		Модель 6VVVVAa	0	0	0
		Модель 7VVVVVVb	1	0,11	0,11
-		СЕМАНТИКА	914	100	100
-		Парцеллятная пунктуационная сетка	914	100	100
	-	Единая парцеллятная сетка (ЕПС)	831	90,92	90,92
		ЕПС с точками	818	98,44	89,5
		ЕПС с вопросительными знаками	13	1,56	1,42
		ЕПС с восклицательными знаками	0	0	0
		ЕПС с многоточиями	0	0	0
	-	Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)	83	9,08	9,08
		КПС точка + восклицательный знак	9	10,84	0,98
		КПС точка + вопросительный знак	11	13,25	1,2
		КПС точка + многоточие	28	33,73	3,06
		КПС восклицательный знак + точка	7	8,43	0,77
		КПС вопросительный знак + точка	0	0	0
		КПС многоточие + точка	21	25,3	2,3
		КПС разные знаки	7	8,43	0,77
-		Семантика парцеллятных отношений	914	100	100
	-	Асимметрические парцелляты	203	22,21	22,21
		объектные	14	6,9	1,53
		изъяснительно-объектные	1	0,5	0,11
		атрибутивные	18	8,87	1,97
		темпоральные	33	16,26	3,61
		пространственные	7	3,45	0,77
		каузальные	36	17,73	3,94
		следственные	9	4,43	0,98
		целевые	15	7,39	1,64
		условные	12	5,41	1,31
		уступительные	2	0,99	0,22
		характеризующие действие	29	14,29	3,17
		характеризующие меру, степень, др.	5	2,46	0,55
		компаративные	16	7,88	1,75
		указывающие на источник информации	0	0	0
		дискурсивное слово	0	0	0
		разнородные (для 2К и полиК парцеллем)	7	3,45	0,77
	-	Симметрические парцелляты	674	73,74	73,74
	-	Семантика Пт	674	100	73,74
		субъектные	30	4,45	3,28
		объектные	107	15,88	11,71
		изъяснит-объектные в составе ряда (СПП)	11	1,63	1,2
		атрибутивные	16	2,37	1,75
		присубстантивно-атрибутивные (СПП)	24	3,56	2,63
		присубстантивно-атрибутивные в составе	5	0,74	0,55
		предикативно-атрибутивные	28	4,15	3,06
		предикативные (моносуб+инф в сл	57	8,46	6,24
		темпоральные	7	1,04	0,77
		пространственные	14	2,08	1,53

		каузальные	2	0,3	0,22
		следственные	0	0	0
		целевые	6	0,89	0,66
		условные	0	0	0
		уступительные	0	0	0
		характеризующие действие	6	0,89	0,66
		характеризующие меру, степень	3	0,45	0,33
		компаративные	7	1,04	0,77
		прикомпаративно-объектные (СПП)	0	0	0
		прикомпаративно-объектные в составе ряда	0	0	0
		координационно-пояснительные (мест-соот)	0	0	0
		координационно-пояснительные в составе	0	0	0
		подчинительно-присоединительные (СПП)	26	3,86	2,84
		рестриктивные (СПП <i>sauf que</i>)	5	0,74	0,55
		координативные (ССП)	283	41,99	30,96
		разнородные (для 2К и полиК парцеллем)	36	5,34	3,94
		Разнородные А+С (для 2К и полиК парцеллем)	37	4,05	4,05
		- ПРАГМАТИКА	914		100
		- Текстовая позиция	914	100	100
		- Интротекстовые позиции	780	85,34	85,34
		начальноабзацная	172	22,05	18,82
		внутриабзацная	334	42,82	36,54
		финальноабзацная	191	24,49	20,9
		полноабзацная	35	4,49	3,83
		разноабзацная	0	0	0
		межабзацная	35	4,49	3,83
		через подзаголовок	13	1,67	1,42
		- Сильные позиции	134	14,66	14,66
		заголовок	0	0	0
		лид	62	46,27	6,78
		концовка	72	53,73	7,88
		- Конвергентная парцеллятная зона	914	100	100
		метафора	86	9,41	9,41
		метонимия	5	0,55	0,55
		сравнение	5	0,55	0,55
		гипербола	5	0,55	0,55
		литота	0	0	0
		антитеза	14	1,53	1,53
		синт.параллелизм	41	4,49	4,49
		хиазм	2	0,22	0,22
		прецедентный феномен	204	22,32	22,32
		перифраз	3	0,33	0,33
		градация	2	0,22	0,22
		ирония	0	0	0
		зевгма	0	0	0
		парантеза	0	0	0
		повтор	23	2,52	2,52
		эпитет	15	1,64	1,64
		графон	0	0	0
		фонетические фигуры	0	0	0
		другое	23	2,52	2,52
		несколько средств	68	7,44	7,44
		нерелевантный признак	418	45,73	45,73

Типы текстовой парцелляции	Французский корпус, %
Пц в тексте	84,47
Пц в заголовке	0
Пц в лиде	5,46
Пц в концовке	8,39
Пц в лиде и концовке, включая кольцо	1,78
Сквозная Пц	0

РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОГО ОБСЧЕТА РУССКОГО
КОРПУСА

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ДЕРЕВЬЯ		Кол-во фрагм ентов (парце ллем)	% по отнош ению к родите льской ветке	% от общег о числе ства
-	СИНТАКСИС	1253		100
-	Конструктивные характеристики	1253		
-	Локализация ПТ по отношению к основе	1253		
	ретроспективный	1248	99,6	99,6
	перспективный	4	0,32	0,32
	перспективно-ретроспективный	1	0,08	0,08
-	Тип ПТ по протяженности	1253		
	малой протяженности	750	59,86	59,86
	значительной протяженности	226	18,04	18,04
	равнопротяженный	199	15,88	15,88
	разной протяженности (для 2К и полиК	78	6,23	6,23
-	Тип ПТ по степени удаленности от основы	1253	100	100
	примыкающий	1225	97,77	97,77
	дистантный	28	2,23	2,23
-	Модели парцеллем	1253		100
	Модель 1А	1002	79,97	79,97
	Модель 2Аа	124	9,9	9,9
	Модель 2Вb	51	4,07	4,07
	Модель 3ААа	28	2,23	2,23
	Модель 3ВВb	12	0,96	0,96
	Модель 3ВВа	6	0,48	0,48
	Модель 3АВb	6	0,48	0,48
	Модель 3ВАа	0	0	0
	Модель 4АААа	5	0,4	0,4
	Модель 4АААb	0	0	0
	Модель 4ААВb	1	0,08	0,08
	Модель 4АВВа	0	0	0
	Модель 4АВВb	0	0	0
	Модель 4ВВВb	1	0,08	0,08
	Модель 4ВВАа	0	0	0
	Модель 4ВВВа	3	0,24	0,24
	Модель 4ВВАb	1	0,08	0,08
	Модель 5ААААа	2	0,16	0,16
	Модель 5АААВb	0	0	0
	Модель 5ААВВа	1	0,08	0,08
	Модель 5ААВВb	2	0,16	0,16
	Модель 5АВВВа	0	0	0
	Модель 5ВВВВb	2	0,16	0,16
	Модель 5ВВВаВb	1	0,08	0,08
	Модель 5ВВВАа	1	0,08	0,08
	Модель 5ВВАВа	1	0,08	0,08
	Модель 6АААААа	1	0,08	0,08

		Модель 6ААВААb	0	0	0
		Модель 6ААВВАа	0	0	0
		Модель 6АВВАВb	1	0,08	0,08
		Модель 6ВВВВb	0	0	0
		Модель 6ВВВВa	0	0	0
		Модель 6ВВВАa	0	0	0
		Модель 6ВВВАВb	1	0,08	0,08
		Модель 6ВВВВАa	0	0	0
		Модель 7ВВВВb	0	0	0
		- СЕМАНТИКА	1253	100	100
		- Парцеллятная пунктуационная сетка	1253	100	100
		- Единая парцеллятная сетка (ЕПС)	1097	87,55	87,55
		ЕПС с точками	1059	96,54	84,52
		ЕПС с вопросительными знаками	18	1,64	1,44
		ЕПС с восклицательными знаками	17	1,55	1,36
		ЕПС с многоточиями	3	0,27	0,24
		- Комбинированная парцеллятная сетка (КПС)	156	12,45	12,45
		КПС точка + восклицательный знак	37	23,72	2,95
		КПС точка + вопросительный знак	19	12,18	1,52
		КПС точка + многоточие	31	19,87	2,47
		КПС восклицательный знак + точка	25	16,03	2
		КПС вопросительный знак + точка	12	7,69	0,96
		КПС многоточие + точка	18	11,54	1,44
		КПС разные знаки	14	8,97	1,12
		- Семантика парцеллятных отношений	1253	100	100
		- Асимметрические парцелляты	179	14,29	14,29
		объектные	7	3,91	0,56
		изъяснительно-объектные	0	0	0
		атрибутивные	22	12,29	1,76
		предикативные	2	1,12	0,16
		темпоральные	10	5,59	0,8
		пространственные	6	3,35	0,48
		каузальные	39	21,79	3,11
		следственные	11	6,15	0,88
		целевые	18	10,06	1,44
		условные	10	5,59	0,8
		уступительные	27	15,08	2,15
		характеризующие действие	11	6,15	0,88
		характеризующие меру, степень, др.	1	0,56	0,08
		компаративные	7	3,91	0,56
		указывающие на источник информации	3	1,68	0,24
		дискурсивное слово	3	1,68	0,24
		разнородные (для 2К и полиК парцеллем)	2	1,12	0,16
		- Симметрические парцелляты	989	78,93	78,93
		субъектные	36	3,64	2,87
		объектные	49	4,95	3,91
		изъяснит-объектные в составе ряда (СПП)	8	0,81	0,64
		атрибутивные	38	3,84	3,03
		присубстантивно-атрибутивные (СПП)	11	1,11	0,88
		присубстантивно-атрибутивные в составе ряда (СПП)	1	0,1	0,08
		предикативно-атрибутивные	26	2,63	2,08

		(моносуб+предикат-характер)			
		предикативные (моносуб+инф в сл сказ+дееприч)	174	17,59	13,89
		темпоральные	5	0,51	0,4
		пространственные	7	0,71	0,56
		каузальные	3	0,3	0,24
		следственные	0	0	0
		целевые	2	0,2	0,16
		условные	0	0	0
		уступительные	0	0	0
		характеризующие действие	7	0,71	0,56
		характеризующие меру, степень	2	0,2	0,16
		компаративные	2	0,2	0,16
		прикомпаративно-объектные (СПП)	0	0	0
		прикомпаративно-объектные в составе ряда (СПП)	0	0	0
		координационно-пояснительные (мест-соот СПП)	0	0	0
		координационно-пояснительные в составе ряда (СПП)	1	0,1	0,08
		подчинительно-присоединительные (СПП)	8	0,81	0,64
		рестриктивные (СПП sauf que)	0	0	0
		координативные (ССП)	517	52,28	41,26
		разнородные (для 2К и полиК парцеллем)	91	9,2	7,26
		Разнородные А+С (для 2К и полиК парцеллем)	85	6,78	6,78
-		ПРАГМАТИКА	1253		100
	-	Текстовая позиция	1253	100	100
	-	Интротекстовые позиции	1068	85,24	85,24
		начальноабзацная	196	18,35	15,64
		внутриабзацная	397	37,17	31,68
		финальноабзацная	298	27,9	23,78
		полноабзацная	131	12,27	10,45
		разноабзацная	3	0,28	0,24
		межабзацная	42	4,02	3,43
		через подзаголовки	0	0	0
	-	Сильные позиции	185	14,76	14,76
		заголовки	70	37,84	5,59
		лид	46	24,86	3,67
		концовка	69	37,3	5,51
-		Конвергентная парцеллятная зона	1253	100	100
		метафора	136	10,85	10,85
		метонимия	5	0,4	0,4
		сравнение	8	0,64	0,64
		гипербола	4	0,32	0,32
		литота	1	0,08	0,08
		антитеза	12	0,96	0,96
		синт.параллелизм	13	1,04	1,04
		хиазм	6	0,48	0,48
		прецедентный феномен	210	16,76	16,76
		перифраз	4	0,32	0,32

		градация	7	0,56	0,56
		ирония	17	1,36	1,36
		зевгма	4	0,32	0,32
		парантеза	1	0,08	0,08
		повтор	60	4,79	4,79
		эпитет	4	0,32	0,32
		графон	2	0,16	0,16
		фонетические фигуры	3	0,24	0,24
		другое	76	6,07	6,07
		несколько средств	58	4,63	4,63
		нерелевантный признак	622	49,64	49,64

Типы текстовой парцелляции	Русский корпус, %
Пц в тексте	81,5
Пц в заголовке	7,8
Пц в лиде	3,85
Пц в концовке	4,5
Пц в лиде и концовке, включая кольцо	1,44
Сквозная Пц	0,1

Боль Родины-матери. Женщина, чей образ знает вся страна, доживает свой век в одиночестве

Статья из газеты: Еженедельник "Аргументы и Факты" № 17 24/04/2013

Все материалы сюжета День Победы-2013

О 79-летней Анастасии Антоновне Пешковой нужно рассказывать только высоким штилем. Иначе останется только сухая биография...

Она встречает меня без портков. Верх в «горошек» одели, низ - нет. В руках толстая лупа и «шпаргалка»: Родина-мать поставленным голосом зачитывает истлевшие сводки Информбюро с военных полей - учительница! - думая, что я буду спрашивать о войне. А я спрашиваю о детстве. Дедушка партизанил, бил Колчака. Отец погиб на Великой Отечественной.

Мать одна подняла шестерых детей.

- Что здесь было в те годы! Весь Алтай - бараки, зоны, глушь! Но я хорошо училась, и меня отправили в «Артек» - это было как полёт в космос. Там у меня открылись глаза на нашу прекрасную огромную страну.

Так она стала мечтать о Москве, и мечта её сбылась. Московский пединститут, после него подрабатывала в Худфонде старшей учётчицей, «поддерживала связь со скульпторами и художниками». «Богема!» - вставляет Татьяна, жена племянника Анастасии Антоновны. У них в светлой голубой комнате, в которой есть лишь кровать, последние годы и живёт Родина-мать. «Ни телевизора, ни телефона, ни почты!» Доживает...

«...и я обнажилась»

Такой она была в свои 28, когда позировала Вучетичу. Фото из личного архива А.Пешковой

- Однажды моя карточка попала в альбом, который стал как-то просматривать сам Вучетич. «Откуда у вас эта девица? Пришлите её ко мне!» - сказал. Я пришла. Крутил-вертел: «Будешь позировать мне». И два года я у него работала, начиная с 1962-го. Как работала? Да что, руки-ноги поднять, голову повернуть - нехитрое дело... Позировала я в купальнике, а когда поняла, что он смотрит на меня как художник, а не как мужчина, и обнажилась... Меня даже дважды приглашали на семейные обеды - жил Вучетич в комнатах над мастерской.

Настя Пешкова, 28-летняя, видела, что скульптор ваяет женскую фигуру, - но для чего, он не разглашал...

- То Вучетич просил меня в руки флаг взять, то я держала длиннющую линейку... Как же я вытаращила глаза, когда открывали в Волгограде монумент «Родина-мать зовёт!». «Так вот я куда попала!» - подумала.

После этой работы она ушла в педагогику, 3 года преподавала русский язык в Улан-Баторе, а когда вернулась в Москву и хотела повидаться со скульптором, поблагодарить, он уже умер. В Волгограде, на Мамаевом кургане, она, кстати, так никогда и не побывала...

«Я буду держать эту священную ношу!»

Она скромная, наша Родина-мать.

- Я со своей стороны на много десятилетий предала забвению эту историю - потому как что значит моя заслуга по сравнению с тем, что вложила вся страна в разгром фашизма!

Бездетная...

- У меня были поклонники, увлечения, предложения. В Монголии был венгр, в Москве поляк. Но я была слишком увлечена работой...

- Любила сама себя, - бросает Татьяна.

Не красавица, Родина-мать.

- Глаза у меня небольшие, волосы на троечку...

Одинокая...

- Были, конечно, оплошности и упущения. Я могла бы быть более снисходительной к тем мужчинам, которые были ко мне пристрастны и готовы изменить свою жизнь... Поляк, Ласло Терек, был женат... Писал письма до востребования, но я их так и оставила на Главпочтамте...

Поэтичная... Пишет стихи в клетчатую тетрадку, лёжа целыми днями (перелом шейки бедра), про «красивые глаза у кошек». Анастасия Сибирская - её псевдоним.

И потрясает раздирающей прозой: «Слушайте-слушайте-слушайте! Я - Родина-мать - дни и ночи храню память о тех, кто своим горячим сердцем возвысился над страхом смерти. Кто вопреки силе вероломства, жестокости и разрушения поднял этот тяжёлый Меч Мужества к чистому небу Мира и Щит безграничной Веры в светлые человеческие идеалы. Знойным летом, в зимнюю стужу, в град и ливень я буду держать эту священную ношу, пока мир не перестанет вздрагивать от слова «война».

Её «сгрызают боли», ночами почти не спит, Родина-мать. Красный Крест подарил инвалидную коляску - но в неё даже не получается сесть...

Мне осталось спросить немного.

- Сталин? Когда умер, мне было грустно.

Бог? Я почти верую. Нельзя сказать, что сомневаюсь. Я верую так - без культа. С внутренним отношением, что Он, возможно, существует. И помнит обо мне.

Голая, старая, больная. Родина моя.

Постоянный адрес статьи: <http://www.aif.ru/society/article/62504>

Курс рубля - в Марианскую впадину. Что дальше?

И национальную валюту не спасут, и промышленность угробят.

Рубль в день всех в него влюбленных не оправдал их надежд. Он резко упал по отношению и к доллару, и к евро, и к бивалютной корзине. На ближайшие три дня ЦБ был вынужден установить следующие официальные курсы: \$/35,26 рублей (+ 40 копеек), евро/48,26 (+77 копеек), бивалютная корзина - 41,22 рубля (+32 копейки).

В результате были побиты два исторических максимума: по евро и корзине. Так, 31 января этого года по официальному курсу за евро валюту давали 48,0951 рубль.

Более того, в ходе утренних торгов рубль показывал еще худшие результаты. За доллар платили до 35,37 рублей, а за евро - 48,46.

Однако в ровно в 14.00 на Московской бирже рубль развернулся в обратную сторону. Правда, не так чтобы сильно, но все таки. Евро подешевел до 47,92 рубля, а доллар - до ровно 35 рублей.

Кто же попытался спасти нашу валюту? Если одним словом - то Набиуллина.

В пятницу она провела очередное заседание совета директоров Банка России, на котором традиционно обсуждались процентные ставки. Кстати, как и ожидалось, они пока остались неизменными: рефинансирования - 8,25%, а ключевая - 5,5%.

Но финансовый рынок и потребители его услуг ждали другого - объяснения причин резкого падения курса рубля и плана по его спасению.

Еще месяц назад глава ЦБ сохраняла хорошую мину при плохой игре: «Падение курса рубля объясняется не ослаблением российской валюты, а удорожанием доллара и евро ко всем валютам развивающихся рынков.

Снижения реального курса рубля не происходит. К сожалению, доверие россиян к иностранной валюте имеет исторические корни».

Вчера ЦБ вообще решил ничего не объяснять. Видимо, руководство мегарегулятора сейчас само не видит панацеи от обвала курса. Однако там сдаваться не собираются.

Нашли все-таки две микстуры. Горькие и противные. Но в ЦБ надеются на их эффективность.

Для начала предложена так называемая «тонкая настройка». Как поясняет пресс-служба ЦБ, с 17 февраля этого года инструменты денежно-кредитной политики дополнят операциями по «абсорбированию ликвидности», которые будут проводить в форме «деPOSITНЫХ аукционов» ЦБ. Максимальная ставка по этим операциям - не более ключевой ставки.

Если перевести с финансового языка на быденный, то это означает, что мегарегулятор начнет изымать лишние деньги с рынка, чтобы коммерческие банки на них не закупали валюту.

Вот именно это сообщение и развернуло рубль вспять. Но надолго ли? Независимые эксперты уверены, что уже на следующей неделе этого инструмента не хватит. Почему? Так, сам же ЦБ и перенасыщает рынок излишними рублями, почему-то думая, что банки понесут их по доступным процентам в реальный сектор. Но промышленность в России на грани коллапса, так как явно не конкурентоспособна (если не считать нефтянку). И поэтому банкиры предпочитают играть на валютном рынке против рубля - так быстрее и надежнее получишь прибыль.

И тут никакие депозиты ЦБ не помогут.

В Банке России это тоже понимают. К тому же в нем чрезвычайно боятся ускорения темпов инфляции, в том числе вызванном падением курса. Напомним, что сдерживание роста цен для ЦБ начиная еще со времен Сергея Игнатъева - это самая главная цель. Этого же курса придерживается и

Эльвира Набиуллина. По соцопросам населения (даже самым последним) оно больше всего боится не слабого рубля, а именно инфляции, видимо, не совсем понимая взаимосвязанность этих процессов.

В этих обстоятельствах ЦБ и решил вчера ужесточить свою денежно-кредитную политику «в случае отклонения инфляции от среднесрочных целевых ориентиров».

"Если негативное воздействие указанных факторов распространится на цены широкого круга товаров и услуг и на ожидания населения, повышается вероятность отклонения инфляции от среднесрочных целевых ориентиров. В этом случае Банк России будет готов ужесточить денежно-кредитную политику", - говорится в сообщении ЦБ.

Иными словами, ЦБ готов окончательно пожертвовать национальной промышленностью в угоду низкой инфляции. То есть, чтобы сдерживать падение курса рубля и повышение цен мегарегулятор повысит процентные ставки. В результате коммерческие банки вздуют ставки кредитов промышленности минимум до 30%. То же самое ожидает население. Из-за этого возрастет безработица, а потребительский упадет до самого низкого уровня. И вернется настоящая рецессия. Но может быть покруче, чем в 2009 году. Тогда ВВП упал на 7,9%.

Таким образом, ЦБ погнавшись за двумя зайцами: снижение инфляции и удешевление кредитов - не догнал обоих. И проморгал падение рубля. И, судя по всему, выписанные лекарства не спасут больного.

материал: Константин Смирнов

газетная рубрика: ЗЛОБА ДНЯ / Московский Комсомолец № 26455 от 15 февраля 2014 г.

Постоянный адрес статьи: <http://www.mk.ru/zloba-dnya/article/2014/02/14/985214-kurs-rublya-v-marianskuyu-vpadinu-chto-dalshe.html>